

Роберт Энтони Сальваторе Король пиратов

Переходы – 2

«Король пиратов»: Фантастика; 2010
ISBN 9787-5-9565-0170-2

Аннотация

Приключения темного эльфа и его друзей продолжаются! Впервые на русском языке новый роман знаменитой саги Роберта Сальваторе!

В Забытых Королевствах дуют ветры перемен. Кто бы мог представить еще несколько лет назад, что великое королевство дворфов Мифрил Халл заключит мирное соглашение с орками, которые, на удивление всему Фазруну, учредили собственную государственность? На фоне таких успехов дипломатии варварским пережитком смотрятся традиционные политические дразги в Лускане, где за власть борются восставший из мертвых чародей-лич, пираты, охотники на пиратов и примкнувшие к ним аристократы. В общем, скучать в Забытых Королевствах не приходится и домоседам, что уж говорить о Дзирте До'Урдене, который всю жизнь провел в странствиях и сражениях. На этот раз ему вновь предстоит встретиться со старыми друзьями — варваром Вульфгаром, который вернулся в Долину Ледяного Ветра, и знаменитым капитаном "Морской феи" Дюдермонтом, решившим очистить Лускан от чересчур амбициозных мертвецов и не в меру алчных пиратов. Но, конечно, не преминут засвидетельствовать свое почтение и враги...

Король пиратов

Вступление

Запугать Сульджака, одного из пяти верховных капитанов, правителей Лускана, бывшего капитана чуть ли не самого грозного экипажа из всех пиратских кораблей, когда-либо терроризировавших Побережье Мечей, было весьма непросто. Этот несдержанный

человек начинал орать раньше, чем сознавал, что открывает рот, и его рев зачастую перекрывал все голоса членов правящего совета. Даже Гильдия Чародеев, которая, как всем известно, фактически правила городом, с трудом находила на него управу. Из своего дома, стоявшего в южной части центрального квартала Лускана, он управлял Кораблем Сульджака, контролировал солидную группу купцов, а также командовал бандой головорезов. Его жилище не было столь живописным и великолепным, как хорошо укрепленный дворец Верховного Капитана Таэрла, увенчанный четырьмя шпилями, или могучая крепость Верховного Капитана Курта, но оно тоже неплохо охранялось и было расположено совсем неподалеку от резиденции Ретнора, ближайшего союзника Сульджака среди капитанов.

Тем не менее, входя в «Десять дубов», как назывался дворец Корабля Верховного Капитана Ретнора, Сульджак испытывал некоторое замешательство. Самого старика Ретнора в комнате не было, да он и не рассчитывал его увидеть. Встречал гостя совершенно безобидный на вид человек, самый младший из троих сыновей Ретнора.

Но Сульджак знал, насколько обманчивой может быть внешность.

Кенсидан, невысокий, одетый в отлично сшитый костюм скучных серо-белых тонов, тщательно подстриженный и причесанный, заложив ногу на ногу, сидел в кресле у противоположной стены просто обставленной комнаты. Иногда его называли Вороном, потому что Кенсидан часто надевал черный плащ с высоким воротником и облегающие черные сапожки, доходившие ему до середины икр. Даже его походка чем-то напоминала птичью. Если ко всему этому добавить длинный крючковатый нос, сразу становилось понятно, почему к нему так давно прилипло это прозвище, хотя черный плащ с высоким воротником Кенсидан впервые надел только год назад. Любой, даже начинающий колдун мог разглядеть магические свойства этого одеяния, причем очень мощные, а подобные предметы зачастую приводят к изменениям личности их владельца. Как новый кушак постепенно меняет характер носящего его дворфа, так и плащ Кенсидана не мог не воздействовать на молодого человека. Его походка стала более напряженной, а нос сильнее вытянулся и загнулся книзу.

Кенсидан не отличался сильно развитой мускулатурой, а на его ладонях не было следов мозолей. В отличие от большинства подчиненных своего отца, он никогда не пользовался украшениями для темно-каштановых волос. Он вообще не носил ничего броского и яркого. Более того, сидя в кресле с большими подушками, он должен был бы казаться еще миниатюрнее, но каким-то образом выглядел весьма значительной персоной.

Кенсидан был бесспорным центром этой комнаты, и каждый наклонял голову, чтобы услышать его, как обычно, негромкий голос. А стоило ему повернуться или просто переменить позу, как находящиеся рядом люди тревожно вздрагивали и оглядывались по сторонам.

Конечно, кроме дворфа, невозмутимо стоявшего справа от кресла Кенсидана. Кряжистые руки дворфа покоились на бочкообразной груди, а поверх выступавших под кожей узловатых мышц рассыпались черные косички густой бороды. Из-за его спины крест-накрест торчали две усыпанные шипами булавы, свисающие на блестящих цепях. Желавших испробовать на себе их удар не было, на это не решился бы и сам Сульджак. «Приятель» Кенсидана, недавно привезенный с Востока силач, уже отличился в нескольких драках в порту, и все его противники либо погибли, либо пожалели о том, что не умерли.

— Как чувствует себя твой отец? — спросил Сульджак Кенсидана, все еще не сводя глаз с опасного дворфа. Он только что занял отведенное ему место сбоку от хозяина комнаты.

— Ретнор в порядке, — ответил Кенсидан.

— Для своего возраста? — осмелился заметить Сульджак, и Кенсидан молча кивнул. — Ходят слухи, — продолжал Сульджак, — что он хочет удалиться от дел, если уже не удалился.

Кенсидан поставил локти на подлокотники, свел пальцы и задумчиво оперся на них

подбородком.

— Он намерен объявить тебя своим преемником? — настаивал Сульджак.

Молодой человек, которому едва перевалило за двадцать, насмешливо фыркнул, а Сульджак смущенно прочистил горло.

— А тебя не устраивает такой вариант? — спросил Ворон.

— Ты прекрасно знаешь, что это не так, — возразил Сульджак.

— А как насчет остальных трех капитанов?

Сульджак на мгновение задумался, потом пожал плечами:

— Это не стало бы неожиданностью. Они бы с удовольствием тебя приняли, но еще долго следили бы за твоими поступками. Верховные капитаны живут неплохо и не намерены нарушать установленный порядок.

— Ты хочешь сказать, что они могут пожертвовать успехом ради собственных амбиций?

И снова Сульджак с легкомысленным видом пожал плечами;

— Разве нельзя довольствоваться тем, что есть?

— Нет, — отрывисто бросил Кенсидан, и от такой грубой откровенности Сульджаку показалось, что он попал на зыбучие пески.

Сульджак оглянулся на своих спутников и движением руки отослал их из комнаты. Кенсидан последовал его примеру и отпустил всех своих помощников — кроме телохранителя. Сульджак мрачно посмотрел на хозяина.

— Можешь говорить свободно, — произнес Кенсидан.

Сульджак кивнул в сторону дворфа.

— Он глухой, — пояснил Кенсидан.

— Ничего не слышу, — подтвердил дворф.

Сульджак покачал головой. Он не мог уйти, не высказав свои сомнения, и решился заговорить:

— Ты всерьез намереваешься выступить против Гильдии?

Кенсидан не шелохнулся, не проявив ни малейших эмоций.

— Главную Башню считают своим домом более сотни магов, — заметил Сульджак.

И снова не последовало ни малейшей реакции.

— Многие из них достигли уровня сверхмагов.

— Ты полагаешь, что все они высказываются и поступают единодушно? — наконец отозвался Кенсидан.

В Арклеме Грит быстро приберет их к рукам.

— Никто не в состоянии быстро объединить магов, — возразил Кенсидан. — Представители этой профессии самые эгоистичные и себялюбивые существа.

— Кое-кто говорит, что Грит сумел обмануть саму смерть.

— У смерти неистощимое терпение.

Сульджак разочарованно вздохнул.

— Он якшается с демонами, — выпалил он. — Грита так просто не возьмешь.

— Я и не говорю, что это слабый противник, — заявил Кенсидан с оттенком явного превосходства в голосе.

Сульджак снова вздохнул и заставил себя успокоиться.

— Я просто говорю, что их нельзя недооценивать, вот и все, — более спокойным тоном произнес он. — Даже простонародью Лускана превосходно известно, что мы, пятеро верховных капитанов, в том числе и твой отец, не более чем марионетки в руках мастера Арклема Грита. Я так давно у него под каблуком, что уже забыл, как пахнет свежий ветер, рассекаемый моим собственным кораблем. Возможно, пришла пора вернуть себе штурвал.

— Давно пора. А надо всего лишь позволить Арклему Гриту и дальше чувствовать себя в безопасности. Он держит в руках слишком много нитей. Стоит оборвать лишь несколько из них, и сотканный им покров могущества будет распущен.

Сульджак с сомнением покачал головой.

— «Тройная удача» надежна? — спросил Кенсидан.

— Да, Мэймун отплыл сегодня утром. Он должен встретиться с лордом Брамблеберри из Глубоководья?

— Он сам знает, что должен сделать, — ответил Кенсидан.

Сульджак нахмурился. Такой ответ означал, что ему этого знать не следовало. Он понимал, как важно соблюдать секретность, но сам был излишне эмоционален, чтобы долго хранить тайны.

В тот момент его посетила одна мысль, и он с еще большим уважением, если только это было возможно, взглянул на Кенсидана. Именно таинственность придавала вес этому человеку, и она же заставляла каждого, склонив голову, прислушиваться к его словам. Кенсидан играл множеством фигур, но ни одна из них не имела представления ни о чем, кроме действий своих ближайших соседей.

В этом и заключалось могущество Кенсидана. Вокруг него все стояли на зыбучем песке, а он твердо упирался в скалу.

— Так, значит, это Дюдермонт? — спросил Сульджак, стараясь хоть отчасти разгадать хитросплетение замыслов молодого человека, но тотчас покачал головой, признав невероятность подобного предположения.

— Капитан «Морской феи» — настоящий герой своего народа, — сказал Кенсидан. — Возможно, даже единственный герой для жителей Лускана, чьи голоса не слышны в чертогах власти.

Сульджак невесело ухмыльнулся и мысленно напомнил себе, что эта фраза, хоть и могла показаться оскорбительной, в равной мере задевала и отца Кенсидана.

— Дюдермонт в принципе не способен на интриги, а именно в них заключен наш шанс, — объяснил Кенсидан. — Но его тоже никак нельзя отнести к поклонникам Гильдии.

— Лучшая война — это война чужими руками, как мне кажется, — заметил Сульджак.

— Нет, — поправил его Кенсидан. — Лучшая война — это война чужими руками, когда никто не догадывается, что за силы стоят за ними.

Сульджак усмехнулся, не собираясь на это возражать. Но улыбка быстро погасла при мысли о необходимости сотрудничать с Кенсиданом по прозвищу Ворон. Этот человек — его партнер, его союзник... которому он не мог доверять.

Человек, с которым он не может и никогда не сможет расстаться.

— Значит, Сульджак знает достаточно, но не слишком много? — спросил Ретнор, когда чуть позже Кенсидан пришел к отцу.

Прежде чем кивнуть в знак согласия, Кенсидан некоторое время вглядывался в лицо отца. За последние дни Ретнор сильно постарел, бледная кожа обвисла под глазами и на щеках, так что под скулами образовались болтающиеся складки. Он сильно похудел за прошедший год, и его кожа, задубевшая в многолетних плаваниях, давно утратила свою эластичность. Его спина уже не сгибалась, и старик, напряженно выпрямившись, передвигался на прямых ногах. А когда он говорил, казалось, что рот завязан полоской ткани, настолько тихой и неразборчивой стала его речь.

— Достаточно много, чтобы броситься на меня с мечом, — ответил Кенсидан. — Но он этого не делает.

— Ты доверяешь ему?

Кенсидан кивнул:

— И он, и я, мы оба хотим одного. Вернее, не хотим служить под началом Арклема Грита.

— Как служил я, хочешь сказать, — заметил Ретнор, но Кенсидан отрицательно тряхнул головой, даже не дожидаясь, пока отец договорит.

— Ты возвел крепкий фундамент, на котором я лишь продолжаю строительство, —

сказал он. — Без твоих достижений я бы никогда не решился воспротивиться власти Грита.

— И Сульджак одобряет этот шаг?

— Как голодный человек, завидевший вдали уставленный яствами стол. Он хочет занять место за этим столом. Но никто не сядет за трапезу без остальных союзников.

— Тогда смотри за ним в оба.

— Обязательно.

Ретнор со свистом рассмеялся.

— Кроме того, Сульджак не настолько умен, чтобы я не сумел предугадать его действия в случае предательства, — добавил Кенсидан, и смех Ретнора сменился сердитым взглядом. — Если за кем и надо смотреть, так это за Куртом, а не за Сульджаком, — продолжал Кенсидан.

Старик несколько мгновений обдумывал его слова, затем согласно кивнул. Верховный Капитан Курт, обосновавшийся на Охранном острове, в непосредственной близости от Главной Башни, был, возможно, самым могущественным из всех пятерых капитанов, и единственным, кто мог бы выстоять в единоборстве против сил Ретнора. Кроме того, Курт был умен, тогда как Сульджак, был вынужден признать Ретнор, чаще всего нуждался в умелом руководстве.

— Твой брат в Мирабаре? — спросил Ретнор.

— Да, — кивнул Кенсидан, — Судьба была к нам милостива.

— Нет, — поправил его Ретнор. — Это Арклем Грит допустил ошибку. В осуществлении его планов проникновения и захвата власти хозяйки как Северной, так и Южной Башен преследуют свои собственные интересы, но интересы эти диаметрально противоположны. Арклем Грит слишком горд и самонадеян, чтобы заметить, насколько небезопасна его позиция. Я сомневаюсь, чтобы он понимал, как сильно разгневана Арабет Раурим.

— Она сейчас на борту «Тройной удачи», ищет «Морскую фею».

— А лорд Брамблеберри в Глубоководье ожидает приезда Дюдермонта, — одобрительно добавил Ретнор.

Бесстрастное лицо Кенсидана Ворона дрогнуло от редкой усмешки. Но он быстро прогнал ее, напомнив себе о том, как опасна может быть гордыня. Хотя Кенсидану было чем гордиться. Он жонглировал множеством шариков и безошибочно определял орбиту каждого в отдельности. На востоке он на пару шагов опережал Арклема Грита, а на юге заручился поддержкой ни о чем не подозревающих союзников. Немалые вложения — увесистые кошельки с золотом — были размещены надежно.

— Гильдия Чародеев должно потерпеть поражение на востоке, — сказал Ретнор.

— И с наибольшими потерями, — согласился Кенсидан.

— Но остерегайся сверхмага Темной Мантии, — предупредил его старый капитан, вспомнив о лунной эльфийке Валиндре, хозяйке Северной Башни. — Если план Грита по захвату Серебряных Земель сорвется, она придет в ярость. Она давно жаждет прибрать их к рукам.

— Но обвинит в этом сверхмага Арабет Раурим из Южной Башни, дочь маркграфа Эластула. Ведь это она ослабила могучую хватку Арклема Грита.

Ретнор хотел что-то сказать, но передумал. Его мальчик и сам все понимает.

Он ничего не упустил.

— Гильдия Чародеев должна потерпеть поражение на востоке, — повторил он, смакуя желанные слова.

— Я тебя не подведу, — пообещал Ворон.

Часть 1 Плетение Гобелена

Миллионы, миллионы перемен — бесчисленные перемены! — каждый день, каждое

мгновение дня. Такова природа вещей в этом мире, каждый поворот на перекрестке, каждая капля дождя несет в себе одновременно разрушение и созидание, каждая охота хищника, каждая съеденная им жертва хоть немного, но изменяет настоящий мир.

На высшем уровне эти перемены редко кто замечает, но это множество деталей, составляющих общую картину, никогда не остается постоянным, как не остается неизменным и наш взгляд на вещи.

Мои друзья и я не самые типичные представители народа Фаэруна. Мы обошли полмира, а я странствовал не только по поверхности, но исследовал и его глубины. Большинство людей редко видят дальше окрестностей своего города, а зачастую даже не знают отдаленных районов того поселения, в котором они родились. Их удел — небольшое и знакомое с детства пространство, безопасное и привычное существование, ограниченное церковным приходом и кружком закадычных друзей.

Я не смог бы так жить. Скука давит со всех сторон непроницаемыми стенами, а незначительные перемены ежедневного уклада не в состоянии пробить достаточно большие окна в этом непрозрачном барьере.

Из всех моих друзей, как мне кажется, только Реджис способен выдержать такую жизнь, если только у него будут достаточно вкусной еды и возможность иногда общаться с пришельцами из внешнего мира. Меня всегда удивляла способность хафлинга подолгу лежать на одном и том же берегу одного и того же озера с привязанной к ноге леской, на которой давно нет наживки

Вульфгар, неужели он вернулся к такому же существованию? Неужели он ограничил свой мир, закрывшись от жестокой реальности? С его душевными ранами такое вполне возможно, но вот для Кэтти-бри неизменная рутина абсолютно неприемлема. В этом я твердо уверен. Жажда приключений так же прочно укоренилась в ее душе, как и в моей, и она толкает нас к новым странствиям — иногда ведет нас разными дорогами, но мы оба уверены в нашей взаимной любви и всегда надеемся на воссоединение.

Бренор, как я с каждым днем убеждаюсь, борется со скукой при помощи ругательств и непрерывного ворчания. Он король Мифрил Халла, и в его руках сосредоточены неисчислимые богатства. Верные слуги и союзники готовы исполнить любое его желание. Он не слагает с себя ответственности, доставшейся по наследству, и прекрасно правит своим народом, но эта обязанность раздражает и сердит его, словно он устал сидеть на троне. Он всегда находил и еще не раз найдет возможность покинуть Мифрил Халл ради какой-нибудь миссии, и чем опаснее она будет, тем лучше.

Он прекрасно знает, как знает это Кэтти-бри и я сам, что покой порождает скуку, а скука есть преддверие самой смерти.

Ведь мы измеряем свою жизнь переменами и необычными моментами. Они могут проявиться во взгляде на незнакомый город, или в первом глотке свежего ветра на вершине высокой горы, в заплыве через реку у еще не освободившуюся ото льда, или в ожесточенной схватке у подножия Пирамиды Келвина. Необычные переживания оставляют после себя воспоминания, а достойные воспоминаний десять дней стоят целого года рутинного существования. К примеру, я помню свое первое плавание на борту «Морской феи» так же отчетливо, как первый поцелуй Кэтти-бри. И хотя это путешествие длилось всего несколько недель из моей жизни, длящейся уже более трех четвертей столетия, память о них гораздо ярче, чем несколько лет, проведенных в Доме До'Урден и занятых бесконечной рутинной учебы, обязательной для каждого мальчика из рода дроу.

И мне достоверно известно, что многие зажиточные люди, даже лорды Глубоководья, готовы широко открыть свои кошельки ради дальних странствий. И пусть эта поездка пройдет не так, как они ожидали, пусть погода или компания окажутся неблагоприятными, пусть им не понравится еда или их постигнет какая-нибудь несерьезная болезнь, лорды всем будут рассказывать о том, что путешествие стоило затраченных усилий и денег. Причем ценить они будут не само путешествие или полученную выгоду, а воспоминания о приключениях, которые станут хранить до самой своей смерти. Конечно,

жизнь заключается в приобретении опыта, но не менее важную роль в ней играют воспоминания и рассказы о приключениях!

И напротив, в Мифрил Халле я знаю много дворфов, в основном из старшего поколения, которые наслаждаются рутинной, и каждый их день в точности повторяет день предыдущий. Каждый обед, каждый час работы, каждый удар кирки или молота в точности соответствует приобретенным с годами навыкам. В их работе присутствует оттенок иллюзии, хотя я никогда не стал бы говорить этого вслух. Эта внутренняя, почти невыразимая логика заставляет их всегда возвращаться к определенному месту. Об этом даже поется в старинной дворфской песне:

*Я этим был занят весь день вчера,
И я не вознесся в Чертог Морадина.
Сегодня займусь тем же самым с утра,
И опять не помру.*

Логика проста и незатейлива, и эта ловушка срабатывает почти безотказно. Если я накануне занимался каким-то делом и сегодня стану заниматься тем же самым, можно предположить, что и результат будет прежним.

В итоге я завтра тоже буду жив, чтобы продолжать привычное занятие.

Вот так существование создает — фальшивую — уверенность в долгой жизни, но даже если эта предпосылка была бы верной и похожие друг на друга дни гарантировали бессмертие, разве такое существование не хуже тревожной близости смерти?

С моей точки зрения, эта злополучная логика приводит к совершенно противоположным результатам! Десятилетие подобной жизни гарантирует скорейшее приближение к смерти, поскольку эти десять лет, не содержащие никаких событий, проносятся как один миг, не оставляя после себя почти никаких воспоминаний. В этих ничем не примечательных мгновениях, часах и днях нет места изменениям, нет места первому поцелую.

Непрерывные странствия и жажда перемен в это опасное время в Фаэруне тоже могут значительно укоротить жизнь. Но в эти часы, дни или годы, независимо от их продолжительности, я проживу более долгую жизнь, чем кузнец, который изо дня в день бьет своим молотом по куску знакомого до мельчайших подробностей металла.

Жизнь — это впечатления, и длительность ее измеряется воспоминаниями, а те, кто может рассказать тысячи историй, живут гораздо дольше людей, придерживающихся привычной рутины.

— *Дзирт До'Урден*

Глава 1

Попутные ветра и волны

Под свист ветра в снастях, под скрип высоких мачт, в высоком вихре брызг, высоко взлетающих из-под резного носа, «Тройная удача» перескакивала с волны на волну с ловкостью профессионального танцора. Все звуки гармонично сплетались в одну вдохновляющую энергичную мелодию, и капитан Мэймун решил, что даже нанятый для воодушевления команды музыкальный оркестр не смог бы ее улучшить.

Погоня продолжалась, и каждый человек на борту корабля знал это и чувствовал.

Мэймун, крепко держась за направляющий канат, стоял впереди у правого борта, ветер развеивал его каштановые волосы и хлопал лапами наполовину расстегнутой черной рубашки, приоткрывая угольно-черный шрам на левой стороне груди.

— Они уже близко, — раздался за его спиной женский голос, и Мэймун повернулся, чтобы приветствовать сверхмага Арабет Раурим, хозяйку Южной Башни.

— Это подсказывает твоя магия?

— А разве ты сам не чувствуешь? — спросила женщина.

Она слегка тряхнула головой, и ветер, подхватив ее рыжие, спускавшиеся до талии

волосы, отбросил их далеко назад. Ее блуза была так же не застегнута, как и рубашка Мэймуна, и молодой человек не смог удержаться, чтобы не полюбоваться великолепным видом.

Он тотчас вспомнил о прошедшей ночи, и о предыдущей, и о многих других ночах этого восхитительного путешествия. В оплату своего проезда Арабет кроме значительной суммы денег пообещала удивительные и волнующие приключения, и Мэймун не мог не признать, что она сдержала свое слово. Арабет была примерно того же возраста, что и он сам, чуть моложе тридцати. Эта умная и привлекательная женщина, порой дерзкая, порой застенчивая, постоянно держала в напряжении Мэймуна и всех остальных окружающих ее мужчин, поддерживая неослабевающий интерес к своей особе. Арабет прекрасно сознавала свою власть над ними, и Мэймун это понимал, но был не в силах стряхнуть ее чары.

Арабет подошла ближе и игриво потрепала пальцами его волосы. Мэймун быстро оглянулся, надеясь, что их не видит никто из членов экипажа, поскольку такое поведение только подчеркивало, что он слишком молод, чтобы управлять кораблем, а выглядит еще моложе, чем на самом деле. Он был высоким и стройным, но мускулистым мужчиной с мальчишескими чертами лица и светло-голубыми глазами. Как и у всякого настоящего моряка, его ладони загрубели от мозолей, но кожа еще не обветрилась и не задубела от постоянного пребывания под палящим солнцем.

Арабет пошла дальше и спустила руку на грудь, поглаживая гладкую кожу и твердый рубец шрама, где смола намертво въелась в тело. Мэймун и сам сознавал, что расстегивает рубашку в основном для того, чтобы показать шрам и напомнить окружающим, что большую часть жизни он провел с мечом в руке.

— Ты настоящий парадокс, — заметила она, вызвав улыбку на лице Мэймуна. — Ты тонкий и сильный, нежный и твердый, добрый и безжалостный, ты одновременно артист и воин. С лютней в руках ты поешь голосом сирены, а если берешься за меч, сражаешься с ловкостью мастера-дроу.

— Тебя это сбивает с толку?

Арабет рассмеялась.

— Я бы прямо сейчас затащила тебя в твою каюту, — сказала она, — но они уже близко.

Словно в подтверждение ее слов — Мэймун был уверен, что Арабет, прежде чем произнести свое замечание, прибегла к магии, — раздался крик вперёдсмотрящего:

— Паруса! На горизонте появились паруса!

— Два корабля, — сказала Арабет Мэймуну.

— Два корабля! — раздалось с марсовой площадки.

— Это «Морская фея» и «Причуда Квелча», — сказала Арабет. — Как я и говорила, когда мы отплывали из Лускана.

Мэймун ответил чародейке лишь беспомощной улыбкой. Он напомнил себе о приятностях путешествия и полновесном кошельке золота, ожидавшем в конце маршрута.

А потом возникло горько-сладостное воспоминание о его старом корабле «Морская фея» и о старом капитане Дюдермонте.

— Эй, капитан, если это не Аргус Ретх, можешь считать меня сыном короля варваров и королевы орков! — воскликнул Вайлан Миканти и, еще не закончив фразу, невольно поморщился, вспомнив, какому образованному человеку он служит.

Он окинул капитана взглядом с головы до ног — от тщательно подстриженных волос и бородки до высоких черных сапог без единого пятнышка. Волосы капитана почти полностью поседел, но на вид ему не было еще и пятидесяти лет, и седина лишь усиливала благородство его облика.

— Значит, бутылку лучшего вина — Домасу Ширингвейлу, — весело ответил

Дюдермонт, и Миканти немного расслабился. — Вопреки всем моим опасениям, предоставленная им информация оказалась верной, и мы наконец увидели корабль этого гнусного пирата.

Он хлопнул Миканти по спине и через плечо оглянулся на корабельного мага, сидевшего на краю кормовой палубы и болтавшего костлявыми ногами под подолом тяжелого одеяния.

— И скоро он окажется в пределах досягаемости нашей катапульты, — громко добавил Дюдермонт, желая привлечь внимание мага Робийарда. — Если только наш колдун сумеет сильнее надуть паруса.

— Можешь не сомневаться, — отозвался Робийард и с важным видом шевельнул пальцами.

Кольцо, дававшее ему власть над капризным проявлением природы, направило в паруса «Морской феи» мощный поток воздуха, от которого жалобно закрипели мачты.

— Мне уже надоела эта погоня, — заметил Дюдермонт, по-своему выразив нетерпеливое желание схватиться с отвратительным пиратом.

— И мне тоже, — добавил маг.

Дюдермонт не собирался оспаривать его заявление, к тому же он знал, что заслуги Робийарда в магическом наполнении парусов дополнены устойчивым попутным ветром. И при более спокойной погоде «Морская фея» при помощи мага и его кольца могла мчаться достаточно быстро, тогда как его противнику едва хватило бы сил двигаться. Капитан хлопнул Миканти по плечу и увлек его к новой, значительно усовершенствованной катапulte, установленной на борту «Морской феи». Изготовленное дворфами орудие, туго опоясанное металлическими полосами, было способно выпускать увеличенный объем зарядов. Бросающий рычаг вместе с корзиной, опутанный крепкими цепями, был до отказа отведен назад ожидавшими приказа стрелками.

— Сколько еще? — нетерпеливо спросил Дюдермонт у наблюдающего офицера, стоявшего возле катапульты с биноклем в руке.

— Возможно, мы могли бы попасть в корабль смоляными шарами, но этого недостаточно, чтобы порвать их паруса... Надо бы подойти ярдов на пятьдесят ближе.

— А каждый рывок дает только один ярд выигрыша, — с притворным смирением вздохнул Дюдермонт. — Да, надо бы подыскать более могущественного мага.

— Тогда тебе пришлось бы обратиться к самому Эльминстеру, — огрызнулся Робийард. — И он в своем безумном тщеславии прожег бы тебе паруса. Пожалуйста, можешь нанять его на службу, я с удовольствием отдохну и еще с большим удовольствием посмотрю, как вы будете добираться до Лускана вплавь.

На этот раз вздох Дюдермонта был вполне искренним.

Так же, как и усмешка Робийарда. Мачты «Морской феи» снова закрипели, выгнулись вперед, и полные ветра паруса быстрее погнали корабль по темнеющей воде.

Вскоре после этого все, кто был на борту, даже бесстрастный с виду маг Робийард, затаив дыхание, ждали команды «Лечь на правый галс!».

«Морская фея» застонала от напряжения, вода за бортом забурилась, но команда была выполнена, и корабль повернулся, чтобы катапульты могла произвести выстрел. И орудие выстрелило. Дворфская осадная катапульты со скрежетом и лязгом швырнула в воздух несколько сотен фунтов изогнутых металлических пластин. В момент выстрела цепи развернулись на полную длину, и снаряды осыпали палубу «Причуды Квелча», разорвав паруса в клочья. Раненый пиратский корабль моментально лишился скорости, и «Морская фея» сделала левый разворот. На палубе пиратского корабля закипела бурная деятельность, и через мгновение там уже появились готовые к бою лучники. Члены экипажа «Морской феи» тоже не заставили себя ждать и выстроились вдоль левого борта, сжимая в руках комбинированные луки. Но по плану атаки первый удар должен был нанести Робийард. После необходимых заклинаний для защиты от магической атаки Робийард воспользовался заговоренной курильницей и вызвал элементаря воздуха. Существо появилось в виде

водяного смерча, отмеченного некоторым сходством с человеческой фигурой. Поток воздуха был достаточно мощным, чтобы удерживать водяную массу и тем самым сохранять свою форму. Похожий на облако элементар, послушный кольцу Робийарда, почти незаметно проплыл над бортом «Морской феи» и направился к «Причуде Квелча».

Капитан Дюдермонт высоко поднял руку и оглянулся, ожидая инструкций мага.

— Держи курс параллельно борту и не отставай от них, — приказал он рулевому.

— Не стрелять? — удивился Вайлан Миканти, выразив общие чувства присутствующих.

Обычно в таких случаях «Морская фея» разворачивалась бортом к противнику, давая возможность лучникам обстреливать палубу пиратского корабля с наиболее выгодной позиции.

На этот раз Робийард предложил новый план сражения с командой «Причуды Квелча», более жестокий и эффективный план уничтожения негодяев, не заслуживающих никакой пощады.

«Морская фея» подошла ближе, лучники на обоих бортах подняли оружие.

— Ждать моей команды, — предупредил Дюдермонт, все так же высоко держа руку.

Не один из стрелков при этих словах вытер пот со лба, не один нервно перебирал пальцами тетиву. Дюдермонт приказывал им отдать инициативу противнику и предоставить пиратам первыми произвести залп.

Но экипаж был опытным и дисциплинированным и верил своему капитану. Лучники повиновались.

А лучники Аргуса выпустили залп стрел прямо в неожиданно налетевший вихрь, вызванный помощником Робийарда.

Полупрозрачное существо поднялось над темной водой и внезапно завертелось с такой бешеной скоростью, что стрелы лучников Аргуса, едва успев сорваться с тетивы, были затянуты водяным смерчем. А затем Робийард приказал ему приблизиться к палубе вражеского корабля, так что лучники были вынуждены отказаться от попытки перезарядить оружие.

И вот, когда между кораблями оставалось всего несколько футов, Робийард кивнул Дюдермонту. Капитан мысленно досчитал до трех — именно столько времени требовалось магу, чтобы отозвать элементаря воздуха, а вместе с ним и ветер. Лучники Аргуса, полагая, что смерч послужит им не только помехой, но и защитой, даже не двинулись с места, когда залп стрел ударил по ним почти в упор.

— А они молодцы, — сказала Арабет Мэймуну.

Они склонились над волшебной чашей, чтобы во всех подробностях наблюдать за разворачивающейся вдали битвой. Вслед за шквалом стрел с «Морской феи» снова ударила катапульта, и на палубу «Причуды Квелча» обрушился убийственный град мелких камней. Вскоре рулевой «Морской феи» подвел свой корабль к борту, и в воздухе замелькали abordажные крючья и сходни.

— Пока мы туда доберемся, все будет закончено, — откликнулся Мэймун.

— Пока ты туда доберешься, — подмигнув, поправила его Арабет. Она пробормотала заклинание и исчезла из виду. — И подними свой настоящий флаг, иначе «Морская фея» потопит и тебя тоже.

Мэймун рассмеялся, слышав бесплотный голос чародейки, собрался что-то ответить, но всплеск воды подсказал ему, что Арабет уже открыла портал перехода между измерениями и унеслась прочь.

— Поднять флаг Лускана! — громко крикнул он I экипажу.

«Тройная удача» находилась в самом выгодном положении, поскольку за ее командой не числилось никаких преступлений или нарушений закона. А флаг Лускана и явное намерение помочь Дюдермонту обеспечат кораблю самый радушный прием.

Мэймун, несколько не колеблясь, и в самом деле собирался встать на сторону Дюдермонта в схватке против Аргуса Ретха. Хотя его и самого нередко называли пиратом,

он не имел ничего общего с Ретхом — безжалостным убийцей, получавшим удовольствие от издевательств и пыток беззащитных людей.

Сам Мэймун не терпел жестокости, и возможность стать свидетелем долгожданного поражения свирепого пирата стала одной из причин, по которым он согласился принять на борт Арабет. Он вдруг понял, что от нетерпения перегнулся через поручни. С великой радостью он сам схватился бы с Ретхом на мечях.

Но Мэймун слишком хорошо знал Дюдермонта, чтобы рассчитывать на долгую битву.

— Запевай! — приказал капитан, бывший одновременно и известным бардом.

Экипаж подчинился и запел восторженную похвалу «Тройной удаче», вставляя вместо припева предостережение врагам: «Берегитесь, мы уже близко!»

Мэймун, тряхнув головой, отбросил назад густые каштановые кудри и, прикидывая оставшееся до цели расстояние, прищурил голубые глаза, благодаря которым выглядел моложе своих двадцати девяти лет.

Люди Дюдермонта уже высыпали на палубу.

Робийард внезапно ощутил приступ скуки. От Аргуса Ретха он ожидал большего, хотя уже долгое время подозревал, что громкая репутация пирата была заслужена в основном благодаря его склонности к жестокости. В прошлом Робийарду, бывшему магу Главной Башни, не раз приходилось встречаться с подобными людьми: будучи обыкновенными личностями в отношении умственных способностей или отваги, они казались более значительными из-за того, что презирали общепринятую мораль.

— Паруса слева от кормы! — крикнул впередсмотрящий.

Робийард взмахнул рукой, прочел заклинание, усиливающее зрение, и остановил взгляд на появившемся корабле и полотнище флага, быстро скользящего вверх по снастям.

— «Тройная удача», — пробормотал он, заметив стоящего на мостике молодого капитана Мэймуна. — Шел бы ты своим путем, парень.

Недовольно вздохнув, он развеял изображение Мэймуна и его корабля и снова переключился на разворачивающуюся перед ним схватку. Он подозвал к себе рожденное из воздуха существо, пробормотал заклинание левитации, и по его приказу воздушный поток плавно понес мага к «Тройной удаче». Робийард на лету осматривал палубу, стараясь отыскать корабельного чародея. Он прекрасно понимал, что пиратам не справиться с натиском абордажного отряда Дюдермонта и единственную угрозу может представлять только магия.

Вскоре он ухватился за канат такелажа, прервал свой полет и неторопливым движением вытянул палец по направлению к ближайшему пирату, посылая в него магический заряд. Пират пару раз подпрыгнул на месте, его длинные волосы тотчас встали дыбом, а потом он упал и забился в судорогах.

Робийард больше даже не взглянул в его сторону. Он переводил взгляд с одной группы дерущихся на другую, и стоило пиратам на какое-то мгновение потеснить людей Дюдермонта, как маг вытягивал палец в ту сторону и залп волшебного огня поражал дерзких разбойников.

Но где же корабельный маг? И где сам Ретх?

— Наверняка спрятался где-то в тайнике, — пробормотал Робийард себе под нос.

Он разрушил чары левитации и спокойно зашагал по палубе.

Сбоку к нему устремился пират и, резко взмахнув саблей, нанес убийственный удар, но Робийард, конечно же, был готов к столь грубым нападкам. Сабля едва прикоснулась к его телу, но остановилась, словно наткнувшись на гранитный утес: магический барьер надежно останавливал любое человеческое оружие.

А потом пират, подхваченный волшебным вихрем, взлетел над ограждением палубы, отчаянно замахал руками и ногами и через мгновение с плеском упал в холодные океанские

волны.

Услуга старинному другу?

В его голове раздался магический шепот, и Робийард тотчас узнал этот голос.

— Арабет Раурим?! — изумленно воскликнул он и горестно покачал головой.

Что же делает эта многообещающая молодая чародейка на корабле Аргуса Ретха?

Робийард вздохнул, сразил залпом волшебного огня еще пару пиратов, послал своего помощника, рожденного из воздушной стихии, к ожесточенно сражавшейся группе, а сам направился к палубному люку. Оглянувшись по сторонам, он откинул крышку мощным порывом ветра, а затем снова прибегнул к помощи кольца и стал плавно спускаться на нижнюю палубу, не желая утруждать себя хождением по трапу.

С приближением второго корабля немногочисленные остатки команды Ретха быстро рассеялись, поскольку «Тройная удача» недвусмысленно заявила о своей солидарности с Дюдермонтом. Рулевой Мэймуна безукоризненным маневром подвел судно к борту «Причуды Квелча» с противоположной стороны от «Морской феи», и экипаж проворно выдвинул сходни.

Мэймун сам возглавил отряд, но не успел он сделать и пары шагов со своей палубы, как на другом конце мостков возник Дюдермонт, глядя на молодого капитана с любопытством, к которому примешивалось презрение.

— Идите своей дорогой, — бросил капитан «Морской феи».

— Мы идем под флагом Лускана, — напомнил Мэймун.

— Ты сам выбрал свой путь.

— Да, выбрал, — повторил Мэймун. — Но неужели я всегда должен делать выбор, оглядываясь на тебя?

Он продолжал идти вперед и даже осмелился спрыгнуть на палубу пиратского корабля и встать рядом с Дюдермонтом. Затем оглянулся на своих нерешительно замерших людей и махнул им рукой, приказывая двигаться вперед.

— Что за проблемы, мой старый капитан? — продолжал Мэймун. — Океан велик, и побережье тянется на много миль; нам нечего делить.

— И в этом огромном океане ты все же сумел меня отыскать.

— В память о прошлых временах, — с обезоруживающей улыбкой ответил Мэймун, и Дюдермонт, вопреки своей воле, не смог удержать ответной улыбки. — Ты уже убил свирепого Ретха? — спросил Мэймун.

— Скоро мы его отыщем.

— Мы справимся вдвоем, если не будем глупить, — предложил Мэймун и многозначительно подмигнул, встретив недоуменный взгляд Дюдермонта.

Мэймун жестом пригласил Дюдермонта за собой и повел его к капитанской каюте, хотя дверь уже была выбита и помещение казалось пустым.

— Говорят, что Ретх всегда оставляет себе запасной выход, — пояснил Мэймун, перешагнув порог каюты, как учила его Арабет.

— Все пираты так делают, — ответил Дюдермонт. — И ты тоже?

Мэймун остановился, искоса взглянул на Дюдермонта, но не стал отвечать на колкость.

— Или ты хочешь сказать, что знаешь, где искать потайной ход Ретха? — спросил Дюдермонт.

Через едва заметную дверь Мэймун провел Дюдермонта в спальню Ретха. Эта комната отличалась пышным убранством и обилием всевозможных предметов роскоши, собранных из разных мест. Здесь не было какого-то определенного стиля и вещи совсем не подходили друг к другу. Стекло соседствовало с металлом, вычурная мебель стояла рядом с самыми примитивными предметами, а разноцветье убранства не столько производило впечатление, сколько вызывало резь в глазах. Но каждый, кто хоть раз видел капитана Аргуса Ретха в его

красно-белой полосатой блузе, широком зеленом кушаке и ярко-синих шароварах, сразу сказал бы, что помещение полностью соответствует странным вкусам своего хозяина.

Несколько мгновений молчаливого осмотра позволили двум капитанам сделать одно открытие, хотя для Мэймуна оно и не было неожиданностью. Через небольшой камин в углу комнаты до них снизу донесся разговор, и голос явно образованной женщины сразу же привлек внимание Дюдермонта.

— Мне нет никакого дела до таких, как Аргус Ретх, — сказала женщина. — Этого уродливого и дурно воспитанного пса давно следовало уничтожить.

— Но тем не менее ты здесь, — отвечал ей мужской голос — голос Робийарда.

— Только потому, что Арклема Грита я боюсь больше, чем капитана «Морской феи» или любого другого, кто курсирует вдоль Побережья Мечей и называет себя охотником за пиратами.

— Называет себя? Разве Ретх не пират? Разве его не разбили?

— Тебе прекрасно известно, чье это шоу, — возразила женщина. — Эта операция — лишь фасад, выстроенный верховными капитанами, чтобы убедить крестьян в надежной защите.

— Значит, верховные капитаны одобряют пиратство? — с явным сомнением в голосе спросил Робийард.

Женщина засмеялась:

— Гильдия Чародеев покровительствует пиратам и получает с этого огромную прибыль. Одобряют верховные капитаны занятия пиратов или не одобряют, это не так уж и важно, потому что они никогда не осмелятся противоречить Арклему Гриту. Не говори, что ты этого не знаешь, брат Робийард. Ты не один год служил в Главной Башне.

— Но то были другие времена.

— Верно, — согласилась женщина. — А сейчас — это сейчас, и это время Арклема Грита.

— Ты боишься его?

— Ужасно боюсь, и его, и того, что он собой представляет, — без малейшего колебания призналась она. — Более того, я молюсь, чтобы кто-нибудь восстал и выгнал его из Главной Башни, вместе с его многочисленными приспешниками. Но сама я на это не решусь. Я лишь горжусь своей силой сверхмага и наследием отца, маркграфа из Мирабара.

— Арабет Раурим, — шепотом высказал свою догадку Дюдермонт.

— Но я не стану впутывать в это дело своего отца, поскольку он участвует в замыслах Гильдии относительно Серебряных Земель. А Лускану избавление от Арклема Грита пойдет только на пользу — даже проклятый Карнавал Воров можно было бы снова вернуть в лоно закона. Но Грит переживет детей моих детей, или, по крайней мере, будет и дальше существовать, потому что уже давно перестал дышать.

— Лич, — тихо вздохнул Робийард. — Значит, это правда.

— Я ухожу, — сказала Арабет. — Ты намерен мне помешать?

— Я вправе арестовать тебя здесь и сейчас.

— И ты собираешься это сделать?

Дюдермонт и Мэймун, оставаясь наверху, услышали быстрый шепот заклинания и шипение магического огня, сопровождавшего исчезновение Арабет.

Неожиданно услышанное собственными ушами откровение, подтвердившее давно распространившиеся слухи, повисло над Дюдермонтом и Мэймуном тяжелым грузом.

— Я не служу Арклему Гриту, если ты это хочешь узнать, — наконец произнес Мэймун. — А это значит, что я не пират.

— Наверное, — все еще сомневаясь, ответил Дюдермонт.

— Я солдат, а не убийца, — настаивал Мэймун.

— Солдаты тоже могут быть убийцами, — не сдавался Дюдермонт.

— Так же, как благородные леди и лорды, как верховные капитаны и маги, как пираты и охотники за пиратами.

— Ты забыл назвать крестьян, — заметил Дюдермонт. — И цыплят. Мне говорили, что цыплята тоже способны на убийство.

Мэймун, отдавая честь, прикоснулся кончиками пальцев ко лбу, словно признав свое поражение.

— А как же секретный выход Ретха? — вспомнил Дюдермонт, и Мэймун шагнул к задней стене.

Он немного повозился с полками на стене, переставил безделушки и немногочисленные книги» а потом с довольной улыбкой нажал на обнаруженный рычаг.

Стена отодвинулась и открыла пустую темную шахту.

— Спасательная шлюпка, — догадался Мэймун, и Дюдермонт направился к двери. — Если он знал, что его преследует «Морская фея», то сейчас уже далеко отсюда, — сказал Мэймун, заставив Дюдермонта остановиться. — Ретх не дурак и вряд ли верен своей команде и кораблю. Завидев «Морскую фею», он наверняка бросил и экипаж, и судно на произвол судьбы, а сам тихо смылся. Эти спасательные шлюпки — хитрые штучки: некоторые способны по несколько часов находиться под водой и даже обладают магической способностью самостоятельно возвращаться в заранее назначенную точку. Но ты можешь гордиться: многие называют их дюдершлюпками.

Дюдермонт прищурил глаза.

— Это чего-нибудь да стоит, — добавил Мэймун.

Благородное лицо Дюдермонта печально вытянулось, и капитан вышел из каюты.

— Ты его уже не поймаешь.

Молодой человек — бард, пират, капитан — вздохнул и беспомощно усмехнулся. Он прекрасно понимал, что Ретх, вероятно, уже находится в Лускане, а зная его нанимателя Кенсидана, мог предположить, что пират уже успел получить компенсацию за утраченный корабль.

Арабет явилась сюда с определенной целью, она хотела, чтобы капитан Дюдермонт услышал ее разговор с Робийардом. Мэймун был достаточно сообразителен, чтобы об этом догадаться. Кенсидан скоро станет Верховным Капитаном, и амбициозный правитель из всех сил старался изменить значение этого титула.

Мэймун все еще смотрел на дверь, через которую вышел Дюдермонт. Не важно, что их пути давно разошлись, Мэймун ощущал обиду оттого, что его бывшего капитана, благородного человека, используют в качестве простой пешки.

И об этом позаботилась Арабет Раурим.

— Это был отличный корабль, лучший из всех, на которых я когда-либо ходил! — негодовал Ретх.

— Значит, он был лучшим из плохих, — заметил Кенсидан.

Он сидел — казалось, что он сидел всегда, — перед негодующим и сердито жестикулирующим пиратом, и сдержанные серо-белые тона костюма составляли резительный контраст с кричаще ярким одеянием Аргуса Ретха.

— Соль тебе в глотку, проклятый Ворон! — выругался Ретх. — Это дельце стоило мне еще и хорошего экипажа!

— Большая часть твоей команды никогда не покидала Лускан. Ты набрал команду из портовых крыс, да еще взял с собой несколько своих людей, от которых давно хотел избавиться. Капитан Ретх, не надо считать меня глупцом.

— Н-ну... ну, — промямлил Ретх, — ладно, пусть ты прав! Но это был все же неплохой экипаж, и ребята работали на меня. А я еще лишился «Причуды»! Не забывай об этом.

— Почему я должен забыть, если сам отдал такой приказ? И почему бы тебе не вспомнить, что ты уже получил компенсацию?

— Компенсацию?! — взревел пират.

Кенсидан перевел взгляд на кошелек с золотом, висевший на бедре Ретха.

— Я не забыл про золото, — ответил Ретх. — Но мне нужен корабль, а найти его будет не так-то легко. Кто продаст корабль Аргусу Ретху, зная, что предыдущий у него отнял Дюдермонт и охота еще не закончена?

— Всеу свое время, — сказал Кенсидан. — Вложи свое золото в специи. Нельзя быть таким нетерпеливым.

— Но я человек моря!

Кенсидан повернулся в кресле, положил локоть на подлокотник и оперся виском на вытянутый указательный палец. Он посмотрел на Ретха с грустью и нескрываемым раздражением.

— Я могу отправить тебя в море хоть сегодня.

— Отлично!

— Но сомневаюсь, что тебе это придется по вкусу.

От последнего замечания у Ретха выступил на лбу холодный пот. Ходили слухи, что несколько недоброжелателей Кенсидана упали в море, причем довольно далеко от порта.

— Ладно, я могу немного потерпеть.

— Я в этом не сомневался, — вздохнул Кенсидан. — И могу тебя заверить, что твое ожидание не будет напрасным.

— Ты подаришь мне хороший корабль?

Кенсидан слегка усмехнулся:

— «Морская фея» тебе подойдет?

Аргус Ретх вытаращил налитые кровью глаза и словно прирос к полу. Он долго простоял неподвижно — так долго, что Кенсидану надоело на него смотреть и он перевел взгляд на спутников пирата, стоявших позади своего капитана, вдоль стены.

— Я уверен, что подойдет, — сказал Кенсидан и рассмеялся, а потом добавил: — А теперь иди развлекайся.

Взмахом руки он отпустил всю компанию.

Как только Ретх вышел за дверь, из-за другой двери появился Сульджак.

— Ты считаешь, это мудрый поступок? — спросил Верховный Капитан.

Ворон поморщился и пожал плечами, словно не придавал этому никакого значения.

— Ты собрался отдать ему «Морскую фею»?

— «Морская фея» еще не наша — и не скоро будет нашей.

— Согласен, — сказал Сульджак. — Но ты только что пообещал...

— Абсолютно ничего, — возразил Кенсидан. — Я только спросил, нравится ли ему «Морская фея», и больше ничего.

— Но он считает иначе.

Кенсидан опять усмехнулся и протянул руку за стаканом виски и мешочком сильнодействующих трав. Он одним глотком допил виски, потом поднес мешочек к носу и вдохнул густой аромат.

— Он будет хвастаться, — предостерег его Сульджак.

— Когда за ним охотится Дюдермонт? Да он просто спрячется.

Сульджак, явно не удовлетворенный его словами, покачал головой, но Кенсидан вновь поднес к лицу мешочек с травами и, казалось, не испытывал ни малейшего беспокойства.

Не только «казалось», он и в самом деле был совершенно спокоен. Все шло точно по его плану.

— А Нифитус уже отправилась на восток?

Кенсидан только усмехнулся.

Глава 2

Вопреки ожиданиям

Крупный лунный камень на шее Кэтти-бри внезапно замерцал ярким светом, и она,

подняв руку, обхватила его пальцами.

— Демоны, — произнес Дзирт До'Урден. — Значит, маркграф Эластул нас не обманул.

— А что я тебе говорил?! — воскликнул Торгар Молотобоец, еще несколько лет назад служивший при дворе Эластула. — Эластул, конечно, вечная заноза в заднице каждого дворфа, но его никак нельзя назвать лжецом, и он хочет только торговать. Только торговать.

— Прошло уже пять лет, как мы проходили через Мирабар, возвращаясь домой, — добавил Бренор Боевой Топор. — Тогда Эластул большие потери, и его подданные были не слишком довольны своим правителем. И все же он тянется к нам.

— И к нему, — сказал Дзирт, кивнув на Обальда, правителя недавно образовавшегося Королевства Многих Стрел.

— Мирное время закончилось, "веселые мясники", — пробормотал Бренор, обращаясь к своим свирепым телохранителям, имея в виду неистовую ярость в боях.

— Это и к лучшему, — быстро ответил Тибблдорф Пуэнт, командир его личной стражи.

— Как только мы с этим разберемся, ты вернешься в Мирабар, — продолжал Бренор, повернувшись к Торгару. Тот недоуменно моргнул и побледнел. — В качестве моего личного посланника, Эластул сделал доброе дело, и мы должны ему это сказать. А кто лучше всего это выскажет, чем Торгар Молотобоец?

Такая перспектива явно не устраивала Торгара, но он только молча кивнул. Он поклялся в верности королю Бренору и повиновался ему без единой жалобы.

— Я думаю, все дело в коммерческой выгоде, — сказал Бренор.

Король дворфов перевел взгляд на Кэтти-бри, а она, повернувшись, смотрела в ту сторону, куда указывал ее амулет. Заходящее солнце светило ей в спину, играя на складках пурпурной блузы, когда-то служившей одеянием гному-чародею. Приемной дочери Бренора было уже далеко за тридцать — совсем немного с точки зрения дворфов, но почти середина жизни для женщины из человеческого рода. Ее красота ничуть не померкла, и рыжевато-каштановые волосы не утратили своего блеска, а большие голубые глаза сверкали энергией молодости, но Бренор не мог не заметить происходящих в ней изменений.

На плече Катти-бри висел Тулмарил Искатель Сердец, ее разящий насмерть лук, но и последнее время его часто видели и руках Дзирта. Кэтти-бри стала магом, и ее наставницей была, не больше не меньше, Аластриэль, повелительница Серебристой Луны, одна из семи прославленных сестер-волшебниц. Аластриэль взялась на обучение Кэтти-бри вскоре после войны между дворфами короля Бренора и орками Обальда, которая так ничем путным и не закончилась. Кроме лука, па бедре у Катти-бри висел еще миниатюрный кинжал, которым она почти не пользовалась. Зато на поясе имелось несколько волшебных палочек, а на руке она носила два волшебных кольца, одно из которых по словам Кэтти-бри, было способно обрушить звезды на головы врагов.

— Они уже близко, — раздался ее все еще мелодичный голос.

— Они? — переспросил Дзирт.

— Эти существа не бродят поодиночке — по край ней мере, не приходят поодиночке на встречу с таким воинственным орком, как Обальд, — напомнила ему Кэтти-бри.

— И их сопровождают демоны, а не обычная стража?

Катти-бри пожала плечами, потом сосредоточилась, крепче сжала и пальцах амулет и кивнула.

— Смелый шаг, — заметил Дзирт, даже для общения с орками. Насколько же уверена в себе Гильдия Чародеев, раз позволяет демонам открыто странствовать по земле?

— Могу сказать, завтра у них уверенности поубавится, — проворчал Бренор.

Он обошел скалу, загораживающую ему обзор, и посмотрел в сторону лагеря орков Обальда.

— Наверняка, — согласился Дзирт и, подмигнув Кэтти-бри, подошел к дворфу. — Они никак не могли рассчитывать, что на помощь оркам бросится король Бренор Боевой Топор.

— Лучше заткнись, эльф, — бросил Бренор, и Дзирт обменялся улыбкой с Кэтти-бри.

Реджис тревожно огляделся по сторонам. В соглашении было сказано, что Обальд приведет с собой небольшой отряд, но сейчас стало ясно, что король орков в одностороннем порядке изменил план. Вокруг его главного лагеря расположились десятки орков и шаманов, они прятались за скалами и таились в ущельях, готовые выскочить в любой момент.

Как только агенты Эластула получили сведения о намерении Гильдии Чародеев распространить свое влияние на Серебряные Земли, как только стало известно, что их первой целью станет король Обальд, орк стал вести себя очень агрессивно.

«Не слишком ли агрессивно?» — спрашивал себя Реджис.

Леди Аластриэль и Бренор неплохо относились к Обальду, и Обальд, со своей стороны, тоже не причинял им большого беспокойства. Но за четыре года, прошедших после подписания мирного договора в ущелье Гарумна, между государствами орков и дворфов не было почти никаких контактов, кроме случайных стычек на спорных участках границ.

Им пришлось объединить силы в первом совместном походе, когда Бренор со своими друзьями, в том числе и с Реджисом, отправился на север, чтобы помочь Обальду подавить мятеж свирепого племени полуорков-полуогров.

А была ли такая необходимость сейчас? Этот вопрос не давал хафлингу покоя, и Реджис без конца оглядывался. Два короля договорились вместе встретить эмиссаров Гильдии и продемонстрировать свое единство, но хафлинга мучила возможность другого варианта развития событий. А вдруг Обальд, воспользовавшись своим численным превосходством, объединится с злодейскими посланниками и нападет на Реджиса и его друзей?

— А ты бы не доверил мне жизнь короля Бренора и его принцессы Кэтти-бри, ученицы Аластриэль, не так ли?

Реджис испуганно повернулся и увидел массивную фигуру орка, облаченного в прославленные черные латы с шипами, с огромным мечом за спиной.

— Я... я не понимаю, о чем ты говоришь, — пробормотал Реджис, чувствуя себя беззащитным под пронизательным взглядом невероятно сообразительного орка.

Обальд расхохотался и вышел, оставив Реджиса в еще большем смятении.

А потом раздались крики передовых стражников, возвестившие о появлении чужестранцев. Реджис ринулся вперед, к боковому выходу, чтобы все хорошенько рассмотреть, а когда он спустя несколько мгновений увидел пришельцев, сердце хафлинга бешено заколотилось и подпрыгнуло к самому горлу.

По тропе поднимались три невероятно красивые полунагие женщины. Одна из них выступала немного впереди, а слева и справа за ней следовала свита. Высокие, статные, с прекрасной кожей, эти создания показались Реджису почти ангелами, тем более что у каждой за прекрасными плечами трепетали белоснежные крылья. Весь их облик говорил о принадлежности к иному миру, от естественной — или сверхъестественной — красоты чрезвычайно блестящих волос и непереносимо ярких глаз до их снаряжения: прекрасной работы мечей, тонких шнуров, сверкавших всеми цветами радуги, и поясов, сплетенных из золотых и серебряных нитей, дополненных магическими амулетами.

Этих женщин легко можно было бы принять за небесных посланниц, если бы не их эскорт. Позади них шагала толпа воинов самого ужасного и отталкивающего вида — демоны-барбазу. Каждый из них имел при себе зазубренное копье со сверкающим лезвием, а вместе с ними двигались скрюченные существа с зеленой кожей. Благодаря полоске шерсти, протянувшейся от уха до уха по краю подбородка, чуть ниже непомерно широкого рта, барбазу были известны также под именем «бородастые демоны». А у ног барбазу теснились их питомцы, лемуре — скользкие существа без костей, которых из-за отсутствия определенной формы можно было сравнить только с валунами. Следуя за своими хозяевами, лемуре перекачивались, растягивались и сворачивались в клубки.

По подсчетам Реджиса, в группе было не меньше двух десятков воинов, и все они решительно поднимались по каменистой тропе навстречу Обальду, стоявшему на самом верху. Примерно в пятнадцати шагах от него женщины остановили свою стражу, а сами прошли дальше, и снова одна из них — самая привлекательная, с ярко-рыжими волосами, красными глазами и алыми губами, — держалась впереди остальных.

— Я уверена, что ты и есть Обальд, — промурлыкала эриния, останавливаясь рядом с могучим орком.

Несмотря на то, что Обальд был на целый фут выше ее и вдвое шире, она нисколько не выглядела смущенной.

— Полагаю, передо мной Нифитус, — откликнулся Обальд.

Дьяволица усмехнулась, демонстрируя ослепительно-белые и чрезвычайно острые зубы.

— Для нас большая честь разговаривать с королем Обальдом Многострельным, — заговорила она, жеманно блеснув красными глазами. — Слава о тебе разнеслась по всему Фазруну. Твое королевство питает надеждой всех орков.

— Похоже, что и Гильдию Чародеев тоже, — усмехнулся Обальд.

А Нифитус в это время неожиданно отвела взгляд в сторону, точно в то место, где за большой скалой прятался Реджис. Эриния неприятно оскалилась, и у Реджиса противно задрожали колени, но затем, к его радости, красные глаза снова обратились на внушительную фигуру короля орков.

— Мы не делаем секрета из своего желания распространить влияние Гильдии, — признала Нифитус. — По крайней мере, для тех, кого хотели бы видеть в числе своих союзников. А для других... — Она не стала продолжать и снова посмотрела в сторону Реджиса.

— Он отменный лазутчик, — заметил Обальд. — И верен тому, кто больше платит, а у меня достаточно много золота.

Эриния кивнула, но слова орка явно не развеяли ее сомнений.

— У тебя прекрасная во всех отношениях армия, — продолжала дьяволица. — И отличные лекари. Единственное, чего тебе не хватает, так это искусства магии, что делает тебя уязвимым по отношению к многочисленным чародеям, обитающим в Серебристой Луне.

— И Гильдия Чародеев предлагает мне свою помощь, — высказал предположение Обальд.

— Мы гораздо искуснее и сильнее, чем Аластриэль.

— И с вашей поддержкой Королевство Многих Стрел сможет завоевать Серебряные Земли.

После такого заявления Обальда у Реджиса опять задрожали колени. В голове хафлинга мгновенно возникли мысли о предательстве, об опасности, грозящей его беззащитным друзьям, и о его собственной неминуемой гибели.

— Из нас получится красивая пара, — промурлыкала эриния, проводя своими изящными пальчиками по массивной груди Обальда.

— Ты предлагаешь временный союз?

— Это может быть и брачный союз, — ответила Нифитус.

— Или порабощение.

Эриния отступила на шаг и окинула его любопытным взглядом.

— Я стану для тебя живым щитом, чтобы принимать на себя копья и заклинания твоих врагов, — пояснил Обальд. — А орки превратятся в подобие твоих барбазу.

— Ты не понял.

— Разве, Нифитус? — спросил Обальд и тоже продемонстрировал в усмешке свои клыки.

— Братство предлагает расширение торговых связей и сотрудничество.

— Тогда почему ты появляешься под покровом такой секретности? Торговые связи

ценятся во всех королевствах Серебряных Земель.

— Но ты же не можешь сравнивать себя и своих родичей с дворфами из Мифрил Халла или с хрупкими подданными Аластриэль! Ты же бог для всех орков. Сам Груумш восхищается тобой — я знаю, я с ним говорила.

После сердитого замечания Обальда Реджис немного воспрянул духом, но последнее высказывание Нифитус заставило его поморщиться, хотя и Обальд выглядел не слишком довольным.

— Королевство Многих Стрел родилось благодаря пророчествам Груумша, — заметил Обальд, лишь слегка помедлив, чтобы собраться с мыслями. — Его воля мне хорошо известна.

Нифитус просияла:

— Мой господин будет доволен. Мы пошлем...

Смех Обальда не дал ей договорить, и дьяволица взглянула на короля орков уже не столько с любопытством, сколько с недоверием.

— Война помогла нам завоевать и построить свой дом, — пояснил Обальд. — Но поддерживает нас мир.

— Мир с дворфами?! — воскликнула дьяволица.

Обальд не дрогнул и даже не стал отвечать на ее реплику.

— Мой повелитель будет недоволен.

— Он накажет меня?

— Осторожнее со словами, король орков, — предостерегающе прошипела дьяволица. — Твое жалкое королевство — ничто по сравнению с мощью Гильдии Чародеев.

— И они вступают в союз с демонами и посылают орду барбазу, чтобы хитростью опутать мою армию, пока их сверхмаги сеют смерть среди орков? — спросил Обальд, и на этот раз Нифитус пришлось приложить усилие, чтобы не дрогнуть от его выпада. — А мои настоящие союзники поддерживают орков эльфийскими стрелами, боевыми машинами дворфов и силами рыцарей и магов леди Аластриэль, — продолжил король орков, обнажив свой знаменитый меч, лезвие которого тотчас окуталось пламенем.

— Давай посмотрим, как этот барьер выдержит натиск твоих барбазу и их прихвостней из плоти и крови! — крикнул он Нифитус и ее спутницам, уже не таким улыбчивым, как прежде.

Из всех укрытий тотчас повыскакивали орки. Подняв мечи и копья, топоры и молоты, они с ревом бросились вперед, а демоны, всегда готовые к драке, рассыпались веером навстречу атакующим.

— Глупый орк, — сказала Нифитус. Она вытащила свой меч — тонкий, прямой клинок кроваво-красного цвета — и сняла с пояса странный шнур; ее примеру последовали и остальные эринии. — Приняв наше предложение, ты мог бы обрести силу, которая тебе и не снилась!

По обе стороны от главных лиц орки и демоны уже сошлись в битве, и зазвучали яростные крики, перемежающиеся лязгом оружия.

Обальд с невероятной скоростью рванулся вперед, нацелив меч в ложбинку между грудей Нифитус, и, уверенный в смертельном ударе, издал победный вопль.

Но Нифитус исчезла — просто исчезла при помощи своей магии, так же как и ее сестры.

— Глупый орк, — снова раздался ее голос, но уже сверху.

Обальд резко развернулся и поднял голову: все три дьяволицы парили футах в двадцати над землей, легко помахивая белоснежными крыльями и без труда удерживаясь на месте, несмотря на ветер.

Бородатый демон ринулся на поглощенного странным зрелищем орка, но в последний момент Обальд взмахнул мечом, клинок описал в воздухе огненную дугу, и злобное существо упало на землю двумя отдельными половинками.

Обальд снова повернулся к Нифитус, но тонкий шнур уже обвился вокруг его

туловища. Орк быстро понял, что веревка была заговоренной, поскольку она сразу же стала обматываться вокруг его тела и конечностей с непостижимой быстротой и силой гигантского удава. Едва он успел осознать, что происходит, как сверху упала вторая веревка, и сестры-эринии, присоединившись к своей прекрасной предводительнице, поймали его в волшебные сети.

— Уничтожить всех! — приказала Нифитус своей орде. — Это всего лишь орки!

— Всего лишь орки! — взвыл бородатый демон, или, вернее, только попытался, потому что у него получилось только «Всего лишь ор-буль», когда длинный металлический шип пронзил ему спину и легкие и с фонтаном крови вышел через грудь.

— Ага, можешь орать сколько угодно! — крикнул ему в ответ Тибблдорф Пуэнт, выскочивший на ничего не подозревавшее чудовище из-за валуна головой вперед, а точнее — вперед шипом, венчавшим его шлем.

Пуэнт покрепче уперся ногами и мощным толчком отшвырнул умирающего демона в сторону.

— Теперь тебе полегчает, — буркнул он, издал боевой клич и бросился на следующего противника, попавшегося ему на глаза.

— Не так быстро, дубиноголовая куча лошадиного навоза, — без всякой пользы крикнул ему Бренор, который спускался с той же скалы, но с большей осторожностью, чем Пуэнт. — Никакого порядка, — пожаловался он Дзирту, прыгавшему с камня на камень с такой изящной грацией, словно он бежал по плоской поверхности тундры.

Дроу припустил бегом, едва касаясь земли., Длинным кувырком он пронесся над плоским валуном и приземлился на обе ноги, уже на лету начав чертить в воздухе смертельный узор обоими мечами. Дзирт без промедления вел свой убийственный танец, и под ударами его клинков смердящие лемуре лопались и рвались на части. Он вовремя развернулся назад, чтобы парировать нацеленный в спину зазубренный меч барбазу. Темный эльф не стал тратить времени на фехтование, а просто отбросил лезвие в сторону, ударив плашмя сразу обоими клинками.

Волшебные браслеты на ногах позволяли ему передвигаться с невероятной скоростью, и Дзирт рванулся вперед, после чего Ледяная Смерть и Сверкающий быстро расправились с бородатым демоном.

— Мне придется обзавестись быстроногим пони, — проворчал Бренор.

— Лучше боевым кабаном, — обгоняя, поправил его один из «мясников».

— Чем угодно, — согласился Бренор, — лишь бы добраться до поля боя прежде, чем эти двое лишат меня всякого удовольствия.

Словно в подтверждение его слов, снова раздался рев Пуэнта:

— Сюда, ребята! Здесь пахло кровью!

В ответ на его призыв вокруг Бренора с веселыми криками стали приземляться остальные «мясники». Они спрыгивали со скал и бесшабашно неслись вперед, круша противников с яростью тайфуна, разбушевавшегося на базарной площади.

Бренор со вздохом посмотрел на Торгара — единственного, кто остался рядом с ним у подножия скалы, но и тот едва сдержал усмешку.

— Они так поступают из любви к своему королю, — заметил дворф из Мирабара.

— Скорее из ненависти к этим созданиям, — поправил его Бренор.

Он оглянулся на скалы, где Кэтти-бри низко пригнулась к валуну, используя его в качестве опоры для стрельбы. Она подмигнула Бренору и кивком призвала его перевести взгляд на трех парящих в воздухе дьяволиц.

За несколько секунд, пока Бренор смотрел в их сторону, в Нифитус и ее сестер полетело не менее дюжины копий, но ни одно из них не коснулось демонов, защищенных от обычного оружия прочным магическим щитом. Бренор опять оглянулся на Кэтти-бри, а она,

подмигнув, резким движением руки натянула тетиву волшебного лука. В следующее мгновение стрела, словно молния, со свистом сверкнула в воздухе и унеслась к цели.

От магического щита посыпались искры, и, надо отдать должное демонам, он выдержал удар и отвел стрелу в сторону, но ровно настолько, что она, миновав грудь Нифитус, попала в ее крылья. Сначала одно, а потом и второе крыло вспыхнули ослепительным пламенем. Лицо дьяволицы исказилось от изумления и боли, и Нифитус по крутой спирали понеслась вниз.

— Отличный выстрел, — заметил Торгар.

— Она только зря тратит время, занимаясь колдовскими глупостями, — отозвался Бренор.

В этот момент их внимание привлек громкий металлический лязг, и, повернувшись, дворфы увидели, что Дзирт, перепрыгивая с камня на камень, пятится, успешно отбиваясь от множества направленных на него мечей и копий.

— Кто это напрасно тратит время?! — крикнул темный эльф в промежутке между двумя отчаянными выпадами.

Бренор и Торгар поняли довольно прозрачный намек и, подняв оружие, бросились ему на помощь.

А с вершины скалы сорвалась еще одна стрела, просвистела рядом с лицом эльфа и вонзилась в голову ближайшего бородатого демона. Старый, зазубренный боевой топор Бренора свалил демона, атаковавшего Дзирта с одной стороны, а Торгар, проскочив мимо эльфа, отбил своим щитом нацеленное в него копьё с другой. Дзирт, мгновенно выскочив из-за спины дворфа, точным ударом рассек шею оторопевшего демона.

— Если мы убьем больше врагов, чем Пуэнт и его ребята, я буду покупать пиво целый год и еще один день! — закричал Бренор, сражаясь рядом со своими товарищами.

— Их целый десяток, а нас только трое, — напомнил своему королю Торгар, но в этот момент еще одна стрела из Тулмарила пробила катившегося к ним навстречу лемуре.

— Нас четверо, — поправил его Бренор и подмигнул Кэтти-бри. — И я уверен, что выиграю пари!

Две сестры-эринии то ли не заметили падения Нифитус, то ли не обратили на это внимания, но только крепче натягивали свои веревки и не спускали с Обальда глаз. Волшебные шнуры крепко обвивали туловище короля орков, и дьяволицы тянули их в разные стороны со сверхъестественной силой, не давая пленнику пошевелиться.

Но не только они обладали сверхъестественной силой.

Обальд позволил веревкам затянуться вокруг пояса, а затем напряг мышцы пресса, чтобы не допустить серьезных повреждений. Свой огромный меч он бросил на землю, а сам ухватился за расходящиеся по диагонали веревки и даже обвил их вокруг ладоней, чтобы не соскользнули. Любое другое существо в такой ситуации стало бы метаться и рваться, стараясь избавиться от пут дьяволиц, но только не Обальд. Как только орк убедился, что надежно держит шнуры, он напряг каждый мускул своего тела и стал подтягивать к себе дьяволиц резкими и мощными рывками.

Эринии, несмотря на крылья, несмотря на нечеловеческую силу, не могли противиться могучему орку и с каждым его рывком теряли высоту. Обальд действовал как заядлый рыбак — на какой-то момент он ослаблял натяжение, а затем резко напрягал мышцы и перехватывал веревки повыше.

Вокруг кипела битва, и Обальд понимал, насколько он уязвим, но им всецело завладела неудержимая ярость. Даже при виде устремившегося в его сторону барбазу он не прекратил попыток сбросить эриний на землю.

Барбазу торжествующе взвыл, предвкушая победу над беззащитной жертвой, и прыгнул вперед, но из-за спины Обальда в него полетели сверкающие серебром кинжалы.

Бородатый демон, стараясь уклониться, резко свернул в сторону, а Обальд, слегка повернув голову, увидел, как друг Бренора, хафлинг, смущенно улыбаясь, замахивается последним из своих ножей.

Миниатюрное оружие, конечно, не могло остановить барбазу, но попытка хафлинга отвлекла его на какое-то время. А потом мимо Реджиса и Обальда пронеслась стройная фигура дроу. Дзирт высоко подпрыгнул перед изумленным демоном — слишком высоко, чтобы тот сумел достать его своим зазубренным мечом. Дроу так точно рассчитал прыжок, что на лету одной ногой ударил по тяжелому клинку демона, а коленом второй ноги врезал барбазу по лицу. Этот удар не только замедлил движение противника, но и лишил его равновесия. А настоящая атака темного эльфа обрушилась на демона сзади. Противник еще не сумел сориентироваться и понять, как ему обороняться, а мечи Дзирта уже выполнили свою работу.

Раненый барбазу отчаянно оглянулся в поисках помощи, но все его соратники уже терпели поражение. Орки, «мясники» и небольшой отряд Бренора подавили их сопротивление.

Обальд тоже это видел, и он снова изо всех сил подтянул веревки. Эринии, снизившись уже футов на десять над землей, поняли, что обречены. Они стали поспешно отвязывать волшебные шнуры, чтобы спастись бегством, но не успели избавиться от своих орудий, как в них полетел шквал копий, камней, кинжалов и боевых топоров. А потом в дьяволицу, висевшую слева от Обальда, врезался сокрушительный снаряд. Двое дворфов сцепили перед собой руки и подбросили вверх Тибблдорфа Пуэнта. Он взлетел, раскинув руки, и мертвой хваткой вцепился в эринию, пронзая ее плоть многочисленными шипами своей брони. Дьяволица отчаянно закричала, а Пуэнт добавил еще и жестокий удар железной рукавицы прямо по лицу. Перевернувшись в воздухе, пара рухнула на землю, причем Пуэнт умудрился так изогнуться, что оказался сверху.

— Дроу, ты сам не ведаешь, что творишь! — крикнула Нифитус, заведя приближавшегося Дзирта, который уже успел расправиться с барбазу.

Окровавленные крылья дьяволицы бессильно повисли, но она стойко держалась, и выглядела скорее рассерженной, чем подавленной. В левой руке Нифитус сжимала меч, а в правой — волшебную веревку.

— Я сражался с марилимом и балором и, не дрогнув, одержал победу, — сообщил дроу, но эриния только рассмеялась.

— Даже если ты меня убьешь, ты наживешь таких опасных врагов, каких не можешь себе и представить! — пригрозила ему эриния, но на этот раз рассмеялся Дзирт.

— Ты плохо знаешь историю моей жизни, — сухо заметил он.

— Гильдия Чародеев...

Дзирт не дал ей договорить:

— Ничто, по сравнению с самыми незначительными семействами Мензоберранзана, где каждый желает истребить соседей и все вместе желают мне смерти. Ты не испугаешь меня, Нифитус из Стигии, называющая Лускан своим домом.

Дьяволица злобно сверкнула глазами.

— Да, мне известно твое имя, — заверил ее Дзирт. — И мне известно, кто тебя послал.

— Арабет, — сквозь зубы прошипела Нифитус.

Это имя было незнакомо Дзирту, но, если бы Нифитус добавила и фамилию — Раурим, он вспомнил бы о маркграфе Эластуле, который действительно предупредил их о приближении демонов.

— Но, прежде чем я вернусь в Девять Кругов, я еще увижу твою смерть, — заявила Нифитус, подняла правую руку и принялась разматывать веревку.

Она нацелилась в Дзирта и хлопнула волшебным шнуром, словно бичом.

Дроу метнулся в сторону за мгновение до удара и увернулся от веревки. Правой рукой, державшей Ледяную Смерть, он ударил по волшебной веревке, круто развернулся, и Сверкающий — меч в левой руке — резким рывком снизу вверх подбросил готовую обвиться вокруг него веревку. Потом последовал еще один разворот, и снова удар Ледяной Смерти.

Дроу повторил этот маневр трижды, и с каждым разворотом веревка разматывалась все шире, а каждый мощный удар меча все больше ее укорачивал.

На четвертом развороте он рубящим ударом слева атаковал Нифитус.

Но дьяволица была готова к этому и, легко отведя в сторону меч Дзирта, направила свой клинок ему в живот.

Дзирт и не рассчитывал застать ее врасплох, а потому тоже приготовился, и Ледяная Смерть, повернувшись вокруг длинного прямого меча, блокировала его своим изогнутым лезвием. Темный эльф продолжил выпад вперед и вверх, а затем вывернул руку в сторону, отбросив клинок далеко вправо.

Пока дьяволица подтягивала свой меч, Дзирт успел выполнить превосходно скоординированную тройную манипуляцию: Сверкающий взметнулся вверх, заменяя Ледяную Смерть, чтобы и дальше удерживать меч Нифитус, а сам дроу шагнул вперед и резко опустил правую руку, прижав лезвие к горлу дьяволицы.

Она оказалась в безвыходном положении.

Но все еще продолжала улыбаться.

А потом исчезла — просто пропала из поля зрения.

Дзирт крутнулся вокруг своей оси, пригнувшись в защитной стойке, но тотчас выпрямился, увидев дьяволицу в тридцати футах от себя. Она уже стояла на скальном выступе, значительно возвышаясь над темным эльфом.

— Глупый дроу, — проворчала она. — Все вы глупцы. Мои повелители превратят ваши земли в пепел и расплавленный камень!

Уловив движение сбоку, она повернулась и увидела, что приближается Обальд.

— А ты еще глупее их всех! — крикнула Нифитус. — Мы предлагали тебе могущество, какое тебе и не снилось!

Внезапно орк сделал три огромных шага и совершил прыжок, которого нельзя было ожидать от любого другого орка, — прыжок, больше похожий на волшебный полет.

Нифитус никак не предполагала, что Обальд способен на подобное, как не предполагал и Дзирт. Этот прыжок стал неожиданностью и для Бренора, и для Кэтти-бри, уже подготовившей стрелу для окончательного уничтожения дьяволицы. Но Кэтти-бри быстро поняла, что ее выстрел уже не потребуется. Обальд пролетел разделяющее их расстояние и приземлился рядом с Нифитус. А потом выразил свой ответ в сокрушительном ударе массивного меча.

Дзирт невольно поморщился, поскольку уже видел, чем это может кончиться. Он мгновенно вспомнил о своем погибшем друге Тарафиэле и представил его на месте Нифитус под ударом огромного, объятых пламенем меча.

Дьяволица упала на камни, рассеченная надвое.

— Клянусь кружкой Морадина, — пробормотал Тибблдорф Пуэнт, остановившись между Бренором и Реджисом, — я знаю, что он всего лишь орк, но он мне нравится.

Бренор усмехнулся на замечание своего телохранителя, но его взгляд оставался прикованным к Обальду. Король орков, похожий на божество, стоял на скале, а поверженный враг лежал у его ног. Бренор знал, что должен как-то отреагировать, а потому крикнул Обальду:

— Она могла бы стать ценной пленницей!

— А стала отличным трофеем, — ворчливо ответил орк.

Они с Бренором уставились друг на друга и, казалось, были готовы сцепиться между собой.

— Не забывай, что это мы помогли тебе с ней справиться, — напомнил Бренор.

— Только потому, что я вам это позволил, — огрызнулся Обальд, не отводя взгляда.

Дзирт обошел их обоих и присоединился к Кэтти-бри.

— Прошло уже четыре года, — вздохнула она, глядя на двух соперничающих королей, продолжавших ругаться. — Интересно, доживу ли я до того времени, когда их отношения изменятся?

— Они всего лишь ругаются, но не дерутся, — заметил Дзирт. — Так что отношения уже изменились.

Глава 3

Рискованные мечты

Случись такое еще несколько лет назад, «Морская фея» просто пустила бы «Причуду Квелча» на морское дно и отправилась бы на поиски других пиратов. И еще до возвращения в порт обязательно нашла бы и уничтожила не один пиратский корабль. «Морская фея» с неумолимой эффективностью выслеживала, побеждала и уничтожала морских разбойников, поскольку это судно было быстроходным и прочным, а главное преимущество над остальными состояло в надежных источниках информации.

А теперь поимки нарушителей стали редкостью, хотя численность пиратов ничуть не сократилась.

Дюдермонт с озабоченным видом прошел по палубе своего любимого корабля, время от времени оглядываясь на захваченное судно, следующее за кормой на буксире. Ему не доставало уверенности. Подобно стареющему гладиатору, Дюдермонт понимал, что время идет слишком быстро и противники отлично знакомы с его тактикой. Конечно, корабль за кормой частично развеял эти опасения, словно очередная победа на арене. А в Глубоководье его ждет неплохая награда.

— Я несколько месяцев над этим размышлял!? — Дюдермонт подошел к Робийарду, уселся позади грот-мачты в свое привычное кресло, приподнятое над палубой на несколько футов. — Теперь я знаю точно.

— Что ты знаешь, мой капитан? — с притворным интересом спросил маг.

— Знаю, почему мы не можем их найти.

— Но этого мы нашли.

— Я говорю о том, что мы больше не в состоянии так быстро отыскивать пиратов, как прежде, — пресек капитан вечную попытку мага иронизировать.

— Прошу тебя, объясни подробнее.

Робийард поймал сосредоточенный взгляд капитана и не опустил глаз.

— Я слышал твой разговор с Арабет Раурим, — сказал Дюдермонт.

Напускное удивление Робийарда сменилось довольной усмешкой.

— Ну да... А она интересная малышка.

— Это пират, который от тебя ускользнул, — заметил Дюдермонт.

— А ты бы хотел, чтоб я привел ее к тебе закованной в цепи? — поинтересовался маг. — Мне кажется, тебе должно быть известно ее происхождение.

Дюдермонт даже не моргнул.

— И ее могущество, — добавил Робийард. — Она же сверхмаг из Главной Башни Гильдии Чародеев. Попробуй я ее арестовать, она бы взорвала наш корабль вместе с абордажной командой и тобой в том числе.

— Разве я тебя нанимал не для таких случаев?

Робийард ухмыльнулся, но отвечать на колкость не стал.

— Мне не нравится, что она сбежала, — сказал Дюдермонт и жестом предложил Робийарду взглянуть направо.

Солнце уже опустилось за горизонт, оставив после себя оранжевые, розовые и фиолетовые облака. Солнце садилось, но это было величественное зрелище. Размышляя о низкой эффективности последних рейдов «Морской феи», о том, что его тактика стала известна большинству пиратов Побережья Мечей, он не мог не отметить определенного символизма в зрелище заходящего светила. И продолжал смотреть на горизонт.

— Гильдия Чародеев вмешивается не в свои дела, — тихо произнес он, обращаясь скорее к самому себе, чем к Робийарду.

— А ты надеялся на что-то другое? — откликнулся чародей.

Дюдермонт нехотя оторвался от созерцания природного спектакля и повернулся к собеседнику.

— Они всегда отличались назойливостью, — пояснил Робийард. — По крайней мере, некоторые из них. Конечно, есть маги — и я отношу себя к их числу, — которые хотели заниматься только исследованиями и экспериментами. Мы рассматривали Главную Башню в качестве убежища для светлых умов, а другие используют этот свет для упрочения своей власти.

— Как, например, это существо по имени Арклем Грит.

— Существо? Да, это подходящее определение,

— Ты оставил башню до его прихода? — спросил Дюдермонт.

— К несчастью, я еще был там, когда началось его возвышение.

— И это послужило одной из причин твоего ухода?

Робийард ненадолго задумался, потом пожал плечами:

— Я не думаю, чтобы один Грит стал катализатором изменений. Скорее, он стал одним из симптомов. Но, возможно, последним ударом, сокрушившим былую славу Главной Башни.

— А теперь он поддерживает пиратов.

— И это не последнее из его преступлений. Это очень непорядочная личность.

Дюдермонт потер уставшие глаза и снова перевел взгляд на горизонт.

Спустя три дня «Морская фея» и «Причуда Квелча», чье название уже было основательно замазано краской, вошли в гавань Глубоководья. Их встретили энергичные докеры и сам начальник порта, который также проводил аукционы по продаже пиратских судов, доставляемых Дюдермонтом и другими, весьма немногочисленными охотниками.

— Судно Аргуса Ретха! — воскликнул он, дождавшись, когда Дюдермонт сойдет на берег. Скажи, что ты схватил и его самого, тогда этот день станет для меня одним из самых счастливых.

Дюдермонт покачал головой и перевел взгляд с начальника порта на своего молодого друга, лорда Брамлеберри, одного из представителей аристократии Восточного Глубоководья. Молодой человек двигался быстро, и в его походке все еще чувствовалась мальчишеская прыть. Ему уже исполнилось двадцать, но совсем недавно. Его юношеский задор восхищал Дюдермонта, считавшего молодого лорда родственной душой, поскольку Брамлеберри очень напоминал капитану его самого в этом возрасте, но порой желание завоевать громкую репутацию немного тревожило умудренного опытом капитана. Дюдермонту было прекрасно известно, что чрезмерные амбиции могут привести к преждевременному переходу на Уровень Отчуждения.

— Так, значит, ты его убил, да? — спросил начальник порта.

— Когда мы высадились, его уже не было на борту, — ответил Дюдермонт. — Но я привез немало других пиратов для твоих галер.

— Ба, я бы их всех поменял на уродливую голову Ретха, — вздохнул тот и разочарованно сплюнул.

Дюдермонт коротко кивнул и поспешил навстречу своему другу.

— Я услышал, что в порту появились твои паруса, и понадеялся, что сегодня ты останешься на берегу, — сказал молодой аристократ.

Он протянул руку, и Дюдермонт ответил крепким пожатием.

— Ты хочешь первым подать заявку на корабль Ретха? — спросил Дюдермонт.

— Я бы мог, — ответил Брамблеберри.

Молодой человек был выше большинства мужчин — таким же высоким, как Дюдермонт, с копной волос цвета спелой пшеницы, освещенной солнцем, и быстрым взглядом, постоянно перемещавшимся с одного предмета на другой, но не от беспокойства, а от желания рассмотреть этот мир как можно подробнее. Он был худощав и обладал привлекательной наружностью, как и Дюдермонт, а чистая кожа и холеные ногти свидетельствовали о его благородном происхождении.

— Мог бы? — переспросил Дюдермонт. — Мне казалось, ты хотел создать флотилию охотников за пиратами.

— Да, это так, — согласился молодой лорд. — Вернее, хотел. Но боюсь, пираты уже приспособились к этой тактике. — Он взглянул на «Причуду Квелча» и добавил: — В основном.

— Значит, флотилия кораблей эскорта, — предположил Дюдермонт.

— Справедливая догадка, — кивнул Брамблеберри и повел Дюдермонта к поджидавшему экипажу.

На время поездки по великолепному Глубоководью они отложили неприятный разговор о пиратах. В этот чудесный день в городе кипела бурная деятельность, и на его улицах было слишком шумно, а кричать во весь голос, чтобы быть услышанным, друзьям не хотелось.

Мощенная камнем дорога привела к поместью Брамблеберри. Кучер загнал экипаж под навес, и расторопные слуги сразу же открыли дверцу и помогли выйти своему благородному хозяину и его гостю. Пройдя в дом, Брамблеберри в первую очередь направился к винному погребу, где хранилась великолепная коллекция эльфийских напитков. Дюдермонт увидел, что молодой человек нагнулся к самой нижней полке, достал бутылку и, взглянув на этикетку, осторожно смахнул осевшую на стекле пыль.

Дюдермонт не мог не улыбнуться, догадавшись, что Брамблеберри достает одну из жемчужин винной коллекции, но в то же время понял, что его друг собирается сказать нечто очень важное.

Затем они перешли в уютную гостиную, где в камине уже пылал огонь, а на небольшом деревянном столике между двумя мягкими креслами были расставлены изысканные закуски.

— Я задумался над тем, что, возможно, стоит сменить агрессивную тактику охоты на пиратов на защиту торговых кораблей от нападений на море, — произнес Брамблеберри, как только Дюдермонт уселся в одно из кресел.

— Вряд ли такая служба пришлась бы мне по вкусу.

— Да, в этом нет никакой романтики, по крайней мере для «Морской феи», — согласился Брамблеберри. — Любой пират, заведя такой эскорт, попросту поднимет паруса и уйдет в открытое море, не предприняв даже попытки ограбить купцов. Это предприятие не сулит славы, — добавил он и в приветственном жесте поднял бокал.

Дюдермонт прикоснулся к нему своим кубком и сделал небольшой глоток. Вино действительно оказалось отменным.

— И к какому решению привели тебя подобные размышления? — спросил Дюдермонт. — Как отнеслись остальные лорды к идее сопровождать суда? Учитывая количество кораблей, ежедневно покидающих вашу гавань, эта затея потребует немалых денег.

— Да, проект довольно дорогой, — признал молодой лорд. — И не сулит никакой прибыли. Но пираты приспособились к существующей тактике. Они стали умнее и... заручились поддержкой.

— Они обзавелись друзьями, — согласился Дюдермонт.

Он предложил еще один тост, отпил вина и лишь потом продолжил начатый разговор:

— Будем и дальше ходить кругами или ты поделишься со мной своими сведениями и подозрениями?

Глаза Брамблеберри радостно вспыхнули, и он широко улыбнулся.

— Слухи — возможно, это всего лишь слухи, — сказал он. — Поговаривают, что у пиратов появились союзники в рядах правителей Лускана.

— Верховные капитаны, все без исключения, когда-то в той или иной степени были связаны с этим бесчестным занятием, — заметил Дюдермонт.

— Нет, речь не о них, — все еще уклончиво возразил Брамблеберри. — Хотя я бы ничуть не удивился, узнав, что кто-то из них получает мзду от одного или двух пиратских кораблей. Но нет, друг мой, я говорю о более секретном и влиятельном соглашении.

— Если это не верховные капитаны, значит...

— Главная Башня, — произнес Брамблеберри.

Дюдермонт даже не пытался скрыть, насколько заинтересовала его эта тема.

— Я понимаю, как неправдоподобно это звучит, — продолжал Брамблеберри, — но я не раз слышал из самых достоверных источников, что с недавних пор Главная Башня тесно связана с пиратством. Этим можно объяснить не слишком высокую эффективность твоих рейдов, да и остальных мер, предпринимаемых властями, чтобы избавить побережье от всякого сброда.

Дюдермонт, потирая подбородок, мысленно попытался сложить общую картину.

— Ты мне не веришь? — спросил Брамблеберри.

— Как раз наоборот, — ответил капитан. — Твои слова лишь подтверждают недавно полученную мной информацию.

Брамблеберри с улыбкой снова потянулся за своим бокалом, поднял его, но не спешил поднести к губам.

— Эти кубки стоили немалых денег.

— Но и качество их неоспоримо.

— А налитое в нем вино во много раз дороже, — продолжил Брамблеберри, взглянув на Дюдермонта.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил капитан. — Я благодарен за то, что могу разделить с тобой столь роскошное удовольствие.

— В этом-то все и дело, — сказал Брамблеберри, вызвав недоумение Дюдермонта.

— Оглянись вокруг, — предложил ему молодой аристократ. — Богатство. Невообразимая роскошь. И все это по праву рождения принадлежит мне. Я знаю, что твои труды принесли тебе немалую награду, мой добрый капитан Дюдермонт, но, даже если бы ты собрал все заработанные тобой деньги, вряд ли ты смог бы оплатить хотя бы винный погреб, из которого я достал эту бутылку.

Дюдермонт, не зная, что на это ответить, поставил свой бокал. Он без труда справился с негодованием, вызванным последними словами, и жестом предложил своему другу высказать свою мысль до конца.

— Ты выходишь в море и ценой огромного риска и тяжелого труда одерживаешь победу над Аргусом Ретхом, — продолжал Брамблеберри. — Ты возвращаешься в гавань и приводишь его корабль, который я мог бы купить просто из прихоти, лишь щелкнув пальцами, и эти расходы окажутся столь незначительными, что никто, кроме самого усердного писца, их не заметит.

— Каждому свое, — произнес Дюдермонт, наконец-то догадавшись, к чему клонит его приятель.

— И это положение несколько не зависит ни от приложенных усилий, ни от понятий справедливости, — добавил Брамблеберри и смущенно улыбнулся. — Я сознаю, что мне досталась хорошая доля, капитан, и стараюсь быть порядочным человеком. Я не обижаю своих слуг и хотел бы послужить народу.

— Ты пользуешься всеобщим уважением, и ты его заслуживаешь.

— А ты стал героем и в Лускане, и в Глубоководье.
— И злодеем, с точки зрения многих других, — невесело усмехнулся капитан.
— Злодеем для злодеев, но никак не для многих других. Я завидую тебе. Я тобой восхищаюсь и стараюсь на тебя равняться, — добавил Брамблеберри и поднял бокал. — И я с радостью поменялся бы с тобой местами.

— Тогда скажи об этом своим слугам, а я извещу свой экипаж, — со смехом ответил Дюдермонт.

— Я не шучу, — заверил его молодой человек. — Если бы это было так легко. Но мы оба знаем, что это невозможно, и я понимаю, что твой путь отмечен твоими собственными деяниями, а не случайностью рождения. И не торговлей. Я бы хотел, чтобы когда-нибудь люди заговорили обо мне, как они говорят о капитане Дюдермонте.

К изумлению Дюдермонта, Брамблеберри неожиданно швырнул свой бокал в камин.

— Я не заслужил никаких почестей, кроме тех, что положены мне по праву рождения. И теперь, капитан, я твердо намерен использовать это преимущество. Да, я куплю у тебя корабль Аргуса Ретха, и в моей флотилии будет уже три судна. Я оснащу их, укомплектую экипаж своими наемниками и отправлюсь в Лускан — с тобой вместе, если ты решишь присоединиться. Я нанесу такой удар пиратам Побережья Мечей, какого они еще не знали. А потом я распушу флотилию и отправлю корабли в море, чтобы они, подобно «Морской фее», охотились на пиратов, пока эта зараза окончательно не исчезнет из здешних вод.

Молодой лорд закончил свою тираду, а Дюдермонт еще долго прокручивал в голове его слова, пытаясь направить мысли на одну из множества троп, хотя большая часть путей, как ему казалось, вела к смертельной опасности.

— Если ты собираешься объявить войну Главной Башне, тебе предстоит столкнуться с могущественным противником и, несомненно, с противодействием всех пяти верховных капитанов Лускана, — наконец заговорил он. — Или ты собираешься развязать войну между Глубоководьем и Городом Парусов?

— Нет, конечно нет, — ответил Брамблеберри. — Мы ограничимся более консервативными средствами.

— Надеешься сместить Арклема Грита и его магов малыми силами?

— Ну не такими уж и малыми, — возразил Брамблеберри. — В Глубоководье нет недостатка в личностях, обладающих значительным могуществом.

Дюдермонт помолчал, прислушиваясь к стуку своего сердца.

— Капитан Дюдермонт, прошу тебя, подумай над этим, — попросил Брамблеберри.

— И ты заботаешься не только о том, чтобы заработать громкую славу, мой юный друг?

— Скорее, хочу предоставить шанс закончить дело, начатое тобой много лет назад, — ответил Брамблеберри. — Решительный удар по пиратству будет означать, что твои многолетние усилия были не просто временными мерами по ослаблению угрозы торговым судам, курсирующим у Побережья Мечей.

Капитан Дюдермонт откинулся в кресле и поднял бокал, намереваясь выпить вина, но остановился, залюбовавшись игрой пламени из камина на резных гранях хрусталя.

Он не мог противиться брошенному вызову и надежде на окончательный успех.

Глава 4

Улов воспоминаний

— Вот вам прекрасный пример полезности сотрудничества, — заметил Дзирт, но при этом подмигнул Реджису, давая понять, что не собирается устраивать философские дебаты, а просто поддразнивает Бренора.

— Ба, мне пришлось выбирать между орками и демонами...

— Дьяволицами, — перебил его хафлинг, вызвав недоуменный взгляд дворфа.

— Ну да, между орками и дьяволицами, — поправился король Бренор. — Я встал на сторону тех, кто меньше воняет.

— Ты был обязан это сделать, — осмелился напомнить Реджис и, в свою очередь, многозначительно подмигнул Дзирту.

— Ба, какие там обязательства!..

— Хочешь, я принесу договор, подписанный в ущелье Гарумна, чтобы освежить в памяти обещания, скрепленные подписями? — спросил Дзирт.

— Если ты еще раз ему подмигнешь, я выбью тебе глаз, а потом выкину Пузана за дверь, — сердито предостерег их Бренор.

— Их удивление простительно, ведь король Бренор действительно пришел на помощь оркам, — раздался голос у двери, и все трое обернулись навстречу вошедшей Кэтти-бри.

— Неужели и ты вместе с ними? — проворчал Бренор.

Кэтти-бри отвесила почтительный поклон.

— Боюсь, что нет, — ответила она. — Я пришла за своим мужем, чтобы попрощаться перед дальней дорогой.

— Ты возвращаешься в Серебристую Луну, на занятия с Аластриэль? — спросил Реджис.

— Не только, — ответил за нее Дзирт, пересекая зал, чтобы взять Кэтти-бри за руку. — Леди Аластриэль пообещала ей путешествие через половину континента и несколько Уровней существования.

Он заглянул в глаза жены и улыбнулся, не тая зависти.

— И как долго оно продлится? — спросил Бренор.

Он ни от кого не скрывал, что частые отлучки Кэтти-бри из Мифрил Халла создают для него определенные трудности, но и она, и все остальные, кто слушал его ворчание, прекрасно понимали, что он таким образом признается, что сильно по ней скучает.

— Ее не будет в Мифрил Халле всю зиму, — сказал Реджис. — А у тебя не найдется местечка для некрупного, но крепкого попугайчика?

— Только в том случае, если она превратит тебя в жабу, — засмеялся Дзирт, и они вместе с Кэтти-бри вышли из зала.

К вечеру того же дня Реджис покинул Мифрил Халл и вышел на берег реки Сарбрин. Его собственное замечание о зиме напомнило хафлингу, что суровое время года уже не за горами. И в самом деле, несмотря на яркое солнце, сильный холодный ветер дул с севера и лес за рекой уже окрасился в цвета осени.

Что-то в красоте этого дня, или в прохладном воздухе, или в предчувствии смены сезонов напомнило Реджису о его бывшем доме в Долине Ледяного Ветра. Теперь он с полной уверенностью мог назвать своим домом Мифрил Халл и чувствовал себя здесь в безопасности — может ли быть убежище надежнее, чем крепость дворфов? — но, несмотря ни на что, не мог избавиться от щемящего чувства утраты. Ему неплохо жилось в Долине Ледяного Ветра. Целыми днями он прямо с берега Мер Дуалдона удил глупую форель. Озеро снабжало его всем необходимым — и едой, и водой, и работой. Реджис знал сотни способов приготовления вкусной рыбы, и никто не умел так ловко, как он, вырезать вещицы из рыбьих черепов. Его брелоки, статуэтки и пресс-папье пользовались большим спросом уместных торговцев.

Но самым восхитительным было то, что вся его «работа» состояла в лежании на берегу с привязанной к ноге леской.

Вспоминая о прошлых рыбалках, Реджис свернул на север от моста и долго шел вдоль берега реки в поисках идеального местечка. Наконец он остановился на маленьком клочке травы, где округлый валун загораживал его от холодного ветра, но не от солнца. С величайшей осторожностью он размотал леску и бросил ее в единственно подходящую точку — более или менее спокойный круг темной воды у скалистого выступа. Реджис воспользовался тяжелым грузилом, но даже оно не смогло бы удержать леску в главном

русле: быстрая вода тотчас снесла бы его вниз по течению.

Реджис выждал несколько секунд и, убедившись, что снасть держится на одном месте, снял ботинок, обмотал леску вокруг большого пальца и бросил на землю рюкзак вместо подушки. Однако, как только он устроился и закрыл глаза, внимание привлек донесшийся с северной стороны шум.

Чтобы обнаружить источник беспокойства, ему даже не потребовалось подниматься и выглядывать из-за валуна.

Орки.

У самой кромки воды толпились несколько подростков. Они шумно спорили — и почему орки всегда ведут себя так бесцеремонно? — о способах забрасывания удочек и сетей, о том, где ловить и как ловить.

Реджис едва не рассмеялся, поняв причину своей раздражительности. Да, он понял, в чем дело, даже еще не успокоившись. Перед ним орки, и этого достаточно, чтобы испортилось настроение. Это орки, и первая реакция, как всегда, негативная.

Старые чувства умрут еще очень не скоро.

Он мысленно перенесся в другое время и другое место, вспоминая, как ватага мальчишек и девчонок затеяла шумную возню неподалеку от того места, где он устроился ловить форель на берегу Мер Дуалдона. В тот день Реджис выбрал их, но не слишком строго.

Он не смог удержаться от улыбки, вспомнив, каким замечательным получился тот день, когда он показывал ребятам, как забрасывать леску, как вываживать форель и как потом потрошить ее и чистить. А к вечеру того же дня приглашенные Реджисом дети пришли к нему в дом, чтобы полюбоваться резными безделушками и попробовать рыбу, приготовленную его особым способом.

Из множества ничем не примечательных дней на берегах Мер Дуалдона тот день навсегда остался в его памяти.

Он выглянул из-за камня и расхохотался: молодые орки попытались забросить сеть, но вместо рыбы поймали одну из своих подружек.

Реджис почти поднялся, намереваясь подойти к ним и предложить урок, как сделал это много лет назад в Долине Ледяного Ветра. Но сразу же остановился — в нескольких шагах от облюбованного им местечка виднелся пограничный знак. Здесь заканчивались владения Мифрил Халла и начинались земли Королевства Многих Стрел. Реджис не мог переступить эту линию.

Орки заметили его и тоже поначалу нахмурились. Реджис помахал им рукой, подростки ответили тем же, но держались очень настороженно.

Тогда он уселся за камень, не желая мешать компании. Когда-нибудь настанет день и он сможет подойти к ним и показать, как надо забрасывать сети и удочки. Если вспомнить, что последние четыре года прошли в относительном спокойствии, если вспомнить общую схватку, уничтожившую угрозу Серебряным Землям, то этого дня осталось ждать недолго.

А может быть, придет день, когда он будет участвовать в войне против этих подростков-орков, убьет одного из них своей палицей или получит удар копьём в живот от другого. Реджис мгновенно вообразил, как мог бы танцевать среди них свой боевой танец Дзирт, как летали бы его сверкающие мечи, оставляя кровавые отметины и сея смерть.

По спине хафлинга пробежал холодок, и он постарался прогнать эти мрачные видения.

Реджис очень хотел верить, что они строят нечто прочное. Несмотря на упрямство Бренора и наследие Обальда, хрупкое перемирие переросло в столь же непрочный мир, и Реджис отчаянно надеялся, что каждый прошедший без стычек день хоть немного отдалает очередную войну между орками и дворфами.

Леска дернулась, и он торопливо поднялся, перехватил ее рукой и стал осторожно подтягивать. Реджис сознавал, что на него, смотрят, и потому действовал особенно сосредоточенно и неторопливо, за что был вознагражден отличным окуном почти в фут длиной.

Вытащив рыбину на берег, Реджис поднял ее и показал молодым оркам, а они в ответ энергично захлопали в ладоши и замахали руками.

— Когда-нибудь я научу вас ловить рыбу, — произнес Реджис, хотя орки были далеко, а ветер и плеск воды быстро заглушали его голос. — Когда-нибудь.

Он прислушался к собственным словам и понял, что размышляет об орках. Ему приходилось убивать орков без малейшего сожаления. Он ощутил мимолетную печаль, быстро сменившуюся полной растерянностью. Он постарался избавиться и от этого чувства, но лишь ненадолго, пока снова забрасывал леску в спокойную воду заводи.

Орки.

Орки?

Орки!

— Бренор опять хочет с тобой поговорить? — спросила Кэтти-бри Дзирта, когда он, вернувшись как-то поздно вечером в их комнаты, обнаружил у двери мальчишку-слугу, передавшего приглашение короля.

После схватки с дьяволицами прошло уже десять дней, и ситуация стала гораздо спокойнее.

— Он пытается разобраться в обстоятельствах нашего последнего приключения.

— Он хочет послать тебя вместе с Торгаром Молотобойцем в Мирабар, — догадалась Кэтти-бри.

— Это могло бы показаться забавным, — кивнул Дзирт, соглашаясь с непререкаемым выводом Кэтти-бри. — В лучшие времена из соображений безопасности маркграф Эластул не позволил бы мне даже войти в город.

— Тебя ждет долгий путь и ночевки на холодной земле, — насмешливо посочувствовала ему Кэтти-бри.

Дзирт широко усмехнулся и шагнул вперед.

— С этим не так уж трудно справиться, если взять с собой подходящую постель, — сказал он, обнял жену за талию и привлек ее к себе.

Кэтти-бри рассмеялась и ответила на его поцелуй.

— Мне бы это понравилось.

— Но ты не можешь отправиться со мной, — сказал Дзирт. — Тебя ждет собственное грандиозное приключение, и отказаться от него было бы глупо.

— Я бы отказалась, если бы ты меня об этом попросил.

Дзирт отступил назад и покачал головой:

— Хорошим бы я был тебе мужем, если бы так поступил! Я слышал обрывки чудесных планов, составленных для тебя Аластриэль на ближайшие; месяцы, и не могу лишить тебя таких возможностей ражи собственного удовольствия.

— Зато как восхитительно было бы узнать, что твои желания для меня важнее, чем вся логика разума, которая так прочно укоренилась в твоём сердце и в твоей душе.

Дзирт при этих словах отступил еще дальше и, удивленно моргая, уставился на Кэтти-бри. Несколько раз он порывался ответить, но так и не сумел выговорить ни единого слова.

Кэтти-бри не удержалась от смеха.

— Ты неисправим, — сказала она и танцующей походкой прошла в другой конец комнаты. — Ты так часто размышляешь о том, что ты должен чувствовать, что на реальные чувства уже редко остаются силы.

Дзирт, поняв, что жена поддразнивает его, скрестил руки на груди и смущенно уставился в огонь.

— Я восхищаюсь твоей логикой, и в то же время она меня бесконечно злит, — продолжала Кэтти-бри. — Я помню, как много лет назад ты вместе с Вульфгаром отправился в пещеру Биггина. Это был не самый разумный поступок, но ты уступил своим чувствам

вопреки логике. Что же произошло с тем Дзиртом До'Урденем?

— Он стал старше и мудрее.

— Мудрее? Или осторожнее? слегка усмехнувшись, спросила она.

— Разве это не одно и то же?

— В бою — возможно, — ответила Кэтти-бри. — Но разве это единственная грань жизни, в которой ты можешь реализовать свои возможности?

У Дзирта вырвался печальный вздох.

— Несколько ударов сердца могут оставить более яркие воспоминания, чем прожитый год, — напомнила ему Кэтти-бри.

Дзирт кивнул, уступая ее доводам.

— Но нам предстоит еще много рискованных мероприятий. — Он шагнул к двери. — Я постараюсь быть кратким, но подозреваю, что твой отец будет вновь и вновь возвращаться к одним и тем же вопросам.

Все еще усмехаясь и покачивая головой, он взялся за ручку, распахнул дверь и оглянулся.

Поступок жены прогнал усмешку с его лица.

Кэтти-бри стояла, расстегнув две верхние пуговицы своей яркой блузы, а на ее лице играла лукавая улыбка. Поймав его взгляд, она слегка повела плечами и кокетливо прикусила нижнюю губу.

— Нехорошо заставлять короля ждать, — произнесла она наигранно невинным тоном.

Дзирт кивнул, немного помедлил, а потом захлопнул дверь.

— Теперь я прихожусь ему зятем, — произнес он, пересекая комнату и сбрасывая на ходу пояс с мечами. — Король меня простит.

— Вряд ли, если узнает, как ты поступаешь с его дочерью, — успела сказать Кэтти-бри, перед тем как Дзирт схватил ее в объятия и они вместе упали на кровать.

— Если маркграф Эластул не позволит мне войти, я пройду мимо его города и отправлюсь своей дорогой, — чуть позже вечером услышала Кэтти-бри слова Дзирта, входя в комнату Бренора.

Кроме них там собрались Реджис, Торгар Молотобоец и его коллега из Мирабара по имени Шингл Макруфф.

— Он упрямый, — поддакнул Дзирту Шингл, после того как кивком приветствовал Кэтти-бри. — Но тебе предстоит долгий путь.

— Вот как? — удивилась Кэтти-бри.

— Он отправится в Долину Ледяного Ветра, — пояснил Бренор. — Вместе с Пузаном.

Кэтти-бри от таких новостей отступила на шаг назад и посмотрела на Дзирта, ожидая объяснений.

— Это мое решение, — сказал Бренор. — До нас дошли слухи, что Вульфгар вернулся туда, вот я и подумал, что Дзирт и Пузан могли бы его навестить.

Кэтти-бри несколько мгновений обдумывала его слова, затем кивнула. Они с Дзиртом давно говорили о путешествии в Долину Ледяного Ветра, чтобы проведать старого друга. Вести о том, что Вульфгар в добром здравии вернулся в родные места, пришли почти сразу после заключения мирного договора в ущелье Гарумна, и уже тогда Кэтти-бри и Дзирт решили, что надо бы до него добраться.

Но ради спокойствия самого Вульфгара они все время откладывали путешествие. Вряд ли он был бы очень рад, увидев их вместе. Он покинул Мифрил Халл, чтобы начать новую жизнь, и было бы нечестно напоминать ему о том, какая жизнь могла ожидать Вульфгара рядом с Кэтти-бри.

— Я вернусь в Мифрил Халл раньше тебя, — пообещал Дзирт.

— Вероятно, — понимающе кивнула Кэтти-бри.

— Нас обоих ждут приключения и тревоги, — сказал Дзирт.
— И ни один из нас не желает ничего другого, — согласилась Кэтти-бри. — Наверное, потому мы и полюбили друг друга.
— Не забывайте, что вы здесь не одни, — ворчливо заметил Бренор.
Обернувшись к королю, они увидели, как дворф, закатив глаза, укоризненно качает головой.

Глава 5

Из двух зол большее

Беллани Тундаш со вздохом откатилась в сторону от своего любовника.
— Ты задаешь слишком много вопросов, и всегда в самый неподходящий момент, — пожаловалась она.
Невысокий мужчина по имени Морик повозился в постели и сел рядом с ней на краю кровати. Они были удивительно похожи друг на друга — маленькие и темноволосые, только взгляд Беллани искрился весельем и страстью, давно исчезнувшими из темных глаз Морика.
— Мне интересно знать, как ты живешь, — объяснил он. — А Башня Гильдии кажется мне... изумительной.
— Хочешь сказать, что собрался там что-то украсть?
Морик рассмеялся, ненадолго задумался над ее предположением, потом тряхнул головой, отметя безрассудную идею и вспомнив, зачем он здесь находится.
— Я могу обезвредить любой капкан, — похвастался он, — но только не ловушки этих пройдох-магов. Эту западню я предпочитаю обходить стороной.
— Да, там у каждой двери есть свой секрет, — насмешливо сказала женщина и игриво толкнула своего дружка в бок. — Ты можешь превратиться в ледышку или расплавиться...
— Значит, если открыть две двери одновременно...
— А может так ударить, что ты откусишь свой неугомонный язык! — быстро нашлась Беллани.
В ответ Морик наклонился, легонько прикусил ее ухо и лизнул, отчего женщина негромко застонала.
— Тогда расскажи все, что я хочу знать, и мой язык останется цел, — прошептал Морик.
Беллани засмеялась и немного отодвинулась.
— Дело вовсе не в тебе, — сказала она, — а в этом вонючем дворфе. В последнее время, кажется, все связано с ним.
Морик откинулся, опершись на локти.
— А он настырный, — заметил он.
— Тогда убей его.
Морик скептически усмехнулся.
— Тогда я сама убью его. Или попрошу кого-нибудь из сверхмагов. Валиндра... да она ненавидит любое уродство, а дворфов ненавидит больше всего. Мы покончим с этим красавчиком.
Лицо Морика вдруг стало таким серьезным, что Беллани даже не посмеялась над собственной шуткой, а притихла и пристально взглянула в его глаза.
— Проблема совсем не в дворфе, — пояснил Морик. — Хотя, как я слышал, в бою ему нет равных.
— Держу пари, это, всего лишь бахвальство, — , возразила Беллани. — Разве он кого-нибудь убил с тех пор, как появился в Лускане?
И снова серьезный взгляд Морика заставил ее умолкнуть,
— Мне известно, кому он служит, — сказал он. — Известно и то, что его бы не наняли, если бы его опыт и мастерство не соответствовали громкой репутации. Я тебя предупреждаю, потому что опасаясь за тебя. Дворфа и его хозяина не так легко одолеть, ему

нельзя угрожать, и его нельзя игнорировать.

— Похоже, что мне и впрямь придется поговорить с Валиндрой, — сказала Беллани.

— Если ты вымолвишь хоть слово, меня тут же убьют. И тебя тоже.

— Тогда и Валиндру тоже, если верно твое предположение, от которого кровь стынет в жилах. Ты действительно веришь, что верховные капитаны все вместе или по отдельности — не просто источник раздражения для Главной Башни?

— Верховные капитаны здесь совершенно ни при чем, — заверил ее Морик.

— Но дворфа видели с сыном Ретнора.

Морик снова покачал головой.

— Тогда кто это? — настойчиво спросила Беллани. — Кто эти таинственные главари и зачем им нужна информация обо всем, что касается Башни? Если они представляют опасность, почему я должна отвечать на вопросы?

— Я думаю, они охотятся за врагом внутри Башни, — спокойно ответил Морик, — Но не являются врагами самой Башни, если ты понимаешь, о чем я толкую.

— А вдруг этот враг — я?

— Нет, — заверил ее Морик. — К счастью, мы с тобой вместе. — С этими словами он опять потянулся к Беллани и ласково прикусил ее ушко. — Если только до этого дойдет, я обязательно тебя предупрежу.

— Тогда это враги моих друзей, — сказала женщина и оттолкнула его, и на этот раз в ее движении не было и намека на игру.

— У тебя в Главной Башне не слишком много друзей, — заметил Морик. — Иначе ты не приходился бы сюда так часто.

— Возможно, здесь я просто чувствую себя главной.

— По отношению ко мне? — с преувеличенным негодованием спросил Морик. — Так, значит, я для тебя всего лишь объект удовлетворения похоти?

— И проситель.

Морик кивнул и недвусмысленно усмехнулся.

— Но ты еще не объяснил, почему я должна тебе помогать, — настаивала Беллани. — Разве что заверил меня в своей скорой смерти.

— Ты ранишь меня каждым своим словом.

— Это талант. А теперь отвечай.

— Потому что Главная Башня не набирает со стороны других рекрутов, кроме прислужников, — сказал Морик. — Подумай об этом. Ты провела там почти десять лет, но все еще находишься на низшей ступени в их иерархии.

— Маги остаются на службе долгие годы. Мы должны быть терпеливыми, иначе не были бы магами.

— Верно, но тот, кто приходит, имея доставшееся по наследству могущество или имя — Дорнегал из Врат Бальдура или Раурим из Мирабара, — заполняют все вакансии, освободившиеся в высших эшелонах власти. А если в Главной Башне вдруг откроется много вакансий...

Беллани саркастически усмехнулась, но не смогла скрыть блеск заинтересованности, мелькнувший в ее темных глазах.

— Кроме того, ты помогаешь мне еще и потому, что мне известна правда о Монтегю Гейле, который погиб не в результате несчастного случая при алхимических опытах.

Беллани прищурилась.

— Наверное, мне надо было избавиться от единственного свидетеля, — сказала она, но настоящей угрозы в ее голосе не было.

Их с Мориком связывало многое — в основном любовные свидания, и, как бы они ни отрицали, оба в душе сознавали, что любят друг друга.

— Но тогда ты лишилась бы лучшего любовника в своей жизни, — добавил Морик. — Я не думаю, что это разумно.

Беллани не ответила на это, но после непродолжительного молчания опять заговорила

серьезно:

— Не нравится мне этот дворф.

— Могу тебя заверить, его хозяева понравились бы тебе еще меньше.

— Так кто же они?

— Я слишком забочусь о тебе, чтобы это сказать. Просто дай мне то, что мне нужно, и держись подальше, когда я предупрежу тебя об опасности.

Беллани еще немного помолчала, а затем кивнула.

Его называли генералом, потому что среди всех боевых магов Главной Башни Дондон Маэлик, безусловно, был самым искусным. В его репертуаре, конечно/преобладали вызывания духов, и он умел метать молнии и огненные шары интенсивнее любого сверхмага и даже самого архимага Арклема Грита. Кроме того, Дондон знал достаточно много способов защиты — телепортаций, которые могли мгновенно перенести его в безопасное место, заклинания для превращения кожи в непробиваемую броню, для наведения охраняющей ауры и сбивающих со следа двумеров, — так что на поле боя он всегда на шаг опережал своих противников. Некоторые его маневры легли в основу легенд, ходивших по Главной Башне, как, например, тот случай, когда он в последнюю секунду осуществил межпространственный переход и заставил целую толпу орков рубить мечами воздух, пока не накрыл их огненным смерчем и не уничтожил всех, до последнего воина.

Но в этот вечер, благодаря переданной двумя темноволосыми любовниками информации, его враги точно знали, какие заклинания остались в его дневном репертуаре, и заранее позаботились предпринять контрмеры.

Он вышел из таверны в ночную темноту после чересчур обильных возлияний для такого трудного дня в Главной Башне — дня, когда он почти истощил свой дневной запас заклинаний.

Из переулка двумя домами дальше по улице появился дворф и зашагал следом за чародеем. Он даже не пытался приглушить свои тяжелые шаги, и Дондон оглянулся, хотя и не хотел выдавать то, что знает о преследователе. Маг ускорил шаги, но дворф не отставал.

— Идиот, — проворчал себе под нос Дондон, узнав того самого дворфа, что весь вечер приставал к нему в таверне с глупыми вопросами.

Неприятны тип грозил отомстить, когда его выдворяли из зала, и Дондон был удивлен — приятно! — поняв, что это не пустое бахвальство со стороны уродливого коротышки.

Чародей припомнил оставшиеся в запасе заклинания и удовлетворенно кивнул. Подойдя к следующему переулку, он бросился бежать, свернул за угол и тотчас остановился, чтобы провести на земле черту. У него имелось всего несколько мгновений, и в голове гудело от выпитого, но Дондон превосходно знал это заклинание, поскольку почти все его исследования относились к дальним Уровням.

Черта на земле замерцала, потом ее концы приподнялись и образовали овал, выше Дондона на целый фут.

Этот вертикальный слой энергии рассек межуровневый континуум, разделился надвое, и обе половинки разошлись в стороны. Между ними зияла чернота, более глубокая, чем тьма опустившейся ночи.

Но Дондон знал, что дворф ничего этого не заметит.

Маг установил портал на нужное место и кивнул, довольный тем, что мерцающие линии быстро потухли. После этого он поспешил дальше по переулку, надеясь, что вскоре услышит вопли дворфа.

Сразу после ухода чародея из тени появился другой силуэт. Хрупкое существо с таким

же проворством создало другой портал, прямо перед воротами Дондона, и, как только работа была закончена, первоначальный: переход был уничтожен.

Смутная рука показалась из-за угла, дав дворфу сигнал продолжать погоню.

Дворф не удержался от тяжелого вздоха. Он доверял своему боссу — настолько, насколько можно доверять существу определенного... рода, но малейшая вероятность путешествия на низшие Уровни вселяла в его душу неуверенность, независимо от того, кто обеспечивал безопасность.

Однако он был примерным солдатом. Кроме того, что могло с ним случиться хуже того, что уже довелось пережить? Он разбежался и на всей скорости ринулся в переулок, да еще с таким воплем, чтобы колдун наверняка был уверен в эффективности расставленной ловушки.

— Негодяй, — бранился Дондон, возвращаясь полюбоваться на свою работу и закрыть портал, чтобы назойливый дворф — или кто-то из злобных обитателей Бездны — не мог выбраться в эту реальность. Меньше всего на свете ему хотелось испытать на своей шкуре ярость Арклем Грита из-за того, что на улицах Лускана могли появиться демоны. Дондон обошел вокруг портала и взмахнул рукой, развеивая заклинание, и тут понял, что гнев архимага — это еще не самое главное.

Портал не закрывался.

На улице вновь появился дворф и подошел ближе.

— Ненавижу эти места, — спокойно произнес он.

— К-как ты... — пролепетал Дондон.

— Я просто зашел, чтобы поискать себе собаку, — сказал дворф. — Разве ты не знаешь, что каждому дворфу просто необходим пес?

Он согнул в кольцо большой и указательный пальцы, поднес их ко рту и пронзительно свистнул.

Дондон сделал еще одну попытку закрыть врата — но не он их создал.

— Глупец! — заорал он на дворфа. — Что ты наделал?

Дворф ткнул себя пальцем в грудь:

— Я?

Дондон издал странный звук — крик ярости в сочетании с испуганным воплем — и стал бормотать заклинание, намереваясь обратить зловерное существо в ничто.

Но он сбился, когда из портала возникло еще одно существо. Оно прошло немного согнувшись, поскольку только так могло вписаться в предназначенные для людей врата, так что первой появилась рогатая голова. Голубизна его кожи была заметна даже в ночной темноте, и, когда чудовище выпрямилось во весь рост — около двенадцати футов. Дондон едва не упал в обморок.

— Глабрезу, — прошептал он, не в силах оторвать взгляда от нижней из двух пар рук, которые заканчивались огромными клешнями.

— Я зову его просто Тузиком, — сказал дворф. — Мы с ним играем.

Дондон взвыл, круто развернулся и пустился бежать.

— Вот-вот, именно так! — крикнул ему вслед дворф, а демону приказал: — Взять его!

Припозднившиеся посетители, выходившие в тот вечер из таверны на Виски-роуд, стали свидетелями необычного зрелища. Сначала из переулка выбежал маг Главной Башни, отчаянно размахивая руками и что-то выкрикивая. Широкие, развевавшиеся рукава черного одеяния придавали ему сходство с раненой птицей.

Следом за ним появился пес дворфа — двуногий, четырехрукий демон, двенадцати футов ростом и с голубой кожей. На три шага мага приходился только один его шаг, и демон быстро догонял свою жертву.

— Телепортация! Телепортация! — визжал Дондон. — Я должен успеть! Блеск

золота... фазы входа и выхода... найти...

Последнее слово исказилось до неузнаваемости, растянувшись на несколько октав, поскольку в этот момент одна клешня демона сомкнулась вокруг пояса мага и легко оторвала его от земли. Теперь он стал похож на раненую птицу, которой удалось взлететь, но только она двигалась обратно, к повороту в переулок.

К portalу.

— Я мог бы просто расколоть ему череп, — сказал дворф другу своего повелителя, который не был настоящим магом, но мог проделывать множество волшебных штучек.

— Это скучно, — последовал обычный для него ответ.

— Ха-ха!

Границы портала вспыхнули в последний раз и погасли, стройная темная фигура скрылась в темноте переулка и, кажется, тоже замерцала. Дворф быстро зашагал своей дорогой, и за его плечами покачивались усеянные шипами металлические шары, висевшие на цепочках.

В последние дни улыбка стала чаще появляться на его лице. Кровопролитие, на его вкус, было не слишком интенсивным, но жизнь налаживалась.

— Он был не таким уж и плохим, — сказал Морик Кенсидану.

Он старался во время разговора смотреть в глаза своему собеседнику, но, имея дело с Вороном, это было довольно трудно.

В глубине души Морика давно и прочно укоренились опасения, что Кенсидан обладает способностью околдовывать человека, что его взгляд может заставить склониться даже самого непримиримого противника. Этот щедушный человек с нежными руками и шишковатыми коленками, этот сморщенный карлик, который за всю свою жизнь не сделал ничего выдающегося, тем не менее держал в своей власти всех окружающих, а Морик знал, что среди них были и отъявленные головорезы. И все они служили Ворону. Это было ему совершенно непонятно, но и он сам испытывал страх каждый раз, когда входил в эту комнату, вставал перед креслом и опускал взгляд к узловатым коленям.

И совсем не потому, что Кенсидан был сыном Ретнора. Кенсидан был не просто сыном Верховного Капитана, он обладал совершенно непостижимым разумом. Невероятно умный, невероятно хитрый, настоящий мастер игра в сава. Он был довольно внушительной фигурой, когда сидел в своем кресле, а когда вставал, когда неловко ковылял в своей черной накидке с высоким воротником и блестящих ботинках, туго зашнурованных до середины голени, казался еще более пугающим. Вопреки всякой логике к его хрупкости производила совершенно невероятное впечатление — недостижимого и непостижимого могущества.

А позади его кресла молча стоял дворф и с самым беззаботным видом ковырял в зубах, словно был полностью доволен существующим в этом мире порядком. Он очень не нравился Беллани, и немудрено. Морик был уверен: этот дворф ни у кого не вызывал теплых чувств.

— Ты сам называл Дондона опасным типом, — произнес Ворон тихим, отлично контролируемым голосом. Этому он научился много лет назад, возможно еще в колыбели. — Он слишком лоялен по отношению к Арклему Гриту и состоит в тесной дружбе еще с четырьмя сверхмагами Главной Башни.

Ты опасался, что Дондон мог встать на сторону Арклема Грита, и тогда его примеру последовали бы и его друзья, которые в ином случае остались бы в стороне от борьбы, — высказал Морик свое предположение и наконец сумел взглянуть в лицо Кенсидану.

И встретить его неодобрительный взгляд.

— Ты пытаешься вникнуть в замыслы, понять которые у тебя не хватает ни ума, ни знаний, — сказал Кенсидан. — Делай то, что тебе приказано, Морик Бродяга, и больше никуда не суйся.

— Я же не просто какой-то безмозглый лакей.

— Разве?

Морик никак не мог согласиться с таким положением, но и сопротивляться тоже не мог. Даже если бы ему удалось набраться храбрости и порвать отношения с ужасным Вороном, существовали и другие могущественные вершители судеб...

— Тебе некого винить в своих несчастьях, кроме самого себя, — с нескрываемым удовольствием произнес Кенсидан. — Разве не ты сам посеял семена?

Морик прикрыв глаза, проклял тот день, когда впервые встретил Вульфгара, сына Беарнегара.

— А теперь твой сад вырос, — продолжал Кенсидан. — И если тебе не по вкусу запах его цветов, ты все равно не можешь их выдернуть, поскольку они обладают шипами. Эти шипы могут заставить тебя погрузиться в сон. Они очень опасны.

Взгляд Морики заметался по комнате в поисках путей к бегству. Подобное направление разговора ему совсем не нравилось, как не нравилась и неприятная усмешка, скривившая лицо дворфа за креслом Ворона.

— Но тебе нечего бояться этих шипов, — сказал Кенсидан, не сводя глаз с испуганного лица Морики. — Тебе надо только продолжать их подкармливать.

— А питаются они информацией, — сумел вставить Морик.

— Твоя леди Беллани настоящая находка, — заметил Кенсидан. — Ее возвышение не сможет не порадовать тебя, когда твой сад расцветет.

Эти слова несколько ослабили охватившее Морику напряжение. На службу к Кенсидану его направил тот, кому он не мог отказать, но задания, получаемые им в последние несколько месяцев, сопровождались обещаниями достойной награды. Кроме того, работа была не такой уж и трудной. Обязанностью Морики было поддерживать любовную связь с Беллани, а это само по себе могло послужить неплохой наградой.

— Вы должны ее защитить, — выпалил он, вспоминая о женщине. — Сейчас по крайней мере.

— Ей ничто не угрожает, — ответил Ворон.

Переданная ею информация нанесла ущерб нескольким могущественным магам Главной Башни.

Кенсидан некоторое время обдумывал его слова, потом слегка усмехнулся:

— Если ты называешь ущербом то, что маг в клешнях глабрезу улетел через портал прямо в Бездну, это твое право. Но я бы выбрал другое слово.

— Без Беллани... — попытался настаивать Морик, но Кенсидан быстро прервал его:

— Окончательная битва будет куда более опасной и кровопролитной для всех, кто живет в Лускане. Не воображай, что ты мой эффективный помощник, Морик Бродяга. Ты всего лишь мелкий инструмент, и больше ничего. Постарайся об этом не забывать.

Морик попытался что-то ответить, но не мог подыскать подходящих слов, как не мог оторвать взгляда от злобно ухмыляющегося дворфа.

Кенсидан взмахом руки отпустил Морику, а сам повернулся к своему помощнику и перевел разговор на другую тему. Спустя несколько мгновений он остановился, бросил предостерегающий взгляд на Морику и повторил прощальный жест.

Оказавшись на улице, Морик Бродяга быстро зашагал прочь, не переставая тихонько бормотать себе под нос, снова и снова проклиная тот день, когда он встретил варвара из Долины Ледяного Ветра. Тем не менее в глубине души он подозревал, что скоро станет благословлять эту встречу. Как бы сильно ни боялся он своих хозяев, их обещания не были ни пустыми, ни незначительными. По крайней мере, он на это рассчитывал.

Глава 6

Рациональность

— Бренор все еще злится на него, — сказал Реджис Дзирту.

Торгар и Шингл, отыскивая знакомые тропы, ушли далеко вперед: дворфы надеялись,

что уже скоро увидят свой родной город Мирабар.

— Нет.

— Он очень, очень злопамятен.

— А еще он любит своих приемных детей, — напомнил хафлингу Дзирт. — Обоих Детей. Да, он сильно разозлился, когда впервые услышал о том, что Вульфгар не собирается возвращаться, да еще в такое трудное для нас время.

— Мы все тогда рассердились, — сказал Реджис.

Дзирт кивнул и не стал возражать, хотя и знал, что хафлинг ошибается. Уход Вульфгара опечалил его, но не разозлил, поскольку друу слишком хорошо понимал, что творится у него на душе. Тоска по погибшей жене согнула его плечи, и Вульфгар признавал свою вину, поскольку никогда не замечал, насколько она несчастна. Кроме того, он видел, что Кэтти-бри, которую он всегда так преданно любил, собирается выйти замуж за его лучшего друга. Судьба жестоко обошлась с Вульфгаром и тяжело ранила его.

Но Дзирт видел, что рана не смертельна, и, несмотря на печальные воспоминания, не мог удержаться от улыбки. Вульфгар смирился со всеми неудачами, и в его душе осталась только любовь к друзьям по Мифрил Халлу. А затем он решил, что жизнь продолжается и пора найти собственное место, жену и семью среди своего древнего народа.

Так что после ухода Вульфгара на восток Дзирт не затаил зла на своего товарища, а когда прошлой осенью до Мифрил Халла дошли вести о возвращении Вульфгара в Долину Ледяного Ветра, он искренне обрадовался.

Дзирт и поверить не мог, что прошло уже четыре года. Время пролетело, как один день, но, вспоминая Вульфгара, он чувствовал, что не видел друга по меньшей мере лет сто.

— Я надеюсь, что у него все хорошо, — сказал Реджис, и Дзирт кивнул в ответ. — Я надеюсь, что он жив, — добавил хафлинг, и Дзирт похлопал друга по плечу.

— Сегодня, — объявил Торгар Молотобоец, поднявшись на гребень скалы. Он показал назад и влево. — Две мили для птицы, четыре — для дворфа. — Немного помолчав, он насмешливо добавил: — И пять миль для толстяка-хафлинга.

— Который слишком много съел вчера вечером, — вступил в разговор Шингл Макруфф, остановившись рядом со своим старинным соратником.

— Тогда давайте скорее подойдем к воротам, — предложил Дзирт, замаскировав улыбку серьезным тоном. — Если маркграф Эластул будет вести себя так же, как и в прошлые годы, я хотел бы пройти побольше, пока не сядет солнце.

Дворфы обменялись тревожными взглядами. Нерадостные воспоминания о том, что много лет назад они покинули город при довольно сложных обстоятельствах, сильно уменьшило их радостное волнение. Вместе со своими сородичами — почти половиной всех дворфов Мирабара — они оставили город Эластула после возникновения разногласий с королем Бренором. А за три последующих года в Мифрил Халл перебралось еще больше дворфов, принадлежавших к клану Делзун, и далеко не все из них, формально признавших Бренора своим королем, доверяли эмиссару маркграфа, а кое-кто открыто отговаривал Торгара от решения вернуться.

Слишком многие дворфы помнили, что Эластул когда-то приказал заковать Торгара и Шингла в цепи.

— Он не станет тебя прогонять, — решительно произнес Торгар. — Эластул упрям, но он не дурак. Он жаждет вернуться на восточный торговый путь. Просто он не мог предположить, что Серебристая Луна и Сандабар смогут договориться с Мифрил Халлом.

— Посмотрим, — с сомнением отозвался Дзирт, и все четверо ускорили шаг.

Вскоре после этого разговора они прошли через ворота Мирабара, торопливо распахнутые для путников двумя часовыми — человеком и дворфом. Всех четверых странников встретили радостными криками, даже Дзирта, которому несколько лет назад, при возвращении короля Бренора в Мифрил Халл, было отказано в разрешении войти в город. Не успели они в полной мере оценить этот приятный сюрприз, как уже предстали перед самим, Эластулом — еще одно невиданное обстоятельство.

— Торгар Молотобоец, я и не надеялся снова тебя увидеть, — произнес старый маркграф, который и в самом деле выглядел гораздо более состарившимся, чем помнил его Торгар.

Приветственные слова Эластула, казалось, были такими же холодными, как пляшущие язычки магического пламени.

Торгар, не забывая о данном ему поручении, низко поклонился, и Шингл последовал его примеру.

— Мы пришли от короля Бренора Боевого Топора из Мифрил Халла, чтобы поблагодарить тебя за своевременное предупреждение, и в ответ на твою просьбу об аудиенции.

— Да, я слышал, что все закончилось благополучно, — сказал Эластул. — Я имею в виду встречу с эмиссарами Гильдии Чародеев.

— Перья демонов разлетелись во все стороны, — заверил его Торгар.

— Вы при этом присутствовали? — спросил Эластул и, дождавшись утвердительного кивка Торгара, добавил: — Надеюсь, вы не уронили чести Мирабара.

— Тебя-то там не было, — ответил дворф, и Реджис затаил дыхание. — Было время, когда во славу Мирабара я мог спуститься к Девяти Кругам и выйти оттуда. Теперь, как тебе известно, мой топор принадлежит Бренору и Мифрил Халлу, и ты знаешь, что этого уже не изменить.

Казалось, что Эластул вот-вот набросится на Торгара с бранью, но маркграф сдержал свой гнев.

— Мирабар уже не тот город, из которого ты ушел, мой старый друг, — сказал он, и Дзирт снова отметил, что добрые слова с трудом даются старому правителю. — Мы сильно выросли, если не в размере, то в способности к взаимопониманию. И это может засвидетельствовать стоящий перед моим троном твой темнокожий друг.

Торгар подавил невольный смешок:

— Еще немного благородства, и сам Морадин спустится с небес, чтобы тебя поцеловать.

От сарказма дворфа лицо Эластула помрачнело, но он опять справился со своими эмоциями.

— Мое предложение остается в силе, Торгар Молотобоец, — сказал он. — Я обещаю полную амнистию тебе и любому другому, кто ушел в Мифрил Халл. Ты можешь вернуться к своему прежнему положению. Да, я гарантирую тебе свою рекомендацию и поддержку перед командованием Щита Мирабара, поскольку именно благодаря твоей отваге и решимости я сумел выглянуть не только за пределы городских стен, но и за пределы своего слишком узкого кругозора.

Торгар снова поклонился.

— Тогда можешь отблагодарить меня и моих ребят тем, что примешь то, что есть, и то, что будет, — сказал он. — Я возвращаюсь к Бренору, моему королю и другу. И Мифрил Халл может надеяться, что мы оба покончили с этим... неприятным инцидентом. Орки теперь не представляют опасности, и твое путешествие на Восток не будет трудным, равно как и наше возвращение.

Эластул с разочарованным видом откинулся на спинку трона и, казалось, опять готов был сорваться на крик. Но вместо ругани он обратился к Дзирту:

— Добро пожаловать в Мирабар, Дзирт До'Урден. Слишком много времени прошло с тех пор, как ты лицезрел великолепие нашего славного города.

Дзирт тоже поклонился:

— Я часто слышал о нем, и я польщен.

— И конечно, вы можете беспрепятственно ходить повсюду, где пожелаете, — сказал Эластул. — А я подготовлю договор с королем Бренором, чтобы вы смогли доставить его раньше, чем северные ветра погребут эти легкие пути под снежными сугробами.

Маркграф жестом дал понять, что аудиенция закончена, и все с радостью

повиновались. У самого выхода из зала Торгар тихонько пробормотал Дзирту:

— Он очень нуждается в торговых путях. Очень сильно.

Реакция горожан на появление Торгара и Шингла оказалась такой же разнообразной, как и местная архитектура города, наполовину стоявшего на поверхности, а наполовину скрытого под землей. На каждую приветственную улыбку находилось не менее откровенное выражение неприязни, порожденное воспоминаниями о так называемом предательстве, и лишь немногие люди из верхних уровней обращали внимание на Торгара, зато тяжелые взгляды буравили спину темного эльфа.

— Все это было хитро подстроено, — заметил Реджис, когда какая-то старуха плюнула под ноги Дзирту.

— Не все, — возразил Дзирт, хотя и Шингл, и Торгар согласно кивнули на предположение хафлинга.

— Они ожидали, что мы придем, и тщательно подготовились, — настаивал Реджис. — И поторопились провести нас к Эластулу не потому, что он так жаждал нас увидеть, а потому, что он хотел уговорить вас раньше, чем вы узнаете о неприязни жителей Мирабара.

— Он позволил нам войти в город, и большинство моих сородичей будут рады об этом услышать, — сказал Торгар. — Просто боль еще не прошла. Когда мы с ребятами покинули город, мы вскрыли давно нагноившийся нарыв.

— Спесивые дворфы, — с невозмутимым видом констатировал Шингл.

— Рана заживет, — заговорил Дзирт. — Со временем. Своим теплым приемом Эластул смазал ее хорошим слоем бальзама.

Закончив фразу, он учтиво поклонился двум старикам, которые уставились на дроу с нескрываемым презрением. Его приветливость вызвала у обоих бурю негодования, и старики в гневе отвернулись.

— Старая привычка, — сухо заметил Реджис.

— Мне не привыкать к оскорблениям, — согласился Дзирт. — Хотя мое обаяние каждый раз вынуждает их сдаться.

— Или твои мечи, — добавил Торгар.

Дзирт смехом подтвердил его правоту. Он понимал, что им всем еще долго не представится повода для смеха. Прием, оказанный жителями Мирабара, и невиданное гостеприимство Эластула скоро выявят непродуктивность предложений Бренора.

Очень скоро четверка друзей спустилась от дворца в нижние районы города, и реакция обитавших там дворфов на появление дроу оказалась не менее оскорбительной, чем поведение людей. Дзирт решил, что с него достаточно.

— Нам предстоит долгий путь, а сезон путешествий быстро закончится, — сказал он, обращаясь к Торгару и Шинглу. — Ваш город великолепен, как вы и говорили, но боюсь, мое присутствие мешает вам донести до жителей добрую волю Мифрил Халла.

— Да, они будут вынуждены заткнуться, — заверил его Торгар, но Дзирт положил ему на плечо руку.

— Мы здесь и по воле короля Бренора, а не по моей или твоей, — пояснил Дзирт. — И у меня действительно важный повод. Тропа в Долину Ледяного Ветра скоро установится, обычно это происходит задолго до наступления настоящей зимы. И я хочу увидеть своего друга до того, как снег начнет таять.

— Мы уже уходим? — вмешался в разговор Реджис. — Но мне обещали хороший ужин.

— И ты его получишь, — заверил его Торгар и свернул к ближайшей таверне.

Однако Дзирт взял его за руку и остановил. Овернувшись, Торгар увидел, что дроу качает головой:

— Мы можем спровоцировать волнения, которые не приведут ни к чему хорошему.

— Но уже темнеет, — настаивал Торгар.

— После того как мы покинули Мифрил Халл, каждый вечер приносил темноту, — с обезоруживающей улыбкой произнес дроу. — Ночь мне не страшна. Многие называют

темное время суток часами дроу, а ведь я и есть...

— Но я не дроу, и я голоден, — вмешался Реджис.

— Наши походные сумки опустели лишь наполовину!

— Там только сухой хлеб и соленое мясо. Нет ничего сочного и нежного, и...

— Он будет ныть до самой Долины Ледяного Ветра, — предупредил Торгар.

— А это долгий путь, — поддакнул Шингл.

Дзирт понял, что спорить бесполезно, и последовал за дворфами в общий зал таверны. Как он и ожидал, стоило четверке появиться на пороге, как все взгляды обратились в их сторону. Хозяин заведения издал покорный вздох, и дроу понял, что имелся приказ Эластула обслуживать всех гостей, в том числе и дроу.

Он не стал возражать и предоставил Торгару и Шинглу пройти к стойке и заказать еду, а сам вместе с Реджисом уселся за самый дальний столик. Все четверо ели свой ужин, испытывая на себе взгляды дюжины остальных посетителей. Если это и беспокоило Реджиса, то по нему не было видно, поскольку хафлинг поднимал голову только для того, чтобы сменить блюдо.

Их ужин нельзя было назвать неторопливым, поскольку и сам хозяин, и его служанка из всех сил старались побыстрее обслужить четверых чужаков и убрать опустевшие тарелки.

Дзирта это вполне устраивало. Как только со стола исчезли последние кости и крошки, а Реджис вытащил свою трубку и принялся набивать табаком, Дзирт прикрыл ее рукой и удерживал, пока не встретил недовольный взгляд хафлинга.

— Пора уходить, — сказал Дзирт.

— В этот час никто не станет открывать ворота Мирабара, — возразил Торгар.

— Могу поспорить, что они откроют ворота, — парировал Дзирт. — Для того, чтобы темный эльф мог выйти.

Торгар был достаточно умен, чтобы отказаться от пари, и, как только городские ворота распахнулись, Дзирт и Реджис распрощались со своими друзьями дворфами и ушли в темноту.

— Все это меня беспокоит больше, чем тебя, верно? — спросил Реджис, когда город растворился в ночи за их спинами.

— Только лишь потому, что ты лишился мягкой постели и вкусной еды.

— Не только, — со всей серьезностью возразил Реджис.

Дзирт пожал плечами, будто все это не имело для него никакого значения, как оно и было на самом деле. Подобный прием он встречал в самых различных местах, особенно в первые годы жизни в Верхнем Море, и лишь потом слава о нем распространилась почти повсюду. Тем не менее предубеждение жителей Мирабара по отношению не только к дроу, но и к дворфам, а значит, и к Мифрил Халлу нельзя было сравнить с тем, что он вынужден был выносить в прежние дни. В те времена он не мог даже приблизиться к городу без того, чтобы не подвергнуть себя смертельной опасности.

— Интересно, сильно ли изменились Десять Городов, — произнес хафлинг, когда они отыскивали укромную лощину и стали устраиваться на ночлег.

— Что там могло измениться?

— Возможно, стали еще больше, возможно, там прибавилось людей.

Дзирт с сомнением покачал головой:

— Туда ведет долгий путь по самым диким землям. Мы наверняка обнаружим, что Лускан значительно вырос, если только не пострадал от чумы или войны, но Долина Ледяного Ветра, по-моему, не подвержена веяниям времени. Она остается такой уже многие столетия, и с незапамятных времен там есть лишь несколько поселений по берегам трех главных озер да племена соотечественников Вульфгара, кочующих вслед за стадами карибу.

— Если только им не помешала война или чума.

Дзирт снова покачал головой:

— Если даже один или несколько городов были бы разрушены, их тут же отстроили

бы, и цикл жизни и смерти быстро восстановился бы.

— Ты говоришь так уверенно.

На лице дроу появилась улыбка. В самом деле, в бесконечном постоянстве таких мест, как Долина Ледяного Ветра, было что-то успокаивающее, и даже одна мысль о поселениях, где традиции передавались из поколения в поколение, где ритмы природы играли главную роль, а смена сезонов служила единственным указателем хода времени, приносила утешение и мир.

— Весь мир держится на таких местах, как Долина Ледяного Ветра, — сказал Дзирт, обращаясь не только к Реджису, но и к самому себе. — И суматоха Лускана или Глубоководья, капризы мимолетных и недолговечных правителей там совершенно неуместны. Долина Ледяного Ветра не знает другого правителя, кроме самой Торил, а Торил — терпеливая госпожа. — Он взглянул на хафлинга и весело усмехнулся. — Возможно, лет через тысячу какой-нибудь хафлинг найдет на берегу Мер Дуалдона обломок древней безделушки, вырезанной из рыбьих костей, и обнаружит на ней значок Реджиса.

— Говори, говори, приятель, — проворчал Реджис. — И тогда Бренор и твоя жена, много лет спустя, будут гадать, почему мы не вернулись.

Глава 7

Вера в лучших ангелов

— Мы отправляемся на рассвете, с утренним отливом, — объявил лорд Брамблеберри собравшимся в его доме гостям. — И нанесем пиратам такой удар какого они еще не знали!

Все благородные гости в ответ подняли хрустальные кубки, но лишь после недолгого замешательства, пожимания плечами и перешептываний, поскольку в разосланных хозяином приглашениях ни слова не было сказано о его грандиозном начинании. Однако слухи о «нетерпеливом лорде Брамблеберри» ходили в обществе уже не один месяц, и, услышав новость, собравшиеся одобрительно закивали. Молодой аристократ не скрывал своего намерения обратить слепую удачу на доброе дело.

До этого момента его посулы многими воспринимались как пустое бахвальство, свойственное многим молодым лордам Глубоководья, целью которого было произвести впечатление на прекрасных дам и создать себе репутацию, соответствующую богатству. В конце концов, многие в этом зале числились героями, хотя никогда не покидали Глубоководья иначе, чем в роскошных экипажах и сопровождаемые целой армией телохранителей. Кое-кто из лордов имел репутацию опытных воинов, хотя это звание было получено ценой жизни наемных солдат, а сами они появлялись на поле сражений лишь в случае громких побед, чтобы предоставить шанс художнику запечатлеть их в батальной сцене.

И конечно, были здесь и настоящие герои, Морус Брокенгальф, известный паладин с честно заслуженной репутацией, который только что вернулся в Глубоководье, чтобы получить в наследство обширные семейные владения. Стоя с бокалом в руке он беседовал с Риистом Маджаррой, лучшим бардом города, а возможно, и всего Побережья Мечей, несмотря на то что юноше едва исполнилось двадцать лет. Напротив них чокнулись бокалами и продолжили обсуждение героических подвигов и великих деяний рейнджер Алуар Зендос, который «мог выследить тень даже в полуночной тьме», и известный капитан Рулатон. Эти люди, наименее хвастливые из всех собравшихся, хорошо понимали различие между позерами и истинными деятелями и частенько забавлялись, слушая рассказы остальных. В данный момент их мнения относительно будущей активности лорда Брамблеберри разделились приблизительно поровну.

Но в этот вечер его слова трудно было не принять всерьез, поскольку рядом с лордом Брамблеберри стоял капитан «Морской феи» Дюермонт, хорошо известный и весьма популярный в Глубоководье человек. Если Дюермонт примет участие в затее Брамблеберри, их плавание не будет легкой прогулкой. Истинные герои при виде

знаменитого капитана обменялись одобрительными кивками, но молча, поскольку не желали, чтобы по залу распространялись взволнованные перешептывания и сплетни.

Дюдермонт и Робийард, прогуливаясь по залу, прислушивались ко всем разговорам, и маг даже прочел заклинание для усиления слуха, чтобы уловить мельчайшие подробности обсуждения.

— Вино и богатство его уже не удовлетворяют, — шепотом поведала одна из придворных дам.

Она остановилась в углу зала, рядом с уставленным бокалами столиком, и, вероятно от волнения, опустошала их один за другим.

— Он прибавит звание героя к своему титулу или ляжет в холодную землю, если попытка будет неудачной, — сказала ее подруга с прической, возвышавшейся на целый фут над ее головой.

— Испачкать такую чудесную кожу в лапах какого-нибудь огра!.. — воскликнула третья собеседница.

— Или запятнать кровью при ударе пиратской сабли, — вздохнула четвертая. Как жалко...

Они одновременно прекратили свою болтовню, и все взгляды обратились на лорда Брамблеберри, который вышел на танцевальную площадку и ловко завертел в танце какую-то юную особу. Все четверо так же одновременно вздохнули, и первая из дам снова заговорила:

— Надо, чтобы кто-то из старших и более рассудительных лордов остановил его. Жаль терять такого кавалера!

— Какая утрата!

— Молодой глупец!

— Если ему не хватает физических нагрузок... — похотливо улыбаясь, протянула последняя, и все четверо продолжили свое смешное щебетание.

Чародей решил, что они уже достаточно наслушались болтовни, и взмахнул рукой, рассеивая двомер усиленного слуха.

— Их отношение мешает серьезно воспринимать начинания молодого лорда, — сказал Робийард, обернувшись к Дюдермонту,

— И наводит на мысль, что пустоты их мыслей недостаточно, чтобы его поддержать, — откликнулся капитан. — Одно совершенно очевидно: чтобы получить приглашение в их спальни, ему не требуется никаких дополнительных лавров. И это прекрасно, поскольку я не знаю ничего более опасного, чем желание прослыть героем ради благосклонности какой-нибудь дамы.

Робийард, прищурившись, взглянул на своего спутника:

— Эти слова напомнили мне одного молодого человека, которого я встретил в Лускане много лет назад, когда мир был гораздо спокойнее, а моя жизнь текла по заведенному распорядку.

— Скучно и однообразно, — без колебаний поддакнул Дюдермонт. — Ты так хорошо запомнил эту встречу, потому что, несмотря на все твое упрямство, молодой человек доставил тебе немало радости.

— Или я просто пожалел юного глупца.

Дюдермонт добродушно усмехнулся и поднял бокал, и Робийард чокнулся с ним, присоединившись к невысказанному тосту.

На следующее утро четыре корабля без всякой шумихи вышли из порта Глубоководья

и направились в открытое море. Их отплытие не сопровождалось ни фанфарами, ни приветственными криками толпы провожающих, и даже служба портового священника, призванная обеспечить попутный ветер и уберечь от штормов, прошла тихо, на борту каждого из кораблей, а не в общей мессе для моряков и рабочих дока.

Робийард и Дюдермонт с палубы «Морской феи» оценивали Дисциплину и сноровку — вернее, отсутствие таковых — на трех судах Брамблеберри, пытавшихся держать строй при выходе из гавани. В какой-то момент все они чуть не столкнулись, и на флагмане Брамблеберри, бывшей «Причуде Квелча», к названию которой добавилось еще одно слово — «Справедливость», матросы запутались в такелаже. Брамблеберри сначала хотел полностью переименовать судно, но Дюдермонт его отговорил: такой поступок мог отпугнуть удачу.

— Держись позади остальных на приличной дистанции, — приказал Дюдермонт своему рулевому. — И с левого борта. Поближе к глубокой воде.

— Боишься, что они и нас заденут? — язвительно усмехнулся Робийард.

— Это воины, а не моряки, — ответил Дюдермонт.

— Если они сражаются так же, как управляют кораблем, их можно считать личами, — сказал Робийард и, прислонившись к поручням, уставился на море. — А может, так оно и будет, — добавил он достаточно громко, чтобы услышал Дюдермонт.

— Эта экспедиция тебя тревожит, — заметил капитан. — Больше, чем обычно. Ты так сильно боишься Арклема Грита и своих бывших коллег?

Робийард пожал плечами и довольно долго молчал, но затем все же ответил:

— Вероятно, меня беспокоит отсутствие Арклема Грита.

— Как это? Мы теперь знаем то, о чем уже давно подозревали. Я не сомневаюсь, что жителям Побережья Мечей без их предательской деятельности станет намного легче.

— Жизнь не так проста, какой иногда кажется.

— Я снова спрашиваю: как это?

Робийард молча пожал плечами.

— Или дело в том, что тебя все еще влечет к твоим бывшим собратьям?

Робийард развернулся, чтобы посмотреть капитану в лицо.

— Он... странное существо... Лич... Омерзительное создание.

— Но его могущество тебя пугает.

— К такому противнику надо отнестись со всей серьезностью, так же как и к его приспешникам, — пояснил маг, — Но я вижу, что наш юный Брамблеберри набрал внушительную флотилию, и, в конце концов, я по прежнему рядом с тобой.

— И что же? Что ты имел ввиду говоря, что тебя пугает отсутствие Грита? Что тебе известно, мой друг?

— Мне известно, Арклем Грит является абсолютным правителем Лускана. И он установил свои правила и границы.

— Да, и распространил их даже на пиратов, беспрепятственно совершающих набеги на Побережье Мечей.

— Не так уж беспрепятственно, — поправил его Робийард. — Нужно ли тебе напоминать, что все пятеро верховных капитанов, которые считаются правителями Лускана, когда-то тоже соблюдали эти границы и правила?

— А как мы объясним несчастным жертвам, добропорядочным гражданам, потерявшим в схватке с пиратами своих близких, что морские разбойники действовали согласно установленным правилам? — спросил Дюдермонт. — Можно ли и дальше терпеть эту несправедливость и жестокость из-за страха перед неизвестным будущим?

— Жизнь не так проста, какой кажется, — повторил Робийард. — Главная Башня, Гильдия Чародеев, может, и не самые справедливые правители Лускана, но мы видим результат их правления — мир и спокойствие хотя бы в городе, если уж не в окружающих его морях. А ты уверен, что без них жизнь в Лускане станет лучше?

— Да, — заявил Дюдермонт. — Да, я уверен.

— Таковую решительность я мог бы ожидать только от Брамблеберри.

— Я всю свою жизнь старался поступать правильно, — сказал Дюдермонт. — И не из страха перед каким-то богом или богиней, нет из страха перед законами и обязательствами. Я следую этому правилу, потому что верю: добро должно принести хорошие плоды.

Большой мир не так-то легко контролировать.

— Так и есть. Но разве ты не веришь, что добрые ангелы должны победить? Мир движется вперед, к добру, к спокойствию и справедливости. Такова природа человечества.

— Но этот путь не прямой.

— В этом я с тобой согласен, — сказал Дюдермонт. — И к поворотам и отступлениям нас вынуждают личности вроде Арклема Грита, захватившие не принадлежащую им власть. И когда люди ничего не предпринимают, когда честь и отвага становятся редкостью, они поворачивают нас в сторону тьмы. Они как удушающая пелена над землей, и только самые смелые из людей способны приподнять этот покров и впустить добрых ангелов.

— Это хорошая теория и отличная философия, — произнес Робийард.

— Отважные люди должны поступать так, как велит им сердце! — воскликнул Дюдермонт.

— И в меру своих возможностей, — предостерег его Робийард. — Находясь на льду, нельзя торопиться.

— Только смелые добираются до горных вершин!

«Или падают замертво», — подумал Робийард, но промолчал.

— Ты будешь сражаться рядом со мной, рядом с лордом Брамблеберри против своих бывших братьев-чародеев?

— Против тех, кто не захочет присоединиться к нам по доброй воле, буду, — ответил Робийард. — Я принес присягу тебе и «Морской фее». И я слишком долго уберегал тебя от твоих глупостей, чтобы теперь позволить погибнуть так бесславно.

Робийард хлопнул своего верного товарища по плечу и подошел к поручням, увлекая взгляд Робийарда в открытое море.

— Я действительно опасаюсь, что ты можешь оказаться прав, — признался он. — Когда мы разобьем Арклема Грита и покончим с пиратством, могут возникнуть неприятные обстоятельства, и «Морской фее» придется удалиться на покой. В конце концов нам будет не на кого охотиться.

— Ты не новичок в этом мире. Пираты были до Арклема Грита, есть при нем и останутся в далекие времена, когда его имя занесет пыль истории. Ты сказал, придут добрые ангелы, и я надеюсь и молюсь, чтобы ты оказался прав. Но ведь нас интересует не весь мир в целом, а лишь та крохотная частичка человечества, которая промышляет пиратством у Побережья Мечей, не так ли?

— Эта крохотная частичка усилена могуществом Главной Башни.

— Да, ты, вероятно, прав, — кивнул Робийард. — А может, и ошибаешься, и вот это меня и пугает.

Дюдермонт крепко сжал поручни и устремил немигающий взгляд к горизонту, хотя солнце уже показалось над морем и тысячами бликов заиграло на волнующейся поверхности воды. Долг каждого достойного человека — поступать по справедливости. Долг отважного человека — сражаться с теми, кто угнетает и притесняет незащищенных людей. Долг лидера — жить в соответствии со своими принципами, верить в них и надеяться, что эти принципы приведут его самого и его последователей к лучшему будущему.

Таковы были убеждения Дюдермонта, и он мысленно повторял их, глядя на сверкающее, горячо любимое им море. Он прожил свою жизнь и выработал собственный кодекс чести, верил в хорошего и справедливого лидера, и его убеждения служили ему надежной опорой, как сам он служил жителям Лускана, Глубоководья и Врат Бальдура.

Робийард был хорошо знаком с порядками в Главной Башне и методами Гильдии Чародеев, и Дюдермонт мог положиться на его суждение относительно будущих противников.

Но, позволяя нетерпеливому лорду Брамблеберри и его могучей флотилии участвовать в походе, капитан Дюдермонт не увиливал от своего долга.
Ему хотелось верить, что он поступил правильно.

Глава 8

Под покровом секретности

— Наверное, я старею, и впечатления становятся менее яркими, — пожаловался Реджис, когда они с Дзиртом вышли на широкий луг, заросший травой. — Этот город показался мне не слишком красивым — и вполнину не так хорош, как Мифрил Халл и тем более Серебристая Луна. В то же время я рад, что они хотя бы позволили тебе войти. Здешние жители упрямы, но у меня появилась надежда, что они все-таки способны учиться.

— Меня Мирабар впечатлил не больше, чем тебя, — признался Дзирт, искоса взглянув на хафлинга. — Я слишком долго выслушивал рассказы о его чудесах, но согласен с тобой: по сравнению с Мифрил Халлом он значительно проигрывает. А может, это потому, что народ Мифрил Халла нравится мне куда больше.

— Да, его жители намного приветливее — от короля до самых низов. Но ты должен быть рад такому приему в Мирабаре.

Дзирт пожал плечами, словно не придавал этому никакого значения, да так оно и было на самом деле. Лично ему было все равно, и Дзирт лишь надеялся, что маркиграф Эластул искренне решил восстановить мир с Мифрил Халлом и ушедшими туда дворфами. Это было бы весьма кстати для спокойствия в северных областях, особенно учитывая возникшее на северной границе Мифрил Халла королевство орков.

— Меня больше радует тот факт, что у Бренора хватило решимости ради общего блага прийти на помощь Обальду, — сказал дроу. — Его поступок свидетельствует о больших переменах в нашем мире.

— Или о временной передышке.

И снова Дзирт пожал плечами, а его взгляд выразил смиренное согласие.

— Каждый день без войны с Обальдом обеспечивает нам спокойствие, на которое никто не мог даже надеяться. Когда его орды устремились вниз со своих гор, я считал, что впереди долгие годы войны. А когда орки окружили Мифрил Халл, я опасался, что нам придется навсегда покинуть это место. Даже в первые месяцы перемирия я, как и многие остальные, ожидал неизбежного продолжения военных действий и несчастий.

— Я до сих пор этого жду.

Дзирт улыбкой выразил свое согласие.

— У нас есть веские причины оставаться настороже. Но каждый проходящий день придает будущему немного больше определенности, и это прекрасно.

— А вдруг каждый проходящий день только облегчает Обальду приготовления к продолжению завоеваний? — усомнился Реджис.

Дзирт молча обнял хафлинга за плечи.

— Или это слишком цинично с моей стороны так думать? — спросил Реджис.

— Если это и так, то я с тобой заодно, так же как и Бренор, и леди Аластриэль, которая разослала своих шпионов по всему Королевству Многих Стрел. История наших отношений с орками долгая и довольно неприятная, она полна сражений и предательств. Подумай только: все, что мы знали о них до сих пор, не внушало никакого доверия к оркам, а теперь оказывается, что наши знания нельзя назвать абсолютной истиной. Так что путь мира требует не меньшей отваги, чем путь воина.

— Всегда все оказывается намного сложнее, чем кажется на первый взгляд, правда? — слегка усмехнувшись, спросил Реджис. — Как, например, ты сам.

— Или мой друг хафлинг, который одной ногой ловит рыбу, а второй убегает, в правой руке держит боевую палицу, а левой вытаскивает кошелек у зазевавшегося глупца и в любом случае умудряется набить свое брюхо.

— Должен же я поддерживать свою репутацию, — заявил Реджис и протянул Дзирту кошелек, только что вытащенный из-за пояса дроу.

— Отличная работа, — поздравил его Дзирт. — Ты почти достал его, и я ничего не почувствовал до самого последнего момента. — Он взял свой кошелек и протянул Реджису его палицу с рукоятью в форме головы единорога, которую ловко вытащил из-за пояса хафлинга, пока тот охотился за кошельком.

Реджис с самым невинным видом пожал плечами:

— Если уж мы начали обкрадывать друг друга, я, пожалуй, перейду к более ценным предметам магии.

Дзирт посмотрел поверх хафлинга на север и показал Реджису на огромную черную пантеру, направлявшуюся в их сторону. Он еще в полдень вызвал Гвенвивар из ее астрального жилища и попросил ее пробежаться по округе. До сих пор в пещерах Мифрил Халла он не нуждался в помощи пантеры, да и не хотел спровоцировать несчастный случай, поскольку любой орк из лагеря Обальда при виде Гвенвивар наверняка отреагировал бы залпом стрел или броском копья.

— Хорошо снова оказаться в пути, — заявил Реджис, когда Гвенвивар свернулась рядом с ним клубком.

Хафлинг потрепал шерсть на загривке большой черной кошки, и Гвенвивар ткнула в его ладонь головой и удовлетворенно прищурила глаза.

— Да, ты тоже непрост, как я уже говорил, — заметил Дзирт, впервые сталкиваясь с тягой к странствиям, овладевшей душой его любящего удобства приятеля.

— Как мне кажется, это сказал я, — поправил его Реджис. — Ты просто применил мои слова к моей же натуре. Не такой уж я и сложный, я просто стараюсь ввести в заблуждение своих врагов.

— И друзей тоже.

— Надо же на ком-то практиковаться? — воскликнул хафлинг и еще энергичнее потрепал Гвенвивар по шее, отчего кошка издала довольный рык, который пронесся по долине и заставил всех оленей испуганно поднять головы.

Солнце уже стало склоняться к горизонту, и дикорастущие луга и цветы сменились обработанными полями. С обеих сторон стали появляться амбары и к домики фермеров, а тропинка превратилась в проезжую дорогу. Друзья отыскиали вдали знакомый холм, увенчанный зигзагообразным силуэтом странного, но величественного строения, со множеством высоких тонких шпилей и коротких широких башен. В каждом окне дома уже горел свет.

— Интересно, какие таинственные чудеса припасли Гарпеллы к нашему визиту? — спросил Дзирт.

— Таинственные в первую очередь для них самих, — добавил Реджис, — Если только не успели случайно поубивать друг друга во время своих опытов.

Какой бы легкомысленной ни была их беседа, оба приятеля знали, что в ней содержится доля истины. Они уже много лет были знакомы с эксцентричным семейством чародеев, но никогда не встречались ни с одним членом их клана, за исключением Харкла Гарпелла. И при каждой такой встрече непременно случалось нечто странное. Тем не менее Гарпеллы были верными друзьями Мифрил Халла. Они поспешили на помощь к Бренору, когда темные эльфы из Мензоберранзана напали на его королевство, и отважно сражались в рядах дворфов. Последствия их колдовства, как правило, были совершенно непредсказуемы, зато Гарпеллам нельзя было отказать в могуществе.

— Пойдем напрямик к Иви-Мэншн, — предложил Дзирт, поскольку на городок, стоящий в Длинной Седловине, уже опустились сумерки.

Едва он закончил говорить, словно в ответ, в тишине раздался яростный крик, сопровождаемый рычанием и воплем боли. Дроу и хафлинг, ни минуты не колеблясь, повернули и направились туда, откуда доносились странные звуки, и рядом с ними потрусила Гвенвивар. Руки Дзирта опустились к рукояткам мечей, но пока он не стал

обнажать клинки.

Донесся еще один крик, но слишком далекий, чтобы можно было разобрать слова, потом послышались оживленные восклицания и снова яростные вопли...

Дзирт перешел на бег и легко обогнал Реджиса. Ловко перепрыгивая упавшие ветки и пробираясь между густо растущими деревьями, дроу спустился по длинному склону, выбрался из зарослей подлеска и в изумлении остановился.

— Что это? — спросил хафлинг.

Реджис, спотыкаясь, продолжал двигаться вперед и наверняка упал бы в небольшое озеро, если бы Дзирт не схватил его за плечо.

— Я не помню, чтобы здесь было озеро, — сказал Дзирт и оглянулся на Иви-Мэншн, чтобы точнее определить свое местоположение. — Мне кажется, его не было, когда я посещал эти края в последний раз. А с тех пор прошло не больше двух лет.

— Два года — это целая вечность, когда дело касается Гарпеллов, — напомнил ему Реджис. — Вряд ли ты удивился бы обнаружив на месте городка глубокую воронку. Я прав?

Дзирт его почти не слушал. Он прошел на ровное открытое место и, приглядевшись, заметил темневшую вдали линию лесистого берега островка в центре озера и отблески высокого костра, пробивавшиеся сквозь густую листву.

С острова донеслась очередная порция ругани.

В ответ с правого от Дзирта берега, раздались одобрителные крики, а с левого послышались громкие протестующие возгласы. Обе группы спорщиков были скрыты от его взгляда темной листвой деревьев, лишь кое-где мерцали огни костров.

— Что это? — озадаченно повторил Реджис свой вопрос, точно отражавший мысли Дзирта.

Хафлинг дернул Дзирта за руку и показал налево, где успел заметить очертания причала и несколько привязанных лодок.

— Уходи, Гвенвивар, — приказал Дзирт своей помощнице-пантере. — Но будь готова вернуться по первому зову.

Кошка стала описывать круги на полянке, двигаясь все быстрее и быстрее, пока на ее месте не остались лишь клубы густого черного дыма, означавшие, что пантера вернулась на свой Астральный Уровень.

Дзирт убрал в поясную сумку ониксовую статуэтку пантеры и вслед за Реджисом побежал к причалу. Хафлинг уже отвязал небольшой челнок и готовил весла.

— Неверно выбранное заклинание? — высказал Реджис свое предположение после очередного мучительного вопля.

Дзирт не ответил; он почему-то был уверен, что дело не в этом. Дроу жестом приказал хафлингу пересечь на другое место, а сам взялся за весла и сильными гребками погнал лодку.

А потом до них донеслось нечто еще более странное, чем перебранка и крики боли. Между возгласами спорящих слышалось чье-то повизгивание, а потом раздался звериный рык.

— Волки? — недоуменно спросил Реджис.

Озеро было не слишком широким, и вскоре Реджис заметил причал на острове. Дзирт направил челнок туда. Никем не замеченные, они подплыли к причалу и взобрались на него. Между деревьями, кустарниками и скалами навверх уходила извилистая тропинка, по которой взад и вперед металось множество мелких зверьков. Дзирт мельком заметил, как перед ними проскакал и скрылся пушистый белый кролик.

При виде животных дроу лишь покачал головой и ускорил шаг, и после короткого подъема Дзирт с Реджисом наконец увидели причину волнения.

Но ничего не поняли.

Обнаженный по пояс мужчина стоял в клетке, сооруженной из деревянных кольев, перевитых толстыми веревками. Позади клетки с левой стороны расположились трое мужчин в голубых одеяниях, а три человека в красной одежде сидели за клеткой с правой

стороны. Прямо перед клеткой стояло настоящее чудовище — наполовину волк, наполовину человек; с вытянутой волчьей морды смотрели определенно человечески глаза. Он явно был уже разъярен, прыгал из стороны в сторону, рычал и щелкал оскаленными клыками прямо перед лицом перепуганного пленника.

— Биддердуу? — спросил Дзирт.

— Должно быть, он, — ответил Реджис и шагнул вперед, но Дзирт его остановил.

— Нет ни одного стражника, — сказал он. — Вероятно, существует магический барьер.

Оборотень опять грозно зарычал на пленника, и тот, испуганно отскочив, жалобно захныкал.

— Ты сделал это! — прорычал оборотень.

— Он исполнил свой долг! — выкрикнул один из мужчин в голубой одежде.

— Убийца! — ответил ему человек в красном.

Биддердуу развернулся и сердито зарычал, мгновенно прервав прения, а потом снова повернулся к пленнику и начал читать заклинание, энергично размахивая руками.

Человек в клетке еще больше забеспокоился и тревожно вскрикнул.

— Что?.. — спросил Реджис, но у Дзирта снова не нашлось ответа.

Протестующие вопли пленника стали превращаться в нечленораздельные стоны и мычание, в которых слышались боль и мольба. Затем его тело задрожало и стало извиваться так, что затрещали кости.

— Биддердуу! — заорал Дзирт, и взгляды всех присутствующих, кроме измученного и перепуганного пленника и сосредоточенного на колдовстве мага, обратились в его сторону.

— Темный эльф! — вскричал один из наблюдателей в голубом одеянии, и все трое отпрянули назад, а один даже свалился со скамьи и неловко шлепнулся на землю.

— Дроу! Дроу! — завопили они.

Дзирт их едва слышал. Его глаза фиалкового цвета широко распахнулись при виде пробивающейся на теле пленника шерсти и его трансформирующихся конечностей.

— Ничто не вечно, — растерянно пробормотал Реджис, увидев, что человека в клетке из кольев и веревок больше нет.

Белый пушистый кролик пищал и вскрикивал, словно стараясь сформировать слова, на которые уже была не способна его глотка. Затем он выпрыгнул наружу, легко проскочив между редкими кольями, и помчался в безопасную тень кустарника.

Оборотень дочитал заклинание, злобно фыркнул и, зарывав, обернулся к пришельцам. Но чудовище быстро успокоилось и голосом, слишком утонченным для такого жуткого облика, произнесло:

— Дзирт До'Урден! Рад тебя видеть!

— Я хочу домой, — пропищал Реджис, прижимаясь к боку Дзирта.

В огромном очаге пылал огонь, и кресла, и диван манили своим комфортом, но Дзирт не только не лег, но даже не присел и почти не ощущал тепла.

Их отправили в Иви-Мэншн в сопровождении почти не прекращающихся разрядов молнии, разрывавших темноту горячими ослепительными вспышками по обе стороны от озера. Крики протеста затерялись в раскатах волшебного грома, а вой одинокого волка — одинокого оборотня — и вовсе заставил их умолкнуть.

Вероятно, жители Длинной Седловины давно уразумели, что может последовать за этим воем.

Дзирт и Реджис уже довольно долго находились в комнате вдвоем, если не считать мимолетных появлений служанки, которая спрашивала, не надо ли им еще еды и питья, на что Реджис каждый раз отвечал утвердительно.

— Это совершенно не похоже на Гарпелла, — заметил он, на мгновение прекратив жевать. — Я был знаком с Биддердуу, он всегда отличался свирепостью, и это он убил

Утгенталя из Дома Баррисон Дель'Армго, но это же просто издева...

— Правосудие, — прервал его раздавшийся у двери голос, и двое друзей, обернувшись, увидели вошедшего Биддердуу Гарпелла.

Он больше не был похож на оборотня, а скорее на человека, много повидавшего в этой жизни. Возможно, слишком много. Биддердуу был худощав и потому выглядел выше своего роста, а его волосы, давно поседевшие, буйно торчали в разные стороны, словно к ним давным-давно не прикасалась не только расческа, но и пятерня хозяина. Тем не менее его лицо было чисто выбрито.

Реджис не зная, как реагировать на его вмешательство, и посмотрел на Дзирта.

— Гораздо более жестокое правосудие, чем можно было ожидать от наших добрых друзей Гарпеллов, — произнес Дзирт.

— Пленник намеревался развязать войну, — пояснил Биддердуу. — Я ее предотвратил.

Дзирт и Реджис обменялись неуверенными взглядами.

— Фанатизм заслуживает самых строгих мер, — заявил Гарпелл-оборотень, носивший это проклятие после неудачно произведенного эксперимента по трансформации

— Это не та Длинная Седловина, которую я когда-то знал, — заметил Дзирт.

— Перемены происходят очень быстро, — поспешил согласиться Биддердуу.

— В Длинной Седловине или среди Гарпеллов? — уточнил Дзирт, скрестив на груди руки и нетерпеливо постукивая по полу каблуком.

— И то и другое, — раздался еще один голос, и даже возмущенный хафлинг не мог удержать сердитого выражения на лице. — Конечно же, одно за другим, — продолжил Харкл Гарпелл, проходя в дверь.

Сухощавый маг явился в одеянии трех оттенков голубого и синего цветов, с фестонами и кружевами и с такими длинными рукавами, что они закрывали кисти. На голове у него был белый берет с пуговицей точно такого же синего цвета, как самый темный оттенок его одежды. Харкл носил крашеную бороду, выросшую — не без помощи магии — до неестественной длины. Одна длинная прядь спускалась от подбородка до самого пояса, а две короткие густыми завитками свисали со щек. Волосы на его голове давно поседели, но в глазах сохранился энергичный блеск, которой друзья так хорошо помнили, — обычно он появлялся перед тем, как неосмотрительно произнесенное Харклом заклинание обрушивало на их головы очередное несчастье.

— И город изменился первым, — произнес Реджис.

— Безусловно! — воскликнул Харкл. — Неужели вы могли подумать, что нам все это нравится?

Он подошел к Дзирту и протянул руку, но передумал и заключил дроу в крепкие объятия, едва не подняв его над полом.

— Как приятно видеть тебя, мой старый соратник в охоте на пиратов! — прогудел Харкл.

— Мне кажется, Биддердуу нравится его занятие, — заметил Реджис, чем заставил Харкла стремительно развернуться.

— Вы только что появились и уже осмеливаетесь судить? — откликнулся Биддердуу.

— Я говорю о том, что видел, — сказал хафлинг, не отступив ни на дюйм.

— Ты видел, но не ведаешь смысла произошедшего, — настаивал Биддердуу.

Реджис сердито взглянул на него, а затем повернулся к Харклу.

— Но ты-то понимаешь, — заговорил Харкл, ища поддержки у Дзирта, но суровое выражение лица дроу пресекло его попытку.

Харкл вздохнул, закатив глаза, и тут же чуть не упал, потому что один из его глаз начал быстро вращаться в глазнице. Спустя несколько мгновений обескураженный маг хлопнул себя по голове, и глаз остановился.

— Мои глаза так и не исправились с тех пор, как я решил взглянуть на Бренора.

При этом он многозначительно подмигнул, вспомнив тот случай, когда в результате неудавшейся телепортации только его глаза перенеслись в Мифрил Халл и неожиданно

выкатились на пол в зале приемов Бренора.

— Это я вижу, — пробормотал Реджис. — Брёнор до сих пор закликает тебя больше так не шутить.

Харкл с любопытством взглянул на хафлинга, а потом громко расхохотался. Очевидно решив, что напряженный момент миновал, маг шагнул к Реджису намереваясь обнять и его.

Но Реджис, подняв руку, остановил Харкла:

— Мы заключили мир с орками, а Гарпеллы в это время истязают людей.

— Это акт правосудия, а не пытка, — возразил Харкл. — Истязания? Ничего подобного!

— Я сам это видел, — не унимался хафлинг. — Я видел это обоими своими глазами, прочно держащимися на своем месте, и ни один из них в это время не вращался.

— На том маленьком острове полно кроликов, — добавил Дзирт.

— А вы не хотите узнать, что вы могли бы увидеть, не принимая мы таких жестоких мер к людям вроде жреца Ганибо?

— Жрец? — одновременно воскликнули Дзирт и Реджис.

— Разве не они всегда и везде суют свой нос? — с нескрываемым отвращением спросил Биддердуу.

— Гораздо чаще, чем это необходимо, — подтвердил Харкл. — Вам ведь известно, насколько терпимы жители Длинной Седловины.

— Было известно, — вставил Реджис, и на этот раз глаза закатил Биддердуу, но, поскольку он не проделывал таких фокусов с телепортацией, как его рассеянный кузен, глаза его не стали вращаться.

— Наше восприятие... своеобразие... — неуверенно заговорил Харкл.

— Ты хотел сказать, охват странностей, — поправил его Дзирт.

— Что? — переспросил маг и недоуменно посмотрел на Биддердуу, а затем разразился смехом. — Да, верно! — воскликнул он. — Мы так поглощены хитросплетениями Пряжи Мистры, что не торопимся осуждать других. И это довело Длинную Седловину до серьезной беды.

— Вам ведь известен присущий маларитам нор? — осведомился Биддердуу.

— Маларитам?;

— Поклонникам Малара? — уточнил более осведомленный в этом вопросе Реджис.

— Соперничество богов? — спросил Дзирта

— Хуже, — ответил Харкл. — Соперничество приверженцев.

Дзирт и Реджис с любопытством посмотрели на чародея.

— Две разные секты одного и того же божества, — пояснил Харкл, — Один и тот же бог, но разные эдикты, в зависимости от того, как задан вопрос. Но они готовы убить любого, кто не согласится с их узкой интерпретацией воли этого не слишком симпатичного божества. Эти малариты вечно враждуют между собой, а заодно и со всеми остальными. Одна группа выстроила часовню на восточном берегу Палвела. И сейчас же на западном берегу появилась часовня второй секты.

— Палвел? Озеро?

— Мы так называли озеро в его честь, — сказал Харкл.

— В память о нем, как я понимаю, — заметил Реджис.

— Ну, я точно не знаю, — ответил Харкл, — он ведь пропал вместе с горой.

— Да, конечно, — пробормотал хафлинг, зная, что не должен этому удивляться.

— Так, значит, люди в красных и голубых одеждах, присутствовавшие при... наказании... — заговорил Дзирт.

— Все они жрецы Малара, — ответил Биддердуу, — Одна сторона требовала справедливости, другая, надеюсь, сделала выводы. Наглядность наказаний имеет огромное значение, чтобы в будущем предотвратить подобные действия.

— Он спалил дом, — вставил Харкл. — Вместе с находившимся там семейством.

— И за это был наказан.

— Путем обращения в кролика? — спросил Реджис.

— По крайней мере, в таком состоянии они уже не могут никому навредить, — заявил Биддердуу.

— Кроме одного. напомнил Харкл. — У которого такие большие зубы и слишком высокие прыжки.

— А, этот, — кивнул Биддердуу. — Тот кролик был настоящим злодеем! Похоже, что он овладел единственным оставшимся у него оружием и так больно кусается! — Он повернулся к Дзирту. — Ты не одолжишь мне свою кошку?

— Нет, — ответил дроу.

Реджис едва не рычал от ярости.

— Но ты превратил его в кролика! — вскричал хафлинг, явно считая, что этому поступку не может быть оправданий.

Биддердуу с грустью покачал головой:

— На острове полно деревьев, травы и цветов, так что он вполне доволен.

— Доволен? Он человек или кролик? Что стало с его разумом?

— В настоящий момент он где-то посередине, как мне кажется, — признал Биддердуу.

— Это отвратительно! — заявил Реджис.

— Со временем его разум придет в соответствие с его телом.

— И он полностью превратится в кролика, — горько сказал Реджис.

Биддердуу и Харкл обменялись озабоченными и виноватыми взглядами.

— Ты убил его! — не унимался Реджис.

— Нет он остался жив! — возразил Харкл.

— Как ты можешь это утверждать?

Дзирт положил руку на плечо хафлинга, а когда тот взглянул на него, дроу медленно покачал головой, призывая его утихомирить свой пыл.

— Надо было просто уничтожить их всех, чтобы в Длинной Седловине все осталось так, как было раньше, — проворчал Биддердуу и вышел из комнаты.

— Нам досталась не слишком приятная работа, однако вы не понимаете... — снова попытайся что-то объяснить Харкл, но Дзирт жестом попросил его замолчать.

Дроу прекрасно понимал, в какой нелепой ситуации оказались его друзья Гарпеллы. Он ощутил неприятную горечь во рту, от гнева захотелось кричать во весь голос, но Дзирт сдержался. По правде говоря, ему нечего было сказать и ничто не удерживало его в Длинной Седловине.

— Мы идем по дороге в Лускан, а оттуда — в Долину Ледяного Ветра, — сказал он Харклу.

— А, Лускан! — воскликнул Харкл. — Я побывал там давным-давно, еще в пору ученичества, но по какой-то причине меня не приняли в их знаменитой Главной Башне. А жаль. — Он разочарованно вздохнул и покачал головой, но вскоре его лицо снова прояснилось, как бывало и всегда. — Я могу доставить вас туда в одно мгновение.

Он так энергично щелкнул пальцами и таким широким жестом взмахнул руками, что сбил со стола лампу.

Вернее, сбил бы, если б не Дзирт и его волшебные ножные браслеты. Дроу молниеносным движением метнулся вперед, подхватил лампу и поставил ее на место.

— Мы предпочитаем пройтись, — сказал он. — Идти не так уж и далеко, а небо чистое и погода хорошая. Главное для нас не цель, а сама прогулка.

— Наверное, вы правы, — разочарованно проворчал Харкл и тотчас снова просиял. — Но в таком случае мы не смогли бы перенести «Морскую фею» на много миль, до самого Кэррадуна, не так ли?

— Несчастный случай или невезение? — спросил Реджис у Дзирта, вспомнив о том, как Дзирт и Кэтти-бри вместе с капитаном Дюдермонтом и его океанским кораблем, охотником за пиратами, оказались в изолированном озере на материке. В тот раз Харкл Гарпелл сочинил новое заклинание, которое, как и ожидалось, сработало самым странным

образом, переместив корабль и всех, кто был на борту, в горное озеро.

— У меня есть новое заклинание! — воскликнул Харкл.

Реджис побледнел и отшатнулся, а Дзирт замахал руками, стараясь остановить мага, пока тот не начал свое бормотание.

— Лучше мы прогуляемся, — решительно заявил дроу. Он посмотрел на хафлинга и добавил: — Прямо сейчас, — что вызвало на лице Реджиса выражение крайнего недоумения.

Спустя некоторое время они покинули Длинную Седловину и зашагали по дороге, ведущей на запад. Несмотря на уверенную поступь дроу, Реджис постоянно медлил, поглядывая то направо, то налево, словно ожидая, что его спутник вот-вот свернет.

— В чем дело? — наконец спросил его Дзирт.

— Мы на самом деле уходим?

— Как и планировали.

— Я думал, что ты собираешься только выйти из города, а потом сделать круг и вернуться, чтобы лучше оценить ситуацию.

Дзирт невесело усмехнулся:

— А для чего?

— Мы могли бы пробраться на остров.

— И спасти кроликов? — саркастически спросил дроу. — Не надо недооценивать могущество Гарпеллов — их глупость не препятствует силе их заклинаний. При всей их несуразности, лишь немногие маги в этом мире настолько опутаны Пряжей Мистры, чтобы телепортировать целый корабль вместе с экипажем. Мы можем вернуться и собрать кроликов, а что потом? Просить аудиенции у Эльминстера, ведь, вероятно, только он способен рассеять их двоемер.

Реджис, осознав, что загнан в тупик, даже споткнулся.

— Да и зачем? — снова спросил Дзирт. — Неужели мы, только что появившись на этой сцене, возьмем на себя правосудие в Длинной Седловине? — Реджис решил оспорить его слова, но Дзирт не дал ему говорить. — Подумай, что сделал бы Бренор с тем, кто сжег дом вместе с жившими там людьми? — спросил дроу. — Его правосудие было бы не менее жестким, чем трансмутация. Я думаю, все закончилось бы ударом его зазубренного топора!

— Но это совсем другое дело, — возразил Реджис, сердито качая головой. Вид человека, насильно превращаемого в кролика, явно вызвал у хафлинга весьма сильную реакцию. — Нельзя же... Гарпеллы не могут... Длинная Седловина не... — Реджис запнулся, не в силах подобрать слов, чтобы выразить свое раздражение.

— Да, я этого не ожидал, и мне это очень не понравилось.

— Но ты смиришься?

— Мне не приходится выбирать.

— Жители Длинной Седловины нуждаются в твоей помощи, — заявил Реджис.

Дроу замедлил шаг, потом подошел к валуну у обочины и уселся, глядя на дорогу, по которой они только что прошли.

— Эта ситуация намного сложнее, чем кажется, — сказал он. — Ты ведь вырос в Калимпорте, где правили паши, у каждого из которых имелась собственная армия да еще банды головорезов, верно?

— Да, но это не значит, что я ожидал того же от Гарпеллов.

Дзирт покачал головой:

— Дело не в этом. А как относились к паше его соседи?

— Как к герою, — ответил Реджис.

— И почему же?

Хафлинг прислонился спиной к камню и озадаченно нахмурился.

— Почему на переполненных преступниками улицах Калимпорта таких бандитов, как паша Пуук, считали героем?

— Потому что без них было бы еще хуже, — ответил Реджис, начиная понимать, куда клонит его друг.

— Гарпеллы не придумали способа смирить фанатизм враждующих жрецов и потому карают их силой своей магии.

— И ты с ними согласен?

— Не мое дело соглашаться или не соглашаться, — сказал Дзирт. — Гарпеллы сейчас как крышка на кипящем котле. Не знаю, хорош ли их метод восстановления справедливости или плох, но из того, что мы успели узнать, можно сделать лишь один вывод: без этой крышки Длинной Седловине грозит война, которую мы себе даже не можем вообразить. Секты разных богов, сражающиеся за превосходство, сами по себе ужасны, но, когда борьба начинается между сторонниками одного и того же бога, несчастья неизмеримо возрастают. В юности я уже видел это, друг мой. Ты себе представить не можешь ярости матроны, убежденной, что именно с ней, а не с ее противницей делилась откровениями великая Ллос! — Дроу немного помолчал. — Ты мог бы уговорить меня вернуться, использовать свое влияние или даже мечи, чтобы улучшить ситуацию. Но если это удастся, в чем я сильно сомневаюсь, станет ли легче простым жителям Длинной Седловины?

— Неужели лучше терпеть жестокость Биддердуу? — возмутился Реджис.

— Лучше предоставить людям самим искать выход и вершить свою судьбу, — ответил Дзирт. — У нас нет ни прав, ни сил, чтобы изменять положение в Длинной Седловине.

— Нам даже неизвестно истинное положение.

Дзирт глубоко вздохнул:

— Я достаточно повидал, чтобы знать: если проблемы в Длинной Седловине не так глубоки, как я... мы опасаемся, Гарпеллы сумеют с ними справиться. А если дело обстоит более серьезно, то мы ничем не сможем помочь. Стоит нам вмешаться, как та или другая сторона, а возможно, и обе сразу обвинят нас во всех своих бедах. Лучше уж идти своим путем. Мне кажется, мы оба расстроены проявлением правосудия Гарпеллов, но я должен заметить, что это временные меры.

— Дзирт!

— Это не вечное наказание, потому что Биддердуу как наложил заклятие, так сумеет и снять его, — объяснил дроу. — Он нейтрализует зачинщиков беспорядков, превращая их в безобидных существ. Если только ему не придет в голову превратить их противников в морковки.

— Здесь нет ничего смешного!

— Я согласен, — сказал Дзирт, подмигнул своему смертнику и примирительно поднял руку. — Но кто мы такие, чтобы вмешиваться, и разве Гарпеллы не заслужили наше доверие?

— И ты можешь им после этого доверять?!

— Я верю в то, что как только ситуация улучшится и надобность в таком правосудии отпадет, Гарпеллы проведут обратное превращение и вернут прежний облик безусловно потрясенным и, надеюсь, раскаявшимся людям. Это проще, чем пришить обратно отрубленную голову преступника.

Реджис вздохнул и, казалось, немного успокоился.

— А мы сможем остановиться здесь на обратном пути, при возвращении в Мифрил Халл?

— Ты этого хочешь?

— Не знаю, — честно признался Реджис и тоже посмотрел на далекий городок, все еще сохраняя унылый вид, что было несвойственно жизнерадостному хафлингу. — Это напоминает мне Королевство Многих Стрел, — пробормотал он.

Дзирт взглянул на него с любопытством;

— Все так же, как совсем недавно с Обальдом. Лучший вариант из многих плохих возможностей.

— Я постараюсь не забыть и передам твои слова Бренору.

Реджис поднял на него безучастный взгляд, потом на его лице появилась улыбка, она становилась все шире и шире, пока не сменилась искренним, хотя и не слишком веселым

смехом.

— Пойдем, — скомандовал Дзирт. — Посмотрим, может, мы сумеем спасти остальной мир.

Двое друзей быстро зашагали по дороге, ведущей на запад, даже не подозревая о пророчестве, заключенном в шутке Дзирта До'Урдена.

Глава 9 Город парусов

Пимиан Лудран, в ужасе размахивая руками, выбежал из таверны. Поворачивая, он упал, ободрал кожу на коленке, но даже не подумал остановиться. Он прокатился по земле, встал на четвереньки, потом все же поднялся и снова пустился со всех ног. Следом за ним в дверях появились два человека в знакомых всем белых с красной каймой одеяниях Главной Башни Гильдии Чародеев. Они зашагали в том же направлении и спокойно продолжали разговор, словно ничего не произошло.

— Неужели он так глуп, чтобы войти в свой собственный дом? — поинтересовался первый.

— Ты принял пари, — напомнил ему второй.

— Нет, он побежит к городским воротам и дальше, по дороге, — настаивал первый, но в этот момент его спутник показал рукой на стоявший поодаль трехэтажный дом.

Перепуганный беглец на четвереньках взбирался по наружной лестнице, цепляясь руками за ступеньки.

Первый маг, признав свое поражение, вытащил волшебную палочку.

— Могу я хотя бы открыть ему дверь? — спросил он.

— Как благородный победитель, я не могу лишить тебя хоть какого-то удовольствия, — ответил его спутник.

Они неторопливо продолжили путь, хотя лестница, огибая дом, свернула на другую сторону и беглец исчез из виду.

— Он живет на втором этаже? — спросил первый маг.

— Какое это имеет значение? — отозвался второй, и они, обменявшись кивками, усмехнулись.

Дойдя до поворота, они увидели дверь, ведущую на второй этаж. Первый маг выставил перед собой тонкий металлический стержень и прочел первые слова заклинания.

— Это человек Верховного Капитана Курта, — вмешался его напарник.

Движением подбородка он указал на противоположную сторону улицы, где крепко сбитый громила, только что вышедший из здания, пристально уставился на двух чародеев.

— Очень кстати, — отозвался первый. — Лишнее напоминание Верховным капитанам никогда не помешает.

И он вернулся к своему заклинанию.

Спустя несколько мгновений ослепительная молния с шипением рассекла воздух между магом и домом, сорвала с петель хлипкую дверь, и горящие обломки полетели в квартиру.

Второй чародей не отставал от своего собрата. После его заклинания в воздухе появился небольшой оранжевый огненный шар, который угодил точно в цель и исчез в разбитом проеме. Отчаянный, ледящий кровь вопль, донесшийся изнутри, подсказал магам, что глупый беглец был знаком с подобными снарядами. Огненный шар.

Через секунду, которая наверняка показалась целой вечностью беглецу и, судя по целому хору перепуганных голосов, его жене и детям, заклинание исполнилось. Пламя с ревом вырвалось из двери, из каждого окна и каждой незакрытой трещины в стене. Сам по себе взрыв не был сильным, но огонь жадно пожирал сухое дерево старого дома и в одно мгновение охватил весь второй этаж, а потом прорвался через перекрытия и быстро распространился по третьему.

Пока маги любовались своей работой, на маленький балкончик третьего этажа выбежал мальчик в горячей одежде. Он совсем потерял голову от боли и страха, не раздумывая, перепрыгнул через перила и рухнул на мощенную камнем улицу.

Судя по силе удара и треску, он наверняка переломал себе все кости и остался лежать на мостовой, вероятно умирая.

— Как жаль, — произнес первый маг,

— Это вина Пимиана Лудрана, — ответил второй.

Несчастный беглец имел наглость стащить кошелек у послушника низшего ранга из Главной Башни. Юный маг немного перебрал крепких напитков и стал легкой добычей, так что бродяга Лудран не мог удержаться от искушения.

В прежние времена за подобный проступок виновника арестовали бы и бросили в Карнавал Воров, где он, вероятно, остался бы в живых, разве что без пальцев. Но Арклем Грит решил, что пора продемонстрировать силу. Крестьяне в последнее время слишком осмелели, и, что еще хуже, верховные капитаны стали считать себя правителями города.

Оба мага повернулись назад, чтобы посмотреть на соглядателя Курта, но тот уже юркнул в тень и, несомненно, стремглав побежал с докладом к своему господину.

Арклем Грит будет доволен.

— Эта работа одновременно воодушевляет и изматывает меня, — признался второй маг и вернул своему собрату волшебную палочку. — Мне действительно нравится применять полученные знания на практике. — Он перевел взгляд на мостовую, где неподвижно лежавший мальчик все еще негромко стонал. — Но...

— Крепись, брат, — ответил первый, уводя его прочь. — Мы служим великой цели, и в Лускане сохраняется спокойствие.

Пожар не утихал всю ночь и успел уничтожить еще три соседних дома, пока местные жители не справились с огнем. Утром из-под развалин извлекли одиннадцать тел, включая и Пимиана Лудрана, который с такой гордостью принес утром своей голодной семье цыпленка и свежих фруктов. Настоящего цыпленка! Первая приличная еда за целый год, когда они питались только заплесневевшим хлебом и подгнившими овощами.

Первая настоящая еда для его маленькой дочки.

И последняя.

— Если бы я хотел поговорить с отпрыском Ретнора, я бы так сразу и сказал! — воскликнул Дюраго, старший капитан из команды Верховного Капитана Барама.

Закончив тираду, он замахнулся на солдата из команды Ретнора, пытавшегося проводить посетителя в приемную Кенсидана. Но, увидев у входа страшного Ворона, до лица которого было видно, что он слышал каждое слово, Дюраго удержался от удара.

— Мой отец передал мне все текущие дела, — спокойно сказал Кенсидан. В соседней комнате, недостижимый для глаз Дюраго, при этих словах тихонько усмехнулся Верховный Капитан Сульджак. — Если ты хочешь говорить с капитаном Ретнором, придется обсуждать проблемы со мной.

— Верховный Капитан Барам приказал мне говорить лично с Ретнором. Как ты можешь отказать Верховному Капитану к переговорам равным ему по званию?

— Но ты же не Верховный Капитан.

— Я его доверенный представитель.

— И я тоже, для своего отца.

Этот разговор сильно обескуражил не слишком образованного Дюраго, но он так энергично замотал головой, что Кенсидан уже представил себе, как из его ушей вот-вот посыплются тараканы. Наконец капитан потер огромными ладонями покрасневшее лицо.

— И ты будешь передавать мои слова Ретнору, так что они попадут к нему из вторых рук... — попытался он спорить.

— Из третьих, поскольку Барам передал свое сообщение через тебя.

— Вот еще, — огрызнулся Дюраго. — Все, что сказал Барам, я повторю слово в слово!

— Тогда начинай.

— Но мне не нравится, что ты потом будешь передавать мои слова своему отцу и решать, что делать.

— Если после твоего сообщения и надо будет что-то предпринять, мой добрый Дюраго, командовать буду я, а не мой отец.

— Ты что, считаешь себя Верховным Капитаном?

— Ничего подобного, — ответил сообразительный Кенсидан. — Просто я веду все текущие дела, в том числе и переговоры с такими посетителями, как ты. Так что, если ты хочешь рассказать, что беспокоит Верховного Капитана Барама, можешь сделать это сейчас, и поскорее, поскольку у меня ещё много дел на сегодняшний день.

Дюраго оглянулся по сторонам и снова потер обветренное лицо руками.

— Пойдем вон туда, — потребовал он, указав на дверь за спиной Кенсидана.

Кенсидан поднял руку, чтобы задержать посетителя, а сам открыл дверь кабинета.

— Освободите кабинет, нам надо обсудить важные дела! — крикнул он, якобы для стражников, а на самом деле давая время Сульджаку выйти через боковую дверь в соседнее помещение, откуда он мог так же хорошо слышать их разговор.

Затем он жестом пригласил Дюраго в свою приемную и, пройдя первым, занял ничем не приметный, но самый высокий стул.

— Ты чуешь дым? — спросил Дюраго.

Известие о том, что кто-то из верховных капитанов обратил внимание на причиненный магами Главной Башни ущерб городу, вызвало на лице Ворона слабую усмешку.

— Здесь нет ничего смешного! — рыкнул Дюраго.

— Верховный Капитан Барам приказал тебе сказать именно это? — спросил Кенсидан.

Дюраго, широко открыв глаза и раздув ноздри, едва сдерживался.

— Мой капитан из-за этого пожара лишился весьма ценного купца, — сказал он.

— И о чем ты хотел попросить Ретнора?

— Мы хотим выяснить, у какого Верховного Капитана служил этот мошенник, который навлек на себя огонь возмездия, — объяснил Дюраго. — Его зовут Пимиан Лудран.

— Я уверен, что никогда раньше не слышал этого имени, — ответил Кенсидан.

— И твой отец сказал бы то же самое? — усомнился Дюраго.

— Верно, — последовал ответ. — А какое тебе до дело? Ведь Пимиан Лудран уже мертв, не так ли?

— А откуда тебе известно, если ты даже не слышал его имени? — подозрительно спросил Дюраго.

— Мне донесли, что двое магов сожгли дом, где скрылся человек, навлекший на себя гнев Главной Башни, — объяснил Кенсидан. — Я полагаю, что их жертва не могла ускользнуть, хотя лично мне нет до этого дела. Так вы хотите получить компенсацию с того Верховного Капитана, который держал у себя на службе этого глупца Лудрана, если только он вообще где-то служил, верно?

— Мы хотим выяснить, что произошло.

— Чтобы потом подать в Совет Пяти заявление о понесенных убытках и так возместить материальный ущерб?

— Это было бы только справедливо, — проворчал Дюраго.

— «Справедливо» было бы в том случае, если бы вы получили компенсацию с Главной Башни и Арклема Грита, — возразил Кенсидан.

Крепыш Дюраго поморщился при одном лишь упоминании о могущественном архимаге, и, глядя на его сконфуженное лицо, Ворон снова улыбнулся.

— То, что произошло вчера вечером, характер и жестокость наказания, все это было проделано с одобрения Арклема Грита и его собратьев, — сказал Кенсидан. Он уселся поудобнее, закинул ногу на ногу, и, хотя Дюраго остался стоять, он, казалось, уменьшился в

размерах перед этим хрупким и расслабленным на вид исполнителем обязанностей Верховного Капитана. — Проступок этого глупца, возбудившего гнев Главной Башни, — как, ты сказал, его зовут? Лудран? — это другой вопрос. Возможно, у Арклема Грита имелись свои претензии к одному из Верховных Капитанов, если только допустить, что этот глупец действительно состоял на службе у кого-то из них, в чем я сильно сомневаюсь. Но скорее всего дело не в этой. Тем не менее прямым виновником понесенных Барамом убытков является не кто иной, как Арклем Грит.

— Мы так не считаем, — решительно возразил Дюраго, но его решительность была вызвана тем, что при одной мысли обвинить в чем-то всемогущего архимага его охватывал непреодолимый ужас.

Кенсидан пожал плечами.

— Тебе нет смысла разговаривать с Ретнором, — сказал он. — Мой отец не знает этого глупого Лудрана, так же как и я.

— Но ты даже не спросил его, — сердито произнес Дюраго и обвиняющим жестом выставил перед собой заскорузлый палец.

Кенсидан поднял перед собой руки, несколько раз постучал друг о друга кончиками пальцев, потом скрестил руки, все это время глядя в упор на Дюраго и ни разу не моргнув.

Старший капитан Барама как будто съежился под его взглядом: он только что осознал, что находится на вражеской территории и надо бы поостеречься, выдвигая свои обвинения. Он беспокойно посмотрел по сторонам, на лбу выступила испарина и дыхание заметно участилось.

— Иди и передай Верховному Капитану Бараму, что Ретнор ничем не может помочь ему в этом деле, — сказал Кенсидан. — Нам ничего не известно о происшествии, кроме слухов, наводнивших улицы со вчерашнего вечера. Это мое последнее слово по данному вопросу.

Дюраго выпрямился и постарался хотя бы отчасти вернуть свое достоинство. Но справа и слева в комнату уже вошли стражники дома Ретнора, для которых последняя фраза Кенсидана послужила сигналом окончания аудиенции.

— И не забудь передать Верховному Капитану Бараму, что в случае необходимости обсудить вопрос какой-то еще с Ретнором Кенсидан его с радостью примет, — добавил Ворон.

Не успел Дюраго найти достойный ответ, как Кенсидан, повернувшись к двум стражникам, жестом приказал проводить посетителя.

Как только Дюраго покинул приемную, из-за боковой двери появился Верховный Капитан Сульджак.

— Как удачно для нас, что Арклем Грит немного переусердствовал и что этот человек, к счастью, жил по соседству с купцами Барама, — сказал он. — Барама не так-то легко было склонить на нашу сторону. Отличное совпадение по времени и месту действия.

— Только глупец может полагаться на удачу и совпадения в такое критическое время, — довольно откровенно высказался Кенсидан.

За его спиной вооруженный дворф, перехватив недоуменный взгляд Верховного Капитана Сульджака, негромко хихикнул, а тот в очередной раз понял, что сын Ретнора опережает его в своих мыслях на много шагов вперед.

— Сегодня при высоком приливе в нашей гавани бросит якорь «Морская фея», — сказал Кенсидан, стараясь не рассмеяться при виде изумления на лице Сульджака. — А вместе с ним и три корабля лорда Брамблеберри из Глубоководья.

— Интересные настали времена, — только и мог вымолвить Верховный Капитан Сульджак.

— Мы могли бы пройти напрямик в Долину Ледяного Ветра, — заметил Реджис, когда

он и Дзирт проходили через тяжелые, хорошо охраняемые ворота Лускана.

При этом он оглянулся через плечо и с негодованием посмотрел на стражников. Воины не слишком тепло приветствовали гостей, и в основном их подозрение было направлено на темнокожего спутника Реджиса.

Дзирт не стал оглядываться: если суровые лица стражников его и беспокоили, то он этого никак не показывал.

— Никогда бы не подумал, что мой друг Реджис предпочтет тяжелую дорогу теплой постели в полном соблазнов городе, — сказал дроу.

— Я уже устал от постоянных критических замечаний, — пожаловался Реджис. — И от насмешек. Как ты можешь все это выносить? Сколько еще тебе придется доказывать свою полезность и достоинство?

— Почему меня должно беспокоить отношение невежественных стражников в чужом городе? — спросил Дзирт. — Вот если бы они не позволили мне войти, как это случилось во время возвращения вместе с Бренором в Мифрил Халл, тогда бы это коснулось меня и моих друзей, тут-то и следовало бы огорчаться. Но мы ведь прошли через ворота, не так ли? Их взгляды не могут повредить моей спине, даже если бы на мне не было рубашки из мифрила.

— Но ведь ты истинный друг и союзник Лускана! — с негодованием воскликнул Реджис. — Ради их спокойствия ты не один год сражался на «Морской фее». И это было не так уж давно.

— Эти стражники мне незнакомы.

— Но они должны знать тебя, хотя бы понаслышке.

— Если бы они еще и верили этим рассказам.

Реджис возмущенно тряхнул головой.

— Я не собираюсь доказывать, что могу приносить пользу, никому, кроме тех, кто мне дорог, — сказал ему Дзирт, обняв хафлинга за плечи. — И это я делаю всю свою жизнь и уверен, что те, кого я люблю, оценят добро и примут зло. Разве что-то другое имеет значение? Разве взгляды стражников, которых я даже и не знаю могут как-то повлиять на мое настроение, на взлеты и падения в моей жизни?

— Меня просто злит...

Дзирт благодарный за поддержку, привлек хафлинга к себе и засмеялся.

— Если такой презрительный взгляд я получу от тебя, Бренора или Кэтти-бри, вот тогда я буду переживать, — сказал дроу.

— Или у Вульфгара, — добавил Реджис, и при этом плечи Дзирта слегка поникли, потому что он не знал, чего можно ожидать от встречи с другом-варваром.

— Пошли, — сказал Дзирт, увлекая приятеля в боковую улочку, — Давай насладимся комфортом «Абордажной сабли» перед самым тяжелым участком дороги.

— Дзирт До'Урден! Приветствую! — закричал человек с противоположной стороны улицы, узнав дроу, который так прекрасно проявил себя в героической команде капитана Дюдермонта.

Дзирт ответил улыбкой и помахал рукой.

— А это заслуживает твоего внимания, в отличие от презрительных взглядов стражников? — ехидно спросил Реджис.

Дзирт попался в ловушку и ненадолго задумался, опасаясь оказаться непоследовательным или неискренним. Реджис его поддел. Если для него важно лишь мнение друзей, и ничье другое, тогда, согласно логике, его не должно волновать не только отрицательное отношение, но и положительное.

— Только потому, что я сам это позволяю, — наконец ответил дроу.

— Из тщеславия?

— Верно, — пожав плечами, рассмеялся Дзирт.

Вскоре они добрались до «Абордажной сабли» — ничем не примечательной портовой таверны в доках Лускана, где собирались прибывшие или готовившиеся к отплытию моряки торговых судов. Здесь, поблизости от гавани, было нетрудно понять, почему Лускан

называли еще и Городом Парусов. Вдоль длинных причалов поднимались высокие остовы кораблей, и еще больше судов стояло на якорях. Их было так много, что Дзирту казалось, будто весь город мог поместиться на их палубах и выйти в море.

— Никогда не испытывал тяги к морским прогулкам, — сказал Реджис.

А когда Дзирт оторвался от живописного зрелища и опустил взгляд, его встретила понимающая усмешка хафлинга.

Дроу только улыбнулся в ответ и повел своего друга в таверну.

В приветствии поднялась не одна полная кружка; особенно тепло здоровались с Дзиртом, чья репутация в Лускане и впрямь была хорошо известна. Но кое-кто просто окинул странную пару мимолетным взглядом, поскольку в «Абордажной сабле» трудно было удивить кого-то необычным видом.

— Да это же Дзирт До'Урден во плоти, в своей черной плоти! — воскликнул дородный хозяин заведения, когда дроу подошел к стойке бара. — Что заставило тебя вернуться в Лускан после спуска столько лет?

Хозяин протянул руку, и Дзирт крепко пожал ее.

— Рад тебя видеть, Арумн Гардпек, — сказал он. — Возможно, я вернулся лишь для того, чтобы убедиться, что ты по-прежнему стоишь за стойкой. Мне нравится, когда все идет своим чередом.

— А на что еще способен такой старый глупец, как я? — ответил Арумн. — Значит, ты приплыл вместе с Дюдермонтом?

— С Дюдермонтом? Разве «Морская фея» в гавани?

— Да, а рядом с ней еще три корабля какого-то лорда из Глубоководья.

— И все они рвутся в бой, — добавил один из посетителей, худой коротышка, тяжело облокотившийся о стойку, словно не мог стоять без поддержки.

— Ты же помнишь Лягушачьего Джози, — сказал Арумн, когда Дзирт оглянулся, чтобы посмотреть на нового собеседника.

— Да, — вежливо ответил Дзирт, хотя и не был в этом уверен. Но поддержал разговор с Джози: — Если капитан почему же он сошел на берег?

— На этот раз он воюет не против пиратов, — пояснил Джози, не обратив призывающего его держать язык за зубами и кивающего на некоторых посетителей, которые прислушивались чересчур внимательно. — Дюдермонт выбрал более крупную добычу! — со смехом добавил Джози и, заметив помрачневшее лицо Арумна, с невинным видом пожал плечами.

— Ходят разговоры, что сражение произойдет в самом Лускане, — тихо заговорил Арумн, так, чтобы услышать его могли только Дзирт и Реджис — и Джози, который даже наклонился в его сторону, — Дюдермонт привел с собой целую армию, и, как говорят, у него есть на это свои причины.

— Его бойцы не для сражений в открытом море, — опять громким голосом заявил Джози, за что получил еще один сердитый взгляд Арумна.

Все четверо помолчали, и Реджис с Дзиртом посмотрели друг на друга, не зная, как отнестись к таким новостям.

— Мы идем напрямик на север, — напомнил Реджис Дзирту.

Дроу с готовностью кивнул, но Реджис почему-то не был уверен в его намерениях.

— Дюдермонт был бы рад тебя увидеть, — сказал Арумн. — Очень рад, могу поспорить.

— Я тоже могу поспорить, что стоит тебе с ним встретиться, и ты останешься, чтобы сражаться с капитаном бок о бок, — смиренно произнес Реджис.

Дзирт усмехнулся, но промолчал.

Ранним утром следующего дня Реджис и Дзирт покинули «Абордажную саблю», предположительно направляясь в Долину Ледяного Ветра, но их путь проходил мимо причалов Лускана, где на своем обычном и почетном месте стояла «Морская фея».

Еще до полудня Дзирт встретился с капитаном Дюдермонтом и энергичным молодым

лордом Брамблеберри из Глубоководья.

И два друга из Мифрил Халла в тот день так и не покинули Город Парусов.

Часть 2

Принцип морали

После выхода из Длинной Седловины я постарался успокоить Реджиса. Я старался держаться спокойно и уверенно, полный решимости продолжать путь. Да, внутри меня все переворачивалось и сердце сжималось от боли. Увиденная мной картина в недавно мирном и спокойном поселении потрясла меня до глубины души. Я давно знал Гарпеллов, вернее, думал, что знаю, и больно было видеть, что они вступили на опасный путь авторитарной жестокости, достойной разве что слугителей проклятого Карнавала Воров в Лускане.

Я не могу утверждать, что ситуация там критическая и требует безотлагательного вмешательства, но потенциальный исход, который я так ясно вижу, вызывает у меня глубочайшую печаль.

И я спрашиваю себя: где пролегает граница между стремлением к порядку и моралью? В какой момент мы ее переступаем и, что более важно, когда, если такое вообще возможно, во имя высшего добра можно поступаться основными принципами морали?

В мире, в котором я живу, подобные тонкости часто связаны с расовыми различиями. Благодаря своей темной коже и эльфийскому происхождению я сам в этом не раз убеждался. Рамки морали очень удобно, растягиваются, когда дело касается «чужаков». Можно безнаказанно уничтожать орков или дроу, а вот дворфов, людей и эльфов трогать нельзя.

Что станет с этой моралью, если король Обальд и дальше будет придерживаться своего необычного курса? А как она может отразиться на мне? Можно ли считать меня и Обальда аномалиями, исключениями из жестоких и давно укоренившихся правил, или это проблески более широких возможностей?

Я этого не знаю.

В Длинной Седловине я сдерживал слова и клинки. Это была не моя битва, поскольку у меня нет ни времени, ни статуса, ни сил, чтобы привести ситуацию к логическому завершению. Мы с Реджисом не могли бы даже вмешаться в происходящие на наших глазах события. Потому что Гарпеллы, при всем их безрассудстве, весьма могущественные чародеи. Они не будут спрашивать ни разрешения, ни одобрения у темного эльфа и хафлинга, идущих своей дорогой вдали от дома.

И может ли в таком случае прагматизм оправдать мое бездействие и мои последующие заверения, высказанные Реджису, явно обеспокоенному увиденным?

Я могу солгать ему или, по крайней мере, скрыть собственную тревогу. Но не могу скрыть ее от самого себя. Увиденная в Длинной Седловине сцена сильно потрясла меня, она ранила мое сердце и возмутила мысли.

И еще напомнила мне, что я лишь мельчайшая частица огромного мира. В запасе у меня еще остались надежда и вера в правильность выбора Гарпеллов. Это прекрасное и благородное семейство, обладающее если не здравым смыслом, то высокими принципами морали. Я не могу поверить, что совершаю ошибку, доверяясь им, но все же...

И словно в ответ на мои сомнения, в Лускане я обнаруживаю довольно похожую ситуацию, но перспектива представляется мне совершенно противоположной. Если верить капитану Дюдермонту и его юному другу, лорду из Глубоководья, власти Лускана уже переступили опасную черту. То, что собирается сделать Дюдермонт, даже нельзя назвать переворотом, поскольку Гильдия Чародеев никогда не была официальным правительством Лускана.

Не превратится ли в подобие нынешнего Лускана и Длинная Седловина, когда Гарпеллы укрепят свою власть путем последовательных трансформаций и изоляции

кроликов? Может, Гарпеллы тоже подвержены этой болезни, вызывающей жажду власти, которая, видимо, поразила высшие уровни Главной Башни? Не в этих ли случаях должны восторжествовать добрые намерения? Но я опасюсь, что любой правящий орган, который в борьбе против зарвавшихся лидеров руководствуется лишь добрыми намерениями, обречен на неминуемую и жестокую неудачу. И потому я присоединяюсь к Дюдермонту, который намерен исправить эту ошибку.

Но и здесь я ощущаю некоторые противоречия. Ведь не события в Длинной Седловине заставили меня остаться в Лускане. Я откликнулся на призыв человека, которого хорошо знаю. А все мои доводы в разговоре с Реджисом были простыми утешениями. Да, Гарпеллы проявили жестокость, но я ничуть не сомневаюсь, что отсутствие сурового правосудия приведет к ожесточенной и беспощадной борьбе между двумя группами священников и их последователей.

Но если это действительно так, что станет с Лусканом, лишившимся теневой властной структуры? Всем известно, что Гильдия Чародеев тайно контролирует Совет Пяти Капитанов, чьи личные цели и желания нередко расходятся с общими интересами. Этот орган никогда не ставил улучшение жизни населения Лускана выше своих собственных целей.

Капитан Дюдермонт объявляет войну Главной Башне. Но я боюсь, что победить Арклема Грита будет куда легче, чем найти ему замену.

Я, малая частица, этого огромного мира, останусь с Дюдермонтом. Нам предстоит сражение, которое, несомненно, затронет судьбы очень многих людей, и остается лишь надеяться, что Дюдермонт и я, а также множество людей, которые пойдут за нами благодаря своим добрым намерениям сумеем добиться достойных результатов.

А если это удастся, не вернуться ли мне потом? Длинную Седловину?

— Дзирт До'Урден

Глава 10

Тактика и огненные шары

— Что за блестящая идея — начать войну против магов! — съязвил Реджис и тотчас испуганно вскрикнул и, отскочив назад, спрятался под дождевым стоком.

Из открытой двери стоящего неподалеку здания вырвалась огненная молния и оставила в земле небольшую канавку как раз на том месте, где только что стоял хафлинг.

— Они ужасно упрямы, — добавил Дзирт и, высунувшись из-за бочки, выпустил подряд три стрелы из Тулмарила.

Все три зашипели магическим пламенем, с молниеносной скоростью исчезли в темном прямоугольнике дверного проема и громко стукнулись о какую-то невидимую поверхность.

— Надо выбираться отсюда, — сказал Реджис. — Он — или они — знает, где мы находимся.

Дзирт покачал головой, но тоже пригнулся и вскрикнул, когда вторая молния ударила в стоящий перед ним бочонок. Дерево разлетелось обугленными щепками, а из пробоины хлынула струя густого пенящегося пива.

— Может, ты и прав, — признал дроу.

— Позови хотя бы Гвенвивар! допросил Реджис, но Дзирт, даже не дослушав его, отрицательно качнул головой.

Гвенвивар сражалась рядом с ними всю ночь, но пантера с Астрального Уровня могла находиться в реальном мире лишь ограниченное время. Исчерпав свой лимит, она стада слишком слабым и уязвимым союзником.

Реджис взглянул в другую сторону, где к послеполуденному солнцу поднимался столб черного дыма.

— А где Дюдермонт? — жалобно спросил он.

— Ты и сам знаешь, что он сражается на мосту через гавань.

— Но кто-то же должен прийти нам на помощь!

— Мы ведь разведчики, — напомнил ему Дзирт. — Мы даже не собирались вступать в бой.

— Разведчики на войне, которая началась слишком быстро, — уточнил Реджис.

Еще день назад они сидели в каюте Дюдермонта на «Морской фее» и никто не мог с уверенностью сказать, что сражение состоится. Но после полудня Дюдермонт, вероятно, связался с одним или несколькими верховными капитанами и получил ответ на их с лордом Брамблеберри запрос. Ответ поступил и из Главной Башни тоже. Вернее, если бы всегда бдительный Робийард не перехватил послание при помощи магической энергии, капитан Вайлан Миканти превратился бы в жабу.

И война началась — неожиданная и жестокая, а гвардия Лускана, расколота между пятью верховными капитанами, не предприняла ни малейших шагов, чтобы препятствовать обходному маневру Дюдермонта.

Сначала он направился на север, через руины древнего Иллуска и главный открытый рынок Лускана, на берег реки Мирар. Переправа на второй остров, под названием Сабля, и лобовая атака на Главную Башню не имели смысла, поскольку Гильдия Чародеев по всему городу разместила свои опорные пункты и крепости-спутники. Дюдермонт намеревался сначала сократить зону влияния Арклема Грита, но каждый шаг давался с большим трудом.

— Будем надеяться, что нам удастся самостоятельно справиться с этим непредвиденным препятствием, — сказал Дзирт.

Реджис перевел свой ангельский, хотя и нахмуренный взгляд на лицо дроу, и по его выражению понял, что Дзирт деликатно намекает на причину, по которой они привлекли к себе внимание мага, притаившегося в доме напротив.

— Но я так хотел пить, — тихонько пробормотал Реджис, вызвав усмешку на губах Дзирта и косой взгляд в сторону груды пивных бочонков, соблазнивших хафлинга выйти на открытое пространство.

— Сейчас напьешься, — пообещал Дзирт и, заметив третью молнию, опять вскрикнул и прижал Реджиса к земле.

Огненная стрела просвистела в воздухе и ударила в верхушку емкости для воды, сорвав по пути и одну из досок крыши. Земля еще не перестала дрожать от удара, а на двух друзей уже хлынула вода.

Реджис откатился в одну сторону, Дзирт — в другую и мгновенно встал на одно колено.

— Вот и питье, — проворчал он, снова натягивая тетиву.

Первая стрела опять влетела в открытую дверь, вторая — на всякий случай — разбила стекло в окне второго этажа. Дзирт продолжал стрелять без передышки, и волшебный колчан исправно пополнял запас магических снарядов.

Из дома вылетел совершенно другой снаряд — три пульсирующих магических огонька, вращающихся друг вокруг друга. И эта тройка безошибочно направилась в сторону Дзирта.

Один огонек вспыхнул в последний момент, когда дроу безуспешно пытался уклониться от заряда. Он вильнул в воздухе и попал точно в грудь Реджису, подпалив одежду и тряхнув хафлинга разрядом энергии.

Дзирт болезненно поморщился и сердито выругался, приняв удары двух других шариков, а затем развернулся и послал стрелу в то окно, откуда они вылетели. Дроу внимательно огляделся по сторонам, отыскивая подходящее укрытие от постоянного магического обстрела. Следующая стрела вонзилась в дверной косяк и рассыпалась фейерверком: огненных искр.

Дзирт воспользовался этим прикрытием и стремглав бросился по улице направо, чтобы спрятаться за грудой бочек. Он было счел, что уловка удалась, и приготовился упасть на землю, ожидая очередной молнии, но в следующее мгновение понял всю глупость своего маневра: из окна второго этажа плавно вылетел небольшой раскаленный шарик.

— Дзирт! — закричал Реджис, стараясь предостеречь дроу.

А потом приятель хафлинга исчез — просто исчез под волной огня, окатившей и груды бочек, и стену стоявшего рядом дома.

«Морская фея» с трудом преодолевала сильное течение реки Мирар. С северного берега, где группа магов Главной Башни отчаянно пыталась сдержать атаку людей Брамблеберри, пытавшихся овладеть самым западным мостом, до нее изредка долетали случайные молнии.

— А ты говорил, что мы не сможем ничего добиться, пока не потеряем по десятку наших людей на каждого мага, — заметил Дюдермонт, обращаясь к стоявшему рядом Робийарду. — Но похоже, что Брамблеберри подобрал отличную команду.

Робийард никак не отреагировал на это саркастическое высказывание, его вниманием полностью завладела разворачивающаяся перед ними сцена. Некоторые части моста были охвачены огнем, но пламя не спешило распространяться на всю конструкцию. Один из магов Брамблеберри уже призвал на помощь элементаля с Уровня Воды, а это существо огня не боялось.

Кто-то из вражеских магов ответил на появление элементаля, призвав собственного помощника — огромное существо, состоящее из земли, обломков скал, глины и дерна. Элементаль с Уровня Земли был похож на оживший холм, только с мощными руками из соединенных глиной камней и пальцами из булыжников. Элементаль Земли бултыхнулся в реку и вступил в бой. Его структура оказалась достаточно прочной, чтобы вода не размывала грязь, и обе враждующие стороны, казалось, замерли, наблюдая за единоборством потусторонних союзников, лишь вызвавшие их маги читали заклинания, придавая своим питомцам все новые силы.

С южной оконечности гавани, с Кровавого острова, раздался звук трубы, и из лагеря Брамблеберри показался отряд конных воинов в сияющих доспехах, с развевающимися знаменами и блестящими под утренними лучами солнца наконечниками копий. Всадники стремительно поскакали на широкий мост.

— Идиоты, — пробормотал себе под нос Робийард и покачал головой.

— Лево руля! — приказал рулевому Дюдермонт.

Он не хуже Робийарда понимал, что людям Брамблеберри потребуется поддержка. «Морская фея» заскрипела от напряжения, начала поворачиваться, и речное течение ударило в борт, угрожая снести корабль на одну из скал, повсюду торчавших из берегов Мирар. Судно в таком положении не могло остановиться, но в этом не было необходимости. Канониры в мгновение ока зарядили катапульту смолистыми шарами, моментально разгоревшимися на ветру.

В мост устремился шквал молний, сопровождаемых огненными шарами, и всадники исчезли в облаке дыма, огня и ослепительных вспышек.

Спустя несколько секунд они снова появились, сильно обожженные и не такие гордые и уверенные. Поредевший отряд стал быстро отступать на берег.

Но ликование от этой победы недолго длилось в стане чародеев Главной Башни. Выстрел с «Морской фей» угодил в одного из сооружений, служивших укрытием магам Гильдии. Деревянное здание мгновенно вспыхнуло от основания до крыши, и чародеи поспешно бросились искать другое безопасное место.

Солдаты Брамблеберри снова вернулись на мост,

— Держите против течения! — велел экипажу Дюдермонт, заметив, что корабль сносит назад.

Второй заряд вылетел из катапульты, и хотя он немного не долетел до цели, горящая смола окатила бруствер баррикады, сооруженной магами, вызвав еще больше криков и суматохи.

Дюдермонт побелевшими от напряжения пальцами вцепился в ограждение и не

переставал проклинать неблагоприятный ветер и течение. Если бы только удалось сократить дистанцию до полета стрелы, лучники «Морской феи» могли бы быстро переломить ход битвы.

Возвращение воинов Брамблеберри повлекло за собой и ответную реакцию со стороны магов. Над мостом пронеслись энергетические вихри, молнии и огненные шары, и от их взрывов люди корчились в пламени и прыгали с моста, вздрагивавшего от ударов элементаля Уровня Земли.

— Необходимо подойти к причалу и высадиться! — воскликнул Дюдермонт и, обернувшись к Робийарду, добавил: — Подведи корабль ближе.

— Ты хотел сохранить этот сюрприз в тайне, — напомнил ему чародей.

— Нельзя проиграть этот бой, — возразил Дюдермонт. — Только не этот. Брамблеберри стоит на виду у гарнизона Лускана, и солдаты внимательно наблюдают, еще не решив, чью сторону принять. А за спиной у молодого лорда — Главная Башня, и скоро ее защитники тоже вступят в сражение.

— В его распоряжении два уже захваченных моста и дорога вокруг Иллуска, — заметил Робийард. — Да еще обширная рыночная площадь в качестве буфера.

— Магам из Главной Башни не нужно переправляться через реку. Они могут ударить с северной кромки Охранного острова.

— Их нет на Охранном острове, — возразил Робийард. — Верховный Капитан Курт со своими людьми блокировал и восточный, и западный мосты.

— Еще неизвестно, сумеют ли люди Курта хотя бы задержать магов, — настаивал Дюдермонт, — да и сам Курт не присягал нам на верность.

Чародей пожал плечами, привычно вздохнул, повернулся лицом к северному берегу и начал читать заклинание, энергично размахивая руками. После того как стало известно о дополнительных укреплениях Главной Башни в северной части города, Робийард с помощью людей лорда Брамблеберри соорудил причал чуть ниже уровня воды, но достаточно далеко от берега, чтобы к нему могла подойти «Морская фея». Как только Робийард прочел заклинание, отменявшее наложенный двомер, передние столбы причала начали подниматься над водой, и рулевой смог определить курс.

И все же «Морская фея» никак не могла повернуть, чтобы подойти вплотную к причалу, но Робийард и тут нашел выход. Щелкнув пальцами, он через окошко между двумя измерениями переместился на свое привычное место — на приподнятый помост позади гот-мачты. А затем воспользовался магическим кольцом. Сначала для вызова подходящего ветра, а потом и своего элементаля с Уровня Воды. «Морская фея» закрипела и рванулась вперед, а течение реки стало злобно бить в правый борт. Элементаль, усевшись на левый борт, изо всех сил старался выровнять корабль. Канониры произвели третий выстрел и сразу же четвертый.

Отряд солдат Брамблеберри после тяжелого сражения все же сумел преодолеть мост, и в этот момент «Морская фея» наконец подошла к подводному причалу, построенному в сотне футов ниже по течению от моста. Из воды уже показались столбики ограждений, и абордажная команда приготовилась к высадке.

Робийард, полагаясь только на точность заклинаний, опустил веки и сосредоточился на магической цели. Все так же, с закрытыми глазами, он метнул молнию, вонзившуюся в воду точно перед высокими столбами причала. Его выстрел оказался точным, и энергетический заряд разбил цепь, удерживавшую причал. Связки пустых бочонков вытолкнули освобожденный от креплений настил, и он с громким плеском поднялся на поверхность. Члены экипажа стали торопливо прыгать вниз.

— Теперь они от нас не уйдут! — крикнул Дюдермонт.

Едва он успел это сказать, как с реки донесся оглушительный треск, и пролет стоявшего выше по течению столетнего моста рухнул в воды Мирар.

— Отставить высадку! — приказал Дюдермонт тем, кто еще оставался на борту, а сам, подбежав к поручням, прыгнул вниз, не желая покидать тех, кто успел спуститься. —

Отчаливай! Отчаливай! — приказал он рулевому.

— Демонам на смех! — выругался Робийард.

Как только Дюдермонт коснулся ногами причала, маг приказал своему элементалю больше не удерживать корабль, а держаться рядом и отталкивать плывущие по течению обломки моста. Вытащив волшебную палочку, маг решил помочь команде освободить корабль и послал молнию в носовой швартовый канат.

Матросы еще возились с кормовым канатом, а корабль резко вильнул влево, и двое бедолаг, не удержавшись, свалились в холодные воды Мирар.

Робийард опять выругался и, отскочив к корме, мановением волшебной палочки обрезал и второй канат.

Первые балки рухнувшего пролета моста уже доплыли до корабля. Элементаль Робийарда отвел большую часть бревен, но, несколько опор проскочило мимо него и ударило в корпус «Морской феи», уже разворачивавшейся к гавани. Тогда Робийард скомандовал элементалю упереться в корму и подталкивать судно.

Вскоре он увидел, как его друг Дюдермонт со своими людьми соскочил на берег за мгновение до мощного удара о причал огромного обломка. Старые балки пробили ограждения и смяли наскоро построенный настил, так что причал и сам превратился в плавучий мусор, к которому прибавились рассыпавшиеся бочки.

Робийард должен был оставаться на корабле до тех пор, пока вызванный им помощник не выведет «Морскую фею» из устья реки и не доставит в более тихое место. Чародей не спускал глаз с Дюдермонта. В душе он считал, что его друг обречен. Капитан с горсткой людей и небольшим отрядом Брамблеберри оказался в ловушке на северном берегу реки, против целой орды разъяренных магов.

Дзирт тоже видел его приближение — маленький сгусток пламени, притягивающий взгляд, словно свеча, теплый и не опасный на вид.

Но Дзирт прекрасно знал, какая в нем таится угроза, и точно так же понимал, что ему не удастся избежать сильнейшего взрыва. Он резко отвел плечи назад, вытянул вперед ноги и, даже не согнувшись, рухнул спиной на землю. Он не стал отводить руки назад, чтобы смягчить удар, а закрыл ладонями лицо, успев натянуть капюшон плаща.

Промокшая одежда и плащ не спасли его от взрыва, и раскаленное пламя волной ударило в Дзирта, зажигая в его теле тысячи мелких костров. К счастью, все длилось одно мгновение, и огонь погас так же быстро, как и появился. Дзирт понимал, что медлить нельзя. В любой момент чародей мог нанести новый удар, а если в доме не один маг, то следующий огненный шар может быть уже в пути.

Темный альф прокатился по земле, чтобы погасить огоньки, оставшиеся на одежде, и, поднимаясь, скинул дымящийся плащ. А затем встал во весь рост и стремглав бросился к намеченной цели — густой березовой рощице. У самой кромки он прыгнул головой вперед, перевернулся и остался сидеть на корточках, ожидая очередного удара.

Но ничего не произошло.

Дзирт осторожно приподнялся и отыскал взглядом хафлинга: Реджис притаился в грязи за обломками разбитой емкости для воды.

Затем маленькие ручки хафлинга зашевелились, воспроизводя знаки тайного алфавита дроу:

Он ушел?

Пальцы Дзирта замелькали в ответ:

Вероятно, он исчерпал свой арсенал.

Реджис покачал головой — он ничего не понял.

Дзирт повторил сигналы, на этот раз медленнее, но Реджис никак не мог уследить за его сложными жестами.

— У него могли закончиться заклинания! — крикнул дроу, и Реджис энергично закивал в ответ, пока их внимание не привлекло раздавшееся из дома громыхание.

Оставляя за собой огненный след и обуглившиеся доски, к открытой двери приблизилось огромное существо, целиком состоящее из огня — желтого, оранжевого, красного, а кое-где даже голубовато-белого. На первый взгляд существо казалось двуногим подобием человека, но не имело определенной формы, поскольку пламя постоянно колыхалось. Тем не менее, колоссальный сгусток огня целенаправленно двигался вперед.

Вот существо полностью вышло из дома, оставив за собой дымящиеся косяки, и, встало во весь свой гигантский рост, даже издали подавляя двух друзей своими размерами и мощью.

Ужасный элементаль с Уровня Огня.

Дзирт со свистом втянул воздух и поднял Тулмарил, даже не подумав прибегнуть к более привычным мечам. Он не мог сражаться с этим чудовищем на близкой дистанции: из всех четырех природных стихий огонь был самым быстрым и опасным противником в рукопашной схватке. Его выпады мгновенно прожигали кожу, а удар меча, хоть и мог нанести урон чудовищу, грозил повреждением самому клинку — металл раскалялся и мог оплавиться.

Дзирт натянул тетиву и выстрелил, и стрела мгновенно исчезла в завитках пламени.

Огненный элементаль развернулся в его сторону, взревел, словно разом затрещали сотни деревьев, а потом выпустил струю огня, моментально подпалившую все березы.

— Как же мы с ним справимся?! — завопил Реджис и испуганно вскрикнул, когда элементаль окатил огнем остатки емкости. Воздух наполнился густыми облаками горячего пара.

Дзирт не нашелся что ответить. Он выпустил еще одну стрелу, но снова не понял, причинила ли она какой-нибудь вред огненному чудовищу или просто сгорела в его пламени.

А затем он интуитивно повернул лук в сторону дома и выпустил третью стрелу, мимо элементаля, в открытую дверь дома, где притаился чародей.

Раздавшийся изнутри крик подсказал дроу, что он ранил мага, а внезапный разворот разозленного чудовища к дому подтвердил его догадку и вселил некоторую надежду.

Дзирт продолжал стрелять, направляя поток стрел в деревянную стену дома, пробивая в ней дыры. Результаты обстрела были видны по поведению элементаля, который то делал шаг к нему, то возвращался к дому, где прятался маг. Управление подобным существом было делом нелегким и требовало полной концентрации внимания, а Дзирт знал, что при потере контроля чудовище с другого Уровня обязательно обратит всю свою ярость на того, кто его вызвал.

На дом обрушился целый шквал стрел, но эффект был незначительным. Чтобы окончательно развернуть элементаля, Дзирт должен был серьезно ранить чародея.

Но этого не случилось, и вскоре Дзирт понял, что чудовище целенаправленно двигается в его сторону. Маг, вероятно, оправился от первого ранения.

Тем не менее Дзирт, постепенно отступая, продолжал стрелять. Он надеялся хотя бы удержать элементаля на расстоянии или добраться до берега реки, где вода убережет его от ярости огненной стихии. Он хотел крикнуть Реджису, чтобы тот бежал, но, посмотрев в его сторону, не обнаружил хафлинга.

Элементаль с удвоенной энергией возобновил преследование, и Дзирт понял, что чародей сумел защитить себя от стрел. На всякий случай он выпустил по элементалю еще пару стрел, а затем, резко повернув, бросился назад, за угол того дома, где его настиг удар обжигающего шара, едва не стоивший ему жизни.

— Хитрый маг, — услышал он свой собственный голос, когда едва не влетел головой в гигантскую паутину, перекрывающую переулок от одной стены до другой.

Дроу развернулся и увидел, что элементаль уже блокировал выход, и языки его пламени достают до строений с обеих сторон.

— Тогда получай! — крикнул Дзирт и выхватил свои мечи.

Конечно, он не мог разговаривать с существом другого Уровня, но Дзирту показалось, что чудовище услышало его, потому: что сразу же ринулось вперед, яростно размахивая огненными руками.

Дзирт пригнулся, избегая первого удара, потом прыгнул вправо, поверх левой руки элементаля, взбежал вверх по стене и, ощутив, что едва держится под натиском бушующего в доме пожара, соскочил, сделав сальто назад. Приземлился кувырком через голову и, вскакивая, уже держал наготове мечи. Два удара крест-накрест вызвали колоссальные выбросы огня, а значит, задел жизненно важную субстанцию, удерживающую огонь и создающую физически устойчивое существо.

Особую надежду Дзирт возлагал на свой второй меч — Ледяную Смерть, поскольку рожденный морозом клинок не только защищал его от смертоносного пламени, но и с большим удовольствием поражал холодом любое существо, имеющее хоть что-то общее с огнем. Огненный элементаль едва заметил удар Сверкающего, точно так же, как и стрелы Тулмарила, но при соприкосновении с Ледяной Смертью огонь, казалось, слегка потускнел. Элементаль как будто съезжился и отпрянул назад, но тотчас сделал полный оборот, его пламя разгорелось сильнее прежнего, и чудовище с удвоенной яростью бросилось вперед.

Дзирт встретил атаку ослепительным вихрем ударов. Сверкающим он делал короткие взмахи, защищаясь от жалящих огнем выпадов врага, а Ледяная Смерть каждый раз устремлялась вперед, нанося элементалю заметный урон.

Но не убивая его.

До этого было еще далеко, а Дзирт, несмотря на защиту Ледяной Смерти, уже чувствовал жар огромного и свирепого чудовища. Более того, удар элементаля, даже без учета его пламени, был способен свалить даже ога.

Элементаль топнул ногой, и из-под нее во все стороны вырвалось пламя. Оно окатило Дзирта с ног до головы и заставило его от неожиданности подпрыгнуть. Удар справа чуть не застал его врасплох, но дроу припал к самой земле, и огненный кулак угодил в стену горящего здания, оставив в ней огромную дыру.

Из пробоины тоже показался огонь, но Дзирт прыгнул к разломанной стене. Он уперся ногой в нижний край пробоины, оттолкнулся от него и в сальто назад отлетел к противоположной стене. Во время разворота дроу успел бросить оба меча в ножны и ухватиться за край крыши стоявшего напротив дома. Не обращая внимания на боль от удара, он вскарабкался наверх и сумел избежать очередного удара огненной руки, лишь вовремя поджав ноги.

Но, как ловок ни был дроу, элементаль оказался проворнее. Огненное чудовище не взбиралось по стене, а просто прижалось к ней и охватило всю поверхность, а потом поднялось, как огонь поднимается по сухому дереву. Едва Дзирт выпрямился, элементаль уже стоял на крыше, а весь дом под ними был объят пламенем.

Элементаль выстрелил в Дзирта языками огня, и дроу пригнулся, но недостаточно быстро, и даже Ледяная Смерть, хоть и забрала на себя основной жар, не уберегла его от жалящей боли.

Хуже того, крыша позади него тоже загорелась, а элементаль продолжал снова и снова метать пламя, отрезая Дзирту все пути к бегству.

Дроу снова обнажил мечи и вдруг понял, почему элементаль не предпринял такого маневра на земле, — чудовище явно заменило гигантскую паутину и не хотело ее сжигать, открывая тем самым путь к отступлению. Этому существу нельзя было отказать в сообразительности!

— Прекрасно, — пробурчал Дзирт.

— На мост! — приказал Дюдермонт, сбегая с рушившегося причала к скалам, деревьям

и постройкам на берегу, где уже укрылась его команда. — Мы должны отвлечь магов от людей Брамблеберри!

— Нас всего пятнадцать человек, — доложил ему один из бойцов.

— Нам хватит и двух огненных шаров, — послышался другой голос, принадлежавший энергичной женщине из Врат Бальдура, уже два года возглавлявшей почти все абордажные атаки.

Дюдермонт не мог ими не согласиться, но он знал, что иного выбора у них не было. После того как рухнул мост, маги Главной Башни стали одерживать верх, а передовому отряду Дюдермонта отступать было некуда.

— Если мы уйдем или промедлим, они погибнут! — крикнул капитан.

И когда он побежал по берегу на северо-восток, ни один из пятнадцати моряков не колебался ни секунды, все бросились за ним.

Их атака быстро превратилась в череду перебежек и остановок, поскольку маги, заметив приближение нового противника, устремили в их сторону поток мощных энергетических снарядов. Несмотря на то что вокруг имелось множество естественных и построенных людьми укрытий, Дюдермонт понял, что его отряд может быть стерт с лица земли еще на подступах к мосту.

Больше того, солдаты Брамблеберри тоже не имели возможности двинуться вперед: стоило им лишь высунуться из-за остатков опор моста, как навстречу устремлялся шквал огня, льда, электричества и потусторонних созданий. Элементалю удалось уничтожить объединенными усилиями нескольких людей и дружественных волшебников, но не успели они порадоваться своей победе, как на его месте появилось демоническое существо, призванное одним из магов Главной Башни.

В надежде на возвращение «Морской феи» Дюдермонт устремил взор вниз по реке, но корабль был уже слишком далеко, почти в гавани. Капитан повернулся в противоположную сторону, к самому южному из островов, Кровавому, где оставался Брамблеберри со своими основными силами, но и этот вид его совсем не обрадовал. Молодой лорд только начал разворачивать отряд к мосту, а это означало, что он направляется на южный берег, к рыночной площади Лускана, откуда должен по берегу пройти до восточного моста.

Капитан уже не сомневался в том, что им грозит сокрушительное поражение и уничтожение или захват нескольких магов Главной Башни повлечет большие человеческие потери.

Едва он начал обдумывать пути к спасению, надеясь, что вместе со своими людьми сможет укрыться от обстрела и дожидаться прихода Брамблеберри, как с севера раздались громкие крики.

К месту сражения двигалась толпа вооруженных людей и дворфов. Дюдермонта охватил ужас. Северо-восточные кварталы Лускана были известны как район Щита, где располагались дома и склады торговцев, а также постоянные дворы для приема караванов самого значительного партнера Лускана — города Мирабара. А маркграфа Мирабара, как он знал, с высшими магами Главной Башни связывали узы кровного родства.

Но, как оказалось, слухи о разногласиях между Мирабаром и Гильдией Чародеев ходили не зря. Дюдермонт получил тому неоспоримое подтверждение, когда вновь прибывшие вступили в бой, но не на стороне Главной Башни. Они устремились к позициям чародеев, предвзято свое наступление градом камней, копий и стрел, что вызвало протестующие вопли со стороны магов и ликующие возгласы со стороны отряда Брамблеберри.

— Вперед! — закричал капитан. — Теперь они от нас не уйдут!

Так и получилось, по крайней мере для тех магов, кто не овладел методами волшебных полетов и телепортации. Противники бросились на них с трех сторон, и чародеи вынуждены бежать на восток, но и там они не успели переправиться через мост, поскольку единственный свободный путь вскоре был заблокирован основными силами Брамблеберри.

Огненный элементаль выпрямился во весь свой громадный рост, нависнув над Дзиртом, а тот воспользовался моментом и рванулся вперед, чтобы нанести удар Ледяной Смертью, а потом отскочил в сторону, уклоняясь от чудовищных огненных рук.

Дзирт был уверен, что чудовище не откажется от погони. Он метнулся в сторону, перекувырнулся через голову, на полпути опять свернул и приготовился продолжать бой на самом краю здания.

Но элементаль не бросился в погоню. Вместо этого он оглушительно взревел и устремился в другую сторону. Он спустился на землю, оставив на стене тлеющий след, затем, разбрасывая пламя, пронесся по переулку и вернулся к тому самому дому, откуда появился.

— Да, отличный камень, — согласился маг, не сводя взгляда с небольшого рубина, который хафлинг раскачивал перед ним на цепочке.

При каждом обороте драгоценный камень ловил лучи света и трансформировал их в самые сокровенные желания чародея.

Реджис, тихонько хихикнув, еще раз крутанул камень, слегка отодвигая его от жадно скрюченной руки мага.

— Да, он очень хорош, — поддакнул хафлинг.

И вдруг его улыбка пропала, как пропал и сам камень, спрятанный в ладони прямо на глазах у оцепеневшего мага.

— Что ты делаешь? — спросил маг, сразу став серьезным. — Куда ты его? — Потом его глаза расширились от ужаса. — Что ты наделал?

Чародей ринулся к двери и увидел, — что; к дому мчится элементаль.

— Погрейся! — крикнул Реджис, выскочил через то же окно, в которое влез, перекувырнулся через голову и со всех ног побежал прочь.

Через мгновение из каждого окна, из каждой щели вырвались языки пламени, но Реджис уже сворачивал на улицу. Из дома напротив, где остались осколки разбитой емкости, показался Дзирт; от его волос и одежды еще поднимались струйки дыма.

Они встретились посредине, и оба повернулись к тому дому, в котором разыгралась битва между чарореем и его помощником. Раскаты магического грома перемежались с треском горящих балок. Вопли перепуганного чародея смешивались с ревом пламени разъяренного элементаля. Внезапно наружная стена покрылась коркой льда, но сейчас же оттаяла, и облака пара свидетельствовали о временной победе огненного существа.

Битва продолжалась еще несколько мгновений, а потом дом начал разваливаться. Из дверного проема, шатаясь, вышел маг в горячей мантии, с обожженными волосами и обуглившейся местами кожей.

Побежденный элементаль не последовал за ним, но маг уже не мог насладиться победой. Он покачнулся и упал на дорогу лицом вниз, Реджис и Дзирт подбежали к нему, сбили пламя и перевернули на спину.

— Он недолго протянет без жреца, — произнес хафлинг.

— Значит, надо найти кого-нибудь, — предложил Дзирт и посмотрел на юго-восток, где Дюдермонт и Брамблеберри штурмовали мост.

К небу поднимались клубы дыма, ожесточенные крики, лязг оружия и раскаты вызванного магами грома.

Реджис тяжело вздохнул.

— Боюсь, все жрецы еще некоторое время будут очень заняты, — сказал он.

Великий архимаг

Здание своей формой напоминало дерево, его башни прямыми ветвями уходили в небо и заканчивались изящными шпилями. Поскольку башен было пять — по одной на каждую из четырех сторон света и еще одна в центре, — сооружение можно было сравнить еще и с гигантской рукой.

Из самой высокой, центральной Главной Башни Гильдии Чародеев на город смотрел Арклем Грит. На вид он казался плотным мужчиной с несколько округлыми формами, с густой седой бородой и абсолютно лысым черепом, что придавало ему сходство с добрым старым дядюшкой. Когда он смеялся, если это было желательно, смех поднимался из объемистого живота, который подпрыгивал и трясся, создавая впечатление искреннего веселья. Когда он улыбался, считая это необходимым, на щеках появлялись отчетливые ямочки, и все лицо светлело.

И безусловно, Арклем Грит знал заклинание, от которого его кожа светилась жизнью и производила впечатление здоровья и силы. Главный архимаг Лускана не хотел отпугивать людей своим внешним видом, а на самом деле он был ожившим мертвецом, личем, обманувшим саму смерть. Магические иллюзии и отдушки прекрасно скрывали весьма неприятные стороны его посмертного существования.

В северной части города вспыхнули сильные пожары; он знал, что это горят его тайные укрепления. Несколько его магов уже убиты или захвачены в плен.

Лич трескуче засмеялся, но это был не тот добродушный смех, который использовался для посторонних, а выражение извращенного наслаждения. Арклем Грит гадал, встретит ли он убитых в потустороннем мире и сможет ли вернуть их обратно, сделав еще более могущественными, чем прежде.

Но, несмотря на смех, он испытывал гнев. Гвардия Лускана не воспрепятствовала этому бесчинству. Они повернулись спиной к законам и приказам, и все ради этого выскочки, капитана Дюдермонта, и его никчемного дружка из Глубоководья, Брамблеберри. Гильдия Чародеев обязательно отомстит этому семейству. Арклем Грит решил, что все представители рода Брамблеберри, от мала до велика, должны быть истреблены.

Размышления лича прервал резкий стук в дверь.

— Входи! — не оборачиваясь, крикнул он.

После его разрешения дверь распахнулась сама собой.

В комнату влетел молодой чародей Толлен Гвоздь. Он был так взволнован и растерян, что едва не упал, споткнувшись на пороге.

— Архимаг, они нас атаковали, — выдохнул молодой чародей.

— Да, я вижу поднимающийся дым, — безучастно отозвался Грит. — Сколько убитых?

— По крайней мере семеро, и более двух десятков наших слуг, — ответил Гвоздь. — Мне ничего не известно о Паллиндре и Оноре, возможно, им удалось исчезнуть, как и мне.

— Посредством телепортации?

— Да, архимаг.

— Исчезнуть или сбежать? — Архимаг медленно повернулся и взглянул на расстроенного мага. — Ты покинул место боя, ничего не зная о положении своего наставника, Паллиндры?

— Т-там ничего... — пробормотал Гвоздь. — Все...пропало...

— Пропало? Из-за горстки солдат и половины морского экипажа?

— Из-за мирабарцев! — выпалил Гвоздь. — Мы уже готовились праздновать победу, но мирабарцы...

— Говори.

— Они нахлынули на нас, словно огромная волна, люди и дворфы, все вместе... — заикаясь, продолжал Гвоздь. — А у нас осталось слишком мало разрушающих заклинаний, и они не смогли остановить мощных дворфов.

Он продолжал бормотать, передавая подробности последней схватки, но Грит уже

отключил звук. Он вспомнил о Нифитус, его любимой эринии, погибшей на Востоке. Он пытался вызвать ее, а когда это не удалось, призвал с низшего Уровня одну из ее спутниц, и та поведала о предательстве орочьего короля Обальда и вмешательстве проклятого дворфа, Бренора Боевого Топора, и его друзей.

Арклем Грит долго размышлял над тем, как могла быть подготовлена такая хитроумная ловушка. Вероятно, он сильно недооценивал этого жалкого Обальда, а заодно и крепость союза Королевства Многих Стрел и Мифрил Халла. Хотя как можно было принимать всерьез этот странный альянс?

А теперь еще и Щит Мирабара, как ни странно, ввязался в бой, тогда как гвардия Лускана удерживалась от вмешательства.

В голове Арклема Грита возникла любопытная мысль.

И в памяти всплыло имя: Арабет Раурим.

— Им выплатят компенсации, — заверил лорд Брамблеберри рассерженному капитану гвардии, который не отставал от него на всем пути от Кровавого острова до Верхнего Свода, самого западного из трех мостов Лускана через реку Мирар. — Дома можно построить заново.

— И нарожать новых детей? — огрызнулся гвардеец.

— Сложилась неблагоприятная ситуация, — сказал Брамблеберри. — Такое нередко случается во время сражений. Ты можешь сказать, сколько людей были убиты моими солдатами, а сколько погибли от разрушительной магии обитателей Главной Башни?

— Ничего этого не случилось бы, если бы вы не развязали войну.

— Дорогой мой капитан, ради некоторых вещей не жалко и умереть.

— Но человек должен сам выбирать, за что он умирает.

Лорд Брамблеберри грустно усмехнулся, но ничего не ответил. Его тоже огорчали потери, понесенные в сражении у моста через гавань. Пожар распространился к северу от позиций магов, и несколько домов сгорело дотла. Погибли невинные жители Лускана.

С появлением капитана Дюдермонта, подошедшего к лорду Брамблеберри, настойчивость гвардейца заметно ослабела.

— У вас какие-то проблемы? — спросил легендарный герой Лускана.

— Н-нет, господин Дюдермонт, — смущенно пробормотал гвардеец. — Впрочем, да, проблемы есть.

— Тебе больно видеть, как над городом поднимается дым, — сказал Дюдермонт. — И у меня тоже разрывается сердце, но червь должен быть удален из яблока. Скажи спасибо, что Главная Башня стоит на отдельном острове.

— Да, господин Дюдермонт.

Капитан гвардии снова бросил сердитый взгляд в сторону лорда Брамблеберри, потом резко развернулся и ушел к своим людям, чтобы принять участие в спасательных работах после битвы.

— Он оказался не таким упрямым, как я того боялся, — заметил Брамблеберри, обращаясь к Дюдермонту. — Твоя репутация значительно облегчает дело.

— Борьба еще только началась, — напомнил ему капитан.

— Как только мы загоним их всех в Главную Башню, конца останется ждать недолго, — ответил Брамблеберри.

— Это ведь маги. Их невозможно победить простым численным преимуществом. Пока не закончится эта война, нам все время придется оглядываться через плечо, ожидая удара в спину.

— Значит, надо закончить ее поскорее, — сказал нетерпеливый лорд из Глубоководья. — Пока у меня не заболела шея.

Он подмигнул, повернулся и уже шагнул, чтобы уйти, как вдруг почти наткнулся на

подходившего Робийарда.

— В числе убитых оказался и Паллиндра, а это большая потеря для Главной Башни и еще более важная лично для Арклема Грита, поскольку это один из самых преданных союзников, — доложил Робийард. — А наш разведчик сомнительного происхождения...

— Его зовут Дзирт, — заметил Дюдермонт.

— Да, именно он, — кивнул чародей. — Так вот, он одержал победу над магом по имени Хуан Акула, а тот искуснее всех в Главной Башне управлялся с элементариями и демонами, даже со старшими элементариями и главными демонами.

— Искуснее всех? Искуснее Робийарда?! — воскликнул Дюдермонт, надеясь немного улучшить мрачное настроение своего мага.

— Не валяй дурака, — отмахнулся Робийард, вызвав широкую улыбку на лице капитана. Тем не менее, как заметил Дюдермонт, Робийард не дал прямого ответа на его вопрос. — Могущество Хуана могло бы здорово помочь Арклему Гриту, когда разожженный нами костер захлестнет его Башни.

— Значит, сегодня мы одержали большую победу, — подвел итог Дюдермонт.

— Сегодня мы разбудили зверя. И ничего больше.

— Вот как, — промолвил Дюдермонт, но в его голосе не было ни согласия, ни намека на уступку, а скорее приятное удивление, поскольку в этот момент его взгляд переместился куда-то мимо собеседника.

Робийард обернулся и увидел, что по дороге к ним идут Дзирт и Реджис и дроу несет в руке сильно обгоревший плащ.

— Мне сказали, что вы участвовали в прекрасной битве, — сказал Дюдермонт, как только друзья подошли ближе.

— Эти два слова вряд ли совместимы, — ответил дроу.

— С каждым разом он нравится мне все больше, — тихонько прошептал Робийард на ухо Дюдермонту, и капитан весело усмехнулся.

— Пойдемте, отдохнем у горячего очага с бокалом чего-нибудь погорячее, и тогда мы сможем обменяться своими рассказами, — предложил Дюдермонт.

— И горячий пирог, — добавил Реджис. — Не забудьте про пирог.

— Причина или следствие? — негромко произнес Арклем Грит по пути к покоям сверхмага Южной Башни.

Идущая рядом Валиндра Тень, сверхмаг Северной Башни, которая многими считалась главной претенденткой на наследование звания архимага — что, конечно, было совершенно бессмысленно, поскольку лич намеревался жить вечно, — насмешливо фыркнула. Валиндра была миниатюрным созданием, намного ниже, чем Грит, и обладала изящным сложением, присущим лунным эльфам, так что ее фигура составляла разительный контраст с округлым мощным телом великого архимага.

— Нет, в самом деле, — продолжал Арклем Грит, — могли ли мирабарцы вступить в бой против Паллиндры и прочих магов только из-за слухов о нашей возможной интервенции в Северные Земли? Или их участие свидетельствует о нарастающем мятеже против Гильдии Чароделов? Причина или следствие?

— Второе, — ответила Валиндра и так тряхнула головой, что разлетелись по плечам ее длинные черные волосы, резко контрастировавшие с глазами, словно вобравшими в себя всю голубизну Моря Мечей. Мирабарцы все равно присоединились бы к войне против нас, независимо от визита Нифитус к Обальду. И еще: от этого предательства пахнет участием Арабет.

— Ты не могла не воспользоваться шансом очернить свою соперницу.

— А разве ты не согласен? — без малейшего колебания спросила могущественная эльфийка, после чего у Арклема Грита вырвался скрипучий смешок.

С ним не часто разговаривали столь откровенно; по правде говоря, если не считать резких выпадов Валиндры, он не мог бы припомнить, чтобы кто-то на это осмелился. Этот «кто-то» наверняка был бы тотчас убит.

— Ты хочешь сказать, что это сверхмаг Раурим предупредила их о встрече Нифитус и короля Обальда? — сделал вывод лич. — Твои слова можно понять именно так.

— По крайней мере, ее предательство не стало для меня сюрпризом.

— Но ведь и твои корни тянутся из Серебряных Земель, — саркастически усмехнулся Грит, — Я думаю, эльфы Лунного Леса вряд ли обрадуются, если Гильдия Чародеев будет поддерживать короля Обальда.

— Тем более ты можешь быть уверен, что это не я тебя предала, — заявила Валиндра. — Я никогда не делала тайны из своих чувств по отношению к моему народу. И я первая сказала тебе, что Гильдия Чародеев только выиграет, если сделает ставку на освоение изобильных земель Севера.

— Ты могла это сделать только ради того, чтобы впоследствии расстроить планы и ослабить мои позиции, — сказал Грит. — И это после того, как добились моего расположения, предложив распространить влияние Гильдии. Весьма хитрый ход — добиться, чтобы тебя считали моей наследницей, а потом столкнуть меня в пропасть.

Валиндра резко остановилась, и Арклему пришлось повернуться, чтобы на нее посмотреть. Чародейка подбоченилась одной рукой, вторую держала опущенной, а на ее лице не было ни малейших признаков веселья.

Лич громко расхохотался:

— Тебя оскорбляет, что я так высоко ценю твои способности к интригам? Ну же, если бы хоть половина сказанного мной оказалась правдой, ты дала бы фору даже извращенным темным эльфам! Это был комплимент, моя девочка.

— Половина твоих слов действительно правдива, — ответила Валиндра. — Только я не настолько наивна, чтобы ожидать чего-то хорошего от союза с Серебряными Землями или с этими глупцами из Лунного Леса. Если бы я испытывала теплые чувства к своей родине, я бы могла принять твои слова за комплимент. Хотя в таком случае я бы выбрала нечто менее прозрачное, чем тот замысел, что ты бросил мне. Но я не испытываю никакой радости по поводу гибели Нифитус и неудачи Гильдии Чародеев.

Откровенная горечь и яд, содержащиеся в словах чародейки, стерли улыбку с лица Арклема Грита. Он печально кивнул.

— Значит, Арабет Раурим, — произнес Грит, — причина этой неудачи и ее дорогостоящие последствия.

— Ее сердце всегда принадлежало Мирабару, — сказала Валиндра и едва слышно добавила: — Маленькая шлюха.

Услышав это, Арклем Грит снова улыбнулся и остановился перед дверью, ведущей в Южную Башню. Он молча воспроизвел заклинание и махнул пухлой рукой в направлении двери. Щелкнули замки, затем послышался звон разнообразных задвижек. И наконец лязгнул массивный засов, перекрывающий вход. Дверь распахнулась, представив взглядам Грита и Валиндры полную темноту. Несколько мгновений Арклем Грит всматривался в темное пространство, но, оглянувшись на лунную эльфийку, решительно шагнул вперед.

— А где же стражники? — спросила сверхмаг Северной Башни.

Арклем Грит поднял перед собой кулак, зажег вокруг него мерцающее пурпурное сияние и с этим импровизированным факелом направился вглубь Южной Башни.

Вдвоем они проходили одну комнату за другой, и упрямый лич даже не отвечал на настойчивые предложения спутницы вернуться и позвать группу боевых магов. Архимаг только шептал заклинания перед каждым факелом на стене, и по мере их продвижения во всех помещениях вспыхивал волшебный свет.

Вскоре они добрались до двери личных покоев Арабет Раурим, и архимаг остановился, чтобы обдумать все, что они увидели, и все, чего не увидели.

— Ты заметила полное отсутствие признаков жизни? — спросил он у своей спутницы.

— Люди, — сухо ответила Валиндра.

Косой взгляд Арклема Грита показал его недовольство подобным легкомыслием.

— Не видно ни одного свитка, — пояснил архимаг, — ни жезлов, ни посохов, ни волшебных палочек — ни одного магического предмета. Не осталось ни одной книги заклинаний...

— И что бы это могло означать? — заинтересовалась Валиндра.

— Что за этой дверью тоже никого нет, — сказал Грит, — что наши догадки относительно Арабет оправдались и что она предвидела наш приход.

Он недовольно поморщился, снова повернулся к двери, взмахнул рукой, прочел еще одно заклинание, и тяжелая, запертая на несколько запоров дверь распахнулась.

И за ней тоже зияла темнота.

Валиндра, раздраженно ворча, попыталась протиснуться мимо Грита в комнату, но архимаг протянул руку, и его противоестественное могущество заставило лунную эльфийку отступить. Чародейка попыталась протестовать, однако Арклем Грит поднес к сжатым губам указательный палец, и снова сила его потустороннего естества подействовала на женщину, лишив ее голоса.

Он уставился в темноту, и Валиндра последовала его примеру, но на этот раз тьма не была такой плотной. Где-то далеко слева пробивался слабый свет и чей-то голос нарушал мертвую тишину.

Арклем Грит направился в ту сторону, следом за ним шагнула и Валиндра. В целях предосторожности он прочел заклинание распознавания и шел медленно, отыскивая магические символы и прочие опасные ловушки. Но вскоре он понял, что свет исходит от хрустального шара, стоящего на небольшом столике, а голос принадлежит Арабет Раурим, и тогда невольно ускорил шаги.

Лич остановился перед столом и уставился на шар, в котором виднелось лицо его исчезнувшего сверхмага.

— Что она себе?... — попыталась заговорить Валиндра, тоже узнав Арабет, но взмах руки архимага остановил готовые вырваться слова, так что она даже закашлялась.

— Рад тебя видеть, Арабет, — сказал он, обратившись к хрустальному шару. — Ты мне не говорила, что собираешься покинуть Главную Башню вместе со всеми своими магами.

— А я и не знала, что сверхмагу надо спрашивать разрешение, чтобы куда-то уйти, — ответила Арабет.

— Но ты позаботилась оставить магический кристалл для возможных посетителей, — сказал Грит. — А кто, кроме меня, осмелился бы войти в твои личные покои без разрешения?

— Возможно, разрешение мог получить кто-то другой.

Арклем Грит помедлил, обдумывая коварный ответ. Он почувствовал в нем завуалированный намек на то, что в Главной Башне остались сообщники Арабет.

— Здесь против тебя собирается целая армия, — продолжила Арабет.

— Против нас, ты хотела сказать.

Женщина в кристалле тоже сделала паузу, но не поддалась на уловку.

— Во главе стоит капитан Дюдермонт, а это уже немало.

— Я так и дрожу при этой мысли, — усмехнулся Грит.

— Он известный всему Лускану герой, — предостерегающе заметила Арабет. — Верховные капитаны не станут ему противодействовать.

— Отлично, значит, они не станут путаться у меня под ногами, — парировал Арклем Грит. — Лучше скажи мне, дочь Мирабара, почему в эти нелегкие времена один из моих сверхмагов не остался рядом со мной.

— Мир вокруг нас изменился, — сказала Арабет, и Арклем Грит заметил, что женщина слегка шокирована, словно впервые осознала важность сделанного ею выбора, и ее высокомерную уверенность поколебали смутные сомнения. — Дюдермонт прибыл не один. С ним молодой лорд из Глубоководья и целая армия солдат, специально подготовленных к сражениям против магов.

— Тебе многое о них известно, — заметил архимаг.

— Я всегда стараюсь узнать как можно больше.

— И ты ни разу не обратилась ко мне согласно титулу, — сверхмаг Раурим. — Ни разу не назвала меня архимагом. Чего же я могу ожидать от тебя после такого пренебрежения протоколом, не говоря уж о твоём отсутствии во времена тяжёлых испытаний?

Лицо женщины в кристалле отразило её решимость.

— Предательница! — воскликнула Валиндра, наконец-то вернув себе голос. — Она нас предала!

Арклем Грит бросил на несдержанную эльфийку снисходительный взгляд, потом снова повернулся к хрустальному шару.

— Тогда скажи мне, дочь Мирабара, — доброжелательным тоном заговорил архимаг, — ты покинула город? Или намерена присоединиться к армии капитана Дюдермонта?

Едва договорив, он внезапно прикрыл глаза и направил в хрустальный шар не только свои мысли и голос. Он бросил туда часть своего естества, вечную и мертвую силу, которая удерживала Арклема Грита от погружения в небытие.

— Я предпочитаю позаботиться о самой себе, а как...

Арабет замолчала и поморщилась, потом закашлялась и тряхнула головой. Казалось, что она вот-вот упадет. Но приступ закончился, она овладела собой и снова взглянула на бывшего господина.

И в этот момент хрустальный шар погас.

— Эта трусиха собирается удрать, — сказала Валиндра. — Но не сумеет далеко уйти...

Арклем Грит схватил её за руку, рывком развернул и потащил вон из комнаты.

— Быстро оборачивайся призраком! — скомандовал он и сам поспешно прочел заклинание, превратившее его тело в двухмерную фигуру.

Он просочился сквозь трещину в стене, потом между досками пола и поспешно, почти по прямой, устремился в центральную секцию Главной Башни. Валиндра, приняв тот же облик, торопливо следовала за архимагом.

Уже в следующий момент, когда они выскользнули из трещины в стене зала аудиенций, Южная Башня содрогнулась от мощного взрыва.

— Ведьма! — зарычала Валиндра.

— Способная ведьма, — добавил Грит.

Вокруг них забегали маги и раздались крики, предупреждающие о пожаре в Южной Башне.

— Призовите своих водяных помощников, — спокойно скомандовал Грит, как будто наслаждавшийся этим спектаклем. — Возможно, в лице этого Дюдермонта и его союзников я наконец найду достойного противника, — сказал он Валиндре, приоткрывшей рот от изумления.

— Арабет Раурим все еще в городе, — продолжал он. — В северной части, где остановились бойцы Щита Мирабара. Я заглянул через ее глаза, хотя и ненадолго, — пояснил он, опередив вопрос своей спутницы. — И еще я заглянул в ее сердце. Она собирается сражаться против нас, а с ней и достаточно большое количество наших младших послушников. Нет, правда, их неверность меня сильно удручает.

— Великий архимаг, боюсь, ты не до конца понимаешь ситуацию, — заговорила Валиндра, — Этого капитана Дюдермонта нельзя просто так уничтожить...

— Не говори мне, как именно я должен его уничтожить! — вспыхнул Арклем Грит, и его мертвые глаза полыхнули внутренним огнем, сродни пламени Девяти Кругов. — Я его зажарю, прежде чем все это закончится, а может, сожру живьем! Это решать мне, и только мне. А теперь иди и присмотри за тушением пожара в Южной Башне. Твоя болтовня меня утомила. Тебе бросили вызов, Валиндра Тень, неужели ты его не примешь?

— Я принимаю вызов, великий архимаг! — вскричала лунная эльфийка. — Я только опасалась...

— Ты опасалась, что я не понимаю всей серьезности этого конфликта.

— Да, — ответила Валиндра и захрипела, когда невидимая рука колдуна схватила ее за горло и стала поднимать, так что даже пальцы ног оторвались от пола.

— Ты сверхмаг Главной Башни Гильдии Чародеев, — произнес Арклем Грит. — И все же я способен сломать тебе шею одной только силой мысли. Рассчитывай свои возможности, Валиндра, и не теряй в них уверенности.

Чародейка извивалась всем телом, но никак не могла освободиться.

— И пока ты помнишь, кто ты такая, пока сознаешь свою силу и предназначение, пусть это тебе напомнит и о том, кто я.

Он презрительно фыркнул, и Валиндра отлетела в сторону, едва не стукнувшись о стену.

Бросив еще один взгляд на архимага, Валиндра побежала к Южной Башне.

Он даже не посмотрел ей вслед. У Арклема Грита уже появились другие идеи.

Глава 12

Сава-игра, пять с половиной путей

— У меня уже трюмные крысы взвыли! — пожаловался Верховный Капитан Барам, имея в виду портовых рабочих, которые жили в том секторе города, которым он управлял, — в северо-восточном районе Лускана, к югу от Мирар. — Как я могу позволить, чтобы пожары уничтожали их лачуги? Твоя война обходится слишком дорого!

— *Моя* война?! — воскликнул старик Ретнор и откинулся на спинку кресла.

Кенсидан сидел немного позади него, как того требовал протокол, но, как обычно, закинув ногу на ногу.

— Ходят слухи, что это ты с самого начала подбивал Дюдермонта, настаивал Барам.

Барам значительно превосходил остальных верховных капитанов по весу и росту, хотя в то время, когда они выходили в море, он был самым легким из всей компании — какой-то пруттик, а не человек, даже тоньше, чем раздражительный Таэрл, напоминавший своим видом куницу.

Сидящие за столом заговорили все разом, впрочем, они тут же замолчали, когда взял слово наиболее авторитетный из капитанов.

— Я тоже это слышал.

Все взгляды обратились на Верховного Капитана Курта, второго по возрасту из пяти капитанов, смуглого человека, казалось всегда скрытого в какой-то тени. Такое впечатление возникало отчасти из-за его седой бороды, которая, похоже, никогда не отрастала длиннее, чем двухдневная щетина, а в основном из-за его манеры держаться. Он один из всех пятерых жил на берегу реки, на острове под названием Охранный, рядом с островом Сабля, на котором и стояла Главная Башня. При такой стратегической позиции в данном конфликте многие считали, что именно Курту принадлежит решающее слово.

И Кенсидан, обративший внимание на его позу, решил, что Курт с этим согласен.

Курт никогда не был склонен к буйному веселью, а сегодня казался совсем мрачным. И это было понятно. Над его владениями, пока еще не слишком пострадавшими, нависла самая большая угроза.

— Это все слухи! — настойчиво крикнул Сульджак и грохнул кулаком по столу, что вызвало у Кенсидана усмешку.

Сообразительный сын Ретнора уже понял, откуда взялись слухи, дошедшие до Барама и Курта, Сульджак был не самым сдержанным из всех капитанов и, уж конечно, не самым умным.

— Эти слухи, без сомнения, возникли... — заговорил Кенсидан, но резкий окрик заставил его умолкнуть.

— Тебе не пристало здесь говорить, Ворон! — воскликнул Барам.

— Пришел, так сиди тихо и радуйся, что тебе позволили присутствовать! — согласился

Таэрл, третий из пятерки капитанов.

Огромная голова Таэрла бестолково болталась на длинной и тонкой шее, а такого большого адамова яблока Кенсидан больше ни у кого не видел. На лице стоявшего рядом с Таэрлом Сульджака появилось выражение настоящего ужаса, и он нервно потер руками лицо.

— Ретнор, ты что, лишился голоса? — спросил Верховный Капитан Курт. — Мне говорили, что ты, хотя и неофициально, передал все дела сыну. Если ты хочешь, чтобы он здесь говорил, не пора ли тебе отречься?

Смех Ретнора смешался с кашлем, и это напомнило всем, как тяжело он болен, так что вместо того, чтобы разрядить обстановку, Ретнор только усилил напряженность.

— Мой сын говорит от имени Корабля Ретнора, и его слова — это мои слова, — с трудом произнес капитан. — Если он скажет что-то не так, я его поправлю.

— На нашем собрании право говорить имеют только верховные капитаны, — настаивал Барам. — Или мне привести своих родичей, чтобы они поболтали с детьми Таэрла? Или впустить капитанов наших кораблей, а может, Курт пригласит со своего острова парочку шлюх...

Кенсидан и Ретнор обменялись взглядами, и Ворон кивнул, предложив отцу взять слово.

— Нет, — заговорил Ретнор, — я еще не передал свой Корабль Кенсидану, хотя этот день уже близок. — Он закашлялся и еще долго кашлял и сплевывал на пол, так долго, что не один капитан уже нетерпеливо закатывал глаза в немом согласии слушать молодой и здоровый голос, а не этот скрипучий лай.

— Это не моя война, — наконец заговорил Ретнор. — Я *ничего* не говорил Дюдермонту и ничего не делал для него. Архимаг Гильдии сам навлек на себя беду. Он стал слишком самоуверенным, а его связи с пиратами сильно раздражают лордов Глубоководья. У меня есть верные сведения, что и в Мирабаре у него не осталось друзей. Все это имеет огромное значение, и события этого времени, этой истории отзовутся по всему Фаэруну.

Возникла долгая пауза, в течение которой старик старался восстановить дыхание. После очередного приступа кашля Ретнор продолжил:

— Что меня радует, так это лица моих друзей, верховных капитанов.

— Это слишком неожиданно! — продолжал возмущаться Барам. — Южная Башня Гильдии горит. Северная часть города затянута дымом. На наших улицах лежат убитые маги.

— Это хорошо. Очищение дает новые возможности. А на этих вытянутых перепуганных лицах нет и намека на правду.

После этих слов Ретнора три капитана из пяти, включая Сульджака, так и остались сидеть, изумленно моргая. Однако Курт, скрестив руки на груди, сердито уставился на Ретнора, своего обычного оппонента в спорах. Даже в те давние дни, когда они ходили по морям, эти два капитана соперничали между собой, и сейчас, сменив морские суда на благопристойные Корабли-государства, ни один из них не изменился.

— Но мои трюмные крысы... — опять стал жаловаться Барам.

— Они будут жаловаться и брюзжать, но в конце концов примут то, что им будет предложено, — прервал его Ретнор. — У них нет другого выхода.

— Они могут взбунтоваться.

— Тогда ты будешь их истреблять, пока выжившие не разойдутся по своим местам, — отрезал Ретнор. — Подумайте об открывающихся возможностях, друзья. Мы слишком долго сидели сложа руки, а в это время Арклем Грит всю растаскивает богатства Лускана. Да, он неплохо нам платит, но это такие крохи по сравнению с тем, что имеет сам.

— Лучше уж архимаг, он живет для Лускана... — вмешался Барам, но тотчас умолк, когда услышал смешки остальных, вызванные странным выбором слов.

— Он знает Лускан, — поправился Барам и тоже слегка усмехнулся. — Так уж лучше он, чем лорд из Глубоководья.

— Этот глупец Брамблеберри не имеет никакого представления о Лускане, —

согласился Ретнор. — Это молодой аристократ, рожденный в роскоши и вообразивший себя героем, ничего больше. Я сомневаюсь, что он выйдет живым из этой передраги, а если и не погибнет, с него достаточно тысячи поклонов и еще десяти тысяч похвал в Глубоководье.

— Значит, остается только Дюдермонт, — заметил Таэрл. — Он не ищет славы и уже завоевал себе репутацию, о которой Брамблеберри не может даже мечтать.

— Верно, но нам от этого не легче, — сказал Ретнор. — Если Дюдермонт одержит победу, все жители Лускана будут его боготворить.

— Многие уже готовы носить его на руках, — проворчал Барам.

— Судя по тому, как разрослась его армия, это верно, — заметил Таэрл, — Я бы никогда не подумал, что народ осмелится пойти против Арклема Грита за кем бы то ни было, но это уже произошло.

— И без малейшего участия с нашей стороны, — добавил Ретнор.

— Ты бы предпочел, чтобы над нами встал капитан Дюдермонт? — спросил Барам.

Ретнор пожал плечами:

— А ты считаешь, что он обладает таким же могуществом, как и Арклем Грит?

— Число его сторонников велико — и постоянно растет — следовательно, все может быть, — ответил Таэрл.

— В этой битве — возможно, но Арклем Грит обладает ресурсами; которые недостижимы для Дюдермонта, и он способен на молниеносные действия там, где Дюдермонта пришлось бы двигать всю армию, — после долгой паузы сказал Ретнор. Его затрудненное дыхание явно свидетельствовало о полном истощении сил. — Даже при открытом правлении Дюдермонта наше положение не станет хуже, чем сейчас, когда Арклем Грит правит тайно.

Ретнор снова зашелся кашлем, а остальные капитаны озадаченно переглянулись — кто-то был явно заинтригован, а кто-то едва сдерживал негодование.

Кенсидан вскочил со своего места и бросился к отцу.

— Собрание закончено! — крикнул он и позвал стражников Корабля Ретнора, чтобы те постучали отцу по спине, надеясь, что это поможет ему откашляться.

— Но мы даже не ответили на вопрос, ради которого собрались, — возразил Барам. — Как поступить с городской гвардией? Она проявляют нетерпение и до сих пор не знает, на чью сторону встать. Гвардейцы засели в своих казармах на Кровавом острове и разрешили пройти Дюдермонта, а северный мост разрушен!

— Мы ничего не будем предпринимать, — сказал Кенсидан, и Таэрл, бросив на него сердитый взгляд, обернулся за поддержкой к Курту.

Но Курт молча сидел, скрестив руки на груди, и его лицо, как всегда, осталось непроницаемым.

— Мой отец не позволит ввязываться в драку хотя бы тем гвардейцам, которые прислушиваются к призывам Корабля Ретнора, — объяснил Кенсидан. — Пусть Дюдермонт и Арклем Грит дерутся между собой, а мы выступим в самый решающий момент.

— И конечно, на стороне победителя? — саркастически заметил Таэрл.

— Войну развязали не мы, но это не значит, что мы не сможем воспользоваться предоставленными возможностями, — сказал Сульджак и, явно гордясь собой, посмотрел на Кенсидана.

— Тогда архимаг может повернуть всю гвардию против Дюдермонта, — предостерег Курт.

— И против нас, за то, что мы сами этого не сделали, — добавил Таэрл.

— Тогда... почему... еще не сделал этого? — прохрипел Ретнор, задыхаясь от кашля.

— Потому что они бы его не послушались, — продолжил Сульджак с молчаливого согласия Кенсидана. — Они не пойдут против Дюдермонта.

— Да, это именно тот, кто нужен Лускану, — с тяжелым вздохом признал Курт. — Герой.

— На каждом фронте неожиданные союзники, — объявил Дюдермонт Робийарду, Дзирту и Реджису. Лорд Брамблеберри покинул их ради встречи с Ара-бет Раурим, дворфами и людьми из Мирабара, которые так неожиданно пришли на помощь во время схватки чародеев Арклема Грита. — Мы еще даже не преодолели Охранный остров, а в Главной Башне уже тоже вспыхнула война.

— Да, дела идут лучше, чем мы надеялись, — согласился Дзирт. — Но не забывай, что это чародеи друг мой. Их нельзя недооценивать.

— Я не сомневаюсь, что в запасе у Арклема Грита еще много трюков, — сказал Дюдермонт. — Но теперь на нашей стороне сверхмаг и ее приближенные маги, так что уловки архимага будут нам более понятными. Если, конечно, приход Раурим не является первой из его ловушек.

В обращенном на Робийарда взгляде капитана не осталось и намека на веселье.

— Нет, это не так, — заверил его маг. — Ее уход из Главной Башни вызван искренними чувствами, и событие это не такое уж и неожиданное. Я уверен — и Арклем Грит тоже, — что именно она выдала намерения Гильдии Чародеев захватить Северные Земли. Нет, теперь ее жизнь зависит только от разгрома Арклема Грита, причем полного разгрома.

— Ради нашего блага она все поставила на карту.

— Или ради своего собственного, — предположил Робийард.

— Даже если и так, — кивнул Дюдермонт, — в любом случае ее отступничество обеспечит нас необходимыми силами для уничтожения этого отвратительного хозяина Главной Башни.

— А что будет потом? — спросил Реджис.

Дюдермонт пристально взглянул на хафлинга:

— Что ты имеешь в виду? Не оставлять же правителем Арклема Грита, которого даже нельзя назвать человеком. Это мерзкое извращение.

Реджис кивнул.

— Все это верно, — сказал он. — Я только хотел бы знать... — Ища поддержки, он посмотрел на Дзирта, но затем решил, что недостаточно компетентен для дебатов с капитаном Дюдермонтом.

Капитан улыбнулся, наполнил высокие бокалы вином и предложил их всем присутствующим.

— Следуйте велению сердца, творите добро, поддерживайте справедливость, и мир станет лучше, — провозгласил он и поднял свой кубок.

Все поддерживали его тост, но чокнулись без особого энтузиазма.

— Прошло уже достаточно времени, — заметил Дюдермонт, едва отпив вина.

Его замечание подразумевало просьбу Брамблеберри присоединиться к нему во время переговоров с Арабет и мирабарцами. Дюдермонт специально задержался, чтобы сохранить видимость баланса власти и предоставить Брамблеберри больше самостоятельности. По отдельности они производили более внушительное впечатление, чем вместе.

Дзирт жестом предложил Реджису пойти с капитаном на эту встречу.

— Мирабарцы еще не разобрались в моих новых отношениях с их маркграфом, — сказал при этом Дзирт. — А ты мог бы представить интересы Бренора.

— Но мне неизвестны его интересы, — возразил Реджис.

Дзирт подмигнул Дюдермонту.

— Он полностью доверяет нашему дорогому капитану, — пояснил дроу.

— Вера в доброту нашего капитана может сильно отличаться от веры в справедливость его поступков, ты согласен с этим? — спросил Дзирта Робийард, когда Дюдермонт и Реджис ушли.

При этом чародей выплеснул остатки вина в камин и взял другую бутылку, с более крепким напитком, чтобы снова наполнить бокал, а потом налил еще один и предложил его

Дзирту, охотно согласившемуся на замену.

— Ты не доверяешь его суждениям? — спросил Дроу.

— Я опасаюсь его энтузиазма.

— Ты опасаешься Арклема Грита.

— В основном потому, что знаю его, — согласился Робийард. — Но Лускан я тоже неплохо знаю, и этот город не предрасположен к закону и порядку.

— Что мы получим, когда сдернем удушающую пелену с Главной Башни? — спросил Дзирт.

— Пятерых верховных капитанов с весьма сомнительной репутацией — этих людей капитан Дюермонт с радостью уничтожил бы встретил в те дни, когда они еще выходили в море. Возможно, со временем они превратились в благопристойных и способных лидеров, но...

— Возможно, нет, — закончил за него Дзирт, и Робийард приподнял свой бокал в знак согласия.

— Я изучил того демона, что правит Лусканом, мне известны пределы его власти. Я знаю о его воровстве, пиратстве и убийствах. Я знаю и о печальной несправедливости, царящей в Карнавале Воров, и о том, как Грит цинично пользуется ею, чтобы запугать крестьян, хоть они и развлекаются, глядя на его забавы. Чего я не знаю, так это того, какой демон придет на смену Гриту.

— Тогда остается надеяться на девиз капитана, — предложил темный эльф. — Следуйте велению сердца, творите добро, поддерживайте справедливость, и мир станет лучше.

— В открытом море все проще, — сказал Робийард. — Там, вдали от суши, существуют строгие границы между добром и злом. Там нет рассеянного света, как здесь, нет рассветных лучей, затененных горами или деревьями. Есть только свет и тьма.

— За простоту, — произнес Дзирт и сделал еще глоток.

Робийард обернулся к окну и посмотрел на горизонт. Во многих местах к небу, заслоняя солнечный свет, поднимались клубы дыма.

— Так много серого, — заметил чародей. — И самых разных оттенков...

— Я не думал, что у тебя хватит смелости прийти сюда, — сказал Верховный Капитан Курт, когда в его личную гостиную без всякого эскорта вошел Кенсидан, больше, чем обычно, похожий на ворона. — Ты мог просто исчезнуть...

— И какая тебе от этого выгода?

— Может, я просто недолюбливаю тебя.

Кенсидан рассмеялся:

— Но зато тебе понравилось то, что произошло при моем содействии.

— При твоём содействии? Ты сейчас говоришь от имени Корабля Ретнора?

— Мой отец прислушивается к советам сына.

— Я мог бы тебя убить только за эти слова? Не твое дело вмешиваться в мою жизнь, и не важно, какие блага ты можешь мне посулить.

— Тебе это ничем не повредит, — настаивал Кенсидан.

Курт фыркнул:

— Для того чтобы подойти к Главной Башне, отряду Брамблеберри необходимо пересечь Охранный остров. Если я им это позволю, значит, встану на их сторону. Ты и все остальные можете затаиться и ждать, но ты — или твой отец — принуждаете меня к выбору, который может поставить под угрозу мою безопасность. Мне не нравится твое нахальство.

— Не позволяй им пройти, — ответил Кенсидан. — Охранный остров — твоя вотчина. Если ты скажешь Дюермонту и Брамблеберри, что не даешь разрешения на проход их армии, им придется добираться до Главной Башни по морю.

— А если они победят?

— Даю тебе слово — от имени Корабля Ретнора, — что мы будем защищать тебя от капитана Дюдермонта, если он станет правителем Лускана. Из-за твоего вполне объяснимого решения Кораблю Курта не придется расплачиваться.

— Другими словами, ты хочешь, чтобы я стал твоим должником.

— Нет...

— Не считай меня глупцом, молокосос, — прервал его Курт. — Я договаривался с потенциальными лидерами еще до того, как твоя мать легла в постель твоего отца. Мне известна цена твоей лояльности.

— У тебя неверное предвидение обо мне и моем Корабле, — возразил Кенсидан. — Когда Арклема Грита не станет, верховным капитанам надо будет по-новому делить ресурсы. Из всей группы, за исключением Корабля Ретнора, есть только один человек, достаточно разумный, чтобы воспользоваться новыми возможностями.

— Лесть, — презрительно усмехнулся Курт.

— Правда, и ты сам это знаешь.

— Ты сказал — «кроме Корабля Ретнора», а не «крюме Ретнора», — отметил Курт. — Значит, это правда, хоть и держится в секрете: теперь Кораблем управляет Кенсидан.

Кенсидан покачал головой:

— Мой отец — великий человек.

— Был великим человеком, — поправил его Курт. — Только не считай это оскорблением, ты же сам понимаешь, что это правда, — добавил он, когда Кенсидан ошетинился, совсем как ворон, взъерошивший свои черные перья, — И Ретнор тоже это сознает. Он мудрый человек и знает, когда следует передать бразды правления. Окажется ли таким же мудрым его выбор, это уже совсем другой вопрос.

— Лесть... — протянул Кенсидан, копируя Курта.

Курт слегка улыбнулся.

— Как долго еще Сульджак будет есть из твоих рук, парень? — спросил Курт. — Тебе надо бы научить его не оглядываться в твою сторону в поисках одобрения, когда он говорит что-то или предлагает по твоему наущению.

— Он видит перспективу.

— Он идиот, и ты это прекрасно знаешь.

Кенсидан не стал оспаривать столь очевидный факт.

— Капитан Дюдермонт и лорд Брамблеберри сами выбрали свой путь, — сказал он. — Корабль Ретнора не будет им ни помогать, ни препятствовать, но, пользуясь случаем, не намерен упускать свою выгоду.

— Я тебе не верю.

Кенсидан пожал плечами.

— Арклем Грит поверит тебе, если вдруг окажется победителем?

— А капитан Дюдермонт поймет твое объяснение по поводу запрета высадки на остров, если одержит верх?

— Не лучше ли сразу определиться, на чьей мы стороне, и покончить с этим?

— Нет. — Решительный тон Кенсидана заставил Курта умолкнуть. — Никто из нас не будет сейчас ввязываться в эту драку. Немного позже — возможно, и даже не в драку. Если ты встанешь на сторону Грита против Дюдермонта, если допустить, что впоследствии сможешь воспользоваться его успехом во вред Кораблю Ретнора, тогда я... Тогда моему отцу придется встать на сторону Дюдермонта, чтобы предотвратить такую опасность. Сульджак последует его примеру. Барам и Таэрл окажутся изолированными, если пойдут за тобой, поскольку ты обитаешь на острове. Ты подумал об этом? Ни один из них не продержится против Дюдермонта и Брамблеберри и нескольких дней, и как ты думаешь, большую ли помощь окажет им тогда Арклем Грит?

Курт засмеялся:

— Похоже, ты все просчитал.

— Я вижу потенциальную цель. И вижу барьер, способный защитить от убытков. Мой отец воспитал умного сына.

— Но все же ты пришел сюда, и пришел один.

— И мой отец не стал бы одобрять мой визит, не зная Верховного Капитана Курта, которого он уважает больше, чем кого бы то ни было в Лускане.

— Опять лезть.

— Заслуженная, как мне говорили. Или меня обманули?

— Возвращайся домой, юный глупец, — сказал Курт и махнул рукой, указывая на выход.

Кенсидан был счастлив повиноваться.

Ты все слышал?

Кенсидан, покинув дворец Курта и торопливо шагая к мосту, где поджидали его люди, задал вопрос голосу, обитавшему в его голове.

Конечно.

Штурмовать Главную Башню с моря будет намного труднее.

Верховный Капитан Курт даст разрешение, — заверил его голос.

Глава 13

Петля и мертвецы

— Помогите! Убивают! — кричал на бегу человек.

Он добежал до подножия камедной башни и начал колотить в окованную железом Дверь. Несмотря на отсутствие традиционного одеяния, в этом человеке каждый узнал бы чародея.

— Что, кончились заклинания и прочие штучки? — крикнул ему сверху один из стражников.

Его напарник хихикнул, а потом, толкнув товарища локтем, показал на дальний конец площади, где появился воин.

— Не хотел бы я оказаться на его месте, — сказал второй стражник.

Первый посмотрел вниз, на отчаявшегося беглеца.

— Наверное, бросил в него пару огненных шаров? Я думаю, легче было бы сунуть руку в осиное гнездо.

— Впустите меня, идиоты! — заорал чародей. — Он же меня убьет!

— Мы в этом ничуть не сомневаемся.

— Это же дроу! — вопил маг, — Разве вы не видите? Неужели вы встанете на сторону темного эльфа против человека?

— Ага, дроу по имени Дзирт До'Урден! — крикнул ему в ответ второй стражник. — И он служит у капитана Дюдермонта. Неужели ты надеешься, что мы пойдем против хозяина «Морской феи»?

Чародей хотел что-то возразить, но все понял и сдержался. Стражники не собираются ему помогать. Он развернулся и прислонился спиной к двери, чтобы видеть своего противника. Дзирт, держа мечи перед собой, приблизился к нему с равнодушным видом.

— Рад тебя видеть, Дзирт До'Урден, — приветствовал его один из стражников, когда дроу остановился в нескольких шагах от хнычущего мага. — Если ты собираешься его убить, мы отвернемся, чтобы не выступать против тебя свидетелями.

Второй стражник весело рассмеялся.

— Ты в ловушке, и выхода нет, — обратился Дзирт к загнанному в угол чародею. — Ты это признаешь?

— Ты не имеешь права!

— Со мной мои мечи, а у тебя не осталось ни одного заклинания. Хочешь, чтобы я повторил вопрос?

То ли леденящее спокойствие Дзирта, то ли смех стражников на башне, но что-то

придало сил магу, и он выпрямился во весь рост, расправил плечи и посмотрел в глаза своему врагу:

— Я сверхмаг Главной Башни...

— Я знаю, кто ты такой, Бласкар Лаутлон, — сказал Дзирт. — И я видел твою работу. Там, позади, остались люди, погибшие от твоих рук.

— Они напали на наши позиции, мой компаньон убит...

— Тебе предлагали пощаду.

— Мне предложили сдаться лицу, которое не имеет полномочий.

— Вряд ли кто-то в Лускане с тобой согласится.

— И никто в Лускане не будет терпеть дроу!

Дзирт широко усмехнулся:

— Но я же здесь.

— Убирайся отсюда сейчас же! — закричал Бласкар. — Или почувствуешь на своей шкуре удар Арклема Грита!

— Я спрашиваю тебя еще раз, — сказал дроу. — Ты сдаешься?

Бласкар снова расправил плечи. Он знал, какая судьба ему уготована в случае капитуляции.

Он плюнул на ноги Дзирту, но ноги темного эльфа были слишком быстрыми, чтобы попасть под плевок. Дзирт скользнул на шаг назад, а затем с молниеносной скоростью ринулся вперед. Сверкающие мечи сомкнулись над головой Бласкара, и он пронзительно взвизгнул. Стражники наверху вскрикнули от удивления, но в их голосах слышалось скорее нескрываемое удовольствие, чем страх.

Мечи Дзирта со свистом разошлись, затем одно лезвие вонзилось в дверь у головы Бласкара, а второе рассекло воздух точно над его каштановой шевелюрой. Шквал выпадов продолжался еще несколько мгновений, мечи сверкали перед глазами, дроу вертелся волчком, лезвия грозили чародею со всех сторон сразу.

Бласкар пару раз вскрикнул. Он попытался защититься, но не мог предугадать точных и стремительных движений темного эльфа. Когда атака прекратилась, маг, слегка пригнувшись, все так же стоял у двери, крепко обхватив себя руками, и боялся пошевелиться, словно ожидал, что вот-вот рассыплется на отдельные части.

Но он был невредим.

— Что? — пролепетал он, прежде чем понял, что весь спектакль имел единственную цель: дать возможность Дзирту занять требуемую позицию.

Дроу, стоявший теперь гораздо ближе к Бласкару, чем в начале атаки, взмахнул рукой, и рукоять Ледяной Смерти сильно ударила мага в лицо, так что голова стукнулась о дверь.

Еще мгновение он сохранял равновесие, смотрел на дроу обвиняющим взглядом и грозил пальцем, а затем замертво рухнул на землю.

— Держу пари, это очень больно, — произнес сверху один из стражников.

Дзирт поднял голову и увидел уже не двух, а четырех человек, наблюдавших за поединком.

— Я думал, ты разрезал его на куски, — добавил один из них, а остальные засмеялись.

— Здесь скоро появится капитан Дюдермонт, — сказал Дзирт. — Надеюсь, вы откроете ему двери.

Все стражники одновременно кивнули.

— Нас здесь всего четверо, — сказал один, и Дзирт удивленно поднял брови.

— Остальные не пришли на пост, — пояснил второй. — Когда бои приблизились, они остались со своими семьями.

— У нас нет приказа принимать чью-то сторону, — сказал третий.

— И нет приказа оставаться дома, — добавил четвертый.

— Капитан Дюдермонт сражается ради справедливости, ради всего Лускана, — сообщил им Дзирт. — Но я понимаю, что ваш выбор, если вы на что-то решитесь, будет основан на соображениях практичности.

— То есть? — спросил первый.

— То есть вы вряд ли захотите встать на сторону проигравших, — с усмешкой ответил Дзирт.

— Надо думать!

— И я не стану вас за это винить, — продолжал дроу. — Но Дюдермонт победит можете не сомневаться. Слишком долго Главная Башня отбрасывала мрачную тень на Лускан. Она могла стать еще одним украшением прекрасного города, но с таким хозяином, как лич Грит, превратилась в гробницу. Присоединяйтесь к нам, и война подойдет к самой двери Грита.

— Тогда поторопитесь, — сказал один из стражников и показал на город, где почти на каждой улице полыхали пожары. — А то не достанется, ради чего сражаться.

Женщина с опаленными волосами и в горящей одежде с криком выбежала на площадь. Она попыталась прокатиться по земле, чтобы сбить огонь, но пламя победило, и она, упав, уже больше не двигалась.

Из того же дома донеслись еще крики, заглушаемые раскатами грома. На верхнем этаже распахнулось окно, и из него вылетел мужчина, отчаянно крича и размахивая руками, пока не ударился о землю. Он приподнялся, вернее, попытался подняться, но снова опрокинулся на спину, схватившись обеими руками за вывернутое колено и сломанную лодыжку.

В том же окне появился чародей. Злорадно ухмыляясь, он направил на лежащего мужчину тонкую волшебную палочку.

В этот момент над площадью пронесся шквал стрел, пущенных с крыши напротив, и чародей, пораженный неожиданным залпом, упал обратно в комнату.

Война велась повсюду с использованием рукотворных и магических снарядов. Группа воинов устремилась к другому дому на той же площади, но была вынуждена отступить перед лавиной магического огня и молний.

Второй магический залп громыхнул с южной стороны этого дома, и, несмотря на все защитные барьеры магов Главной Башни, запертых внутри, угол здания занялся огнем.

Из расположенного на некотором удалении к северо-востоку дворца, за сражениями наблюдали верховные капитаны Таэрл и Сульджак.

— Каждый раз одно и то же, — заметил Сульджак.

— Погибли не меньше двадцати соратников Дюдермонта, — откликнулся Таэрл, но Сульджак на это лишь пожал плечами.

— Дюдермонт скорее заменит лучников и фехтовальщиков, чем Арклем Грит найдет новых чародеев, чтобы швырять в них магические шары, — сказал Сульджак. — Каждый бой заканчивается почти одинаково: люди Дюдермонта вытягивают из приспешников Грита всю магию до последней капли, а потом убивают. — А посмотри-ка на гавань, — продолжал он, указав на мачты четырех кораблей, стоявших на якорях в фарватере между островом Клык и островом Сабля, на котором возвышалась Главная Башня. — Ходят слухи, что Курт отпустил стражников Морской Башни, чтобы они не препятствовали «Морской фее» или другому кораблю пройти к южной оконечности Сабли. Дюдермонт уже блокировал Грита с востока, запада и севера, а скоро перекроет ему выход и с юга. Арклему Гриту недолго осталось царствовать, по крайней мере в Лускане.

— Ба! Не забывай о его могуществе, — возразил Таэрл. — Он ведь великий архимаг!

— Уже ненадолго.

— Когда эти мальчишки сунутся в Главную Башню, он им покажет! — настаивал Таэрл, — Курт все равно не позволит им пройти через Охранный остров, а если атаковать Арклема Грита с моря, гавань заполнится телами. И не важно, есть охрана в Морской Башне или нет. Возможно, Грит сам хотел, чтобы там никого не было, чтобы заманить дерзких

мальчишек к Сабле, а затем потопить их корабли.

— Капитана Дюдермонта нельзя считать глупцом, — напомнил ему Сульджак. Об этом хорошо знали все, кто хоть раз выходил в море у Побережья Мечей. — И нельзя недооценивать этого пса Робийарда, который повсюду следует за капитаном. Если бы дело было только в Брамблеберри, я бы с тобой не спорил, дружище.

Громкие ликующие крики привлекли их внимание, и Сульджак с Таэрлом, выглянув в окно, увидели, как по улице верхом едет капитан Дюдермонт, а собравшаяся толпа радостно приветствует своего героя. Оба капитана, сознавая, что битва скоро закончится, снова посмотрели на укрепленный дом, где затаились чародеи.

— Говорю тебе, он одержит верх, — заговорил Сульджак. — Нам сейчас надо открыто встать на его сторону и воспользоваться ветром, который надувает паруса Дюдермонта.

Таэрл упрямо фыркнул и отвернулся, но Сульджак, схватив его за руку, вновь повернул к окну и показал на людей, идущих рядом с Дюдермонтом. Они были одеты в форму городских гвардейцев и кричали с таким же энтузиазмом, как и прибывшие из Глубоководья воины. А может, и еще энергичнее.

— Твои ребята, — усмехаясь, заметил Сульджак.

— Это их выбор, а не мой, — возразил Верховный Капитан.

— Но ты ничего не сделал, чтобы их остановить, — напомнил Сульджак. — Смотри, и парни Барама тоже с ними.

Таэрл не стал отвечать на колкие замечания Сульджака. Сражение за Лускан шло точно так, как предсказывал Кенсидан, — и поражение Арклема Грита было предreshено.

— Пожары на востоке, пожары на севере, — произнесла Валиндра.

Вместе с Арклем Гритом она из окна Главной Башни наблюдала за той же картиной, что и Таэрл с Сульджаком, хотя с совершенно другими чувствами и под другим углом.

— Все наши достойные союзники должны обладать заклинаниями, чтобы вернуться в Главную Башню, — сказал Грит.

— Только те, кто преуспел в этой науке, — заметила Валиндра. — Не такие, как Бласкар, — мы давно о нем ничего не слышали.

— Я совершил ошибку, присвоив ему звание сверхмага, — признал Грит. — И еще одну — когда доверился этой негодной Раурим. Но я добьюсь ее смерти еще до того, как все это закончится, не сомневайся.

— Я и не сомневаюсь, только хотелось бы знать, чем это закончится.

Арклем Грит бросил в ее сторону сердитый взгляд, но Валиндра Тень не отступала.

— Они нас теснят, — сказала она.

— Им не пройти через Охранный остров, а со скалистых берегов Сабли мы их сбросим, — заверил ее Грит. — Расставь на всех возможных местах высадки лучших заклинателей духов и лучших мастеров иллюзий, а их позиции укрепи любыми доступными тебе охранными заклинаниями. С Робийардом и остальными магами, имеющимися в армии Дюдермонта, справиться будет непросто, но мы имеем преимущество, находясь на твердой земле, а не на борту корабля.

— Надолго ли?

— Настолько, насколько потребуется! — вспыхнул Арклем Грит, и в глазах лица полыхнуло внутреннее пламя. Впрочем, он быстро успокоился. — Ты, конечно, права, — продолжил архимаг. — у Дюдермонта и Брамблеберри хватит терпения и упорства, пока жители Лускана их принимают. Возможно, пора это изменить.

— Ты собираешься поговорить с верховными капитанами?

Арклем Грит» даже не дослушав, саркастически усмехнулся:

— Разве что с Куртом, да и то вряд ли. А ты уверена, что восстание горожан дело рук не этих гнусных пиратов?

— Как мне говорили, Дюдермонт проведаль о наших связях с пиратами Побережья Мечей.

— И весьма кстати нашел союзника в лице Брамблеберри и перебежчика в лице Арабет Раурим? Совпадения зачастую бывают плодами отличного планирования. Как только я покончу с этим глупым Дюдермонтом, мне придется серьезно побеседовать с каждым из пяти верховных капитанов. Только я сомневаюсь, чтобы кому-то из них понравился этот разговор.

— А до тех пор?

— Пусть это будет моей заботой, — ответил Арклем Грит. — А ты присмотри за обороной острова Сабля. Но сначала вытащи сверхмага Римардо из его библиотеки в Восточной Башне, и пусть он отправится в город и узнает, что случилось с Бласкаром. И напомни нашему мускулистому другу, что, размахивая руками, он лишает нас одного из источников магических заклинаний.

— А может, лучше мне пойти и поискать Бласкара, пока Римардо готовится к обороне?

— Если Римардо в силу своей рассеянности может допустить ошибку в работе, пусть ее последствия падут на его голову, когда он не будет стоять рядом со мной, — возразил лич. Затем он с усмешкой окинул Валиндру оценивающим взглядом и добавил: — Я же знаю, что тебе не терпится стереть с лица земли нашу прекрасную Арабет. Тебе ведь ничто не доставит большего удовольствия, чем ее гибель, не так ли?

— Виновные должны быть наказаны, архимаг.

Арклем Грит своими холодными пальцами обхватил острый эльфийский подбородок Валиндры.

— Ах, если бы я был еще жив, — грустно вздохнул он. — Или ты была бы мертва.

Валиндра с трудом сглотнула и отступила на шаг, освобождаясь от ледящей руки лича. Архимаг хрипло хихикнул.

— Пришло время их наказать, — сказал он. — И первой — Арабет Раурим.

Поздним вечером того же дня Арклем Грит в виде полупрозрачного легкого облака выскользнул из Главной Башни. Пролетая над Охранным островом, он едва удержался, чтобы не свернуть в башню Курта и не потревожить сон Верховного Капитана.

Но он пролетел над его домом и над мостом к материку, на котором располагалась основная часть Лускана. Однако за мостом он круто свернул влево, к северу, и оказался на обширной равнине, заросшей кустами ежевики, в которых скрывалось множество змей, и усыпанной обломками домов и башен. Это был Иллуск, руины древнего города. На поверхности земли он занимал не менее двух акров, а под землей и того больше. Прямо под развалинами начинались темные и сырые тоннели, тянувшиеся до Охранного острова и дальше, до острова Сабля. Здесь повсюду пахло гниющими овощами, поскольку торговцы с ближайшего рынка нередко вывозили в развалины мусор, оставшийся после торговли.

Для любого нормального человека Иллуск был во всех отношениях очень неприятным местом. Но для лича он представлял собой нечто особенное. Именно здесь Арклем Грит сумел осуществить превращение из живого человека в ожившего лича. В этом древнем поселении, с его старинными захоронениями, граница между жизнью и смертью была не такой прочной, как в других местах. Здесь обитали призраки, вампиры и оборотни, и жители Лускана прекрасно знали об этом. Помимо всех преимуществ Главной Башни, чародеев Гильдии в далеком прошлом привлекла в Лускан и колоссальная сила, удерживавшая оживших мертвецов в границах Иллуска. Это обстоятельство оказалось благоприятным как для жителей Города Парусов, так и для обитателей Главной Башни.

Арклем Грит обстоятельно изучил заклинание-барьер еще до своего превращения, и, хотя он сам был Ожившим мертвецом, двомер на него не действовал.

В центре руин он вернул себе материальное тело и мгновенно ощутил, что за ним

наблюдает голодный вурдалак, но это лишь насмешило Грита. Немногие мертвецы могли осмелиться подойти близко к столь могущественному колдуну, еще меньше нашлось бы тех, кто отказался бы явиться на его зов.

Все еще криво усмехаясь, Арклем Грит направился к северо-западному краю руин, выходящему на берег реки Мирар. Там он открыл висевшую на поясе сумку и достал порошок из толченых костей.

Он зашагал вдоль берега на юг, стал читать заклинание и разбрасывать костяную пыль. Обходя южный участок руин, лич действовал особенно осторожно и не раз осматривался, проверяя, не следят ли за ним чьи-то глаза. На обход всей ограниченной территории у него ушло довольно много времени и еще один мешочек с костяным порошком, но в конце концов он закончил свое заклинание, отменяющее магический барьер.

Вампиры и призраки теперь были свободны. Грит это знал, а они еще нет.

Он вернулся в центр руин, к древнему мавзолею, тому самому, где много лет назад осуществил свое превращение. Вход преграждала дверь, запертая на замок и тяжелый засов, но Грит быстро прочел заклинание, снова обратившее его в облако, и просочился внутрь сквозь щель между досками. Там он немедленно вернул себе физическое тело, желая ощутить под ногами гладкие влажные камни гробницы.

Глаза лича не нуждались в источнике света, и Грит, несмотря на крошечную тьму, легко спустился по ступеням. На нижней площадке он обнаружил еще один проход, закрытый тяжелой каменной глыбой. Он вытянул в направлении камня руку, прочел заклинание телекинеза, и магические пальцы легко отодвинули Массивное препятствие.

Арклем Грит спустился еще ниже, в холодный и сырой тоннель, призвал оттуда вампиров и призраков и объявил им, что они свободны.

Как только они разлетелись, Арклем Грит вытащил один из самых ценных своих амулетов — шар колоссальной магической силы, артефакт, созданный им самим, чтобы дотягиваться до преисподней и выкачивать остаточную жизненную энергию давно умерших личностей.

Люди не одно столетие строили города в этом месте, а до возникновения городов здесь издавна селились племена варваров. Каждое поселение строилось на развалинах предыдущего — на обломках построек и на костях его обитателей.

И вот, по сигналу шара Арклема Грита, начали шевелиться, просыпаться и подниматься останки древнейших и давным-давно умерших обитателей Лускана.

Глава 14

Бегом на крик

— Дзирт! Дзирт! — тревожно позвал Реджис. Не отводя взгляда от двери стоявшего на другой стороне переулка дома, он шагнул назад и попытался дернуть своего друга за рукав. — Дзирт! снова окликнул он дроу, когда его рука встретила лишь пустоту.

Наконец хафлинг повернулся и увидел, что Дзирта рядом нет.

В доме снова закричала женщина, и леденящий душу вопль, полный неудержимого ужаса, подсказал Реджису, что происходит за закрытой дверью. Хафлинг призвал всю свою храбрость, в одну руку взял палицу, а другой вытащил из-за ворота рубиновую подвеску. Неохотно шагая через дорогу и на каждом шагу окликая Дзирта, Реджис напомнил себе, какой враг может ожидать внутри, и отпустил бесполезный амулет, оставив его болтаться на цепочке вокруг шеи.

Дом был уже совсем близко, когда крики сменились отрывистыми вздохами и рыданиями и звуком отодвигаемой мебели. Через окно справа от двери Реджис увидел, как женщина взмахнула перед собой руками, — похоже, она швырнула стул, чтобы остановить преследователя.

Реджис бросился к окошку и убедился, что импровизированный снаряд сделал свое дело и задержал отвратительного упыря.

При виде ужасного существа он с трудом перевел дыхание. Когда-то оно было мужчиной, но теперь в нем не осталось почти ничего человеческого. Иссохшее тело превратилось в обтянутый кожей скелет, губы сгнили, и изо рта торчали пожелтевшие клыки со свежими остатками чьей-то плоти. Упырь обеими руками поймал стул, вцепившись в него длинными, как пальцы, ногтями, и поднес ко рту. Он рычал и выл от ярости, и казалось, вместо того чтобы отбросить стул, вот-вот вопьется в него зубами.

Женщина снова закричала.

Упырь бросился на жертву, но, сосредоточившись на женщине, не заметил притаившейся на подоконнике маленькой фигурки.

Дождавшись пока упырь с ним поравняется, Реджис выскочил из своего укрытия. Он ухватился обеими руками за палицу и, используя инерцию прыжка, что было сил ударил монстра по затылку. Затрещали кости, разорвалась высохшая кожа. Упырь покачнулся и упал на бок, сбив еще несколько стульев.

Реджис после такого выпада тоже с трудом удержался на ногах. Но он быстро выпрямился и снова принял боевую стойку, отчаянно надеясь, что одно удара будет достаточно.

Но ему не повезло: упырь поднялся и повернул свою безгубую физиономию к новой жертве.

— Ну давай, я с тобой разделаюсь, — услышал хафлинг собственный голос, и чудовище, словно в ответ, бросилось вперед.

Реджис палицей отбил в стороны его вытянутые руки, зная, что яд под этими ужасными когтями при малейшей царапине способен лишить возможности двигаться и человека, и хафлинга. Он непрерывно размахивал палицей и колотил по костлявым конечностям, сводя на нет каждую попытку упыря добраться до его тела.

И все же когти задели Реджиса, и он ощутил, как сразу задрожали колени. А его удары, хоть и попадали в цель, похоже, ничуть не вредили чудовищному созданию.

В отчаянии Реджис изменил тактику. Пригнувшись, чтобы избежать когтей, он шагнул вперед и нанес несколько ударов по голове и груди упыря.

Он ощутил жгущую боль в плечах, руках и спине, почувствовал, что слабеет от растекающегося по телу яда, но упорно отказывался падать и продолжал наносить удары.

Наконец его силы иссякли, и хафлинг рухнул на пол.

Рядом с ним свалился упырь с разбитым вдребезги черепом.

Потом женщина взяла Реджиса за руку, хотя он и не ощутил ее прикосновения, но слышал, как она, плача, благодарила его, а потом она снова закричала от ужаса и, отскочив от хафлинга, бросилась к двери.

Реджис не мог проследить за ее передвижениями. Он беспомощно смотрел в одну точку, пока не увидел две пары ног — еще два упыря. Он попытался утешить себя тем, что не почувствует боли, когда эти гнусные создания будут разрывать его своими клыками.

— Выходите на улицы! — кричал Дюдермонт, пробегая по переулку в сопровождении своих матросов и Робийарда. — Выходите все до одного! Вместе безопаснее!

Жители Лускана слышали его крики и выбегали, но из некоторых домов доносились лишь вопли ужаса. Тогда Дюдермонт посылал туда своих людей, чтобы уничтожить упырей и спасти жертву.

— Арклем Грит освободил их из развалин Иллуска, — сказал Робийард. Он, не переставая, ворчал с самого заката, когда началось нашествие нечисти. — Он хочет наказать Лускан за то, что мы, его враги, свободно ходим по улицам.

— Он только восстановит против себя весь город, — проворчал Дюдермонт.

— По-моему, это его ничуть не беспокоит, — заметил Робийард.

Чародей остановился и повернул голову, и Дюдермонт, проследив за его взглядом, посмотрел на балкон одного из домов. Стайка ребятишек мелькнула за перилами и торопливо выскочила в другую дверь. Следом за ними появились два голодных упыря, они уже облизывались и распустили слюни.

С руки Робийарда сорвалась молния, раздвоилась, долетев до балкона, и поразила сразу обоих чудовищ.

Дымящиеся останки упырей остались неподвижно лежать на обугленном деревянном полу.

Дюдермонт был рад, что Робийард на его стороне.

— Я убью этого лича, — негромко пробурчал Робийард.

Капитан в этом нисколько не сомневался.

Дзирт бежал по улице, разыскивая своего компаньона. Он бросился в дом, откуда доносились крики, а Реджис за ним не пошел.

На улицах было опасно. Слишком опасно.

Дроу кивнул Гвенвивар, бежавшей по крышам параллельно его курсу.

— Найди его, Гвен, — попросил Дзирт, и пантера, рыкнув, унеслась вперед.

Прямо перед Дзиртом, спотыкаясь, выбежала из дома женщина перепуганная насмерть и истекающая кровью. Дзирт инстинктивно напрягся, ожидая преследователей.

Но никто больше не появился, а когда он вспомнил, что оставил Реджиса где-то неподалеку, от мрачного предчувствия у темного эльфа сжалось сердце.

Он не стал останавливаться, чтобы расспросить женщину, все равно она была не в состоянии дать вразумительный ответ. Он вообще не остановился. Дроу стремглав бросился к двери, но, заметив открытое окно, резко свернул. Ни один упырь не станет медлить, чтобы открывать окна, а ночь слишком холодна, чтобы это стали делать обитатели жилища.

Еще запрыгивая на подоконник, Дзирт уже знал, что обнаружит внутри, и только молился, чтобы его помощь не запоздала.

Он прыгнул на упыря, склонившегося над маленьким телом. Они вместе покатались на пол, а на Дзирта тотчас набросился второй упырь и расцарапал когтями руку. Он ощутил боль, но природа эльфов делала его невосприимчивым к воздействию отравы этих существ, и Дзирт не стал обращать внимание на царапину. Он перекатился по полу и намеренно ударился о стену, чтобы изменить направление и вскочить на ноги, пока упырь еще только пытался подняться.

Сверкающий и Ледяная Смерть быстро принялись за работу, во многом повторяя движения маленькой палицы хафлинга. Но эти клинки в руках дроу действовали куда более эффективно. Руки упыря были мгновенно отделены от туловища, а на пол упали уже рассеченными на несколько частей.

Боковым зрением Дзирт следил за Реджисом. Бедняга хафлинг неподвижно лежал на полу в луже крови, и от этого вида ярость темного эльфа разгоралась еще сильнее. Он бросился на стоящего упыря, выставив перед собой мечи, и лезвия погрузились в худосочную плоть с противным чавкающим звуком. Дзирт наносил один удар за другим и колот с такой силой, что мечи пронзали противников насквозь.

Он ненадолго опустил оружие, только когда упырь сполз по стене на пол, Вероятнее всего, с ним было уже покончено, но разъяренного дроу это не остановило. Он просто отвел мечи назад, крутанул их и начал рубить упавшего монстра. Кожа слетала с упыря длинными лоскутами, обнажая серые кости и высохшие внутренности.

Дзирт слышал, как сзади приближается второй упырь, но упрямо продолжал кромсать врага.

Чудовище прыгнуло на дроу, нацелившись когтями ему в лицо.

Но страшные когти так и не дотянулись до цели. Упырь уже летел в прыжке, а Дзирт низко пригнулся, и монстр, промахнувшись, рухнул на останки своего собрата.

Дзирт продолжал рубить, пока в окно не влетела черная тень. Пантера одним взмахом лапы свалила упыря на пол и обрушилась на него шквалом ударов своих острых когтей и крепких клыков.

Дзирт вогнал мечи в ножны и, подбежав к Реджису, упал рядом с ним на колени. Он поднял голову хафлинга в своих ладонях и заглянул в широко распахнутые глаза, надеясь увидеть в них искорки жизни. В этот момент на него кинулся еще один упырь, но Гвенвивар уже взвилась в воздух. Она столкнулась с монстром над Реджисом и нагнувшимся над ним Дзиртом, и оба пролетели дальше, в другую комнату.

— Забери меня отсюда, — почти неслышно выдохнул едва живой Реджис.

Следующие три недели в Лускане потом называли Ночами Непрерывных Криков. Сколько бы оживших монстров не уничтожал Дюдермонт и его люди, на следующий вечер, после захода солнца, неизменно появлялись новые.

Ужас горожан быстро сменился яростью, и эта ярость обрела одно определенное направление.

Несмотря на ночные побоища, дела Дюдермонта продвигались все успешнее, и вскоре почти все здоровые мужчины и женщины в Лускане присоединились к его армии и выбивали чародеев Главной Башни из их секретных укрытий, а перед островом Сабля стояли уже не четыре корабля, а почти тридцать.

— Арклем Грит зашел слишком далеко, — сказал как-то раз Реджис Дзирту. Со своей кровати, где он медленно и тяжело выздоравливал, хафлинг мог видеть гавань и корабли, а снизу в окно доносились гневные выкрики лусканцев в адрес Главной Башни. — Он думал их запугать, но только разозлил еще сильнее.

— Бывают моменты, когда человек испуган до смерти, — сказал Дзирт. — А бывает, что люди до смерти разъяряются. Сейчас в Лускане как раз второй случай, его жители обрели наибольшую храбрость, и враг должен в страхе трепетать перед силой их гнева.

— И ты думаешь, что Арклем Грит трепещет?

Дзирт задумался, глядя на далекую Башню Гильдии и ее разрушенную пожаром южную секцию, потом покачал головой:

— Он ведь чародей, а их не так легко испугать. Кроме того, они не всегда воспринимают очевидные факты, поскольку мысли заняты менее вещественными предметами.

— Напомни, чтобы я повторил это высказывание Кэтти-бри, — попросил Реджис.

Дзирт пристально посмотрел на хафлинга.

— Знаешь, по городу все еще бродят голодные упыри, — сказал он, и Реджис засмеялся, хотя от боли сразу схватился за живот.

Дзирт снова обернулся к башне.

— Кроме того, Арклем Грит лич, — добавил он. — Он бессмертен, и потому временные победы и поражения мало его беспокоят. Проиграет он эту битву или одержит победу, он будет сражаться за Лускан и в далеком будущем, когда капитан Дюдермонт и его союзники обратятся в прах.

— Он не победит, — сказал Реджис. — Только не в этот раз.

— Согласен, — кивнул Дзирт.

— Но он может сбежать.

Дзирт пожал плечами, словно это было не важно.

— Робийард обещал уничтожить этого лича, — заметил Реджис.

— Тогда давай молиться за успех Робийарда.

— Что такое? — спросил как-то за завтраком капитан Дюдермонт, перехватив любопытствующий взгляд Дзирта.

Сидевший напротив Робийард хихикнул с набитым ртом и быстро поднес к губам

салфетку.

Дзирт пожал плечами, но даже не попытался скрыть свою улыбку.

— Что... Что такое известно вам двоим, чего не знаю я? — настойчиво спросил капитан.

— Мы почти всю ночь сражались с упырями, — сказал Робийард, продолжая жевать. — Но тебе это прекрасно известно.

— Тогда в чем дело? — не отступал Дюдермонт.

— В твоём настроении, — ответил Дзирт. — Ты сияешь, словно утреннее солнышко.

— Дела идут неплохо, — пояснил Дюдермонт, словно констатируя очевидный факт. — К нам присоединились тысячи жителей.

— Для этого есть веские причины, — заметил Робийард.

— Так, значит, именно упомянутая причина подняла твоё настроение, а не само подкрепление... — сказал Дзирт.

Дюдермонт озадаченно посмотрел на своих друзей.

— Арклем Грит устранил серые цвета, вернее, затемнил все оттенки, если выразиться точнее, — объяснил Дзирт. — Его действия в Иллуске прогнали все твои сомнения в необходимости вмешательства в дела Лускана. Значит, этот лич не только разрушил границу, сдерживавшую монстров, но и снял огромную тяжесть сомнений с души капитана Дюдермонта.

Дюдермонт перевел взгляд на Робийарда, но лицо чародея выражало полное согласие со словами друу.

Капитан отодвинул свой стул и повернулся к изрядно разгромленному городу. Кое-где Лускан ещё горел, и дым пожаров усиливал постоянный сумрак. По улицам катились широкие плоские телеги, а возницы печально звонили в колокольчики, призывая людей выносить своих мертвецов. На телеге, прошедшей под окном Дюдермонта, лежало уже несколько трупов.

— Да, я понимал, что план лорда Брамблеберри потребует от города больших жертв, — признался капитан. — Я вижу их — я ощущаю их запах! — ежедневно, как и все вы. И вы правы. Эта ноша оказалась для меня очень тяжелой.

Говоря это, он не отрывал взгляда от города, и его спутники тоже посмотрели на темневшие дороги и здания.

— Здесь гораздо труднее, чем на море, — сказал Дюдермонт. При этих словах Дзирт с понимающей улыбкой посмотрел на Робийарда, припомнив, что несколько дней назад, когда восстание в городе только начиналось, чародей высказывал ту же мысль. — При охоте на пиратов ты знаешь, что действуешь во имя добра. Там не о чем спорить, разве что при выборе двух возможных вариантов: потопить корабль противника вместе со всеми преступниками или же доставить их в Лускан или Глубоководье, чтобы передать в руки правосудия. В поступках пиратов нет никакой подоплеки — по крайней мере, нет ничего, что могло бы изменить мое отношение к ним. Выполняют ли они волю своего хозяина или действуют по собственным гнусным замыслам, моя борьба основана на прочных принципах морали.

— И ведется в согласии с законами, — добавил Робийард, приветственно приподнимая кружку с утренним чаем. А в данном случае ситуация более сложная и приходится вникать в полуправду и скрытые замыслы.

— У меня огромное отвращение вызывает Карнавал Воров, — сказал Дюдермонт. — Я не раз боролся с искушением атаковать это заведение и поубивать охранников-мучителей, но всегда вспоминал, что они выполняют приказы законодателей Лускана. Однажды мы по этому поводу даже чуть не подрались с Верховным Капитаном Таэрлом.

— А он, вероятно, утверждал, что жестокость необходима для поддержания порядка, — предположил Робийард.

— И очень убежденно, — ответил Дюдермонт.

— Он ошибался, — заявил Дзирт, и оба собеседника уставились на него с изумлением.

— А я считал, что ты скептически относишься к нашей миссии, — сказал Дюдермонт.

— Так оно и есть, — ответил Дзирт. — Но это не значит, что я не согласен с необходимостью перемен, по крайней мере, в некоторых отношениях. Однако принимать решение в целом — не мое дело, ведь вы и многие другие лучше знакомы с порядками и природой отношений в Лускане. Мои мечи служат капитану Дюдермонту, но некоторые опасения все равно остаются.

— Так же, как и у меня, — признался Робийард, — Здесь так много ненависти, интриг, тайных замыслов и соперничества, которое уходит корнями гораздо глубже, чем жестокие планы Арклема Грита.

Дюдермонт поднял руку, призывая Робийарда к молчанию, а жестом второй руки остановил готового вмешаться Дзирта.

— Я тоже не могу сказать, что не испытываю некоторых опасений, — заговорил он. — Но я не откажусь от своей веры в правое дело, ведущее к правильным результатам. Я не могу отказаться от своих убеждений, иначе кем я стану и во что превратится моя жизнь?

— Довольно простое и несправедливое утверждение, — заметил склонный к сарказму чародей.

— Несправедливое?

— Для тебя, — ответил Робийарду Дзирт. — Наши с тобой дороги во многом схожи между собой хотя исходные пункты совершенно различны. Мы оба любим вмешиваться в чужие дела, но надеемся, что после нашего вмешательства ткань жизни станет более красочной.

Дзирт сам слышал горькую иронию в своих словах, вызванную неприятным воспоминанием о ситуации в Длинной Седловине, где его участие, вероятно, принесло бы пользу.

— Я воюю с пиратами, а ты с чудовищами, верно? — с усмешкой сказал капитан и в свою очередь приподнял чашку с чаем. — Я полагаю, что легче истреблять пиратов и даже орков.

Дзирт моментально поперхнулся чаем, едва только вспомнил о недавних событиях на Севере, и долго еще не мог прокашляться и отдышаться. Он поднял руку, чтобы успокоить собеседников, но не захотел еще больше осложнять разговор повествованием о небывалом договоре между Бренором и Обальдом, между дворфами и орками. С недавних пор абсолютизм дроу заметно сгладился, и непоколебимая вера капитана его немного пугала.

— Нельзя не беспокоиться о нежелательных последствиях, — продолжил беседу Робийард.

Но капитан, снова увлеченный видом из окна, в ответ только пожал плечами. Внизу вновь зазвенел колокольчик, потом раздался крик, призывающий выносить мертвых. Его цель была ясна. Капитан окинул взглядом остров Сабля, похожую на гигантское дерево Главную Башню и мачты множества кораблей, выстроившихся на противоположном берегу гавани, в устье реки.

Угроза упырей значительно уменьшилась. Друзья Робийарда почти закончили возведение нового барьера вокруг Иллуска, а большая часть вырвавшихся в город чудовищ уже была уничтожена.

Пришло время сразиться с главным источником всех бедствий, и Дюдермонт опасался, что этот бой обойдется им слишком дорого.

Глава 15

Голос из Тьмы

На рассвете Верховный Капитан Курт проснулся от непонятного сотрясения пола под своей кроватью. Как только он пришел в себя и убедился, что это ему не приснилось, бывший пират с ловкостью опытного воина соскочил с кровати, одновременно сдернув со столбика перевязь с мечом и застегивая ее на пояс.

— Тебе это не понадобится, — раздался негромкий мелодичный голос из темноты в противоположном конце круглой комнаты, находившейся почти на самом верху башни Курта.

Сон окончательно улетучился, тревога улеглась, и Курт узнал этот голос. Таинственный непрошенный посетитель уже дважды разговаривал с ним в этой самой комнате.

Верховный Капитан скрипнул зубами и прикинул, не бросить ли в гостя один из кинжалов, висевших у него на поясе.

Но он сдержался, напомнив себе, что это не враг, хотя и не испытывал при этом никакой уверенности, поскольку не имел представления, кто это был.

— Западное окно, — снова раздался голос. — Началось.

Курт подошел к окну и раздвинул тяжелые портьеры, впустив в комнату утренний свет. Он бросил взгляд в ту сторону, откуда доносился голос, надеясь хоть мельком увидеть гостя, но тот угол спальни будто оттолкнул солнечный свет и остался темным, как безлунная полночь. Колдовство, решил про себя Курт, и колдовство очень сильное. Сам Арклем Грит накладывал заклинание, ограждающее его башню от любого магического проникновения. И вот, снова этот таинственный голос!

Курт повернулся к окну и взглянул на медленно светлевший океан.

В сторону Главной Башни и скалистого побережья острова Сабля летели десятки каменных и смоляных снарядов, оставляя в воздухе огненные следы.

— Видишь? — спросил его голос. — Все так, как я и говорил.

— Сын Ретнора глупец.

— Глупец, но он выиграет, — поведал голос.

Учитывая огромное количество собравшихся у острова Сабля кораблей, это утверждение трудно было оспорить. Канониры старались вовсю. Они стреляли одновременно, и каждое орудие поражало свою цель. Курт насчитал пятнадцать кораблей, участвовавших в обстреле, но их могло быть и больше, просто остальные не были видны из окна. Кроме того, несколько плоских широких судов сновало между строем кораблей и берегом Белопарусной гавани, подвозя боеприпасы.

Белопарусная гавань!

Курт удивился не на шутку. Этот причал служил пристанищем для военной флотилии Лускана — эскадры, предположительно находящейся под покровительством пяти верховных капитанов, а на самом деле управляемой Гильдией Чародеев. Флотилия Белопарусной гавани за пределами Лускана занималась откровенным пиратством. Дюдермонт знал этих пиратов, и они его знали, и многие из них потеряли своих товарищей в стычках с «Морской феей» в открытом море.

И несмотря на все это, шокирующая мысль все сильнее — по мере того как к «Морской фее» и судам Брамблеберри подходили все новые и новые корабли билась в его мозгу. Оказывается, моряки Лускана могли изменить своим привычкам. Как бы неправдоподобно это ни выглядело, Курт не мог не верить собственным глазам. Флотилия Лускана, мужчины и женщины из Белопарусной гавани принимали участие в обстреле Главной Башни. Они открыто восстали против Арклема Грита.

— Свалаял дурака со своими ожившими мертвецами, — пробормотал Курт.

Арклем Грит проявил упрямство и допустил чрезмерную жестокость. Он превысил предел терпения лусканцев и восстановил против себя весь город. Верховный Капитан снова взглянул на море. Хотя с такого расстояния он и не мог разобрать всех деталей, но среди всех прочих флагов отчетливо различил и флаги Мирабара. Он мысленно представил себе, как напряженно трудились дворфы и люди, чтобы нагрузить суда-перевозчики камнями и смолой.

Не скрывая своего беспокойства, он со злостью обратился к невидимому посетителю:

— И чего же ты от меня требуешь?

— Требуешь? — последовал неуверенный отклик. Его тон свидетельствовал о том, что

гость искренне удивлен таким обвинением. — Ничего! Я... Мы здесь не для того, чтобы требовать, мы просто советуем. Мы видим волну перемен и измеряем прочность скал, с которыми ей предстоит столкнуться. Больше ничего.

От такой уклончивости Курт сердито поморщился:

— И что же вы видите? И правильно ли оцениваете прочность этих скал, согласно вашему поэтическому сравнению? Вы постигли могущество Арклема Грита?

— Мы знавали и более сильных врагов и могучих союзников. Против Главной Башни капитан Дюдермонт может выставить десятитысячную армию.

— И что вы видите в этом?

— Возможности.

— Для этого проклятого Дюдермонта?

В темноте послышался смешок.

— Капитан Дюдермонт и не догадывается, какие колоссальные силы он освобождает, сам того не желая. Он знает только добро и зло — ничего больше, а мы — и ты различаем оттенки серого. Капитан Дюдермонт очень скоро будет вознесен на такую высоту, где трудно удержаться. Его непримиримые принципы взбудоражат массы Лускана и они снова восстанут.

Курт неуверенно пожал плечами. Громкая репутация и сила Дюдермонта внушали ему страх. Он подозревал, что эти таинственные потусторонние существа, эти невидимые гости, посещавшие его уже не в первый раз, несколько недооценивали знаменитого капитана и верность его близких друзей.

— А я за всем этим вижу тяжкую и обременительную власть закона, — произнес он.

— Мы видим совершенно противоположное, — возразил голос. — Мы видим пятерых граждан Лускана, которые смогут собрать богатства, оставшиеся после падения Главной Башни. И только двое из них достаточно умны, чтобы отличить золото от меди.

Курт помолчал, обдумывая эти слова.

— Не сомневаюсь, что вы то же самое говорили Таэрлу, Сульджаку и Бараму, — произнес он после паузы.

— Ничего подобного. Мы не приходили ни к одному из них, а к тебе пришли по той причине, что сын Ретнора и сам Ретнор считают тебя самым достойным.

— Приятно слышать, — сухо ответил Курт.

Он постарался скрыть и свою усмешку, и свои подозрения. Как бы ни льстил ему этот «гость», он мог быть шпионом Главной Башни, а может, и самим Арклемом Гритом. В конце концов, кто, как не архимаг, десять лет назад накладывал на его башню и весь остров охранное заклинание? И какой чародей, за исключением самого архимага, смог бы обойти этот барьер? Какой маг в Лускане мог бы судить о могуществе Арклема Грита? Во всем Лускане, насколько знал Курт, никто даже подумать об этом не осмелился бы, разве что только Робийард, приплывший вместе с Дюдермонтом. А если его гостем был Робийард, значит, он еще более двуличен, чем кажется.

— Ты услышишь еще много приятного, — продолжал голос, — когда согласишься в нашу искренность. Ретнор и Кенсидан окажут большое уважение своим собратьям...

— Кораблем управляет один Ретнор, пока не состоялась официальная передача полномочий, — запальчиво заметил Курт. — Хватит ссылаться на этого выскочку Ворона!

— Давай забудем ваши старые распри, потому что у меня они вызывают только смех, а у тебя — ненужные иллюзии. Руку Кенсидана можно видеть во всем, что происходит на твоих глазах: приход мирабарцев, Белопарусная гавань, лорд из Глубоководья со своими кораблями, сам Дюдермонт и даже отступничество четверти союзников Арклема Грита.

— И ты так открыто мне это говоришь? — спросил Курт, готовый только за одно это объявить войну Кораблю Ретнора.

— А тебе, чтобы узнать, надо было это услышать?

Курт прищурил глаза, вглядываясь в темноту.

Вся остальная комната была залита светом, но лучи не затронули дальнего угла — или

его гость этого не допустил.

— Правление Арклема Грита с сегодняшнего дня обречено, — произнес голос. — И наибольшую выгоду от его падения получают пять человек, но только два из них достаточно умны и сильны, чтобы это понять. Или один из этих двух слишком упрям, чтобы подобрать горсть алмазов?

— Ты хочешь, чтобы я принес присягу? — упорствовал Курт. — Хочешь, чтобы я отказался от клятвы, данной Арклему Гриту?

— Я ничего от тебя не хочу. Я стараюсь объяснить то, что происходит за твоим окном, и показать путь, который считаю верным. Следовать по этому пути или нет, решать тебе.

— Это Кенсидан тебя подослал! — воскликнул Курт.

Голос зазвучал только после красноречивой паузы:

— Не совсем так. Нас привело к тебе его уважение, потому что нам открыто будущее Лускана и мы предпочли бы видеть верховных капитанов на самом верху — выше Дюдермонта, выше Арклема Грита.

Курт только собрался ответить, как дверь в его спальню распахнулась и на пороге появились двое самых доверенных стражников.

— Начался обстрел Главной Башни! — крикнул один.

— Огромная армия подошла к нашему восточному мосту и требует обеспечить проход через остров, — добавил второй.

Курт взглянул в темный угол — только что бывший темным, — но сумрак рассеялся.

Исчез и его гость, кем бы он ни был.

Арабет и Робийард шли по палубе «Морской феи» вдоль строя лучников, читали заклинания на иллюзии и точность и прикасались к пучкам стрел, лежащих у ног каждого воина.

Кормовая катапульта выстрелила увесистым зарядом смолы, и корабль вздрогнул. Горящий ком понесся точно к западной секции Славной Башни и разорвался, осыпав огненными каплями и без того почерневшие кусты и траву у подножия здания.

Однако сама Башня нисколько не пострадала.

— Архимаг искусно защищает свои владения, — заметила Арабет.

— Каждый удар ослабляет и защиту, и его самого, — сказал Робийард. Он нагнулся и дотронулся до очередной связки стрел. Серебристые наконечники на мгновение вспыхнули, затем опять потускнели. — Даже самый малый меч пробьет прочный щит, если нанесет достаточно много ударов.

Арабет посмотрела на Главную Башню и громко рассмеялась. Робийард проследил за ее взглядом. Вся площадка вокруг пятиглавого здания была усеяна булыжниками, метательными копьями и дымящейся смолой. Все утро «Морская фея» и подошедшие с ней корабли обстреливали остров Сабля, по указанию Робийарда нацелив орудия точно на Главную Башню.

— Ты думаешь, они ответят? — спросила Арабет.

— Ты знаешь Грита так же хорошо, как и я, — ответил Робийард. Он закончил обряд над последней связкой стрел, подождал, пока Арабет сделает то же самое, а потом повел ее на привычное ему место позади грот-мачты. — Вскоре он разъярится и прикажет своим защитникам вступить в бой.

— И тогда они за это поплатятся.

— Только в том случае, если мы будем действовать быстро, — заметил Робийард.

— У каждого из них имеется заклинание, отбивающее не меньше десятка стрел, — предупредила уроженка Мирабара.

— Значит, в каждого попадет три десятка стрел, — сухо подытожил Робийард.

«Морская фея» снова вздрогнула, выбросив из катапульты осколок скалы.

Одновременное ней это же проделал десяток других кораблей, Залп был выполнен с такой синхронностью и точностью, что два снаряда столкнулись по пути к цели и бесполезным грузом упали в море, остальные камни обрушились на землю вокруг Башни или разлетелись в стороны, отброшенные магическим защитным барьером.

Робийард оглянулся на север, где один из кораблей Брамблеберри в борьбе с сильным Течением Мирар немного вырвался вперед.

— Поставить паруса! — крикнул чародей, и матросы резко дернули за тросы, выполняя приказ.

К кораблю Брамблеберри из-за скал северо-западного побережья острова Сабля вылетело две молнии. Одна обожгла борт судна вторая порвала один из его парусов, но благодаря течению реки экипаж сумел быстро вернуть корабль на место.

Через мгновение «Морская фея» уже была готова двинуться вперед, к тому же Арабет и Робийард добавили сильный порыв попутного ветра. Матросы даже не стали тратить время, чтобы поднять якорь, они просто обрубали канат, и «Морская фея» так сильно рванулась с места, что за бортом вспенились буруны, а все, кто находился на палубе, были вынуждены схватиться за ограждения.

Чародеи Арклема Грита, как и надеялся Робийард, слишком долго следили за кораблем Брамблеберри. К тому моменту, когда они заметили неожиданный рывок «Морской феи», корабль оказался достаточно близко, чтобы люди могли рассмотреть маленькие фигурки, карабкавшиеся по скалам в поисках надежного укрытия.

С южной оконечности острова Сабля вылетела молния, но заклинания магов слишком хорошо защитили корабль, чтобы его ход мог замедлить единичный удар. Носовая баллиста повернулась на шарнирах и метнула тяжелое копьё в том направлении, откуда вылетела молния. Пока «Морская фея» разворачивалась бортом и ее нос смещался к северу, канониры главной катапульты произвели еще один залп с кормы. Горящая смола разлетелась по всему берегу, и несколько мужчин и женщин с криками разбежались в стороны по вспыхнувшей земле, а один, объятый пламенем, остался лежать неподвижно.

Но этот удар не был главной задачей; испуганные маги старались спрятаться от лучников «Морской феи», которые уже подняли и нацелили свои луки с главной и трех нижних палуб.

Они произвели три залпа подряд, все стреляли заговоренными стрелами, но большая их часть лишь отскочила от камней и магических щитов, поднятых подручными Грита. Тем не менее, как и предсказывал Робийард, маги не смогли заблокировать такой мощный залп, и еще один чародей Главной Башни остался лежать на скалах.

В сторону «Морской феи» с берега острова понеслись молнии и огненные шары, корабли ответили градом камней и горячей смолы и стрел, а «Морская фея» взяла курс на запад и быстро отошла назад.

Робийард одобрительно кивнул.

— Один, возможно, два чародея убиты, — сказала Арабет. — Нелегкая это работа.

— Иначе Арклема Грита победить невозможно, — пожал плечами Робийард.

— Но такую уловку вряд ли можно будет повторить, Арклем Грит научит своих защитников предвидеть неожиданные вылазки.

— Мы не предоставим ему такой возможности и сменим тактику. — Робийард кивнул на строй кораблей, уже поднимавших якоря.

Вскоре все суда повернули и двинулись в южном направлении.

— Морская башня, — пояснил Робийард, показав на мощное заградительное сооружение на самой южной оконечности острова Сабля. — Чтобы укрепить ее так же тщательно, как Главную Башню, Арклему Гриту потребовалось бы слишком много энергии, так что мы сможем разнести ее на мелкие камешки, а заодно уничтожим и все остальные позиции защитников на южной стороне острова.

— У тех скал едва ли сможет причалить даже нет большая лодка, — заметила Арабет. — Морская башня предназначалась для защиты от вражеских судов,

направляющихся в устье Мирар, а не для обороны острова Сабля.

Невозмутимое выражение лица Робийарда немного успокоило Арабет: этот чародей наверняка все разузнал заранее.

— Мы стягиваем петлю, — пояснил он. — И я уверен, что те, кто остался в Главной Башне, с каждым часом теряют уверенность в своих силах.

— Но мы ходим вокруг да около, вместо того чтобы ударить в самое сердце, — возразила Арабет.

— Наберись терпения, — посоветовал ей Робийард. — Решающая битва против лича будет жестокой, в этом никто не сомневается. Могут погибнуть сотни людей, но еще сотни будут обречены, если мы перед атакой не подготовим поле боя. Жители Лускана на нашей стороне. Мы очистили городские улицы. Белопарусная гавань тоже с нами. Остров Клык и гавань полностью под нашим контролем. Капитан Курт встал на нашу сторону, и ночные монстры снова заперты в границах Иллуска. Мосты через Мирар тоже наши.

— Те, что остались, — заметила Арабет, и Робийард рассмеялся.

— У Арклема Грита больше нет тайных укреплений в городе, а если что-то и сохранилось, его сообщники попрятались в подвалах и дрожат — не зря! — от страха. А когда мы снесем Морскую башню и уничтожим всех защитников с южного берега, Арклему Гриту придется самому приглядывать и за южной стороной тоже. И если на каждого убитого чародея из Главной Башни придется десять — нет, пятьдесят — погибших, капитан Дюдермонт все же может праздновать полную победу.

Некоторое время Арабет Раурим обдумывала слова, старшего и более опытного мага, затем медленно кивнула. Больше всего на свете она желала окончательной гибели великого архимага, потому что знала: если Грит продолжит свое существование, он отыщет возможность предать ее смерти — страшной и мучительной.

Арабет посмотрела на юг. «Морская фея» только что обогнула остров Клык, а остальные корабли уже выстроились в линию и начали обстрел Морской башни.

На палубе «Морской феи» раздался предупредительный сигнал колокола, и матросы бросились к канатам, чтобы замедлить ход судна и пропустить три баржи с боеприпасами, вышедшие наперерез из Белопарусной гавани. Арабет оглянулась на Робийарда: казалось, в его глазах мелькают расчеты и цифры. Он руководил каждой мельчайшей операцией этого дня — обстрелом, внезапной атакой, перемещением на юг и даже снабжением боеприпасами.

Ей стало понятно, почему капитан Дюдермонт добился такой громкой славы в охоте за пиратами Побережья Мечей. Он окружил себя самыми лучшими специалистами своего дела, и помогал ему в этом чародей Робийард, такой расчетливый и очень, очень опасный.

По спине Арабет пробежала дрожь, но вызвали ее надежда и уверенность, подкрепленная сознанием того, что Робийард и «Морская фея» на ее стороне.

С восточного балкона своего дома Верховный Капитан Курт и два его ближайших помощника — капитан личной гвардии и один из высших офицеров гарнизона Лускана — наблюдали за многотысячным войском, собравшимся у небольшого моста между Охранным островом и городом. Судя по знаменам, Дюдермонт и лорд Брамблеберри тоже были там, хотя их корабли все еще вели интенсивный обстрел западного побережья острова Сабля.

Пару мгновений Курт не без радости смотрел, как вся армия атакующих исчезла в пламени гигантского огненного шара Арклема Грита, но при мысли о гибели трети населения города все удовольствие моментально испарилось.

— Треть населения... — произнес он вслух.

— Ага, и с ними большая часть моих солдат, — добавил Нейверг, когда-то командовавший гарнизоном Морской башни, в данный момент непрерывно осыпаемой градом снарядов.

— Будь у них в десять раз больше людей, они все равно не смогут пройти, пока мы им

не позволим, — настаивал мастер Шанти, капитан личной гвардии Курта.

Такое откровенное бахвальство вызвало на лице Курта невеселую усмешку. Да, они могли заставить противника дорого заплатить за проход через остров, они могли даже разрушить мост, давно подготовленный его инженерами специально к таким случаям, но что они получают в результате?

— А вот и твоя птичка, — проворчал Нейверг, указав на черное пятно, пролетевшее над толпами людей и поднимающееся к балкону с восточной стороны. — У этого человека нет никакой гордости, вот что я вам скажу.

Курт снова усмехнулся и напомнил себе, что этот человек был для него весьма ценным союзником, а его глупость следовало считать достоинством, а не недостатком. В конце концов, зачем ему нужен человек в гарнизоне Лускана, который способен проникнуть во все тайные замыслы?

Черная птица — ворон — наконец поднялась до уровня балкона и опустилась на перила. Спрыгнув на пол, она подняла над головой крылья и в результате обратной трансформации приняла человеческий облик.

— Ты сказал, что будешь здесь один, — произнес Кенсидан, поглядывая на двух офицеров.

— Мои ближайшие помощники не могли не знать о некоторых свойствах твоего волшебного плаща, сын Ретнора, — ответил Курт. — Не мог же ты подумать, что я им об этом не расскажу?

Кенсидан не стал ничего отвечать, только пристально посмотрел на военных, а затем повернулся к Курту. Хозяин дома жестом пригласил его пройти в комнату.

— Твоя просьба о встрече в столь напряженный момент слегка удивила меня, — сказал Курт, перед тем как пройти к бару, чтобы плеснуть бренди себе и своему гостю.

Нейверг тоже шагнул к шкафчику с напитками, но взгляд прищуренных глаз Курта его остановил.

— Это был не Арклем Грит, — сказал Кенсидан. — И не кто-то из его слуг. Ты должен знать об этом.

Курт взглянул на него с любопытством.

— Твой сумеречный гость, — пояснил Кенсидан. — Это не Грит, не его союзник и не какой-то другой чародей из Гильдии.

— Эй, о ком это вы толкуете? — спросил Нейверг, и подошедший к нему Шанти тоже не стал скрывать любопытства.

Курт резким жестом заставил их замолчать.

— Откуда ты?.. — заговорил он, но тотчас умолк и стал ждать продолжения столь неожиданного разговора.

— Ни один чародей, за исключением самых приближенных к Арклему Гриту магов, не в состоянии преодолеть защитный барьер, установленный архимагом вокруг башни Курта, — заявил Кенсидан, словно прочитав мысли капитана.

Курт постарался скрыть свое потрясение и даже улыбнулся, предложив Кенсидану говорить дальше.

— Так что это был не чародей, — продолжал Кенсидан. — Здесь задействован другой вид магии.

— Но жрецы и подавно запутались бы в паутине Арклема Грита, — ответил Курт. — Неужели ты считаешь его таким глупцом, чтобы забыть об искусстве тех, кто прислушивается к откровениям богов?

— Это не жрецы, — возразил Кенсидан.

— Но больше вроде никого не осталось.

Кенсидан легонько постучал себя пальцем по голове, и усмешка на лице Курта невольно сменилась выражением искреннего изумления.

— Духовный маг? — тихо спросил он, воспользовавшись принятым в Лускане выражением, относящимся к редким и весьма могущественным мастерам искусства

концентрации мысли, известным также как псионики.

— Меня тоже посетил такой гость, это случилось несколько месяцев назад, когда я впервые задумался над последствиями деятельности капитана Дюдермонта, — поведал Кенсидан, принял из рук Курта бокал и уселся в кресло у недавно зажженного и еще не разгоревшегося огромного камина.

Курт занял кресло напротив сына Ретнора, а Нейвергу и Шанти указал место за своей спиной.

— Следовательно, истоки и вдохновители этого восстания находятся за пределами Лускана? — предположил Курт.

Кенсидан покачал головой:

— Это естественный процесс, реакция на чрезмерную активность Арклема Грита как в открытом море, где с этим столкнулся Дюдермонт, так и в Серебряных Землях.

— И все это вылилось в «случайное» столкновение вокруг Главной Башни? — саркастическим тоном выразил свои сомнения Курт.

— Я не верю в случайные совпадения, — ответил Кенсидан.

— И все же мы к этому пришли. Ты признаешь, что Кенсидан — что Корабль Ретнора — приложил к этому свою руку?

— По самый локоть... Вернее, даже по плечо, — со смехом признался Кенсидан и приветственным жестом приподнял свой бокал. — Не я создавал эту ситуацию, но я не могу упустить шанс и не воспользоваться ею.

— Ты или твой отец?

— Он мой наставник, и тебе это прекрасно известно.

— Потрясающее признание, и довольно опасное, — заметил Курт.

— Почему же? Разве ты не слышишь, какой шум поднялся на западе? Разве не видишь, какие толпы собрались у моста Охранного острова?

Курт немного подумал, а затем, в свою очередь, приподнял свой бокал.

— Значит, Арклем Грит упустил слишком много нитей, а Кенсидан и Корабль Ретнора их подхватили и сплели ковер по собственному рисунку, — сделал он вывод.

Кенсидан кивнул.

— А что же нужно этим нашим таинственным посетителям?

Кенсидан потер своими длинными пальцами подбородок.

— Вспомни этого дворфа, — произнес он.

Курт недоуменно взглянул на гостя, затем вспомнил слухи, ходившие о событиях на Востоке, в Серебряных Землях.

— Ты имеешь в виду Бренора? Король дворфов из Мифрил Халла заинтересован в падении Лускана?

— Нет, не Бренор. Наверняка это не он. Согласно моим сведениям, у него, слава богам, полно своих проблем на Востоке.

— Но ведь именно его странный приятель повсюду появляется рядом с Дюдермونت, — возразил Курт.

— Нет, это не Бренор, — повторил Кенсидан. — Он не имеет к этому делу никакого отношения, а как попал сюда темный эльф, я не знаю, да и не хочу знать.

— Тогда о каких дворфах идет речь? О горном клане Железной Шпоры?

— Не о дворфах, — поправил его Кенсидан. — О дворфе. Тебе известно о моем недавнем приобретении? Помнишь моего телохранителя?

Курт наконец-то понял, кого он имеет в виду, и кивнул:

— Да, это странное существо и его шипастые шары. Как же его не помнить? Это его хромающие рифмы нервируют каждого матроса в порту. За последние месяцы он обошел все таверны Лускана и читал свои бессмысленные вирши. Говорят, что дерется гораздо лучше, чем пишет стихи. Приобретение такого бойца сильно упрочило позиции Корабля Ретнора на городских улицах. Неужели он связан с этим? — Курт махнул рукой в сторону окна, откуда доносился грохот обстрела.

Кенсидан, не отрывая взгляда от темных глаз Курта, показал подбородком на Нейверга и Шанти.

— Я им доверяю, — сказал ему Курт.

— Но не я.

— Ты пришел в мой Корабль.

— Чтобы дать тебе совет и высказать предложение, но только по доброй воле. И я могу так же добровольно уйти.

Курт помолчал и задумался, переводя взгляд со своего гостя на офицеров и обратно. Но Кенсидан прекрасно видел, что Верховный Капитан заинтригован его словами, а потому ничуть не удивился, когда он повернулся к военным и приказал им выйти. Офицеры пытались возразить, но Курт не прислушался к их предостережениям.

— Этого дворфа подарили мне ночные гости, очень заинтересованные в установлении прочных торговых связей. Они пришли сюда не ради завоеваний, а ради коммерции, по крайней мере, я на это надеюсь. Насколько мне известно, за ними стоят более могущественные лорды Глубоководья, чем Брамблеберри, и, можешь не сомневаться, здесь могли оказаться и король Бренор, и маркграф Мирабара Эластуд, и леди Аластриэль из Серебристой Луны вместе со своими армиями.

Курт казался все более растерянным и ошеломленным, но менее заинтересованным.

— Не они стали инициаторами последних событий, но они пристально наблюдают за ними и дают советы мне и моему отцу, так же как и тебе, — продолжал Кенсидан.

Он понадеялся, что упоминание Ретнора пройдет незамеченным для проницательного Курта. Однако приподнятая бровь показала, что это не так, и Кенсидан молча обругал себя и поклялся впредь быть внимательнее. Корабль Ретнора еще не принадлежал ему. По крайней мере, официально.

— Так, значит, ты слышишь голоса из темноты, и это придает тебе уверенности, — задумчиво произнес Курт и поднял руку, остановив возражения Кенсидана. — Тогда мы опять вернулись к тому, с чего начали. Откуда ты знаешь, что твои сумеречные друзья не агенты Арклема Грита? А вдруг хитрый лич решил, что сейчас самое время проверить лояльность верховных капитанов? Или ты в силу своей молодости не допускаешь такой возможности? Разве это не свидетельство твоей абсолютной глупости?

Кенсидан протестующим жестом призвал Курта прервать обвинения. Он неторопливо запустил руку под плащ и достал маленький стеклянный предмет — бутылочку, внутри которой виднелась крошечная фигурка человека.

Это не статуэтка, внезапно понял Курт. При виде несчастного создания, запертого в стекле, он изумленно вытаращил глаза.

— Можно? — спросил его Кенсидан, указав на камин.

Озадаченный взгляд хозяина он принял за разрешение и швырнул стеклянный сосуд в каменную стенку камина. Бутылочка разбилась вдребезги.

Крошечная фигурка тотчас стала расти, и человек, едва осознав, где он оказался, кувыркком выкатился из топки, увлекая за собой горящее полено и целое облако пепла.

— Девять Кругов! — сердито воскликнул он, сбивая искры с дымящегося серого плаща. Его лицо и руки в нескольких местах оказались поранены осколками флакона, а один кусочек стекла пришлось вытаскивать из щеки ногтями. — Никогда больше так со мной не поступай! — в гневе размахивая руками, закричал он.

Затем он, похоже, окончательно пришел в себя и только тогда понял, где оказался и кто сидит перед ним. От его лица мгновенно отхлынула кровь.

— Ты успокоился? — спросил Кенсидан.

Маленький человечек раздраженно ударил ногой по выкатившемуся полену, загоняя его обратно в камин, но ничего не ответил.

— Верховный Капитан Курт, позволь представить тебе Морику, — пояснил Кенсидан. — Морик Бродяга — для тех, кто его хорошо знает. Его подруга — одна из чародеек Главной Башни, возможно, только поэтому он оказался причастным к этому делу.

Морик беспокойно переводил взгляд с одного сидевшего перед ним человека на другого и беспрерывно кланялся.

Кенсидан повернулся к Курту.

— Наши гости никак не связаны с Арклемом Гритом, — сказал он, а затем снова посмотрел на несчастного Морика. — Расскажи моему другу свою историю, Морик Бродяга, — приказал ему Кенсидан. — Расскажи о том, кто посетил тебя несколько лет назад. Расскажи о темных друзьях Вульфгара из Долины Ледяного Ветра.

— Я же говорил, что они не пройдут через остров без драки, — твердил Барам своим друзьям Таэрлу и Сульджаку.

Три верховных капитана стояли наверху юго-восточной башни крепости Таэрла и смотрели на запад, на остров Курта и обширную местность неподалеку от Иллуска, где Дюдермонт и лорд Брамблеберри собрали свою огромную армию.

— Пройдут, — возразил Сульджак. — Кенси... Ретнор сказал, что пройдут, значит, так оно и будет.

— Мальчишка Ворон — сущее наказание, — проворчал Барам. — Он пустит ко дну Корабль Ретнора, не дожидаясь даже смерти старика.

— Они откроют ворота, — негромко произнес Сульджак. — Курт не сможет отказать. Там собралась такая толпа... Почти весь Лускан.

— Да, трудно противостоять такой массе, — поддакнул Таэрл. — Почти весь город пошел за Дюдермонтом.

— Курт не встанет поперек дороги Арклему Гриту, он не настолько глуп, чтобы так рисковать, — настаивал Барам. — Глупцам Дюдермонта, чтобы добраться до Главной Башни, придется пересекать протоку вплавь или на лодках.

Барам еще не успел договорить, как несколько стражников Курта бросились к воротам и начали открывать замки. К огромному изумлению Барама, да и Таэрла тоже, створки ворот поместья Курта разошлись и стражники расступились, освобождая проход.

— Это ловушка! — воскликнул Барам и вскочил со своего места. — Это хитрая уловка! Арклем Грит заманивает их в западню, чтобы вернее уничтожить!

— Тогда ему придется уничтожить половину городского населения, — заметил Сульджак.

Шествие по небольшому мосту возглавило знамя Дюдермонта, за которым потянулась вся многотысячная армия. А в гавани с другой стороны от острова Сабля на мачтах взвились паруса и из воды поднялись якоря. Флотилия начала подтягиваться ближе, посылая вперед разрушительные залпы булыжников и горячей смолы.

Петля затягивалась.

Глава 16

Допустимые потери

Валиндра Тень, увидев приближающуюся толпу, широко распахнула зеленые глаза. Она уже повернулась, чтобы ринуться в покои Арклема Грита, но обнаружила, что лич, криво усмехаясь, уже стоит рядом.

— Они идут, — прошептала Валиндра. — Целые толпы.

Арклем Грит пожал плечами, словно его это обстоятельство совсем не тревожило. Слабая реакция архимага только разозлила объятую ужасом Валиндру.

— Ты с самого начала недооценивал наших противников! — закричала она, и несколько чародеев низкого ранга, затаив дыхание, отвернулись, сделав вид, словно ничего не слышали.

Арклем Грит рассмеялся ей в лицо.

— Ты находишь это забавным?! — воскликнула она.

— Я нахожу это... предсказуемым, — ответил Грит. — Увы, как это ни печально, карты разыграны давным-давно. Против нас объединились лорд из Глубоководья и герой Побережья Мечей, герой Лускана. Люди так ненадежны, так подвержены чужому влиянию, что неудивительно, когда они верят глупым и банальным фразам какого-то идиота вроде капитана Дюдермонта.

— Все из-за того, что ты натравил на них мертвецов, — обвинила его Валиндра.

Архимаг снова рассмеялся:

— Наши возможности с самого начала были весьма ограничены. А эти трусы, верховные капитаны, и пальцем не шевельнули, чтобы сдержать растущую волну восстания. Я надеялся, что мы больше никогда не будем зависеть от этих глупых воров, но, увы, приходится получать то, что есть, и пытаться этим воспользоваться.

Валиндра уставилась на своего господина, размышляя, не сошел ли он с ума.

— Против нас идет весь город! — снова закричала она. — Многие тысячи! Они собираются на Охранном острове и намерены пробиваться с боем.

— Наши лучшие маги охраняют мост.

— Да, среди них есть могущественные мастера заклинаний, — сказала Валиндра. — Если бы Дюдермонт захотел, он мог бы послать против них горстку солдат, и наши чародеи растратили бы все свои заклинания задолго до того, как у него закончится пушечное мясо.

— Хорошо бы на это посмотреть, — заметил Грит, усмехаясь еще откровеннее.

— Ты сошел с ума, — заявила Валиндра, и несколько магов позади Грита в страхе поспешно разбежались по своим делам или притворились, что у них есть какие-то важные занятия.

— Валиндра, друг мой... — Арклем Грит взял эльфийку за руку и повел вглубь Главной Башни, подальше от неприятного зрелища с восточной стороны его владений.

— Если ты будешь правильно себя вести, то получишь неплохое развлечение, большой практический опыт, и почти ничего не потеряешь, — заверил он чародейку, как только они остались одни. — Дюдермонт охотится за моей головой, а не за твоей.

— Эта предательница Арабет тоже с ними, а ее нельзя назвать моим союзником.

Лич с беспечным видом махнул рукой:

— Всего лишь небольшое неудобство, не более того. Пусть валят всю вину на Арклема Грита — такая честь мне льстит.

— Тебя, кажется, ничто не тревожит, — сказала сверхмаг. — Самой Главной Башне грозит смертельная опасность.

— Она обратится в руины, — совершенно спокойно предсказал архимаг.

Валиндра всплеснула руками, но не могла подобрать слов для достойного ответа.

— Все здания рушатся, и всякое здание можно поднять из руин, — пояснил лич. — Но они наверняка не собираются уничтожать меня — и тебя, если ты проявишь некоторую хитрость. Я достаточно сообразителен, чтобы пережить таких, как Дюдермонт, и с большим удовольствием стану наблюдать за «реконструкцией» Лускана, когда капитан провозгласит победу.

— Как мы только могли допустить такое?

Арклем Грит пожал плечами.

— Ошибки, — признал он. — В том числе и мои собственные. Похоже, что я выбрал самый неподходящий момент, чтобы сунуться в Серебряные Земли, хотя, произошло ли это вследствие неудачного стечения обстоятельств, совпадения или происков моих врагов, я сказать не берусь. Против нас выступил Мирабар и орки вместе со своим новоявленным королем. Дюдермонт и Брамблеберри, как мне кажется, и поодиночке могли стать достойными противниками, но после того, как все они объединились, уже не было смысла оставаться в Лускане. Мы здесь ограничены в маневрах и стали легкой целью.

— Как ты можешь такое Говорить?

— Но это правда. Ага! Я не знаю всех заговорщиков, стоящих за этим восстанием, но

уверен, что предатели есть среди тех, кого я считал союзниками.

— Верховные капитаны.

Арклем Грит снова пожал плечами:

— У нас очень много врагов, их может оказаться гораздо больше, чем те пять тысяч, что примкнули к отряду Дюдермонта. В основном, как ты верно заметила, это пушечное мясо, но реальные силы, управляющие этим безобразием, затаились и ждут. Я полагаю, мы могли бы проявить упорство и оказать достойное сопротивление, но в конечном счете этот шаг был бы опасен для тех из нас, кто имеет хоть какое-то значение.

— Мы должны просто убежать?

— О нет! — возразил Грит. — Не *прост* о убежать. Нет, друг мой, мы заставим жителей Лускана так страдать, что они надолго запомнят этот день. Даже после того, как они объявят о своей победе, они быстро о ней забудут, когда задуют беспощадные зимние ветра, а в каждой семье будут оплакивать потерю отца или матери. И их победа уже не кажется такой уж долгожданной и ценной, потому что я давно предвидел такую возможность и хорошо к ней подготовился.

Его уверенность немного ослабила напряженность Валиндры.

— Их победа выявит основных заговорщиков, — продолжал Грит, — и я отыщу возможность отыгаться. Ты слишком привязана к этому месту, Валиндра, к Главной Башне. Разве я не говорил тебе, что Гильдия Чародеев — это нечто гораздо большее, чем ты видишь в Лускане?

— Да, мой господин, — ответила эльфийка.

— Тогда крепись, — сказал Арклем Грит. Холодными пальцами лица он взял ее за подбородок и поднял голову, чтобы Валиндра взглянула в его бездушные глаза. — Насладись этим днем, он сулит немалые волнения. Я-то наверняка получу удовольствие. Воспользуйся всеми своими уловками, своей магией, своей хитростью, чтобы выжить и исчезнуть... Или сдаться.

— Сдаться? — повторила она. — Я не понимаю.

— Сдаться таким образом, чтобы оправдать себя в их глазах и избежать наказания. — Арклем Грит засмеялся. — Во всем обвиняй меня — прошу тебя, не стесняйся! Отыщи возможность получить свободу, или, верь мне, я приду и вытащу тебя. Обязательно. А когда пепел остынет, мы вдвоем отыщем новые пути и возможности, это я тебе обещаю. И еще больше волнений, чем за все прошедшие десятилетия!

Несколько мгновений Валиндра смотрела в его глаза, потом кивнула.

— А теперь уходи, чтобы не попасть в руки этой толпы, — сказал Грит. — Иди на берег, где обороняются наши мага, и стреляй, когда найдешь цель. Заставь их страдать, Валиндра, и сохрани веру в своем сердце и в своем великолепном разуме в то, что это лишь временное отступление, которое приведет к неоспоримой и полной победе.

— Когда?

Простой вопрос на некоторое время ошеломил Грита. Судя по тону, каким он был задан, Валиндра прекрасно сознавала: ее понятие о времени разительно отличается от хода жизни архимага

— Иди, — приказал он и кивнул на дверь. — Иди и заставь их страдать.

Валиндра Тень, сверхмаг Северной Башни, по общему мнению второй по рангу маг Гильдии Чародеев Лускана, в полном смятении подошла к двери, отчетливо понимая, что открывает ее в последний раз. Эти драматические и опасные события грозили полностью изменить ее будущее.

Охранный остров они пересекли на одном дыхании, с развевающимися знаменами, со стуком мечей по щитам, с громкими радостными криками.

Сразу за мостом возвышалась восточная стена, окаймляющая владения Главной Башни.

Земля с наружной стороны уже была очищена в ходе обстрела, но наверху их поджидали два десятка магов и сотня их учеников, вооруженных луками и копьями.

Все они одновременно обрушили свою ярость на атакующих, когда отряду Брамблеберри оставалось пробежать до стены не больше двадцати шагов. Люди и лестницы исчезли в клубах пламени или были отброшены назад ударами молний. Копья и стрелы застучали по щитам и броне, отыскивая уязвимые места. Людей падали и корчились от боли.

Но лорд Брамблеберри тоже привел с собой магов, и они наложили защитные заклинания на броню и людей, а также вызвали водных элементарей, чтобы быстрее погасить пламя. Множество людей, несмотря на все предосторожности, замертво упали на землю, но ошеломляющего эффекта, на который надеялись и в котором так нуждались защитники Главной Башни, достичь не удалось.

Залпы стрел ударили между зубцами стены, и готовые сорваться огненные шары взорвались, сотрясая стену, раскалывая и кроша каменную кладку. Затем передний ряд стрелков расступился и выбежали специально отобранные силачи с молотами и кирками. Удары молний наметили им цели, и они приступили к работе, расширяя трещины и ослабляя прочность сооружения.

— Все внимание наверх! — закричал Брамблеберри, и лучники вместе с чародеями выпускали залп за залпом, не давая защитникам высунуться из-за укрытий.

— Эй, там! — крикнул один из командиров молотобойцев и отвел свою группу назад.

Маг из Глубоководья, услышав его призыв, послал в указанную точку три мощных удара подряд. Первая молния отскочила от расколотого камня и сбила с ног бригадира. Второй разряд прорвался сквозь стену, осыпав осколками всех, кто оставался поблизости, а третья молния разрушила опору и вышибла несколько камней, так что в образовавшуюся пробоину мог свободно пройти человек.

— Эй, там! — закричал второй бригадир, и трое магов своими огненными снарядами быстро завершили работу его группы.

В то же самое время справа и слева от пробоин были поставлены высокие лестницы. Вскоре упорство защитников удалось сломить окончательно, и послышались призывы к отступлению.

Первая линия обороны Главной Башни стояла Брамблеберри жизни около дюжины солдат, но идущие следом толпы жителей Лускана, разъяренных нашествием упырей и разгоряченных запахом битвы и крови, неудержимой волной прорвались внутрь.

Сразу после начала атаки со стороны моста корабли тоже перешли к активным действиям. Поскольку основное внимание защитников Главной Башни было сосредоточено на восточной стене, моряки подняли паруса, снялись с якорей и направили суда вверх по течению. Они обогнули восточную стену и прошли намного дальше, вплоть до восточной оконечности острова. На кораблях остались только необходимые для управления экипажи и по небольшому отряду лучников, так что их целью был отвлекающий маневр и защита от немногочисленных чародеев, оставшихся снаружи, а в случае удачи — уничтожение одного или двух неосторожных магов.

Еще полдюжины кораблей во главе с «Морской феей» встали на рейде у Морской башни и обстреливали скалистый берег из луков и катапульта на тот случай, если в засаде еще остались сторонники Грита.

И действительно, еще не один защитник проявил себя, выбрасывая магическую молнию или пытаясь убежать на северную сторону острова.

Робийард и Арабет не без удовольствия пользовались этими моментами. Хотя они и старались сберечь энергию, надеясь на решительную схватку с Арклемом Гритом и его главными помощниками, но не могли удержаться от искушения и не ответить на случайные выпады противников.

— Встать на якорь! — приказал Робийард, в отсутствие Дюдермонта и лорда Брамблеберри взявший на себя командование флотилией.

Матросы убрали паруса, якорь с плеском погрузился в темные волны, а вторая группа моряков уже спускала на воду небольшие шлюпки. Остальные корабли в точности последовали примеру «Морской феи».

— Паруса на юге! — крикнул Робийарду впередсмотрящий.

Встревоженный маг побежал на корму и, стараясь рассмотреть приближающийся корабль, сопровождаемый еще двумя судами, даже перегнулся через ограждение.

— «Тройная удача», — сказала подошедшая следом Арабет. — Это корабль Мэймуна.

— Чью же сторону он примет? — забеспокоился Робийард.

Он торопливо прочел заклинание и потер виски большим и указательным пальцами, чтобы придать своим глазам орлиную зоркость.

Действительно, на носу идущей впереди «Тройной удачи» он увидел Мэймуна и заметил, что его экипаж тоже готовит шлюпки. И что более важно, Робийард рассмотрел: корабельная катапульта не заряжена и нигде не видно лучников.

— Парень сделал правильный выбор, — сказал Робийард. — Он пойдет с нами.

— Откуда ты знаешь? — удивилась Арабет. — Неужели ты в нем так уверен, что продолжишь высадку?

Я знаю Мэймуна.

— Его сердце?

— Его кошелек, — поправил ее Робийард. — Он знает, какие силы объединились против Арклема Грита, и понимает, что Главной Башне сегодня не удастся одержать победу. Он был бы дураком, если бы оставался в стороне, предоставив горожанам самим справиться с противником, а Мэймун, несмотря ни на что, никогда не был глупцом.

— Но там три корабля, — настаивала Арабет, глядя, как суда на всех парусах лавируют в знакомых водах и приближаются с огромной скоростью. — После высадки экипажей мы не сможем защищаться. Надо задержать высадку, чтобы встретить их в полной боевой готовности.

Робийард покачал головой.

— Мэймун не ошибся в выборе, — сказал он. — Он словно стервятник, обгладывающий кости павших, и прекрасно понимает, на чьей стороне костей окажется больше.

Чародей развернулся и зашагал по палубе, приказав экипажу продолжать высадку. Дойдя до сходней, Робийард прочел еще одно заклинание и осторожно спустился на воду — но не в воду, поскольку остался на поверхности.

Арабет последовала его примеру и встала рядом, среди не стихающих волн. Так, бок о бок они быстро прошли к прибрежным скалам, а следом за магами запрыгали на волнах переполненные шлюпки.

Два подошедших корабля встали на якорь рядом с остальной флотилией, и их экипажи тоже высадились на берег, а «Тройная удача» прошла дальше, ловко маневрируя в узком проходе.

— Молодой пират отлично изучил свое ремесло, — отметила Арабет.

— Он учился у самого Дюдермонта, — напомнил Робийард. — Жаль, что он не научился ничему другому.

Стена Главной Башни недолго продержалась под таким яростным натиском, но солдаты лорда Брамблеберри быстро поняли, что защитники не зря поспешили отойти назад. Оборона стены планировалась лишь для того, чтобы выиграть время для подготовки магов второй линии.

Как только толпы лусканцев хлынули во внутренний двор, на них обрушилась вся

ярость Гильдии Чародеев. Залп огня, молний, магических зарядов и ледяных конических воронок, в которых люди мгновенно замерзали насмерть, оказался настолько сильным, что за несколько мгновений было уничтожено до девяноста процентов людей из нескольких сотен, первыми ворвавшихся внутрь.

Защитная магия чародеев из Глубоководья уберегла Дюдермонта и лорда Брамблеберри. Остальное войско, увидев, что знамена лидеров по-прежнему развеваются впереди, бесстрашно продолжало наступление. Второй залп защитников Гильдии был гораздо слабее и короче, и воины устремились вперед.

Перед ними из-под земли поднимались призраки, скелеты и гниющие трупы, временно наделенные подобием жизни, а с башни слетали големы, горгульи и прочие ожившие чудовища, пытавшиеся остановить людскую лавину.

Но жители Лускана не дрогнули и не разбежались от ужаса, а только еще сильнее разозлились, вспомнив о недавнем нашествии упырей, переполнившем чашу их терпения. Лорд Брамблеберри, сидевший верхом на высоком чалом жеребце, демонстрировал чудеса ловкости, но двое других участников сражения вдохновляли людей еще сильнее.

Первым был Дюдермонт, скакавший на пятнистой голубоглазой кобыле, и, хотя его нельзя было считать превосходным наездником, один вид прославленного героя вселял надежду в сердце каждого жителя Лускана.

А вторым был его темнокожий друг. Как только взрывы и выстрелы немного утихли и защитники Главной Башни вышли навстречу атакующим, настало время Дзирта.

Скорость его движений приводила в изумление и врагов, и друзей, а огонь ярости в душе темного эльфа поддерживал образ прикованного к постели друга-хафлинга. Дроу ловко пробился сквозь толпу нападавших и бесстрашно бросился на чудовищ. Он вертелся волчком, прыгал и кувыркался в самой гуще скелетов и призраков, а после него оставались только груды костей и обрывки плоти.

С верхнего балкона слетела горгулья, распростерла широкие кожистые крылья и стала снижаться, выставив перед собой мощные лапы со смертоносными когтями.

Дроу прокатился по земле через голову, каким-то образом сумел свернуть в сторону, уклоняясь от опасного противника, а закончив кувырок, с такой силой оттолкнулся от земли, что взлетел в воздух, нанося хищной горгулье короткие колющие удары обоими мечами. Дзирт так ловко справился с монстром, что уже мертвая горгулья ударилась о землю раньше, чем он сам.

— Ура Дзирту До'Урдену! — раздался в общем шуме хорошо знакомый ему голос, и Дзирт, узнав, что даже Арумн Гардпек, хозяин таверны, присоединился к восставшим, стал драться еще яростнее.

При помощи волшебных браслетов Дзирт с невероятной скоростью, зигзагами, бросился к центральной башне грандиозного сооружения, заканчивая каждую пробежку длинным и плавным перекатом. Он держал теперь только один меч, сжав в другой руке ониковую статуэтку пантеры.

— Ты мне нужна, — произнес он, обращаясь к Гвенвивар, и заскучавшая в своем астральном доме пантера его услышала.

Дзирт продолжал свой рискованный марш-бросок, несмотря на то что в его сторону непрерывно летели молнии и огненные шары. Но каждый снаряд взрывался уже за его спиной.

— Он передвигается так быстро, словно время вокруг замедляет ход, — сказал лорд Брамблеберри, когда они с капитаном Дюдермонтом, как и все остальные, залюбовались изумительным искусством дроу.

— Похоже, что так оно. и есть, — с довольным видом подтвердил Дюдермонт.

Лорд Брамблеберри не проявил особой радости, когда услышал, что дроу намерен

участвовать в сражении, но Дюдермонт надеялся, что боевое искусство Дзирта поможет ему изменить мнение не слишком приветливых жителей Глубоководья.

И вскоре произведет сильное впечатление на ближайших помощников Арклема Грита, как рассчитывал Дюдермонт.

Если уже не произвело. Что еще более важно, пример Дзирта воодушевил солдат прославленного капитана, и армия героя Лускана неуклонно приближалась к башне, принимая удары молний и огненных шаров, отсекая конечности скелетов и оживших трупов, сбивая горгулий на лету такими плотными залпами стрел, что от них темнело небо.

— Много людей погибнет, — произнес Брамблеберри. — Но нас ждет победа.

Дюдермонт, наблюдая за продвижением восставших горожан, не мог с ним не согласиться, но он понимал, что в сражении с могущественными чародеями нельзя заранее быть уверенным в победе.

Дзирт обогнул угол главного здания и остановился как вкопанный, застыв от ужаса. Он оказался на открытом месте перед балконом, где трое магов одновременно читали какое-то заклинание, неистово размахивая руками.

Дроу уже не успевал ни свернуть, ни уклониться, ни отыскать более или менее сносное укрытие.

Отряд Робийарда и Арабет с присоединившимися к ним моряками почти не встретил сопротивления в районе Морской башни и быстро очистил южную оконечность острова Сабля. К северу от них громыхали взрывы огненных шаров и молний, раздавались торжествующие крики, вопли боя и звуки труб.

Валиндра Тень наблюдала за ходом сражения из надежного укрытия, образованного упавшими обломками башни.

— Ну же, лич, — шептала она.

Магический экран демонстрировал впечатляющее зрелище, но не происходило ничего похожего на финальный взрыв, обещанный ей Арклемом Гритом.

Это обстоятельство внушало ей сомнения и во втором обещании — что очень скоро все наладится.

Валиндра была далеко не новичком в искусстве магии. Ее молнии не просто сбивали человека ног, а посылали его душу прямоком на Уровень Забвения, тогда как от тела оставалась лишь бесформенная дымящаяся груда.

Она посмотрела на берег, где моряки, готовясь к переходу на северный участок, вытаскивали из воды свои шлюпки.

Валиндра знала, что может в любой момент уничтожить многих из них, а когда она заметила среди захватчиков Арабет Раурим, ее нетерпение многократно возросло, и лишь фигура Робийарда, постоянно мелькавшая рядом с изменницей, заставляла ее сдерживаться.

Но она была готова пустить в ход свои заклинания и постоянно поглядывала на север, где все громче раздавались победные звуки труб Брамблеберри и мятежных лусканцев.

Сумеет ли Арклем Грит ее спасти, если она нанесет удар Арабет и Робийарду? Захочет ли он после этого хотя бы попытаться ее выручить?

Валиндра прогнала свои сомнения и представила Арабет лежащей на земле — но не мертвой, нет, а смертельно раненной и извивающейся в долгой агонии.

— Ты меня удивляешь, — раздался голос за ее спиной, и чародейка замерла, широко открыв глаза от неожиданности.

Она отчаянно пыталась определить, чей это голос, хотя была уверена, что слышала его раньше.

— Я имел в виду твою рассудительность, — добавил говорящий, и Валиндра узнала его.

Резко повернувшись, она оказалась лицом к лицу с пиратом Мэймуном, вернее, с его выставленным вперед мечом.

— Ты ввязался в драку на их стороне? — недоверчиво спросила она. — На стороне Дюдермонта?

Мэймун пожал плечами:

— Мне кажется, это лучший вариант из двух.

— Ты мог бы остаться в море.

— Да, конечно, а потом прийти к берегу и поклясться в верности тому, кто выйдет победителем. Ты ведь так и собираешься поступить, не правда ли?

Эльфийка сердито прищурила глаза.

— Ты прибегаешь к своей магии, когда перед тобой такие соблазнительные цели, — добавил Мэймун.

— Осторожность — это не порок.

— Возможно, — усмехнулся молодой пират, — Но лучше вступить в бой на стороне очевидного победителя, чем клясться в верности, когда дело сделано. Ты же знаешь, как люди, даже празднующие победу, относятся к прихлебателям.

— Можно подумать, ты до сих пор был кем-то другим.

— Клянусь морями, это ошибочное мнение, — со смехом возразил Мэймун. — Ошибочное и... безрассудное.

Валиндра подняла руку, чтобы отодвинуть клинок от своего лица, но Мэймун, слегка качнув лезвие, легонько ткнул ее в кончик носа.

— Безрассудное и смехотворное, — добавил пират. — Было время, когда эта черта твоего характера восхищала меня, а теперь только раздражает.

— Потому что я говорю правду.

— Ах, моя дорогая, прекрасная и злая Валиндра! Сейчас, когда в моих руках сверхмаг, никто не осмелится усомниться в моей верности, Я полагаю, леди Раурим по достоинству оценит мои старания.

Взгляд Валиндры уподобился двум кинжалам, направленным на капитана пиратов.

— Так ты берешь меня в плен?

— Выходит, что так, — пожал плечами Мэймун.

Выражение лица Валиндры смягчилось, на губах появилась улыбка.

— Мэймун, глупый мальчишка, я же знаю, что, несмотря на твою сталь и твою похвальбу, ты меня не убьешь.

Она сделала шаг в сторону и снова потянулась к клинку.

Но лезвие отскочило от ее руки и с неожиданной жестокостью дернулось вперед, больно уколов в грудь, так что Валиндра не удержалась и вскрикнула. Мэймун отвел меч, но его слова ранили ее гораздо глубже.

— Это мифрил, а не сталь, — пояснил он. — Мифрил в твоей маленькой хорошенькой груди, а в следующий раз — в твоем маленьком хорошеньком сердечке.

— Ты... сделал выбор, — предостерегающе сказала она.

— И этот выбор правильный, моя пленница.

Гвенвивар пронеслась мимо Дзирта и прикрыла его от копий и стрел врагов, от магических и рукотворных снарядов. Она взмыла к балкону, навстречу молниям, но хотя они слегка ужалили ее, особого вреда не причинили.

Дзирт, оставшись на обуглившейся площадке, качнулся вперед, восстановил равновесие и с восхищением и любовью взглянул на своего самого верного друга, в который раз спасающего ему жизнь.

Пантера не только спасла его, но и истощила силы врагов, как заметил дроу, когда сквозь черную завесу ярости проявились испуганные лица и вскинутые для защиты руки.

Но наслаждаться этой сценой было некогда: все новые скелеты вставали на его пути, а с крыши слетали целые стаи горгулий.

И вот опять в воздухе засверкали молнии, и рядом с ним опять умирали люди. Но их товарищи продолжали наступление, разъяренные выходками лича и его призрачных воинов. Убиты сто, двести, пятьсот человек, но волна неудержимо накатывалась на берег, и ничто не могло заставить ее отступить.

И в самом центре лавины бок о бок скакали Дюдермонт и Брамблеберри, вступая в бой с любыми противниками, Появлявшимися у них на пути.

Дзирт отыскал взглядом их знамена, и каждый раз, когда появлялась возможность, оборачивался на них, зная, что они приведут его к самой желанной цели — к личу, уничтожение которого положит конец кровопролитию.

К его немалому удивлению, Арклем Грит действительно появился на поле боя, но не перед Дюдермонтом и Брамблеберри, а прямо перед ним, Дзиртом До'Урденем.

Сначала архимаг возник в виде тонкой черной линии, которая превратилась в плоскость, явив двухмерное изображение Арклема Грита, а потом обрела окончательный объем.

— А они любят преподносить сюрпризы, — произнес архимаг, разглядывая дроу с расстояния не более пяти шагов.

Затем он поднял руки и пошевелил пальцами.

Дзирт молниеносно бросился вперед, надеясь добраться до чародея раньше, чем тот закончит заклинание. Выставив перед собой мечи, он подскочил к архимагу и пролетел сквозь его образ.

Это было всего лишь изображение, маскирующее магические врата, куда и влетел изумленный дроу. Он попытался остановиться, упираясь ногами в землю, но поняв, что его затягивает, повинаясь инстинкту, отчаянной надежде и чувству дружбы, сорвал с пояса сумку и бросил назад.

А потом он закувыркался в темноте, и плотный сернистый запах становился все сильнее, огромные расплывчатые тени заматались вокруг, заслоня изломанную линию скал и дымящиеся очертания кроваво-красного потока лавы.

Геенна... или Девять Кругов... или Бездна... или Преисподняя.

Дзирт не знал, что это, но понимал, что оказался в одном из нижних Уровней, в жилище дьяволов и демонов, где он не сможет долго продержаться.

Он даже не успел прийти в себя, не успел ощутить твердь под ногами, как сзади на него набросилось черное чудовище, едва различимое на фоне тьмы.

— Печально, — произнес Арклем Грит, покачивая головой.

Он был слегка разочарован тем, что лучшего воина восставших против него войск оказалось так легко обезвредить.

Архимаг, не отходя от центральной башни, прошел вдоль стены и отыскал знамена своих основных противников — захватчика лорда Брамблеберри, забравшегося так далеко от дома, и глупца Дюдермонта, который восстановил против него весь город.

Некоторое время он изучал поле боя, с удивительной точностью измеряя расстояние. Царящий вокруг хаос, взрывы, крики умирающих казались далекими и незначительными. В сторону архимага полетело копьё, раздался сильный удар, но наконечник сплюснулся о магический защитный барьер, и оружие, не коснувшись неживой плоти Грита, упало на землю.

Он даже не поморщился. Все внимание было сосредоточено на главных противниках.

Арклем Грит энергично потер руки, готовясь прочесть заклинание.

В следующее мгновение он пропал на виду, а появился уже на другой стороне установленного портала — в самой гуще сражения. Там он свел перед собой большие пальцы рук и выбросил огромный огненный веер, сметавший как врагов, так и союзников. Затем Арклем Грит резко развел, руки, и из каждой вырвалась мощная разветвленная молния, направленная вниз. Разряды магического огня ударили в землю с такой силой, что люди, зомби, дворфы и призраки моментально разлетелись в стороны, оставив архимага на его собственном островке затишья.

Все участники боя заметили архимага. Да и как могло быть иначе, ведь до сих пор ни защитники Главной Башни, ни чародеи, пришедшие с Дюдермонтом и Брамблеберри, не могли продемонстрировать ничего подобного.

И Дюдермонт, и лорд Брамблеберри, едва сдерживая испуганных коней, развернулись к своему главному врагу.

— Уничтожить его! — вскричал Брамблеберри.

И в тот же миг Арклем Грит продолжил свое магическое наступление.

Вокруг двух предводителей внезапно всколыхнулась и задрожала земля, затрещали корни растений, взлетели камни — и вдруг открылась огромная расщелина. Оба всадника вместе с брыкающимися лошадьми полетели вниз. Жеребец Брамблеберри с ужасающим треском костей приземлился на своего всадника, а Дюдермонт, хоть и откатился немного в сторону от лошади, попал на самое дно десятифутовой ямы, наполненной водой и грязью.

Но Арклем Грит еще не закончил. Он не обратил внимания на реакцию людей, вызванную его неожиданным нападением на Брамблеберри и особенно на любимого всеми Дюдермонта. Ужас быстро перерос в неудержимую ярость, направленную на одного архимага. Арклем Грит, сохраняя полное спокойствие среди обезумевшего мира, продолжал читать заклинание, вызывающее землетрясение, причем его волны были направлены таким образом, чтобы обрушить склоны образовавшейся впадины. Он собирался похоронить заживо и лорда из Глубоководья, и прославленного капитана.

Но все вокруг тоже это поняли и в гневе набросились на Арклема Грита; его обступили со всех сторон, швыряя камни, копья, даже мечи, лишь бы не дать закончить смертоносное заклинание.

— Какие же они глупцы, — едва слышно пробормотал Арклем Грит и, обрушив один склон глубокой расщелины, снова превратился в плоское изображение, потом в тонкую черную линию и нырнул под землю. Быстро просочившись по мелким трещинам в земле, он вернулся в свою комнату в самом центре Главной Башни.

Там он почувствовал, насколько сильно устал, ведь за долгие годы он ни разу не прибегал к столь сильным заклинаниям. За окном не умолкали яростные крики, и Арклему Гриту не надо было даже выглядывать, чтобы понять, что любые предпринятые им шаги сулят лишь временные улучшения.

Падение лидеров не остановило толпу, а только сильнее разожгло ярость людей.

Просто их слишком много. Слишком много глупцов... пушечного мяса.

— Какие они глупые, — повторил он и вспомнил о Валиндре, оставшейся в одиночестве на южном берегу острова Сабля.

Он надеялся, что она уже мертва.

С тяжелым вздохом, отозвавшимся хрустом отвердевшей плевры в его не дышащих легких, Арклем Грит подошел к потайному шкафчику с сильнодействующими снадобьями — он сам их составлял, в основном из крови живых существ. Эти снадобья, как и сам лич, были сильнее самой смерти. Он выбрал один из флаконов и сделал большой глоток самого крепкого из напитков.

Арклем Грит вспомнил проведенные в Главной Башне годы, когда он считал это место своим домом. Он знал, что все кончено, по крайней мере на некоторое время. Но он мог и подождать.

И мог причинить еще немало бед.

Эта комната уйдет вместе с ним — он сам заколдовал ее специально для такого случая,

для неожиданного насильственного перемещения, поскольку с самого первого момента основания этого жилища лич знал, что придет день, когда ему придется покинуть башню. Зато он сможет спастись сам и сберечь свою любимую комнату.

Все остальное будет потеряно.

Через небольшой люк он спустился по лесенке в потайную комнату, где хранилось одно из самых ценных его сокровищ — посох, обладающий колоссальной силой. С этим посохом молодой — еще живой — Арклем Грит участвовал в грандиозных сражениях, и его огненные шары и молнии летели дальше и чаще, чем у других магов. С этим посохом, полным могущества, полученного непосредственно от прикосновения к Пряже Мистры, он благополучно выходил из таких переделок, где его собственных сил было недостаточно.

Он прикоснулся к обожженной поверхности дерева, словно к руке старого друга.

Посох покоился на хитроумном сооружении, изобретенном самим Арклемом Гритом. Шестифутовый посох своим центром опирался на самый кончик массивной каменной пирамиды. С каждого конца на цепях свисали две большие металлические чаши, а над ними, выше посоха, на крепких стальных канатах были подвешены два сосуда, наполненные вязкой серебристой жидкостью.

Грит снова вздохнул и потянул за веревку, привязанную к крышкам ртутных резервуаров. В чаши тяжело упали первые капли.

Тяжелый жидкий металл вытекал из сосудов невероятно медленно, капли падали неторопливо, словно песчинки в часах, отсчитывающих время до конца света.

Такой посох, как этот, полный магических сил, не может сломаться без энергетического катаклизма.

Арклем Грит вернулся в свою секретную, перемещающуюся в пространстве комнату в полной уверенности, что взрыв перенесет его точно в назначенное место.

Они уже получили преимущественно на поле боя, но ни лусканцы, ни их союзники из Глубоководья не могли чувствовать себя победителями, пока их предводители Брамблеберри и Дюдермонт оставались погребенными. Они установили защитное ограждение вокруг участка взрытой земли, и многие люди бросались в грязь, копая мечами, кинжалами и просто голыми руками. Сорванный ноготь вызывал у добровольцев не более чем молчаливую гримасу боли. Один из воинов нечаянно рассек себе руку собственным кинжалом, но лишь сердито заворчал от боли и продолжал раскапывать землю, отыскивая славного капитана Дюдермонта.

А на поле боя не утихала яростная битва: чародеи осыпали повстанцев огненными шарами и молниями, посылали все новые полчища восставших скелетов и созданных магией монстров. Лусканцы не отступали ни на шаг. Они сражались за свои жизни, за свои семьи и дома. Они не имели права сдаться или отступить, и каждый мужчина, каждая женщина это знали.

Они продолжали бой, сбивая своими стрелами чародеев с балконов, и, хотя платили десятью жизнями за одну, казалось, ничто не может их остановить.

Но это сделал сломавшийся посох.

Кто-то потянул его за руку, и Дюдермонт впервые за долгое время смог вздохнуть, а в это время другая рука смахнула с его лица землю.

Слезящиеся глаза отыскиали лицо женщины, очищавшей его лицо, потом сильного мужчину, так яростно тянувшего за руку, что едва не выскочил плечевой сустав.

Он вспомнил, что Брамблеберри упал рядом, и, увидев, как много людей продолжают раскопки в поисках лорда из Глубоководья, воспрянул духом. Несмотря на то что он еще

почти полностью оставался в земле, кроме одной освобожденной руки, Дюдермонт все же умудрился кивнуть и даже улыбнуться женщине, стоявшей рядом с ним на коленях.

А потом все исчезло в многоцветной волне разрушительной энергии, прокатившейся по земле, словно рябь по поверхности пруда. Она накрыла Дюдермонта и едва не оглушила ревом самого мощного циклона

На откопанной руке сгорел рукав, а лицо опалило непереносимым жаром. Казалось, что ураган длился целую вечность, а потом раздался треск, как будто сломалось громадное дерево, и Дюдермонт ощутил, как вздрогнула земля — три или четыре раза, но эпицентр толчков был слишком близко, чтобы он мог сосчитать точно.

Освобожденная рука упала на землю. Как только зрение восстановилось, Дюдермонт сумел разглядеть сапоги мужчины, вытягивавшего его из ямы. Капитан не мог повернуть голову, чтобы увидеть остальную часть тела, но он уже знал, что его спаситель мертв.

Он знал, что все на поле боя мертвы.

Слишком тихо.

Все стихло так внезапно, словно вымер весь мир.

По пути к северной части острова Сабля Робийард приказал своим солдатам быть настороже. Он был почти уверен, что до самой Главной Башни не встретит никакого сопротивления, но хотел, чтобы первая же атака его отряда была скоординированной и сокрушительной. Чародей заверил всех своих спутников, что первый их залп очистит от врагов все балконы, окна и двери Северной Башни.

Следом за Робийардом шла Валиндра с крепко связанными за спиной руками, а по обе стороны от нее шагали Арабет и Мэймун.

— Этот день закончится разгромом архимага, — негромко произнес Робийард, обращаясь только к своим ближайшим спутникам!

— Арклем Грит давно тебя поджидает, — сказала Валиндра.

Неожиданная реакция Арабет шокировала ее спутников. Чародейка резко развернулась и ударом слева разбила лицо пленницы, так что из тонкого носика дотекла кровь.

— Ты заплатишь!.. — угрожающе воскликнула Валиндра, но не успела закончить, так как Арабет нанесла второй удар, не менее жестокий.

Робийард и Мэймун озадаченно переглянулись, но оба лишь усмехнулись в ответ на поступок Арабет. Они понимали, что этому дню предшествовали долгие годы напряженного соперничества между двумя сверхмагами, и что высокая и классически красивая эльфийка все это время была для Арабет болезненной занозой.

Каждый из мужчин мысленно поклялся никогда не злить леди Раурим.

Валиндра, похоже, усвоила урок и замолчала.

Робийард завел их на груды валунов, чтобы заглянуть поверх стены. Вокруг пятиглавой башни повсюду кипело ожесточенное сражение. Корабельный маг быстро определил место самого эффективного вмешательства и уже был готов поделиться планом атаки со своими спутниками, когда сломался посох.

И весь мир взорвался.

В тот момент Мэймун спас Робийарда. Отреагировав с поразительной быстротой, пират толкнул его с валунов и прижал к скале. Арабет, сама того не желая, точно так же спасла Валиндру: она так резко отпрянула назад, что, падая на землю, увлекла за собой и пленницу.

Энергетический выброс прокатился над их головами. Расколотые скалы осыпали весь отряд обломками, и несколько человек были серьезно ранены, но группа находилась далеко от эпицентра взрыва, и все быстро закончилось. Мэймун и Арабет тут же вскочили на ноги и снова заглянули за стену, успев увидеть падение Главной Башни. Самая большая, центральная часть, где находились владения Грита исчезла полностью, словно, словно рассыпалась в пыль или просто испарилась. На самом деле произошло и то и другое. Четыре

боковые башни, еще недавно украшавшие город, рухнули на землю, превратившись в дымящиеся развалины, над которыми поднялись облака удушающей серой пыли.

Все участники сражения — и люди, и монстры полегли ровными рядами, словно вырубленный лес, и хотя крики и стоны подсказывали Робийарду я его спутникам, что погибли не все, никто не сомневался, что число выживших невелико.

— О боги, что ты наделал, Грит? — неожиданно громко прозвучал голос Робийарда в наступившей тишине.

Арабет испустила крик отчаяния и внезапно рванулась назад, и Робийард с Мэймуном даже не успели попытаться ее остановить, как она подбежала к оглушенной, лежавшей лицом вниз Валиндре и вонзила кинжал в спину пленницы.

— Нет! — закричал Робийард, едва осознав ее намерение. — Она нужна...

Он замолчал и поморщился, увидев, что Арабет вытащила кинжал и продолжала наносить удары один за другим, пока вопли Валиндры не сменились сдавленным хрипом.

Мэймун все же подбежал к Арабет и оттащил ее от жертвы. Робийард позвал жреца.

Чародей махнул рукой первому же проходившему мимо клирику, хотя и понимал, что уже слишком поздно и в лечебных молитвах нуждаются многие другие люди.

— Что ты наделала? — спросил Робийард.

Арабет только всхлипывала, но смотрела на опустошенное поле битвы, а не на свою поверженную жертву.

— Она заслуживала худшего, — ответила Арабет.

Робийард, глядя через ее плечо на обломки Главной Башни Гильдии Чародеев, на мужчин и женщин, погибших в этом сражении, не смог ей возразить.

Глава 17 Последствия

В процессе извлечения сильно побитого, но живого Дюдермонта из-под земли Мэймун не мог удержаться от ироничной мысли: как много людей — они лежат повсюду на этом страшном поле — будут вскоре зарыты в землю, и все из-за решений этого самого человека.

— Мне говорили, что нельзя бить лежащего, — пробормотал Мэймун, чем привлек к себе внимание Робийарда, Арабет и даже едва дышавшего Дюдермонта. — Но ты идиот, мой славный капитан.

— Следи за своими словами, молокосос, — одернул его Робийард.

— Лучше промолчать и утаить правду, чем оскорбить власть имущего, да, Робийард? — грустно усмехнувшись, поинтересовался Мэймун.

— Напомни-ка мне, почему «Морская фея» не отправила тебя на дно во время наших многочисленных встреч на море, — угрожающим тоном сказал чародей. — А то я позабыл.

— Наверняка из-за моего обаяния.

— Прекратите, вы, оба! — крикнула им Арабет, не сумев сдержать дрожи в голосе. — Оглянитесь вокруг! Неужели это зрелище вас не останавливает? Неужели не сдерживает вашего соперничества? Неужели надо сейчас искать виноватых?

— А как же не искать виноватых? — возразил Мэймун, но осекся под сердитым взглядом чародейки.

— Это все из-за огромного количества людей, лежащих на этом поле, — сказала Арабет более спокойным тоном. — Живых и мертвых...

Мэймун тяжело сглотнул и обернулся к Робийарду, но маг тоже не проявлял желания спорить, да и трудно было что-либо возразить Арабет при виде ужасной картины бойни. Они наконец подняли Дюдермонта, и в этот момент вторая спасательная группа обнаружила лорда Брамблеберри.

Покрывавший его толстый слой земли защитил лорда от убийственного взрыва, но в то же самое время и погубил, перекрыв доступ воздуха. Молодой аристократ из Глубоководья, полный амбиций и идей, полный решимости завоевать себе громкую славу, был мертв.

В тот день не было никаких празднований победы, а если кто-то и веселился, радостные голоса тонули в горестных рыданиях и воплях.

Всю ночь и весь следующий день бригады спасателей отделяли мертвых от живых и оказывали помощь тем, кому еще можно было помочь. Робийард в сопровождении небольшого отряда обследовал развалины всех четырех башен и обнаружил немало подручных Арклема Грита, но все они сдавались без боя. Желание сражаться испарилось у оставшихся чародеев, как только они убедились в неукротимой злобности своего бывшего великого архимага.

Лускан заплатил невероятную цену — более трети жителей еще недавно оживленного города были мертвы.

Но война закончилась.

Капитан Дюдермонт грустно покачал головой.

— Что это значит? — закричал на него Реджис. — Только не говори, что он пропал!

— Друг мой, пропало очень много людей, — стал объяснять Дюдермонт. — После взрыва, разрушившего Главную Башню, произошел мощнейший выброс всех видов магической энергии, и не только разрушительной, но и деформирующей. Люди сгорали заживо, взрывались, трансформировались, и многие, очень многие, были просто унесены из этого мира. Мне говорили, что некоторые воины были полностью уничтожены, даже их души распались и превратились в ничто.

— А что произошло с Дзиртом? — не унимался Реджис.

— Это нам неизвестно. Его так и не нашли. Как и многих других. Мне очень жаль. Эта утрата так терзает меня...

— Замолчи! — заорал на него хафлинг. — Ты ничего не понимаешь! Робийард пытался тебя предостеречь, и многие другие тоже. Но ты никого не послушал. Ты выбрал бой, и посмотри, к чему это привело всех нас!

— Хватит! — проворчал Робийард и с угрожающим видом шагнул к хафлингу.

Дюдермонт молча остановил его. Он понимал, что резкие слова Реджиса вызваны горестным чувством утраты. Да и как могло быть иначе? Гибель Дзирта До'Урдена причинила настоящее горе хафлингу, который почти полжизни провел рядом с темным эльфом.

— Мы не могли знать, что Арклем Грит способен на такой отчаянный шаг, мы даже не подозревали о его исключительном могуществе, — тихо заговорил Дюдермонт. — Но сам факт, что он решился на это, только доказывает необходимость его изгнания любыми средствами. Рано или поздно он все равно прибег бы к этим разрушительным мерам, и, возможно, еще более сильным. Раз уж он способен выпустить мертвецов из Иллуска, раз приказывает своим магам издеваться над горожанами, значит, он недостоин быть правителем Лускана.

— Ты так говоришь, словно этот город нуждается в лидере, — заметил Реджис.

— Лусканцы сражались рядом с нами плечом к плечу, — разволновался Дюдермону и сопровождавший его жрец положил руку на плечо капитана, чтобы напомнить ему о необходимости сохранять спокойствие. — Каждая семья сейчас испытывает не меньшее горе, чем ты, можешь в этом не сомневаться, свобода далась им слишком дорогой ценой.

— Это их свобода, им за нее и платить, — огрызнулся хафлинг.

— Дзирт пошел со мной по доброй воле, — напомнил ему Дюдермонт, и жрец едва не силой вывел его из комнаты.

— Ты перекладываешь вину на плечи человека, и так согнувшегося под ее тяжестью, — сказал Робийард.

— Он сделал свой выбор.

— Так же, как и ты, и я, и Дзирт. Мне понятна твоя боль — Дзирт До'Урден был и моим другом тоже, — но сможет ли ее облегчить твоя брань в адрес капитана Дюдермонта?

Реджис хотел что-то ответить, хотел возразить, но лишь молча бросился на кровать. Зачем?

Зачем все это?

Он вспомнил о Мифрил Халле и подумал, что пришло время возвращаться домой.

Демонические чудовища казались продолжениями бесконечной тьмы, и Дзирт даже не мог определить их размеров и формы. Не мог он увидеть и то, каким природным оружием они обладали, так что сражался, лишь повинаясь инстинкту, и уклонялся от ударов благодаря отличной реакции.

На победу рассчитывать было невозможно. Он останется жив, пока его рефлексы позволят отражать натиск сгустков тьмы, пока в руках достаточно сил, чтобы поднять мечи и отсечь змееподобную голову, грозящую вцепиться в горло, или огромный кулак, нацеленный в череп.

И он продолжал драться мечами и рычанием отрицая собственную смертность. Дзирт сражался и убегал, снова сражался и снова убегал, все время отыскивая место, где можно было бы перевести дух.

Но находил только новых врагов.

Огромная черная тень поднялась перед ним, и навстречу с молниеносной скоростью и неизмеримой силой устремились сразу три пары рук. Понимая, что справиться с ними нереально, Дзирт пригнулся к самой земле, намереваясь откатиться в сторону и атаковать чудовище сбоку.

Но оно уже было готово, и как только он попытался вскочить, обнаружил, что завяз в плотной луже застывшей слизи.

Чудовище нависло над ним, выпрямившись во весь рост, вдвое превышавший рост нормального человека. Монстр широко раскинул могучие руки и заревел, предвкушая победу.

Дзирт, освободив из слизи одну руку, сильно ткнул его мечом в ногу, но это вряд ли могло бы остановить чудовище.

Но когда Гвенвивар со всей своей мощью обрушилась на волчью голову и вместе с чудовищем рухнула на землю, все мысли о тщетности борьбы мгновенно испарились.

Дзирт не стал терять время и начал выбираться из грязи, бормоча слова благодарности пантере. О том, что Гвенвивар вслед за ним проскочила в портал, установленный Арклемом Гритом, он узнал в первом же серьезном поединке в этом проклятом месте, и это значительно улучшило его настроение. До сих пор они вдвоем справлялись с любыми врагами, и когда Дзирт подбежал к поверженному чудовищу с мечами наготове, торжествующие крики демона быстро сменились бульканьем его собственной крови.

Дзирт задержался, чтобы присесть на корточки рядом с Гвенвивар, хотя и знал, что им обоим надо двигаться как можно быстрее.

После того как Дзирт спасся благодаря вмешательству самого надежного товарища, он ощутил радость и надежду, но вскоре пожалел, что Гвенвивар пошла вслед за ним, поскольку пантера, как и он сам, оказалась в ловушке и тоже была обречена.

— Ну и ну, какая интересная штучка! — крикнул Квазер, показав остатки желтых кривых зубов. — Похоже, я обнаружил неплохую безделушку.

— Что ты там нашел, грязный боров? — откликнулся его компаньон Скеррит, продемонстрировав такие же больные зубы, с той лишь разницей, что на них виднелись остатки вяленого мяса, найденного в кармане одного из мертвецов.

Квазер махнул ему рукой, подзывая к себе, — здесь ведь было полно и других мародеров — и показал статуэтку из оникса, изображавшую большую черную кошку.

— Эге, да мы должны поблагодарить Дюдермонта за то, что он обеспечил нам

возможность немного разжиться, — с довольным видом сказал Скеррит. — Трехрукий отвалит за нее целый кошель золота.

Квазер хихикнул и спрятал статуэтку не в большой распухший мешок, куда они сбрасывали добычу, а в карман под грязным и рваным жилетом.

— Давай выбираться отсюда, — предложил Квазер. — Если нас поймают с парой монет и связкой кушаков, потеря невелика, но я не хочу, чтобы эта штучка перекочевала в карман какого-нибудь лусканского гвардейца.

— Надо ее поскорее продать, — согласился Скеррит. — Мы еще можем что-нибудь найти завтра ночью, и послезавтра, и потом тоже.

Парочка негодяев заковыляла по темному полю. Где-то невдалеке жалобно застонала раненая женщина, еще не обнаруженная командой спасателей, но они не обратили внимания на ее призыв и отправились по своим делам.

Глава 18

Восхождение и избавление

— Ты быстро поправляешься, — заметил Робийард, когда вошел к Дюдермонту на следующее утро — необычайно ясное и солнечное для этого времени года. В ответ капитан поднял раненую руку, сжал и разжал пальцы и кивнул. — И дело пошло бы еще быстрее, если бы не было столько шума, — добавил чародей.

Он подошел к самому большому окну комнаты и приподнял уголок портьеры.

На площади за окном раздались приветственные крики.

Робийард покачал головой, вздохнул, затем снова обернулся к капитану и увидел, что тот сел в кровати.

— Не подашь ли ты мою одежду, — попросил Дюдермонт.

— Тебе не следует... — без особой настойчивости возразил Робийард.

Но он слишком хорошо знал капитана и понимал, что предостережения на него не подействуют. Робийард покорно отошел от окна к шкафу, где висел костюм капитана. Дюдермонт, немного пошатываясь, последовал за ним.

— Ты уверен, что готов к этому? — спросил чародей, помогая своему другу разобраться с широкими рукавами белой сорочки.

— Сколько уже прошло дней?

— Только три.

— Уже известно число погибших? Нашли Дзирта До'Урдена?

— Не меньше двух тысяч, — ответил Робийард. — Возможно, будет в полтора раза больше, — добавил он, помогая капитану просунуть в пройму жилета раненую руку, и Дюдермонт поморщился, но не от боли. — Эльфа нигде не нашли. Боюсь, что предательский удар Арклема Грита погубил нашего друга. Мы не обнаружили ни клочка темной кожи. Мне говорили, что во время взрыва он был у самой башни.

— Значит, погиб быстро и безболезненно, Щека-зал Дюдермонт. — Об этом каждый из нас может только мечтать.

Он вздохнул и заковылял к окну.

— Да, но, мне кажется, Дзирт мог надеяться на такую смерть еще через несколько столетий, — язвительно заметил Робийард, шагая следом.

Гнев и решимость помогли Дюдермонту преодолеть слабость и отдернуть тяжелые портьеры. Все еще не в силах пользоваться раненой рукой, он неловко распахнул окно и подошел вплотную, чтобы его было видно с улицы.

Собравшиеся внизу жители Лускана, сильно пострадавшего от сражений, пожаров, грабителей и мародеров, разразились бурными криками. Кое-кто от сильных переживаний даже потерял сознание.

— Дюдермонт жив! — закричал один.

— Ура Дюдермонту! — подхватил другой.

— Треть населения погибла, а они все равно приветствуют меня, — мрачно прошептал Дюдермонт, обернувшись к Робийарду.

— Я думаю, так они выражают свою ненависть к Арклему Гриту, — предположил маг. — Но взгляни дальше, поверх площади и освещенных надеждой лиц, и ты увидишь, что медлить было нельзя.

Дюдермонт повиновался, и его взгляд остановился на руинах острова Сабля. От огромной силы взрыва пострадал даже Охранный остров, со многих домов были сорваны крыши, а кое-где еще дымились пепелища. Дальше, в гавани, из темной воды торчали четыре мачты. Четыре корабля сильно пострадало, а два пропало бесследно.

Следы катастрофы виднелись по всему городу — разрушенные мосты, обгоревшие дома и повсюду густая пелена дыма.

— Их лица сияют надеждой, — произнес Дюдермонт, вглядываясь в толпу. — Не удовлетворением не торжеством победы, а просто надеждой.

— Надежда — обратная сторона ненависти, — предостерег его Робийард, и капитан кивнул, понимая, что пора выбираться из кровати и приступать к работе.

Он помахал рукой собравшимся людям и отошел вглубь комнаты, сопровождаемый ликующими криками исстрадавшихся людей.

— Если она стоит медной монеты, то она стоит и тысячи золотых, — настаивал Квазер, потрясая статуэткой перед бесстрастным лицом Родрика Фенна, самого известного ростовщика во всем Лускане.

Еще недавно Родрик прозябал вместе с остальными такими же торговцами, имея дело с бродягами и пиратами, но с недавних пор его дело стало процветать благодаря неизвестно откуда взявшемуся притоку экзотических товаров. За информацию о его источниках была даже обещана щедрая награда.

— Я дам вам три золотых, надеюсь, вы будете довольны, — объявил Родрик.

Квазер и Скеррит обменялись угрюмыми взглядами, и оба покачали головами.

— Это вы должны бы ему заплатить, чтобы избавиться от этой вещицы, — вмешался еще один присутствующий в лавке человек, до сих пор державшийся в тени своего патрона.

На самом деле Родрик специально пригласил его для этой сделки, поскольку еще накануне вечером услышал от Скеррита о найденной ониксовой статуэтке.

— Что ты такое болтаешь? — рассердился Скеррит.

— Я точно знаю, что этот предмет принадлежит Дзирту До'Урдену, — ответил Морик Бродяга. — У вас в руках вещица дроу, и темный эльф наверняка пожелает ее вернуть. Я бы не хотел, чтобы он обнаружил свое имущество у меня в кармане.

Квазер и Скеррит снова переглянулись, потом Квазер усмехнулся и беспечно махнул на Морику рукой.

— Подумайте, идиоты, — продолжал Морик. — Вспомните, кто бежал рядом с Дзиртом во время битвы. — Морик негромко засмеялся. — Вы умудрились угодить между дроу и капитаном Дюдермонтом... Да, еще и королем Бренором из Мифрил Халла, который тоже будет разыскивать эту статуэтку. Примите мои поздравления.

Свою саркастическую тираду он закончил язвительной усмешкой, а затем шагнул к двери.

— Двадцать золотых монет, и больше не просите, — сказал Родрик. — Я отнесу ее капитану Дюдермонту. Надеюсь, что он вернет мне деньги. А если я буду в хорошем настроении, я могу сказать, что вы принесли фигурку, чтобы я возвратил ее хозяину.

Квазер хотел что-то сказать, но так ничего и не ответил.

— Или я пойду к Дюдермонту и облегчу его поиски, а вы будьте благодарны, что я скажу об этом только ему, а не кому-то из темных эльфов.

— Ты блефуешь, — недоверчиво бросил Скеррит.

— Тогда попробуй, — криво усмехнулся Родрик.

Скеррит повернулся к Квазеру, но тот, сильно побледнев, уже протягивал ему статуэтку.

Мародеры поспешно выскочили из лавки, прошмыгнув мимо Морика, прислонившегося к стене у самого выхода.

— Вы правильно поступили, — произнес он.

Скеррит не остался в долгу:

— Закрой свой рот! Если ты хоть кому-нибудь проболтаешься, я тебя найду и изуродую.

Морик энергично пожал плечами, мастерски скрыв незаметное движение руки. Проводив посетителей, он вернулся к Родрику.

— Я хочу получить назад свое золото, — сразу же заявил хозяин лавки, но улыбающийся Морик уже протягивал ему кошелек. Затем он зашел за прилавок и получил из рук Родрика статуэтку пантеры.

— Она стоит целую тысячу, — пробормотал Родрик.

— Если наш предводитель будет доволен, цена ее — наши жизни, — сообщил Бродяга, прикоснулся пальцем к полям шляпы и вышел.

— Губернатор, — презрительно бросил Барам. — Они хотят сделать его губернатором, и он, по всей видимости, примет предложение.

— И правильно сделает, — отозвался Кенсидан.

— И тебя это нисколько не беспокоит? — спросил Барам. — Ты обещал, что после свержения Грита мы обретем настоящую власть, а теперь Грита нет, а у меня остались только вдовы и сироты, которых надо кормить. На то, чтобы удержать на плаву Корабль Барамы, уйдет половина всего моего состояния.

— Рассматривай это как вложения на будущее, — посоветовал ему Верховный Капитан Курт, опередив Кенсидана. — Мой Корабль пострадал больше, чем все остальные.

— Я лишился почти всех своих гвардейцев, — вставил Таэрл. — Ты-то потерял сотню обычных людей и десяток домов, а я потерял воинов. Сколько твоих солдат ушли за Дюдермонтом?

Сердитый взгляд Курта остановил его гневную тираду.

— Возвышение Дюдермонта — факт вполне ожидаемый и полезный, — заговорил Кенсидан, стараясь направить Совет Пяти Капитанов в главное русло. — Мы пережили войну. Наши Корабли, хотя и потрепанные, как и весь Лускан, остались на плаву. Все это можно поправить, но зато уже нет удушающей хватки Главной Башни, и Гильдия Чародеев не будет контролировать каждый наш шаг. Расслабьтесь, друзья мои, это же просто чудесно. Да, мы не ожидали таких разрушений, как после взрыва, устроенного Гритом, и погибших оказалось намного больше, чем мы рассчитывали, но война, к счастью, оказалась короткой и закончилась в нашу пользу. И нельзя найти лучшей кандидатуры на пост карманного губернатора Лускана, чем капитан Дюдермонт.

— Но не стоит его недооценивать, — предостерег Ворона Курт. — Народ считает его героем, и того же мнения придерживаются и наши личные гвардейцы.

Значит, мы должны позаботиться о том, чтобы его сияющий ореол в последующие несколько недель утратил свой блеск, — заявил Кенсидан.

Сказав так, он посмотрел на своего ближайшего союзника, Сульджака, и увидел, что тот нахмурился и качает головой. Кенсидан не сумел определить, в чем было дело, ведь Сульджак потерял больше всех своих солдат, поскольку чуть не весь его Корабль последовал за Дюдермонтом и большая часть людей осталась лежать на поле боя у Главной Башни.

— Мне кажется, ты уже довольно долго провалялся в постели, — упрекнул Реджиса чей-то голос.

Хафлинг лежал в кровати в полусне и чувствовал себя абсолютно больным, как телом, так и душой. Но с последствиями ранений справиться было гораздо легче, чем примириться с мыслью о гибели Дзирта. Как он теперь вернется в Мифрил Халл и посмотрим в лицо Бренору? А Кэтти-бри?

— Я чувствую себя лучше, — солгал Реджис.

— Тогда поднимайся, малыш, — сказал тот же голос, и Реджис надолго замолчал, поскольку не узнал голос, а обернувшись, никого не увидел.

Он быстро сел на кровати и уставился в потемневший угол комнаты.

Потемневший при помощи магии.

— Кто ты? — спросил он.

— Старый друг.

Реджис покачал головой.

— До встречи на твоём пути...

Последние звуки голоса затерялись где-то в неизвестности, а вместе с ними рассеялась и темнота.

Но оставшееся после этого разговора впечатления наполнило душу Реджиса изумлением и трепетом.

Он знал, что конец уже близок. И Гвенвивар тоже погибнет. Дзирт надеялся лишь на то, что ее смерть на этом чужом Уровне, где она не связана со статуэткой, не будет окончательной и, как когда-то с Первого Материального Уровня, она просто вернется в свой астральный дом.

Дроу проклинал себя за то, что оставил статуэтку.

И он продолжал сражаться уже не ради себя, поскольку понимал, что обречен, а ради Гвенвивар, своей верной подруги. Если он поможет ей прожить достаточно долго, возможно, она сумеет отыскать путь домой.

Он не знал, сколько прошло часов или дней. Дзирт нашел скудное пропитание в мякоти гигантских грибов и плоти каких-то странных зверей, постоянно бросающихся на него, но и та и другая пища вызывала у него тошноту и не прибавляла сил.

Его конец приближается, а борьбе не видно ни конца ни края.

Навстречу бросилось шестирукое чудовище, и удара только одной такой лапы хватило бы на то, чтобы оторвать ему голову. Конечно, Дзирт был достаточно проворен, чтобы от них уклоняться, и не будь он таким уставшим, монстр не представлял бы особой угрозы. Но дроу едва держал свои мечи, а перед глазами все расплывалось. Он избежал уже несколько взмахов тяжелых лап а продолжал увертываться.

— Давай, Гвен, — прошептал он, разворачивая злобное чудовище под боковой удар пантеры, занявшей позицию на скальном выступе.

Дзирт услышал ее рычание и усмехнулся, ожидая мощного броска.

Но вдруг сам получил удар по ногам и покатился по земле, сцепившись с каким-то другим зверем.

Он ничего не понимал и сумел лишь удержать в руках мечи, но не смог ими воспользоваться.

И вдруг почва под ногами стала более твердой, яркий свет ослепил глаза, и хотя зрение еще не восстановилось, Дзирт по знакомому рычанию понял, что с ног его сбила Гвенвивар.

А потом услышал еще один знакомый и почти родной голос, звенящий от радости.

Не успел Дзирт выбраться из лап Гвенвивар, как снова с кем-то столкнулся.

— Как? — только и смог он вымолвить.

— Я не знаю, и мне все равно! — воскликнул хафлинг, еще крепче прижимаясь к своему другу.

— Курт прав, — предупредил своего сына Верховный Капитан Ретнор. — Недооценивать капитана Дюдермонта... *губернатора* Дюдермонта весьма рискованно. Этот человек больше делает, чем говорит. Ты никогда не выходил в море и представить себе не можешь, какой ужас испытывали люди, когда замечали на горизонте паруса «Морской феи».

— Я слышал эти сказки, но здесь не открытое море, — возразил Кенсидан.

— Значит, ты опять все рассчитал, — заметил Ретнор, не скрывая усмешки.

— Я сохранил способность приспосабливаться к любой ситуации.

— И к сегодняшней?

— До поры до времени я позволю Курту контролировать Охранный остров, остров Сабля и даже район рынка. Мы вдвоем, да еще с помощью Сульджака, легко установим свой контроль над улицами.

— Дюдермонт может расформировать Карнавал Воров, но он учредит сильную милицию, чтобы поддерживать законы.

— Его законы, — добавил Кенсидан. — А не законы Лускана.

— Теперь это одно и то же.

— Нет, пока еще нет. И не будет, если мы окажем правильное влияние на настроение улицы, — сказал! Кенсидан. — Беспорядки — самый страшный враг Дюдермонта, а отсутствие порядка очень скоро настроит горожан против него. Если он начнет применять строгие меры, Лускан восстанет против Дюдермонта, как совсем недавно восстал против Арклема Грита.

— Ты хочешь новой войны? — после некоторой | паузы спросил Ретнор.

— Я настаиваю на этой войне, — ответил его хитрый сын. — Пока Корабль Курта и Корабль Ретнора правят на улицах, Дюдермонт будет оставаться излюбленной мишенью для любого недовольства. А когда наступит критический момент, разразится вторая война, и после ее окончания...

— Свободный порт, — произнес Ретнор. — Прибежище для... торговых судов.

— С уже развитой торговлей экзотическими товарами, которые быстро попадут в дома лордов Глубоководья и в лавки Врат Бальдура, — продолжил Кенсидан. — Только одно это обстоятельство сможет удержать Глубоководье от нового вторжения в Лускан, поскольку эгоистичные аристократы не захотят рисковать своими игрушками. А у нас будет свой порт, свой город и полная видимость законов и зависимости от лордов Глубоководья, будь они прокляты!

— Высокие цели, — заметил Ретнор.

— Отец, я лишь хочу, чтобы ты мной гордился. — В голосе Кенсидана сквозил такой явный сарказм, что Ретнор не удержался от смеха, причем искреннего.

— Мне становится как-то не по себе, когда я слышу из темноты этот бесплотный голос, — признался Дюдермонт. — Но тем не менее я рад видеть тебя живым и здоровым.

— Относительно здоровым, — поправил его дроу. — Но я поправляюсь. Хотя, если тебе доведется побывать на том Уровне, куда я угодил, советую не пробовать местные грибы.

Дюдермонт и Робийард дружно рассмеялись, а с ними и Реджис, стоявший рядом с Дзиртом и приготовленными к дальней дороге рюкзаками.

— У меня в Лускане немало знакомых, — сказал Дзирт. — Некоторых я даже никогда не видел, но это друзья моего друга.

— Вульфгара, — догадался Дюдермонт. — Возможно, это он стоял за действиями Морики, хотя ему запрещено находиться в Лускане под угрозой смерти.

Дзирт пожал плечами:

— Какой бы счастливый случай ни привел статуэтку Гвенвивар в руки Реджиса, я принимаю его с благодарностью.

— Это верно, — согласился капитан. — А теперь вы намерены отправиться в Долину Ледяного Ветра. Вы уверены, что не хотите остаться в городе на зиму? Здесь полно дел, и ваша помощь мне бы очень пригодилась.

— Если мы поторопимся, то успеем добраться до Десяти Городов раньше, чем ляжет снег, — сказал Дзирт.

— А вы вернётесь в Лускан весной?

— Какими бы мы были друзьями, если бы не вернулись? — усмехнулся Дзирт.

— Мы вернемся, — пообещал Реджис.

После рукопожатий и объятий они покинули «Морскую фею; выполнявшую роль губернаторского дворца до тех пор, пока город не будет приведен в порядок и не будет укреплено и подготовлено новое место — бывшая гостиница «Красный дракон» — на северном берегу Мирар.

Проходя по улицам Лускана Дзирт и Реджис могли не отметить грандиозности задач, стоявших перед его жителями. Множество домов было повреждено пламенем, а другие остались пустыми, поскольку все их обитатели погибли. Часть жилых домов и таверн были конфискованы по приказу губернатора Дюдермонта, чтобы устроить там госпитали и даже морги, где трупы лежали до тех пор, пока не

устанавливалась личность погибшего и тело не предавалось земле.

— Лусканцы вряд ли успеют за зиму что-то исправить, им придется стараться изо всех сил, чтобы добыть еду и обогреть дома, — сказал Реджис, проходя мимо группы изможденных женщин, собравшихся у дверей дома.

— Им предстоит долгая дорога, — согласился Дзирт.

— Не слишком ли велика цена свободы? — засомневался хафлинг.

— Это пока невозможно определить.

— Я думаю, многие бы с тобой не согласились, — заметил Реджис, кивнув на новое кладбище, устроенное к северу от города.

— Арклема Грита больше невозможно было терпеть, — напомнил своему другу Дзирт. — Если город продержится несколько месяцев или год и сможет летом отстроиться, значит, вмешательство Дюдермонта пошло ему на пользу. Он может обратиться за помощью к любому лорду из Глубоководья, и товары и продовольствие хлынут в Лускан рекой.

— Но достаточно ли этого? — спросил Реджис. — Погибло так много здоровых взрослых людей, как выживут их семьи?

Дзирт беспомощно пожал плечами.

— Может, нам надо было остаться на зиму и помочь им? — предложил хафлинг, но дроу отрицательно качнул головой.

— Не все жители Лускана рады меня видеть, и не важно, что Дюдермонт относится ко мне по-дружески, — сказал Дзирт. — Не мы затеяли эту войну, но мы помогли ее выиграть, поддерживая правую сторону. Теперь мы должны предоставить им самим выбирать верный путь. Тут мы почти ничем не можем помочь. Кроме того, я снова хочу увидеть Вульфгара и Долину Ледяного Ветра. Я слишком давно не видел своего первого настоящего дома.

— Но Лускан... — снова собрался поспорить Реджис.

Однако Дзирт прервал его, подняв руку.

— Стоило ли все это дело таких жертв? — все же спросил Реджис.

— Ни ты, ни я не сумеем ответить на этот вопрос.

Вскоре под не слишком искренние приветственные крики стражников на стене и башнях они вышли из города через северные ворота.

— В следующий раз мы предложим им прогуляться до Длинной Седловины, —

произнес Реджис, и Дзирт рассмеялся почти так же беспомощно, как пожимал плечами.

Часть 3 Гармония

В этом просторном мире меня всегда поражало существование параллельных курсов. Жизненный путь вел меня по разным местам, я странствовал взад и вперед из Мифрил Холла на Побережье Мечей, в Долину Ледяного Ветра и горы Снежные Хлопья, в Калимпорт и Подземье. И я стал понимать древнюю поговорку, утверждающую, что самое постоянное — это перемены. Но что удивляет меня больше всего, так это сходство направлений этих перемен, совпадение настроений в разных местах, в городах и среди людей, которые, за исключением самых любопытных, почти незнакомы друг с другом.

Я ищу волнения — и нахожу надежду. Я ищу удовлетворенность — и нахожу гнев. И кажется, всегда и везде меня встречает один и тот же набор человеческих чувств. Во всем этом я вижу некоторую рациональность, поскольку даже далекие друг от друга люди испытывают сходные воздействия. Трудная зима; война в одном районе, которая нарушает торговлю в другой местности; слухи о приближении чумы; восхождение на престол нового короля, чьи послания передаются из уст в уста и внушают надежду и радость жителям районов, весьма удаленных от его владений. И все же мне часто думается, что есть еще и королевство эмоций. Как морозная зима способна распространиться из Долины Ледяного Ветра до Лускана и даже до Серебряных Земель, так же и настроение сплетает паутину дорог и тропинок в разных государствах. Это что-то вроде второго слоя погоды, эмоциональная волна, которая бурлит и прокатывается по всему Фаэруну.

В Мифрил Холле намечаются волнения и обнадеживающие перемены, и все обитатели Серебряных Земель затаили дыхание, пока в воздухе вертится монетка прочного мира и бесконечной войны, потому что ни дворф, ни эльф, ни человек, ни орк не знают, на какую сторону она упадет. Существует какая-то эмоциональная борьба между привычным статус-кво и желанием испытать великие и многообещающие перемены.

Такую же неутешительную динамику я наблюдал и в Длинной Седловине, где Гарпеллы из-за соперничества местных группировок едва не довели дело до войны. Они быстро поймали монетку, прочитали заклинания, чтобы оставить все, как было прежде, но напряженность и гнет отчетливо видны каждому, кто обладает зрением.

То же самое происходит и в Лускане, где потенциальные перемены не менее глубоки, чем происходящие в этот момент. И гораздо менее популярные — это признание недавно возникшего королевства орков как одного из членов содружества Серебряных Земель.

Волна тревог и беспокойства охватила всю страну от Мифрил Холла до Побережья Мечей — это уже совершенно ясно. Как будто народы и расы всего мира одновременно заявили о неприемлемости их сиюминутной жизни, словно все разумные существа закончили коллективный выдох и теперь снова набирают воздух.

Я направляюсь в Долину Ледяного Ветра, землю, где традиции живут дольше, чем люди, землю постоянных величин и постоянного давления. В этой земле знакомы с войной и очень близко знакомы со смертью. И если то же дыхание, которое выгнало Обальда из пещеры, которое всколыхнуло древнюю ненависть к жрецам в Длинной Седловине, которое привело к восстанию Дюдермонта и свержению Арклема Грита, заполнило Долину Ледяного Ветра, я боюсь даже подумать, что могло там произойти. Ведь в этих местах дым пожарниц поднимается к небу так же часто, как и дым походных костров, и волчий вой внушает не меньший страх, чем боевой клич варвара или орка, чем рев белого дракона. Мало того что в таких местах надо бороться, чтобы просто выжить, так Долина Ледяного Ветра всегда находится на грани потрясений, даже сейчас, когда мир качнулся в сторону удовлетворенности и спокойствия. Что ждет меня там, если мой путь проходит через страны, переживающие страданиям войны?

Иногда я спрашиваю себя, а нет ли бога или богов, которые играют с чувствами разумных существ, как художник играет с красками на полотне. Возможно, какие-то сверхъестественные создания с удовольствием наблюдают за нашими потрясениями и катастрофами? Или они своими волшебными палочками насылают на нас зависть, жадность, удовлетворение и любовь, а потом с удовольствием и интересом наблюдают за нашим поведением?

А может, они тоже сражаются между собой, а их победы и поражения передаются нам, их незначительным последователям?

Скорее всего, я ради собственного успокоения просто ищу самый легкий способ объяснений и приписываю иррациональным существам то, чего сам не знаю. Боюсь, это мне поможет не больше, чем теплая овсянка в морозное утро.

Что бы это ни было, погода или происки могущественного врага, людское стремление разделить всеобщие достижения, или нашествие чумы, или какая-то игра невидимых богов, или, возможно, порождение моего собственного беспокойства, проекция Дзирта на окружающих его людей... все, что угодно, но эти коллективные эмоции кажутся мне вполне реальными, как совместные вдохи и выдохи.

— Дзирт До'Урден

Глава 19

Ветер в ушах

Все происходило как-то незаметно, тончайшие модуляции пробудили воспоминания в душах их друзей так же безошибочно, как окружающая среда воздействовала на физические чувства. Как печальные стоны ветра наполнили их уши, запахи тундры наполнили ноздри, холодный северный воздух пощипывал кожу, бескрайняя снежная белизна вызвала на глазах слезы, так и аура этих мест, эта примитивная жестокость и девственная красота, завладела их мыслями, а постоянный риск пробудил противоречивые опасения.

Таков был закон этой долины, постоянно подтверждаемый ветром, вездесущим ветром, который напоминал о парадоксе существования, заключающемся в том, что даже одинокий человек никогда не остается один, что общение заканчивается на пределе наших чувств, но на самом деле оно не заканчивается никогда.

Они шли рядом, молча, но не в тишине. С ними был ветер Долины Ледяного Ветра, присоединившийся к путникам в положенное время и в положенном месте, и какие бы мысли ни посещали их головы, они оба не могли избавиться от чувства тревоги, навешиваемой Долиной Ледяного Ветра каждому, кто к ней приближался.

Тропа вывела их на Хребет Мира и спустилась в бескрайнюю тундру, ярко освещенную утренним солнцем, и друзья обнаружили, что снега еще не слишком глубоки, а ветер не слишком холоден. Если погода не изменится, они успеют за несколько дней добраться до Десяти Городов, десяти отдельных поселений вокруг трех глубоких озер, расположенных на крайнем севере. Там Реджис когда-то нашел убежище от неустанного преследования паши Пуука, его бывшего хозяина, у которого он украл рубиновую подвеску, до сих пор висевшую на шее хафлинга. Там ослабевший от постоянной борьбы Дзирт До'Урден нашел пристанище, которое смог назвать своим домом, там он обрел друзей, которых любил и ценил до сих пор.

Еще несколько дней в их глазах плескалась грусть, а сердца переполняли воспоминания. По вечерам у маленького костра они беседовали о прошлых временах, о рыбалке на берегах Мер Дуалдона, о ночах на Пирамиде Келвина, одиноко стоящей горе, где в пещерах когда-то скрывался клан Бренора, где звезды сверкали так близко, что казалось, будто до них можно дотянуться рукой, а вопросы бессмертия были просты и понятны. Потому что холодной звездной ночью на Подъеме Бренора нельзя было не ощутить связи с вечностью.

Дорога, которую называли просто караванной тропой, шла почти точно на северо-

восток, к Брин-Шандеру, самому большому из десяти поселений, где всегда располагались органы власти и самый большой рынок. Брин-Шандер стоял под защитой нескольких пологих холмов, и почти на равном удалении от всех трех озер — Мер Дуалдона на северо-западе, Красной Воды на юго-востоке и Лек Динишера на самом востоке. Если пройти дальше на северо-восток, по направлению караванной тропы, то за полдня можно добраться до дремлющего вулкана, известного как Пирамида Келвина, а перед ней лежали ущелье и тоннели, когда-то приютившие клан Боевого Топора на целое столетие.

В десяти поселениях проживали около десяти тысяч обитателей, и все они, кроме Брин-Шандера, располагались по берегам озер.

Появление темного эльфа и хафлинга вызвало тревогу и волнение среди молодых стражников, охранявших главные ворота Брин-Шандера. Увидеть бы то ни было на караванной тропе перед самым началом зимы уже само по себе было удивительно, но если при этом один из путников эльфа с угольно-черной кожей!..

Ворота стремительно захлопнулись, и Дзирт громко рассмеялся — достаточно чтобы его услышали стражники, хотя до них осталось еще немало ярдов.

— Я тебе говорил, что надо поднять капюшон, — проворчал Реджис.

— Пусть они лучше рассмотрят меня, пока еще не подошли на выстрел арбалета.

Реджис шагнул в сторону от Дзирта, и тот снова засмеялся, на этот раз вместе с хафлингом.

— Остановитесь и представьтесь! — крикнул один из стражников, но его голос так дрожал, что его нельзя было назвать угрожающим.

— Посмотрите на меня, и давайте заканчивать с этими глупостями, — громко ответил Дзирт. Он встал посреди дороги, шагах в двадцати от деревянной крепостной стены. — Сколько лет надо прожить среди народа Десяти Городов, чтобы какие-то несколько лет не изгладили мой облик в вашей памяти?

Последовала длительная пауза, потом заговорил другой стражник:

— Назови свое имя.

— Дзирт До'Урден, идиот! — закричал Реджис. — А я — Реджис из Одинокого Леса, служу Бренору из Мифрил Халла.

— Не может быть! — раздался третий голос.

Ворота распахнулись так же быстро, как и захлопнулись.

— Видимо, их память не так коротка, как ты считал, — заметил Реджис.

— Хорошо снова оказаться дома, — отозвался дроу.

Спустя несколько дней Реджис спускался по тропе к частично замерзшему озеру, а заснеженные деревья напевали ему свою печальную песню. Вскоре перед ним раскинулась гладь Мер Дуалдона, покрытая серым и черным льдом, и лишь кое-где проглядывала голубая вода. Одинокий ялик, еще не отступивший перед приходом зимы, покачивался у длинного причала Одинокого Леса. Сам городок почти полностью скрывался за деревьями, и к утреннему небу поднимались только отдельные струйки дыма.

Реджис обрел спокойствие.

Он подошел к самому берегу, где оставался клочок незамерзшей воды, и бросил в полынью кусочек льда, а потом стал следить, как расходящиеся круги выбрасывают воду на края льда. Мысли стали тонуть в кругах на воде и погружаться в прошлое. Он вспомнил рыбалку — когда-то именно здесь было его самое любимое место. Он представил, как было бы хорошо вернуться сюда летом и снова забросить леску в воды Мер Дуалдона.

Даже не задумываясь над своими действиями, он опустил руку в маленькую сумку на ремне и достал оттуда белую кость величиной с ладонь — череп знаменитой форели Долины Ледяного Ветра. Из второй сумки, висевшей на бедре, появился нож для резьбы, и Реджис, не отрывая взгляда от пустынного озера, приступил к работе. Хафлинг стремился

высвободить облик, увиденный им в этой кости, и на землю полетела стружка. В этом и состоял секрет его мастерства: он никогда не старался придать кости какую-то определенную форму, а только освобождал тот образ, который уже был там, и хафлинг просто дожидался, пока ловкие пальцы уберут все лишнее.

Затем Реджис опустил взгляд и, увидев, что у него получается, улыбнулся. Этот образ идеально подходил к его воспоминаниям о прошлом, о времени, проведенном с добрыми друзьями в стране столь же прекрасной, сколь и опасной.

Он потерял счет времени и стоял, отделявая фигурку, впитывая окружающую красоту и морозный воздух. Реджис настолько погрузился в прошлое, что едва не выпрыгнул из своих меховых сапожек, когда увидел у бедра голову огромной черной кошки.

Испуганный крик превратился в едва разборчивое «Гвенвивар!», и хафлинг с трудом ревел дыхание.

— Ей здесь тоже нравится, — раздался из-за деревьев голос Дзирта.

Реджис обернулся навстречу подходившему дроу.

— Ты мог бы и предупредить меня, проворчал хафлинг, обнаружив, что от неожиданности уколол кончиком ножа большой палец.

Он засунул палец в рот, чтобы остановить кровь, а потом с облегчением вздохнул, убедившись, что резная фигурка не пострадала.

— Я пытался, — сказал в оправдание Дзирт. — Дважды. Но у тебя в ушах ветер.

— Здесь не так уж и ветрено.

— Значит, это ветер времени, — заметил дроу.

Реджис улыбнулся и кивнул:

— Нельзя прийти сюда и не захотеть остаться.

— Но жить здесь труднее, чем в Мифрил Халле, — напомнил Дзирт.

— И в то же время проще, — возразил Реджис, и на этот раз дроу улыбнулся и кивнул. — Ты встретился со старостой Брин-Шандера?

Дзирт покачал головой.

— В этом нет необходимости, — пояснил он. — Наш хозяин Фаэлфарил знает о том, что Вульфгар проходил через Десять Городов четыре года назад. Все, что нам нужно, я узнал прямо в гостинице.

— И избежал фанфар, которыми тебя наверняка бы встретили официальные власти.

— Так же, как и ты, когда прыгнул в повозку и уехал на север, в Одинокый Лес, — парировал Дзирт.

— Я так хотел снова его увидеть. В конце концов, он много-много лет был моим домом. А старый толстяк Фаэлфарил не упоминал о последующих визитах Вульфгара?

Дзирт покачал головой.

— Слава Темпосу, наш друг зашел сюда, хотя и очень ненадолго, а потом отправился напрямик в тундру, к своему народу. Кто-то в Брин-Шандере рассказывал, что видел его еще раз, спустя некоторое время, но ничего определенного, иначе Фаэлфарил запомнил бы.

— Значит, он где-то здесь, — сказал Реджис, кивнув на северо-восток, где простирались обширные равнины варваров. — Могу поспорить, он уже стал у них королем.

Лицо Дзирта выразило сомнение.

— Куда он ушел и где находится теперь, в Брин-Шандере никто не знает. Возможно, Вульфгар стал вождем своего клана Лося, но союз племен распался давным-давно. Время от времени, но очень редко, они обмениваются кое-какими товарами с жителями Десяти Городов, но Фаэлфарил говорил, что, если бы не походные костры, появляющиеся на горизонте, они бы и не знали, что вокруг кочуют племена варваров.

Реджис испуганно нахмурил брови.

— Но теперь они не боятся кочевников, как было раньше, — продолжал Дзирт. — Они сосуществуют и живут в относительном спокойствии, а это немалая заслуга нашего друга Вульфгара.

— Как ты думаешь, он все еще там?

— Я это знаю.

— И мы его найдем, — сказал Реджис.

— Мы же его друзья, значит, должны найти.

— Становится холодно, — заметил Реджис.

— Ну не так холодно, как в пещере белого дракона.

Реджис погладил мощную шею Гвенвивар и неуверенно хихикнул.

— Ты наверняка затащишь меня и туда, пока все это не окончится, — сказал он. — Или пусть меня называют безбородым гномом.

— Безбородым? — переспросил Дзирт.

— Ну, я служу у Бренора, и все такое, — пожал плечами Реджис.

— Тогда уж гномом в меховых сапожках, — предположил Дзирт.

— Голодным хафлингом, — поправил его Реджис. — Если мы собираемся продолжать путь, надо пополнить запасы еды. Купи седельные для своей кошки или навьючивай все на свою спину, эльф.

Дзирт, смеясь, обнял приятеля за крепкие плечи и попытался развернуть хафлинга, чтобы уйти. Но Реджис уперся и заставил Дзирта еще раз взглянуть на Мер Дуалдон.

Он услышал глубокий вздох дроу и понял, что ностальгический транс захватил и Дзирта и тот вспоминает о годах простой, красивой и опасной жизни в Долине Ледяного Ветра.

— Что ты вырезаешь? — спросил Дзирт через некоторое время.

— Мы оба узнаем об этом, когда образ проявится, — ответил Реджис, и Дзирт, принимая непостижимый ответ, молча, кивнул.

В тот же день после обеда они отправились в дорогу, набив заплечные мешки едой и теплой одеждой. В сумерках они добрались до Пирамиды Келвина и разбили лагерь в небольшой пещере, хорошо знакомой Дзирту.

— Ночью я поднимусь вверх, — предупредил Дзирт Реджиса во время ужина.

— На Подъем Бренора?

— Туда, где он находился до землетрясения. Перед уходом я подброшу дров в костер, и Гвенвивар до моего возвращения останется с тобой,

— Пусть костер потихоньку тлеет, а кошка пусть поступает, как хочет, — возразил Реджис. — Я иду с тобой.

Дзирт, приятно удивленный его решением, кивнул. Все втроем на вершину Пирамиды Келвина. Восхождение получилось нелегким, потому что все тропы, уходящие вверх, вели по обледеневшим скальным выступам, но не прошло и часа, как друзья обогнули очередной выступ и обнаружили, что добрались до вершины. Внизу перед ними простиралась бескрайняя тундра, и вокруг сверкали звезды.

Все трое долго стояли, испытывая чувство единения с Долиной Ледяного Ветра, сознавая гармонию циклов жизни и смерти и размышляя о вечности и о единстве каждого существа с безграничной Вселенной. Ощущая себя частью чего-то огромного, они чувствовали уверенность.

Где-то далеко на севере зажегся костер, словно вспыхнула еще одна звезда.

Каждый из них представил себе, как у огня сидит Вульфгар и потирает озябшие руки.

В темноте завыл невидимый волк, ему ответил второй, потом еще и еще, и над Долиной Ледяного Ветра зазвучала их ночная песня.

Гвенвивар негромко зарычала, но в ее голосе не было ни злости, ни тревоги, пантера просто разговаривала с небесами и ветром.

Дзирт присел рядом с огромной кошкой и поверх ее спины посмотрел на Реджиса. Каждый из них прекрасно знал, о чем вспоминает и размышляет другой, и никто не стал произносить ненужных слов.

Эту ночь каждый из них будет помнить до конца своей жизни.

Лучшая сторона человеческого характера

— Я к этому не стремился, — сказал капитан Дюдермонт собравшимся лусканцам, стараясь перекрыть громкий стук дождя. — Моя жизнь принадлежала морю, и возможно, я еще к ней вернусь, но сейчас я принимаю ваше предложение и буду служить вам на посту губернатора Лускана.

Стук дождя потонул в громких радостных криках.

— Чудесно, — тихо пробормотал Робийард, сидя позади капитана на трибуне — трибуне, построенной для Карнавала Воров, — жестокого воплощения лусканского правосудия.

— Я ходил по многим морям и повидал немало стран, — продолжал Дюдермонт, как только люди утихомирили крикунов, желая услышать каждое слово нового правителя. — Я изучил все гавани от Глубоководья до Врат Бальдура, Мемнона и далекого Калимпорта и видел лучших правителей, чем Арклем Грит. — При одном упоминании ненавистного имени из толпы раздался свист. — Но я никогда не встречал таких сильных духом и отважных людей, как те, кого я вижу сейчас перед собой.

Едва он замолчал, как собравшиеся снова разразились криками.

— Неужели они никогда не заткнутся, чтобы можно было покончить с этим делом и укрыться от проклятого дождя, — ворчал Робийард.

— Сегодня я оглашаю свой первый декрет, — заявил Дюдермонт. — Эта трибуна и это отвратительное заведение, именуемое Карнавалом Воров, будут уничтожены раз и навсегда.

Реакция собравшихся — немногочисленные достойные восклицания, любопытные взгляды и множество озадаченных лиц — напомнила Дюдермону о неимоверной трудности, стоявшей перед ним задачи. Карнавал Воров был самым отвратительным учреждением из всех, что ему приходилось видеть. Здесь публично издевались над виновными — а иногда и невиновными мужчинами и женщинами, их прилюдно унижали, пытали, а порой и подвергали жестокой казни. Но многие жители Лускана считали это зрелище развлечением.

— Я буду сотрудничать с верховными капитанами, и уверен, что они забудут о наших давних столкновениях в открытом море, — продолжал Дюдермонт. — Вместе мы превратим Лускан в блестящий пример того, чего можно достичь, если стремиться к общей великой цели, если прислушиваться к голосам не только знати, но и всех простых людей.

Снова поднялся шум, и Дюдермону пришлось сделать паузу.

— А он оптимистично настроен, — не унимался Робийард.

— А почему бы и нет? — спросил сидевший рядом Сульджак, единственный из верховных капитанов, принявший приглашение Дюдермонта, да и то лишь по настоянию Кенсидана.

Общая атмосфера собрания, слова Дюдермонта и радостные возгласы собравшихся лусканцев заразили Сульджака энтузиазмом, и он гордо расправил плечи.

Робийард проигнорировал слова своего соседа и наклонился вперед.

— Капитан! — крикнул он, привлекая внимание! Дюдермонта. — Неужели ты хочешь, чтобы половина твоих подданных простудилась от этой сырости и холода?

Дюдермонт усмехнулся, поняв откровенный намек чародея.

— А сейчас расходитесь по домам и мужайтесь, — обратился он к толпе. — Постарайтесь согреться и не теряйте надежды. День переменится, и хотя Талое Повелитель Штормов нас пока не слышит, небо над Лусканом стало ярче!

Последние слова вызвали самые громкие и радостные крики.

— Он трижды пускал меня на дно, — прорычал Барам, наблюдая вместе с Таэрлом за собранием с балкона. — Три раза этот пес Дюдермонт и его разукрашенная «Морская фея», будь проклято это имя, выбивали из-под меня корабль, а один раз он даже приволок меня на

Карнавал Воров. М Он засучил рукав и продемонстрировал следы от ожогов, полученных от ударов раскаленной кочергой. — Тогда мне пришлось заплатить надсмотрщикам больше, чем стоил новый корабль.

— Дюдермонт собака, что и говорить, — согласился Таэрл.

Потом он усмехнулся, подтолкнул локтем своего приятеля и показал на заднюю часть площади, где под навесом собрались почти все надсмотрщики Карнавала Воров.

— Смотри-ка, а они не слишком обрадовались окончанию развлечений.

Барам при виде мрачных лиц палачей насмешливо фыркнул. Они с удовольствием занимались своей работой и называли Карнавал Воров необходимым инструментом поддержания правосудия. Но Барам, побывавший в известняковых пещерах, где располагались камеры осужденных, прошедший через арену Карнавала и заплативший значительную сумму, чтобы избежать наказания — а ему, как пирату, грозило четвертование, — знал, что все они еще и разбогатели на взятках.

— Мне кажется, этот дождь вполне подходящее явление для сегодняшнего события, — заметил Барам. — Вскоре над Лусканом соберутся настоящие грозовые тучи.

— Ты бы так не говорил, если бы посмотрел на этого Сульджака, который внимает каждому слову проклятого Дюдермонта, — сказал Таэрл, на что Барам ответил сдавленным рычанием.

— Он намерен подняться, уцепившись за полу его мундира, — продолжал Таэрл — Знает, что он самый незначительный из нас, и теперь считает себя самым умным.

— Чересчур умный, откровенно угрожающим тоном отозвался

— Хаос, — произнес Таэрл. — Кенсидан хотел хаоса и обещал, что мы от этого только выиграем. Что ж, постараемся выиграть.

Бережно, словно отец больного ребенка, лич поднял изувеченное тело Валиндры. В тот самый дождливый вечер, когда Дюдермонт провозглашал себя богом перед этими глупыми лусканцами, он отыскал ее и осторожно прижал к своей груди.

Чтобы перебраться с разгромленного острова Сабля на Охранный остров, ему не требовался мост, он просто ушел под воду. В конце концов, ни он, ни убитая Валиндра не нуждались в воздухе. Неподалеку от берега Охранного острова он вошел в подводную пещеру, а оттуда — в канализационную трубу, которая привела его на материк, под Иллуск, где теперь находился его дом. Там он бережно уложил Валиндру на кровать под пологом, застланную шелком и бархатом.

Когда чуть позже он влил ей в горло несколько капель эликсира, женщина надолго закашлялась, сплевывая дождевую и морскую воду и собственную кровь. Затем она неловко приподнялась на кровати и обнаружила, что дышать удастся ей с трудом. Валиндра заставила себя наполнить легкие воздухом и попутно отметила странные и незнакомые ароматы. Наконец она окончательно пришла в себя и выглянула в щель между драпировками.

— Главная Башня... — прохрипела она, с трудом выговаривая каждое слово. — Мы выжили. А я думала, что эта шлюха убила меня...

— Главной Башни больше нет, — сказал ей Арклем Грит.

Валиндра недоверчиво взглянула на него, потом подвинулась к краю кровати, потрогала балдахин, окинула взглядом комнату, в которой без труда узнала спальню архимага. Затем она озадаченно взглянула на лича.

— Бум! — с усмешкой произнес он. — Все разрушено, окончательно и бесповоротно, а вместе с Башней полегла и половина лусканцев, будь прокляты их гниющие трупы.

— Но это же твоя комната.

— Которая никогда не была частью Главной Башни, — сказал он вместо объяснений.

— Но я тысячу раз бывала здесь!

— Переход между двумя измерениями... Тебе следовало бы знать, что в мире существует магия.

Его саркастический выпад вызвал усмешку Валиндры.

— Я знал, что рано или поздно этот день настанет, — хихикнув, стал объяснять Арклем Грит. — Более того, даже надеялся на это. — Он поймал изумленный взгляд Валиндры и громко рассмеялся. — Люди так переменчивы. Это потому, что они обречены на короткую и несчастливую жизнь.

— И где же мы теперь?

— Под Иллуском, в нашем новом доме.

Валиндра упрямо замотала головой:

— Это место не для меня. Найди мне другое назначение в Гильдии Чародеев.

На этот раз Арклем Грит отрицательно качнул головой:

— Это самое подходящее для тебя место. Так же, как и для меня.

— Иллуск? — переспросила эльфийка, уже не скрывая своей растерянности и испуга.

— Ты даже не замечала, что вдыхаешь воздух лишь для того, чтобы воспроизводить звуки, — сказал ей лич.

Валиндра взглянула на него с любопытством, потом опустила взгляд на свою бледную неподвижную грудь и в тревоге снова посмотрела на Грита.

— Что ты сделал? — прошептала она.

— Это не я, это Арабет, — ответил Арклем Грит. — Ее кинжал попал точно в цель. Ты умерла еще до взрыва Главной Башни.

— И ты воскресил..

Грит все так же качал головой:

— Я не какой-нибудь несчастный жрец, пресмыкающийся перед дурацкими богами.

— Тогда что? — спросила Валиндра, уже зная ответ.

Конечно, он ожидал, что она будет испугана и растеряна, потому что лишь немногие люди могли обрадоваться столь неожиданному — и непрошеному — оживлению.

Он смотрел на ее ужас с улыбкой, потому что знал: Валиндра Тень, его любимица, справится с потрясением и поймет преимущества своего нового состояния.

— События развиваются очень быстро, — предупредил Дюдермонта Таналли, один из самых высокопоставленных гвардейцев Лускана.

Губернатор пригласил его и нескольких других влиятельных горожан на беседу к себе домой и попросил высказываться честно и откровенно.

И он получил то, о чем просил, хотя и к большому неудовольствию Робийарда, сидевшего у окна в дальнем углу просторной комнаты.

— Так и должно быть, — ответил Дюдермонт. — Скоро наступит зима, а многие горожане остались без крыши над головой. Я не позволю, чтобы мои люди — наши люди — голодали и замерзали на улицах.

— Конечно нет, — согласился Таналли. — Я не собирался...

— Он имел в виду события другого рода, вмещался Джерем Болл, в прошлом главный судья более не существующего Карнавала Воров.

— Люди склоняются к мародерству и грабежам, — пояснил Таналли.

Дюдермонт кивнул:

— Это неудивительно. Чтобы не голодать, они вынуждены копаться в отбросах всеми способами, добывать себе пропитание. И что, же? Неужели за это я должен бросать их на арену Карнавала Воров, на потеху другим голодающим?

— Ты рискуешь разрушить установленный порядок, — предостерег его судья Болл.

— А Карнавал Воров обеспечивал порядок?! — воскликнул Дюдермонт, впервые повысив голос за все время продолжительной и довольно бурной беседы. — Послушайте,

что я вам скажу. Почти всю свою сознательную жизнь я наблюдал, как работает правосудие Лускана, и знаю не одного человека, незаслуженно встретившего смерть от рук надсмотрщиков.

— И все же город процветал при этом законе, — заметил Джерем Болл.

— Процветал? Кто же здесь процветал, судья? Те, у кого много денег, чтобы откупиться от вашего Карнавала? Или влиятельные деятели, которых надсмотрщики не осмеливались трогать, какие бы гнусные проступки они ни совершали?

— Тебе надо быть сдержаннее, говоря об этих людях, — произнес Болл с укоризной, заметно понизив голос. — Речь зашла о ядре власти Лускана, о людях, которые позволили своим подданным присоединиться к твоему отряду и разрушить самую значительную структуру этого города. Да что там, самую значительную структуру любого из северных городов!

— И эта структура управлялась личем, который выпустил на улицы Лускана упырей и прочих монстров, — напомнил ему Дюдермонт. — А нашлось бы в Карнавале Воров место для Арклема Грита, только если это не место главного зрителя?

Джерем Болл сердито прищурился, но ничего не ответил, и на этой печальной ноте собрание было решено закончить.

— Что? спросил Дюдермонт помрачневшего Робийарда, когда они остались одни. — Ты не согласен?

— Разве такое когда-нибудь бывало?

— Это верно, — признал Дюдермонт. — Лускан должен начать новую жизнь, и как можно скорее. Прощение должно стать главным законом этих дней, и я этого добьюсь. Я издам декрет, гарантирующий прощение всем, кто не поддерживал открыто Арклема Грита, а сражался против нас из-за страха и растерянности. И даже тех, кто добровольно связал свою судьбу с Гильдией, мы будем судить открыто и честно.

Робийард хихикнул:

— Я сомневаюсь, что многие знали правду об Арклеме Грите, и вполне объяснимо, что в лице лорда Брамблеберри и в моем лице они видели только захватчиков.

— В некотором смысле, — произнес чародей.

Дюдермонт недовольно покачал головой, осуждая его бесконечный и едкий сарказм, и в который раз спросил себя, почему он столько лет терпит присутствие Робийарда. Но он прекрасно знал ответ. Его привлекала эта постоянная готовность спорить, а не высокое искусство магии.

— Жизнь простого лусканца была не более чем тюремным заключением, — сказал Дюдермонт. — Людям приходилось выбирать между камерой Карнавала Воров и участием в одной из многочисленных уличных банд.

— Банд или Кораблей?

Дюдермонт кивнул. Он понимал, что чародей прав и что общество Лускана подвергалось давлению сразу с шести разных сторон. Один источник был уничтожен с разгромом Арклема Грита, но Корабли пяти верховных капитанов остались.

— Они встали на твою сторону, по крайней мере не оказывали противодействия, но можешь ли ты с уверенностью утверждать, что все они — включая, например, Барама — решили забыть о ваших прошлых... встречах?

— Если он намерен продолжить наш давний спор, будем надеяться, что на суше Барам сражается не лучше, чем на море, — сказал Дюдермонт, и Робийард не смог удержаться от улыбки.

— Ты хоть сознаешь рискованность взятой на себя задачи — хотя бы и ради народа, которому ты поклялся служить? — спросил Робийард после недолгой паузы. — На протяжении многих лет лусканцы знали только железный закон. Под тяжестью гнета Арклема Грита и пяти верховных капитанов их мелкие войны оставались мелкими войнами, а их преступления, как значительные, так и самые малые, карались железной рукой или мечом в темном переулке или, да, на арене Карнавала Воров. Меч всегда был наготове,

чтобы поразить каждого, кто осмеливался переступить назначенную ему границу, даже если ты ее и не признаешь. А теперь ты хочешь убрать этот меч, и?..

— И показать им лучший путь, — решительно заявил Дюдермонт. — По всему миру мы видели, что простой люд может жить лучше, например, в Глубоководье и даже в менее цивилизованных городах юга. Разве они управляются хуже, чем Лускан во времена Арклема Грита?

— В Глубоководье имеется свой железный кулак, капитан, — возразил Робийард. — Власть лордов, как открытая, так и тайная, поддерживаемая Черным Посохом, настолько всеобъемлюща, что контролирует повседневную жизнь Города Чудес. И вряд ли можно сравнивать города юга с Лусканом. Этот город живет одной коммерцией. Все его процветание обусловлено умением привлечь торговцев, даже таких неприятных, как варвары из Десяти Городов Долины Ледяного Ветра, или дворфов кланов Железного Копья и Боевого Топора и купцов Серебряных Земель. Корабли отовсюду швартуются в гаванях Лускана, как и у причалов Глубоководья. Но Лускан основан не отпрысками благородных фамилий, это город бродяг. И главное занятие здесь не сельское хозяйство, а пиратство. Неужели я должен объяснять тебе такие простые истины?

— Ты говоришь о *старом* Лускане, — упорствовал Дюдермонт. — Эти бродяги и пираты построили себе дома, обзавелись семьями, нарожали детей. Изменения начались задолго до того, как мы с лордом Брамблеберри вышли из гавани Глубоководья и направились на север. Вот почему люди с такой готовностью поддерживали борьбу против «меча наготове», как ты это назвал. Темные дни их жизни закончились.

— Только один из пяти верховных капитанов принял твое приглашение присутствовать при вступлении в должность нового губернатора. И этот Сульджак считается самой незначительной фигурой.

— Или самым мудрым из капитанов?

Робийард рассмеялся:

— Уж в чем другом, а в избытке мудрости Сульджака никак нельзя заподозрить, в этом я совершенно уверен.

— Если он видит будущее единого Лускана, значит, это просто защитный покров.

— Что ж, если так угодно губернатору...

— Так оно и есть, — настаивал Дюдермонт. — Неужели ты не веришь в гуманность человеческой природы?

Робийард презрительно фыркнул:

— Капитан, я ходил по тем же морям, что и ты. Я видел тех же самых убийц и пиратов. Я хорошо узнал натуру людей. О какой *гуманности* ты можешь говорить?

— Я верю в нее. Будь оптимистичнее, друг мой! Страхни свою угрюмость, наберись мужества и обрети надежду. Оптимизм побеждает пессимизм, и...

— А реальность уничтожает его и оправдывает пессимизм. Проблемы не исчезнут, если изменить к ним отношение.

— Правильно, — признал Дюдермонт, — но, если мы будем сильны, если будем действовать с умом, мы сможем изменить реальность.

— Очень оптимистично, — сухо бросил Робийард.

— Верно, — ответил улыбкой на сарказм капитан и губернатор.

— Дух гуманности и братства, — последовало еще одно замечание.

— Верно!

И мудрый Робийард лишь молча закатил глаза.

Глава 21

Суровая Долина Ледяного Ветра

В открытой тундре к северу от Пирамиды Келвина скалы почти не защищали от вездесущего ветра, но Дзирт и Реджис были рады любому убежищу. Дроу не без труда

удалось разжечь костер, однако огонь так яростно сражался с ветром, что тепла для двух путников почти не оставалось.

Реджис без единой жалобы продолжал орудовать маленьким ножом, обрабатывая рыбий череп.

— Холодная выдалась ночь, — заметил Дзирт.

Реджис поднял голову и заметил любопытствующий взгляд Дзирта, словно тот ожидал немедленного взрыва жалоб, которые, как признавал хафлинг, еще не так давно составляли неотъемлемую часть его натуры. Но по какой-то причине, которой он и сам не понимал — то ли от радости возвращения домой, то ли в предвкушении встречи с Вульфгаром, — он не чувствовал себя несчастным из-за холодного ветра и уж никак не собирался ныть по этому поводу.

— Ветер задул с северного моря, — равнодушно произнес он, не отрываясь от своего занятия. — В это время года такое не редкость.

Хафлинг устремил взгляд в небо и окончательно утвердился в своих предположениях. Звезд осталось гораздо меньше, и с северо-запада быстро набегали черные тучи.

— Значит, даже если мы, как надеялись, завтра отыщем племя Вульфгара, вряд ли мы успеем выбраться из Долины Ледяного Ветра до глубоких снегов, — сказал Дзирт. — Мы застрянем здесь на всю зиму.

Реджис так же равнодушно пожал плечами и продолжил заниматься резьбой.

Спустя несколько мгновений Дзирт коротко рассмеялся, и хафлинг, с любопытством подняв голову, обнаружил, что дроу пристально смотрит на него.

— Что такое?

— Ты ведь тоже это чувствуешь, — сказал Дзирт.

Реджис прекратил работать ножом и некоторое время посидел молча, словно прислушивался.

— Много лет, много воспоминаний.

— И большинство из них приятные.

— Даже если и не совсем приятные, как, например, Акар Кесселл и магический кристалл, о которых не хочется говорить, — согласился Реджис. — Скажи-ка, когда мы все умрем, и даже Бренор умрет от старости, ты вернешься в Долину Ледяного Ветра?

Вопрос явно застал Дзирта врасплох. Он выпрямился, и на лице появилось выражение растерянности и даже тревоги.

— Я предпочитаю не задумываться об этом, — ответил он.

— Именно это я и прошу тебя сделать.

Дзирт смущенно пожал плечами:

— У нас впереди еще так много сражений, почему ты считаешь, что я проживу дольше остальных?

— Таков порядок вещей, так что все может быть... эльф.

— А если меня убьют в бою и всех остальных тоже, *ты* вернешься в Долину Ледяного Ветра?

— Бренор наверняка возьмет с меня слово служить следующему королю или стать управляющим, пока новый король не отыщется.

— Ты так легко не отвертись от вопроса, дружок.

— Но я спросил первым.

— А я требую, чтобы ты ответил раньше, чем я выскажу свое мнение.

Дзирт стал складывать руки на груди, проявляя признаки непоколебимого упрямства, и Реджис выпалил «да!», прежде чем дроу принял известную многим позу.

— Да, — повторил хафлинг, — я вернусь, если меня не будут удерживать никакие другие обязательства. По-моему, на земле нет лучшего места для жизни,

— Это не слишком похоже на Реджиса, который застегивается на все пуговицы при малейших признаках сквозняка и начинает жаловаться, как только с дерева в Одиноким Лесу падает первый пожелтевший лист.

— Мои жалобы были...

— Вымогательством, — закончил за него Дзирт. — Способом запасти дров для своего очага, поскольку окружающим очень не нравилось твое нытье.

Реджис несколько мгновений обдумывал это шутивное обвинение, потом покорно пожал плечами, не собираясь его оспаривать.

— Мои жалобы были рождены страхом, — пояснил он. — Я никак не мог поверить, что это мой дом, — я не мог примириться с тем, что это мой дом. Я пришел сюда, спасаясь от паши Пуука и Артемиса Энтрери, и даже не думал, что останусь надолго. Тогда я считал Долину Ледяного Ветра промежуточным пунктом, где я мог остановиться, чтобы сбить со следа наемных убийц.

Он негромко рассмеялся и покачал головой, глядя на незаконченную статуэтку в руке.

— Только гораздо позже я стал считать Долину Ледяного Ветра своим домом, — хмуро добавил он. — Но я так и не утвердился в этой мысли, пока не вернулся.

— Возможно, ты просто устал от бесконечных стычек и треволнений Мифрил Халла, — предположил Дзирт. — От близости Обальда и нескончаемых тревог Бренора.

— Возможно, — признал Реджис, но не слишком убедительно. Он опять перевел взгляд на Дзирта и дружески улыбнулся. — Как бы то ни было, я рад, что мы оба оказались здесь.

— Холодной зимней ночью.

— Пусть так.

Дзирт с любовью и восхищением посмотрел на хафлинга, поражаясь, как сильно он изменился после удара копьем, полученного в бою несколько лет назад. Именно эта, почти смертельная рана и положила начало изменениям в характере его друга. До того случая, когда они скитались далеко на юге, Реджис всячески старался избегать любых неприятностей и частенько от них убегал. Но потом, после того как он понял, какой опасной обузой стал для своих отважных друзей, и ужаснулся этому, хафлинг с честью принимал каждый вызов, бросаемый ему судьбой.

— Я думаю, ночью пойдет снег, — сказал Реджис, поглядывая на низкие, сгущавшиеся тучи.

— Пусть так, — откликнулся Дзирт и от души рассмеялся.

Как ни удивительно, но перед рассветом ветер стих, и, хотя предсказание Реджиса оправдалось, их не застигла ужасная снежная буря. Крупные снежинки медленно слетали вниз, лениво танцуя, поворачиваясь и кувыркаясь по пути к давно побелевшей земле.

Едва путники покинули лагерь, как сразу заметили дымки походных костров, а когда через несколько часов они подошли ближе, Дзирт узнал знамя и понял, что они действительно отыскиали племя Лося, родной клан Вульфгара.

— Только Лоси? — отметил Реджис и с беспокойством посмотрел на Дзирта,

Сведения, полученные в Брин-Шандере, подтверждались. Когда они покидали Мифрил Халл, все кланы были объединены в единое племя, а здесь, судя по небольшому лагерю и по одному имевшемуся знамени, ситуация была совсем другой.

Друзья подходили к стойбищу с поднятыми руками, ладонями наружу, чтобы продемонстрировать свои добрые намерения.

Стражники, несущие караул по периметру лагеря, приветствовали их добродушными кивками и улыбками. В этих местах друзей еще узнавали и считали желанными гостями. Бдительные стражи не стали покидать своих постов, чтобы их проводить, но дружественными жестами предложили пройти самим.

Кроме того, они каким-то образом сумели предупредить остальных, и в лагере началось оживленное движение. Кочевники устроились на дне небольшой ложины, так что палаток не было видно до тех пор, пока путники не перешли через невысокую гряду, и тогда стоянка открывалась как на ладони. Как заметили двое друзей, с их приходом в лагере стало весьма

оживленно. В самом центре, в окружении воинов и жрецов, стоял огромный человек с рельефными мускулами и мудрыми зоркими глазами.

На голове у него был убор вождя в форме головы лося с раскидистыми рогами. Дзирт и Реджис хорошо знали этого мужчину, но, к их немалому удивлению, это был не Вульфгар.

— Ты останавливаешь ветер, Дзирт До'Урден, — сильным голосом заговорил Берктгар Смелый. — Твоим подвигам нет конца.

Дзирт ответил на комплимент вежливым поклоном.

— Я вижу тебя в добром здравии, Берктгар, и это радует мое сердце, — сказал дроу.

— Мы пережили трудные времена, — признался вождь. — Прошлая зима выдалась очень холодной, и постоянно донимали подлые гоблины и великаны. Клан понес немало потерь, но по сравнению с другими племенами мои люди справились неплохо.

И Реджис, и Дзирт заметно напряглись при упоминании о трудностях и особенно о потерях, тем более что Вульфгара нигде не было видно.

— Мы выжили и продолжаем жить, — добавил Берктгар. — Таков наш обычай и наша доля.

Дзирт печально кивнул. Он хотел задать наводящий вопрос, но придержал язык, предоставив вождю продолжать речь.

— Как поживает Бренор из Мифрил Халла? — спросил Берктгар. — Могу поспорить, что вы пришли не затем, чтобы рассказать о победе этого гнусного орка.

— Нет, не... — заговорил Дзирт, но осекся и с интересом посмотрел на Берктгара. — Откуда тебе известно о короле Обальде и его притязаниях?

— Вульфгар, сын Беарнегара, вернулся к нам и принес много новостей.

— А где же он? — не выдержал Реджис. — Охотится?

— Никто из наших сейчас не охотится.

— Тогда где? — настойчиво спросил хафлинг, и неожиданно громкий для его роста голос привлек внимание не только вождя, но и всех остальных, даже Дзирта.

В Вульфгар пришел к нам четыре зимы назад и три зимы оставался со своим народом, — поведал Берктгар. — Он охотился вместе с кланом Лося, как и должно было быть. Он делил с нами пищу и питье. Он танцевал с народом, из которого когда-то вышел, но теперь его нет.

— Он попытался забрать твою корону, но ты ему не уступил! — предположил Реджис.

Хафлинг отчаянно старался сделать так, чтобы в его словах не прозвучало и намек на обвинения, но понял, что ему это не удалось, когда Дзирт ткнул его локтем в плечо.

— Вульфгар никогда не соперничал со мной, — ответил Берктгар. — У него не было необходимости оспаривать мое положение, как не было на это и никакого права.

— Он когда-то был вашим вождем.

— Когда-то.

Лаконичный ответ заставил Реджиса прикусить язык.

— Вульфгар забыл обычаи Долины Ледяного Ветра, забыл традиции нашего народа, — продолжал Берктгар, обращаясь только к Дзирту и не глядя на расстроенного хафлинга. — Долина Ледяного Ветра не прощает этого. Вульфгар, сын Беарнегара, все понимал. Он не был мне соперником.

Дзирт кивнул в знак того, что понимает и принимает такое объяснение.

— Он покинул нас при первой встрече света и тьмы, — сказал варвар.

— Во время весеннего равноденствия, — объяснил Дзирт Реджису. — Когда день равен ночи.

Затем он повернулся к вождю и спросил напрямик:

— Он ушел по вашему требованию?

Берктгар покачал головой:

— Вульфгар принес с собой множество длинных сказок. Мы очень огорчены тем, что его больше нет в нашем стойбище.

— Он думал, что возвращается домой, — сказал Реджис.

— Его дом не здесь.

— Тогда где же он?! — снова воскликнул хафлинг, но вождь грустно покачал головой: ему нечего было ответить.

— Он не возвращался в Десять Городов, — сказал Реджис со все возрастающим беспокойством. — Он не приходил в Лускан. Да он и не мог туда добраться, миную...

— Сын Беарнегара мертв, — прервал его вождь. — Мы огорчены тем, что так случилось, но Долина Ледяного Ветра всегда сильнее нас. Вульфгар позабыл, кто он и откуда пришел. Долина Ледяного Ветра этого не прощает. Он покинул нас при первой встрече света и тьмы, и мы еще долго находили его следы. Но они исчезли, значит, он умер.

— Ты уверен? — спросил Дзирт, стараясь сдержать горестную дрожь в голосе.

Берктгар на мгновение прикрыл глаза.

— Мы редко обмениваемся словами с народом трех озер, — пояснил он. — Но когда в тундре Долины Ледяного Ветра пропали следы Вульфгара, мы спросили о нем. Малыш прав. Вульфгар не возвращался в Десять Городов.

— Наша скорбь прошла, — раздался голос за спиной вождя, и варвар обернулся, чтобы посмотреть, кто нарушает обычай беседы с пришельцами.

Берктгар кивнул, словно даруя прощение, и Дзирт с Реджисом, увидев, кто это, поняли причину его вмешательства. Киерстаад, превратившийся уже в зрелого мужчину, был одним из самых преданных почитателей сына Беарнегара. Гибель Вульфгара для него была равноценна потере родного отца. Но в голосе молодого варвара не слышалось и намек на боль. Он сказал, что скорбь рассеялась, и так оно и было.

— Вы не знаете наверняка, что он умер, — возразил Реджис, вызвав хмурые взгляды не только Берктгара и Киерстаада, но и всех остальных.

Дзирт постарался унять хафлинга, легонько стукнув его по плечу.

— Вам знакомо тепло очага и мягкой постели, — сказал вождь Реджису. — Нам знакома Долина Ледяного Ветра. Она ничего не прощает.

Реджис снова хотел что-то возразить, но Дзирт его удержал. Дроу прекрасно понимал чувства варваров. Они без сожалений принимали смерть, потому что она всегда была рядом. Среди кочевников не было ни мужчины, ни женщины, не познавших смерть близкого человека — любимого, родителя, ребенка или друга.

И когда они с Реджисом покинули лагерь клана Лося и отправились в обратный путь по той же самой тропе, что завела их так далеко от Десяти Городов, Дзирт попытался проявить такой же стоицизм. Но лицо его не слушалось и морщилось от боли. Он не знал, куда повернуть, куда посмотреть, у кого спросить. Вульфгар умер, покинул его, и утрата всему придавала горький вкус. Черные крылья вины застилали свет, когда он вспоминал взгляд Вульфгара, впервые узнавшего, что Кэтти-бри для него потеряна, что она помолвлена с дроу, которого он считал своим лучшим другом. В этом не было ничьей вины, ни Дзирта, ни Кэтти-бри, ни Вульфгара, на долгие годы заточенного в Бездне демоном Эррту. В то время Дзирт и Кэтти-бри полюбили друг друга, вернее, признались в этом, потому что испытывали это чувство уже долгие годы, но не смели поверить в него из-за очевидных различий между человеком и эльфом.

И после возвращения Вульфгара из мертвых они уже ничего не могли поделать, хотя Кэтти-бри и пыталась.

Вот из-за этих обстоятельств Вульфгар и решил покинуть Мифрил Халл. И всю дорогу, пока они с Реджисом молча, шагали сквозь снежную пелену, Дзирт пытался доказать себе, что в его уходе никто не повинен. Он никак не мог убедить самого себя, но теперь это было уже не важно. Важно то, что Вульфгар навсегда ушел из его жизни, что его верного друга больше нет, и мир стал беднее.

А рядом с ним ни снег, ни ветер не могли заглушить всхлипывания Реджиса.

Глава 22

Рай... откладывается

— Ах ты, вор! — кричал человек, обвиняющим жестом тыча в грудь человека, который, по его мнению, только что украл деньги.

— Посмотри на себя! — запальчиво ответил тот. — Этот торговец запомнил твой жилет, а не мой.

— И он ошибся, это ты взял деньги!

— Совсем сдурел!

Первый человек убрал палец, сжал кулак и нанес увесистый удар второму в лицо.

Но его противник уже был готов к такому повороту событий, он низко пригнулся под широким размахом, а потом рванулся вперед и ударил обидчика в живот.

И не кулаком.

Пострадавший отшатнулся назад, придерживая кишки.

— А! Да он меня заколол! — вскрикнул он.

Человек с ножом выпрямился и усмехнулся, затем ударил еще раз и еще, на всякий случай. Несмотря на то что их громкие крики всполошили всех, кто пришел на открытый рынок Лускана, и стражники уже пробирались сквозь собравшуюся толпу, победитель неторопливо подошел к своей жертве и вытер нож о рубашку бессильно согнувшегося противника.

— А теперь, будь добр, падай и умирай, — сказал он. — На улицах будет меньше одним идиотом, который вечно твердит о своем капитане Сульджаке.

— Убийца! — закричала женщина, когда раненый рухнул на землю.

— Ба! Да он первым начал драку! — возразил ей мужчина из толпы.

— Но он только размахнулся кулаком, — запротестовал еще один из людей Сульджака, но тотчас и сам получил по лицу.

И словно по сигналу — и в самом деле, по сигналу, но понятному только тем, кто работал на Барама и Таэрла, — вся рыночная площадь моментально превратилась в побоище. Драки вспыхивали у каждой палатки и у каждого ларька. Женщины истошно кричали, а дети забирались повыше, чтобы все подробно рассмотреть.

Из-за каждого угла появились стражники и попытались восстановить порядок. Они выкрикивали приказы, которые тотчас опровергались другой командой, и сражение разгоралось все больше. Один разъяренный капитан гвардии ворвался в середину другой группы гвардейцев, чей командир только что отменил его приказ всем драчунам лечь на землю.

— Кто ты такой и от чьего имени командуешь? — окликнул он гвардейца.

— От имени Лускана, глупец, — ответил гвардеец.

— Лускана больше нет, он умер, — заявил громила. — Есть только пять Кораблей.

— Что за чушь ты несешь? — возмутился капитан гвардии, но бандит даже глазом не моргнул.

— Ты ведь служишь у Сульджака, верно? — набросился он на капитана.

Гвардеец, действительно имевший кое-какие связи с Кораблем Сульджака, изумленно уставился на говорившего.

Бандит сильно ударил его кулаком в грудь, и прежде, чем капитан гвардии успел понять, что происходит, двое схватили его сзади за руки, чтобы громила мог беспрепятственно продолжать избиение.

Свалка длилась еще долго, пока оглушительный грохот взрыва не привлек всеобщее внимание к восточному углу площади. Там стояли губернатор Дюдермонт и чародей Робийард, который и устроил взрыв магического заряда прямо перед собой.

— Люди, у нас нет для этого времени! — закричал губернатор. — Мы должны объединиться, иначе нам не пережить наступающую зиму!

В голову Дюдермонта полетел камень, но Робийард при помощи магии перехватил его и плавно опустил на землю.

И побоище на площади возобновилось.

С балкона замка за всем происходящим не без удовольствия следили верховные капитаны Таэрл и Барам.

— Так он хочет стать правителем? — Барам перегнулся через перила и сплюнул вниз, глядя на ненавистного Дюдермонта. — Он скоро пожалеет о своих намерениях.

— Посмотри-ка на гвардейцев, — добавил Таэрл. — Как только началась свалка, они примкнули к своим Кораблям. Они верны не Дюдермонту, не Лускану, а верховным капитанам.

— Это наш город, — заявил Барам. — И губернатор Дюдермонт мне уже надоел.

Таэрл кивком выразил свое согласие и продолжал смотреть на шумную драку, которую они вместе с Барамом спровоцировали при помощи хорошо оплаченных, хорошо накормленных и основательно подпоенных наемников.

— Хаос, — прошептал он и злорадно усмехнулся.

— А-а, это ты, — протянул Сульджак, увидев, что в его комнату входит вооруженный дворф. — Какие новости в Корабле Ретнора?

— Большая драка на рыночной площади, — ответил дворф.

Сульджак вздохнул и устало потер рукой лицо.

— Глупцы, — пробормотал он. — Они не дают Дюдермонту никакой возможности, а он старается ради Лускана, ради нашей торговли.

Дворф пожал плечами, словно это его не касалось.

— Нельзя нам сейчас драться друг с другом, — продолжал Сульджак, шагая по комнате и все так же потирая лицо. Он остановился перед дворфом. — Все как предсказывал Кенсидан. Будет жестокая борьба, но мы справимся и улучшим свое положение.

— Кто-то справится, а кто-то — нет.

Сульджак с любопытством взглянул на телохранителя Кенсидана.

— А зачем ты сюда пришел? — спросил он.

— Эта драка на рынке началась не случайно, — сказал дворф. — Тебе стоит знать, что пострадало немало твоих парней, возможно, кто-то убит.

— Моих парней?

— Ты еще ничего не знаешь, верно?

И снова Сульджак изумленно уставился на дворфа и повторил свой вопрос.

— Чтобы защитить твою жизнь.

Такой ответ окончательно вывел Сульджака из себя.

— Я Верховный Капитан Лускана! — воскликнул он. — У меня есть личная гвардия...

— И тебе понадобится не только моя помощь, если ты до сих пор считаешь побоище на рыночной площади случайной заварушкой.

— Ты хочешь сказать, что моих парней избивали намеренно?

— Я это уже дважды сказал, надеюсь, у тебя хватило ума понять.

— И Кенсидан прислал тебя для моей охраны?

Дворф многозначительно подмигнул.

— Какая нелепость!

— Как тебе будет угодно, — пробормотал дворф, плюхнулся на стул лицом к выходу и не мигая уставился на дверь.

— Сегодня утром обнаружено три трупа, — доложил Робийард Дюдермонту на следующее утро. Они встретились в передней гостиной бывшей гостиницы «Красный дракон», служившей теперь губернаторским дворцом. Широкие окна комнаты, забранные причудливой кованой решеткой, выходили на юг, на реку Мирар и главную часть города. —

Только три, и я считаю это хорошим признаком. Конечно, если только еще тридцать тел не было унесено рекой в бухту.

— Твой сарказм неистощим.

— Тебя нетрудно критиковать, — пожал плечами чародей.

— Потому что я пытаюсь справиться с нелегким делом.

— Или с глупым, и это может закончиться довольно плохо.

Дюдермонт поднялся из-за стола и пересек комнату.

— Я не хочу спорить с тобой по одному и тому же поводу каждое утро!

— И все-таки каждое утро будет одно и то же, если не станет еще хуже, — сказал Робийард. Он подошел к окну и взглянул на видневшуюся за рекой рыночную площадь. — Ты думаешь, купцы откроют сегодня лавки? Или плюнут на все, упакут свои повозки и вернутся в Глубоководье?

— У них еще много товаров, они могли бы их здесь продать.

— Или их украдут во время следующей свалки, которая, как мне кажется, начнется через несколько часов.

— На этот раз на площади будет больше гвардейцев.

— Чьих? Барама? Сульджака?

— Гвардейцев Лускана!

— Глупо было бы с моей стороны ожидать чего-то другого, — вздохнул Робийард.

— Ты же сам видел, что Верховный Капитан

— Сульджак сидел на трибуне во время моей речи, — напомнил ему Дюдермонт. — И его люди собрались вокруг нас сразу после окончания драки.

— Потому что именно их больше всего и били, — насмешливо парировал Робийард. — Возможно, именно из-за того, что Сульджак пришел на трибуну. Ты об этом не задумывался?

Дюдермонт вздохнул и махнул рукой на циничного мага.

— Пусть на площади покажется и экипаж «Морской феи», — отдал он распоряжение. — Пусть держатся все вместе, но пусть ходят по всей площади. Демонстрация силы должна помочь.

— А люди Брамблеберри?

— Они выйдут завтра, — решил Дюдермонт.

— К тому времени их здесь может и не быть, — заметил Робийард, вызвав удивленный взгляд капитана. — Разве ты не слышал? — спросил он. — Опытным и образованным воинам лорда Брамблеберри надоел этот бесшабашный Город Парусов, и они намерены вернуться в Город Чудес, пока зима не заперла их в бухте. Я не знаю точно, когда они собираются уйти, но слышал разговоры о ближайшем приливе.

Дюдермонт со вздохом уронил голову на руки:

— Предложи им награду, если они останутся на всю зиму.

— Награду?

— Да, и достаточно большую, какую только мы можем себе позволить.

— Понятно. Прежде чем признать ошибку, ты собираешься истратить на свои прихоти все наше золото.

Дюдермонт резко вскинул голову и обернулся к чародею.

— Наше золото?

— Твое, мой капитан, — с глубоким поклоном ответил Робийард.

— Это не ошибка, — упорствовал Дюдермонт. — И время — наш союзник.

— Тебе потребуется более осязаемый помощник, чем время.

— Мирабарцы...

— Они уже закрыли свои ворота, — сказал Робийард. — Наши друзья из Мирабара сильно пострадали при взрыве Главной Башни. Многие дворфы отправились напрямик в Мифрил Халл. Ты не скоро сможешь снова их увидеть на крепостной стене вместе с гвардейцами Лускана.

В час тяжкого испытания Дюдермонт не только выглядел стариком, но и чувствовал себя совершенно обессиленным. Он снова вздохнул.

— Верховные капитаны... — пробормотал он.

— Да, они тебе нужны, — согласился Робийард.

— У нас уже есть Сульджак.

— Наименее уважаемый из всех.

— Но это только начало! — решительно произнес Дюдермонт.

— И остальные настолько хорошо с тобой знакомы, что немедленно перейдут на нашу сторону, — не скрывая насмешки, продолжил Робийард.

На этот раз даже Дюдермонт не смог удержаться от улыбки. Да, он тоже их неплохо изучил. И даже потопил корабли двух верховных капитанов из оставшейся четверки.

— Мой экипаж никогда меня не подведет, — сказал он.

— Наша команда привыкла драться с пиратами, а не с горожанами, — последовал ответ, мгновенно развеявший все намеки на уверенность, прозвучавшую в последней фразе губернатора.

Даже Робийард ощутил отчаяние своего друга и проявил сочувствие.

— Остатки Гильдии Чародеев...

Заинтересованный Дюдермонт поднял голову.

— Арабет и остальные, — пояснил Робийард. — Я попрошу их выйти вместе с экипажем на рыночную площадь, и со всеми знаками отличия Главной Башни.

— Эти значки вызовут горькие воспоминания, — забеспокоился Дюдермонт.

— Это оправданный риск, — возразил чародей. — Конечно, многие жители Лускана предпочли бы уничтожить всех служителей Главной Башни без исключения, но есть и такие, кто сознает роль Арабет в достижении нашей победы, хотя и оплаченной многими жизнями. Я бы не стал просить ее выходить только в сопровождении своих подручных, но рядом с моряками им нечего бояться, и Арабет сослужит нам хорошую службу.

— Ты ей доверяешь?

— Нет, но я верю в ее благоразумие, а ей известно, что ее существование здесь во многом зависит от победы капитана... губернатора Дюдермонта.

Дюдермонт некоторое время обдумывал его предложение, затем медленно кивнул:

— Пошли за ней.

После полудня того же дня Арабет вышла из дворца губернатора, поплотнее запахнула накидку, прячась от мелкого дождя, и зашагала по залитым водой улицам. На каждом углу к ней присоединялись выходившие из переулков и проездов помощники, пока не образовалась группа из одиннадцати бывших чародеев Главной Башни. С недавних пор они не осмеливались открыто показываться в городе поодиночке, опасаясь разбередить свежие раны, нанесенные их собратьями. Казалось, ни один житель Лускана не может думать об обитателях Главной Башни без горечи и гнева.

По пути Арабет проинструктировала своих спутников, а когда на северной границе Иллуска они встретились с моряками «Морской феи», чародейка покинула группу. Арабет прочла заклинание, от которого немного уменьшилась в размере и стала похожа на маленькую девочку, а потом направилась в юго-восточную часть города, к «Десяти дубам».

К ее большому облегчению, никто не узнал в ней сверхмага и никто не обратил на нее внимания, так что вскоре Арабет стояла перед сидевшим в кресле Кенсиданом. Она сразу заметила, что нового — и, как говорили, самого сильного — телохранителя, этого странного и неприятного дворфа, нигде не было видно.

— Робийард понимает, насколько неустойчиво сейчас положение Дюдермонта, — сказала она. — Их не удастся застать врасплох.

— Как же они не понимают, что половина города уже сгорела, а остальную половину

раздирают конфликты?

— В этом нужно винить Барама и Таэрла, — напомнила ему Арабет.

— Винить или благодарить?

— Ты хотел сделать Дюдермонта подставным лицом, чтобы улучшить мнение о Лускане и добиться доверия, — заметила Арабет.

— Но если Барам и Таэрл решили открыто противостоять Дюдермонту, те, кто поумнее, должны переждать в сторонке, — ответил Кенсидан. — Чтобы потом встать на сторону победителя.

— Мне кажется, у тебя на этот счет нет никаких мнений.

— Я бы поставил на капитана «Морской феи», хотя он и сражается в непривычной обстановке городских улиц.

— А я бы поставила на того, к кому присоединились Корабли Курта и Ретнора.

— Присоединились? — переспросил сын Ретнора.

Арабет кивнула и многозначительно улыбнулась, словно знала что-то такое, до чего Кенсидан еще не додумался.

— Ты хочешь соблюсти нейтралитет в этой борьбе, а потом воспользоваться возможностями, — пояснила Арабет. — Но одна из сторон — и я могу ее назвать: это Дюдермонт — не ослабеет в процессе конфликта. Нет, он усилит свое влияние, и усилит до опасного предела.

— Я рассматривал такую возможность.

— А если ты это допустишь, будет ли правление Дюдермонта чем-то отличаться от правления Арклема Грита?

— Он же не лич, для начала и этого хватит.

В ответ на уклончивую реплику Арабет молча скрестила руки на груди.

— Мы посмотрим, как будут развиваться события, — продолжил Кенсидан. — Пусть каждый — из троих — играет свою игру, а мы не будем вмешиваться, пока не затронуты мои личные интересы.

— Твой телохранитель у Сульджака?

— Твоим логическим способностям можно позавидовать.

— Хорошо, — кивнула Арабет. — Таэрл и Барам не слишком довольны, что Сульджак сидел на трибуне по приглашению Дюдермонта.

— Но я не думаю, чтобы они...

— Это ты его послал? Конечно, ты ведь знал, что Барам разъярится от одной мысли о Дюдер... — Арабет умолкла, а затем, что-то поняв, улыбнулась еще шире. — Курт мог тебе угрожать, но ты не принимал его всерьез, по крайней мере, пока остальная часть города не смирилась с новой властью. А теперь угрозу для тебя представляет Дюдермонт, который слишком занят наведением хотя бы относительного порядка, да союз двух верховных капитанов, ни один из которых не в восторге от Корабля Ретнора.

— Я уверен, что Курт не меньше меня доволен тем, что Таэрл и Барам не скрывают своего недовольства Сульджаком, бедным Сульджаком, — заметил Кенсидан.

— Ты как-то говорил, что намерен извлечь выгоду из этого хаоса, — с явным восхищением сказала Арабет. — Но я не знала, что ты можешь контролировать хаос.

— Если бы я его контролировал, разве это был бы хаос?

— Значит, доить его, а не контролировать.

— Я был бы никудышным Верховным Капитаном, если бы не старался обратить ситуацию на пользу своему Кораблю.

Арабет приняла позу, в которой одновременно сочетались дерзость и соблазн. Она положила руку на бедро, и на губах заиграла озорная усмешка.

— Но ты ведь пока еще не Верховный Капитан, — заметила она.

— Верно, — сохраняя равнодушный и отстраненный вид, ответил Кенсидан. — Давай внесем ясность, чтобы понять истину этого положения. Я только сын Корабля Ретнора.

Арабет шагнула вперед, обойдя его вытянутые ноги, встала коленями на кресло и

положила руки на плечи, придавливая Кенсидана своим весом к спинке.

— Ты станешь правителем, даже если не желаешь в этом признаваться, — прошептала она. Кенсидан промолчал, но на его лице не возникло и тени протеста. — Кенсидан — король пиратов.

— Тебе это кажется соблазнительным... — заговорил он, но Арабет быстро закрыла ему рот страстным поцелуем.

Глава 23 Становление

Он встал против снега.

Это был не вчерашний ленивый хоровод снежинок, а резкий ветер, секущий острыми льдинками и жестоким холодом.

Он не боролся с бурей. Он принимал ее. Вбирал в себя всем своим существом, словно становился единым целым с жестокой природой. Его мускулы напрягались и сокращались, перегоняя кровь в побелевшие конечности. Он щурился, но не закрывал глаза под ударами ветра, не желая отвращать ни одно из своих чувств от реальности Долины Ледяного Ветра и ее смертельно опасной стихии — опасной для чужаков, для случайных прохожих, для южан, для тех, кто не мог стать частью тундры, братом ледящего северного ветра.

Он покорил весну с ее оттаявшими болотами, когда один неверный шаг мог привести к бесследному исчезновению.

Он покорил лето с его самой щадящей погодой, но и с хищными зверями Долины Ледяного Ветра, выходившими на охоту, — а человеческая плоть была для них лакомством, — чтобы накормить своих детенышей.

Покорение осени с первыми холодными ветрами и жестокими снежными бурями близилось к завершению. Он выжил среди бурых медведей, торопившихся набить животы, прежде чем забраться в берлоги. Он выжил среди гоблинов и орков, гонявшихся за ним каждый раз, когда охота на оленей-карибу заканчивалась неудачей.

И он переживет и этот шторм, и ветер, от которого кровь в жилах живого человека может превратиться в лед.

Но только не этого человека. Наследственные навыки ему помогут. Помогут его мощь и его решимость. Он происходил из Долины Ледяного Ветра, как его отец, как его дед и прадед.

Он не сопротивлялся северо-восточному ветру. Он не прятался от снега и льда. Он воспринимал их как частицу самого себя, потому что был не просто человеком. Он был сыном тундры.

Он часами неподвижно стоял на высокой скале, напряжив мускулы навстречу ветру, а снег ложился у его ног, закрывая сначала лодыжки, потом колени, потом и длинные бедра. Весь мир затянуло пеленой, когда ледяная корка закрыла глаза. В волосах и бороде заблестели сосульки, тяжелое дыхание вырывалось из груди облачками тумана, но ветер быстро уносил их, смешивая со снегом и льдом.

Когда он наконец пошевелился, даже вой ветра не мог заглушить хруста и треска. Глубокий вдох освободил его от рубашки налипшего снега, и он развел в стороны руки с крепко сжатыми кулаками, словно схватил и сжал в них бушующий вокруг него шторм.

Он запрокинул голову, взглянул в нависший полог тяжелых серых туч и испустил протяжный низкий рев, первобытное рычание, исходившее откуда-то из живота и лишавшее Долину Ледяного Ветра ее жертвы.

Он жив. Он победил бурю. Он покорил три времени года и был готов к четвертому, самому суровому из всех.

Мощные мышцы пришли в движение, и доходящий до середины бедра снег почти не замедлял его шагов. Он уверенно спускался со скалы, без колебания ступая на лишённые снега, но обледенелые каменные выступы и легко, словно меч сквозь пересохший пергамент,

проходя сквозь сугробы, местами поднимавшиеся выше семи футов его роста.

Он дошел до выступа над входом в пещеру, в которой уже бывал когда-то, давным-давно. Он знал, что пещера снова занята, потому что видел неподалеку гоблинов и еще одно, более мощное существо, которое они называли своим вождем.

И все же эта пещера должна стать его зимним домом.

Он легко спрыгнул на большой камень, частично прикрывавший вход. Десяток гоблинов, вооружившись рычагами, подкатили сюда этот камень, а он один, лишь при помощи своих мускулов — затвердевших от ветра и холода, — уперся и легко откатил валун в сторону.

Двое гоблинов заорали и завизжали на пришельца, но воинственные крики быстро сменились воплями ужаса, когда заледеневший гигант, подойдя к проему, закрыл собой дневной свет.

Словно чудовище из ночных кошмаров, он шагнул внутрь, легко отбросив их маленькие копья. Он схватил ближайшего гоблина за морду и без труда оторвал его от земли одной рукой. Он встряхнул свою жертву, небрежно отмахнулся от выпадов ее напарника и, когда, пойманный гоблин уже затих, швырнул его в каменную стену.

Второй вскрикнул и попытался убежать, но он обрушил на беглеца огромный кулак и опрокинул его на землю.

Он шагнул вперед и одним ударом ноги по затылку выбил дух из второго гоблина.

В следующем помещении его встретили несколько таких же существ мужского и женского пола, некоторые из них попытались спрятаться, но ни один не получил пощады от гиганта. В него полетело три небольших копья, только одно поразило цель и ударило в грудь, прикрытую накидкой из странного серого меха. Наконечник стукнул в кость — череп того зверя, из которого была сделана накидка, хотя узнать его под слоем снега и льда было невозможно. Копье оказалось довольно легким, и у его хозяина не хватило сил, чтобы пробить череп, так что оно запуталось в длинной шерсти и осталось висеть, ничуть не мешая гиганту.

Огромной рукой он схватил одного из гоблинов, легко поднял и швырнул через всю пещеру. Гоблин сильно ударился о каменную стену, упал и остался лежать неподвижно.

Остальные попытались убежать, но он поймал еще одного и тоже бросил. Потом в воздух взлетел второй. Пара гоблинов, прижавшись спинами к стене, проявила отвагу и выставила ему навстречу копья.

Гигант выдернул копье, застрявшее в его накидке, поднял, перекусил на две ровные половинки и шагнул вперед. Двумя этими дубинками он стал отбивать копья гоблинов с быстротой и ловкостью, совершенно не соответствующими человеку его размеров и силы.

Отклоняя один удар за другим, он все время двигался вперед, а потом, резко отбив сразу оба копья, прыгнул и вонзил по обломку в грудь каждого гоблина, согнул руки и поднял их. Он стукнул гоблинов друг о друга, и один, сорвавшись, с воплем полетел на землю.

Второй, насаженный на острый конец, бился в агонии, а гигант, опустив его почти до самого пола, резко поднял вверх, загоня наконечник глубже в грудь. После этого он отбросил жертву в сторону, а на его упавшего напарника наступил ногой.

Он прошел дальше, отыскивая вождя, главного противника.

И перед ним появился великан, настоящий гигант, но не человек. В руках великана покачивалась увесистая дубинка, а у него не было никакого оружия.

И все же он не колебался ни мгновения. Он ринулся вперед, выставив одно плечо, в полной уверенности, что его бросок погасит силу удара.

Мощные ноги, подгоняемые яростью, несли его со скоростью бури и силой Долины Ледяного Ветра. Он оттолкнул великана на несколько шагов назад, и только стена помогла тому остановиться.

Дубинка с шипами отлетела в сторону, и великан принялся молотить могучими кулаками. Один удар выбил весь воздух из его легких, но он игнорировал боль, как

игнорировал морозный ветер.

Человек отпрыгнул назад и выпрямился, сжатые кулаки взлетели вверх, с силой ударили по великану и прорвали его оборону.

Великан и человек сразу же снова бросились друг на друга и столкнулись, словно олени-карибу, бьющиеся за самку. Удар кости о кость пробудил эхо, прокатившееся по всей пещере, и те немногие гоблины, которые остались посмотреть на битву гигантов, невольно вскрикнули от страха. Попадись любой из них между двумя этими чудищами, его ждала бы мгновенная смерть.

Гигант и человек, каждый упершись подбородком в плечо противника, обхватили друг друга за пояс и давили что было сил. Больше не было ни выпадов, ни бросков. Соревнование в ловкости сменилось состязанием в силе. В тот момент гоблины приободрились: они не верили, что их вождя можно победить.

И в самом деле, великан, выше противника на два фута и тяжелее на две сотни фунтов, казалось, имел преимущество, и человек стал постепенно сгибаться под его натиском, у него задрожали ноги.

Великан не ослаблял хватку, и в его рычании вместе с решимостью слышались победные ноты.

Но он был из тундры, он был из Долины Ледяного Ветра. По рождению и природе, он был частью Долины Ледяного Ветра — неукротимой, неутомимой, вечной и негибаемой. Ноги выпрямились, как два молодых крепких дубка, и великан уже не мог его больше согнуть.

— Я... сын... — заговорил он, сначала выравнивая свою позицию, затем отыгрывая у великана несколько дюймов, — Долины... Ледяного... Ветра!

Он взревел и начал наступление.

— Я сын Долины Ледяного Ветра! — кричал он, снова ревел и налегал на упрямого великана, лишая его всякого преимущества.

— Я сын Долины Ледяного Ветра! — опять выкрикнул он, и гоблины с воплями разбежались, а великан застонал.

Он яростно заворчал и усилил натиск с ошеломительной мощью. Великан неловко прогнулся и попытался вывернуться, но человек крепко держал его и продолжал давить. Затрещали кости.

— Я сын Долины Ледяного Ветра! — закричал человек, повернул корпус и рванул великана в сторону.

Тот упал на колени, но гигант продолжал давить, выгибая его тело назад. И вот последовал резкий рывок, оглушительный рев, и сопротивление было сломлено, у великана не выдержал хребет.

Но человек еще не закончил.

— Я сын Долины Ледяного Ветра! — опять провозгласил он.

Человек отступил на шаг, схватил умирающего великана за горло и пах и поднял его над головой, словно он весил не больше, чем его подданные-гоблины.

— Я сын Беарнегара! — крикнул победитель и швырнул тело великана о стену.

Глава 24

Советника больше нет

— Ты охраняешь жизнь Сульджака? — спросил старик Ретнор, проходя вместе с Кенсиданом по пышно украшенным залам дворца Корабля Ретнора.

— Я отдал ему своего дворфа, — ответил Кенсидан. — Этот коротышка начал действовать мне на нервы. Он пытался говорить стихами — как раз об этом меня предупреждал его бывший хозяин.

— Бывший хозяин? — насмешливо повторил старик.

— Да, отец, я с тобой согласен, — смущенно признался Ворон. — Я доверяю ему

только по той причине, что наши интересы в основном совпадают и ведут к общей цели.

Ретнор кивнул.

— Но я не могу позволить Таэрлу и Бараму убить Сульджака — а я уверен, что они именно этого и добиваются, особенно после того, как увидели его на трибуне рядом с Дюдермонтом.

— Их так разозлило присутствие Сульджака на выступлении Дюдермонта?

— Нет, но это дало им повод, которым они решили воспользоваться, — пояснил Кенсидан. — Курт придержал своих людей на Охранном острове, пережидая бурю. Я не сомневаюсь, что он провоцирует большую часть беспорядков в главной части города, но ждет, пока Лускан окончательно не превратится в труп, чтобы наброситься на него подобно голодному стервятнику. А меня Барам и Таэрл считают чересчур уязвимым, поскольку я слишком тесно связан с Дюдермонтом и, кроме того, ты еще не объявил об официальной передаче мне управления Кораблем. По их мнению, разгром Главной Башни вызвал в городе такое потрясение, что мои сторонники пришли в смятение и не пойдут в бой даже по моему прямому приказу.

— Как могут Таэрл и Барам судить о верности солдат Кораблю Ретнора? — спросил Верховный Капитан.

— И действительно, как они могут? — с самым невинным видом поддакнул Кенсидан, и Ретнор усмехнулся, всем своим видом показав, что одобряет тактику сына.

— Значит, вы с Куртом решили держаться в стороне, — сказал Ретнор. — Вы даже не появились на инаугурации Дюдермонта. Теперь три остальных верховных капитана, если они намерены получить какую-то выгоду, должны действовать быстро, пока вы двое или Дюдермонт их не опередили. А чтобы подтолкнуть их к более решительным шагам, ты усадил Сульджака на трибуну позади Дюдермонта, и этого хватило, чтобы спровоцировать Таэрла и Бараму.

— Да, примерно так.

— Но его нельзя им отдавать, — предупредил сына Ретнор. — Сульджак еще понадобится тебе, пока не закончилась эта неразбериха. Хоть он и глупец, но может принести пользу.

— Дворф за ним присмотрит. Пока.

Они дошли до пересечения коридоров и свернули каждый к своим личным покоем, но сначала Ретнор наклонился и поцеловал сына в лоб, демонстрируя любовь и уважение.

Старик зашаркал по коридору к двери своей спальни.

— Мой сын, — удовлетворенно прошептал он, открывая дверь.

Он ничуть не сомневался, что сделал правильный выбор, передавая Корабль Кенсидану, а не другому сыну, Бронвину, который даже не часто появлялся в городе. Бронвин был для Ретнора источником бесконечных разочарований, поскольку не хотел видеть ничего, что не касалось его личных желаний, ограниченных деньгами и женщинами. И даже для удовлетворения этих страстей он не выказывал ни терпения, ни способностей. Зато Кенсидан, прозванный Вороном, с лихвой искупал все недостатки своего брата. Кенсидан был так же хитер, как и его отец, а возможно, и еще хитрее.

С этой мыслью Ретнор лег в постель, и она стала его последним утешением.

Потому что он больше не проснулся.

Он тащил ее за собой по залитым дождем улицам, тщательно следя, чтобы не распахивался промокший плащ. И постоянно оглядывался по сторонам — влево, вправо, назад — и не раз хватался за рукоять висевшего на поясе кинжала.

Молния расколола небо, и в ее свете он увидел множество людей, застегнутых непогодой. Они толпились в переулках под навесами и прятались от ливня на порогах, стараясь укрыться под козырьками крыш.

Наконец они оставили позади жилые кварталы и добрались до порта, но Морик понимал, что здесь они еще в большей опасности. Вряд ли им попадутся случайные грабители, но если за ними установили слежку, в порту никто не сможет помешать наемным убийцам.

— Он наверняка ушел — все корабли в такую погоду встают на якорь, чтобы не разбиться о причал, сказала Беллани едва слышно из-за плотного плаща, закрывавшего почти все лицо. — Глупый план.

— Нет, он не должен уйти, — ответил Морик. — Я заплатил ему, и он дал слово.

— Слово пирата.

— Слово благородного человека, — возразил Морик.

Его уверенность оправдалась, когда они вместе с Беллани завернули за угол высокого склада и увидели единственный корабль, еще пришвартованный к причалу. Судно сильно раскачивалось на крутых волнах, набегавших на берег в преддверии шторма. Такие бури одна за другой атаковали побережье Лускана, напоминая, что ветер переменялся и зима скоро перевалит через Хребет Мира и со всей яростью обрушится на Город Парусов.

Двое беглецов крадучись пробирались вдоль стен, не поддаваясь соблазну бегом пересечь открытое пространство. Морик предпочитал держаться в тени, пока они не достигли ближайшей к «Тройной удаче» точки. Там он снова внимательно огляделся и, никого не обнаружив, схватил Беллани за руку и помчался по пирсу.

Спустя мгновение они уже оказались у трапа, а там, с фонарем в руке, их встречал сам капитан Мэймун.

— Поторопитесь! — крикнул он. — Мы должны поскорее выйти в море, иначе рискуем оказаться на настиле причала.

Морик пропустил Беллани вперед по узкому деревянному трапу, потом и сам поднялся на палубу и вслед за Мэймуном прошел в капитанскую каюту.

— Выпьешь? — предложил капитан, но Морик, отказываясь, поднял руку:

— У меня нет времени.

— Ты не пойдешь в море вместе с нами?

— Кенсидану это не понравится, — ответил Морик. — Я не знаю, что происходит, но сегодня вечером нас всех созвали в «Десять дубов».

— Так ты доверяешь свою красавицу такому бродяге, как я? — спросил Мэймун. — Это что, оскорбление?

Они оба повернулись к той, о ком шла речь, и в тот момент Беллани как нельзя лучше соответствовала прозвучавшему определению. Она сбросила тяжелый шерстяной плащ, и пламя нескольких свечей заиграло на ее влажных волосах и капельках воды на коже.

Беллани отвела с лица прядь волос, окончательно очаровав этим жестом обоих мужчин, а потом с любопытством взглянула на них, удивленная их пристальным вниманием.

— У вас какие-то проблемы? — спросила она, и Мэймун с Мориком рассмеялись, окончательно смутив женщину.

Мэймун показал ей бутылку, и Беллани охотно кивнула.

— Должно быть, тебе пришлось несладко, раз ты решила взойти на борт в такой шторм, — заметил Мэймун и предложил ей полный бокал виски.

Беллани осушила его залпом и протянула обратно, прося наполнить снова.

— Я не примкнула к силам Дюдермонта и не собираюсь этого делать, — объяснила Беллани, пока Мэймун наливал ей вторую порцию. — Арабет выиграла поединок с Валиндрой, но Арабет не моя покровительница.

— А бывшим обитателям Главной Башни, если они не перешли на сторону Дюдермонта, грозит смерть, — добавил Морик. — Кое-кто успел укрыться у Курта, на Охранном острове.

— В основном те, кто в прошлом на него работал, а я едва знаю этого человека.

— Мне казалось, что Дюдермонт объявил амнистию всем, кто сражался на стороне Гильдии Чародеев, или это не так? — спросил Мэймун.

— Не всем, — возразил Морик.

— Помилование относится к простым слугам и не практикующим колдунам, которых обнаружили в руинах башни, — сказала Беллани. — Но для тех, кто творил заклинания под руководством Арклема Грита, кого знали как членов Гильдии Чародеев, а не просто служащих башни, никакого помилования не предусмотрено, по крайней мере простыми жителями Лускана.

Мэймун протянул ей наполненный бокал виски, и на этот раз Беллани сделала только маленький глоток.

— Во всем городе теперь никакого порядка, — сказал капитан. — Этого как раз и боялись многие, когда узнали о намерениях лорда Брамблеберри и капитана Дюдермонта. Арклем Грит был настоящим зверем, и его жестокость и нечеловеческое естество держали в узде и пятерых капитанов, и всех остальных людей. Когда народ сплотился вокруг Дюдермонта, даже я подумал, что у благородного капитана, возможно, хватит сил справиться с хаосом.

— Ему не хватает времени, — сказал Морик. — В эти дни убитых находят в каждом переулке.

— А что Ретнор? — спросил Мэймун. — Ты же работаешь на него.

— Не по своей воле, — вставила Беллани, и сердитый взгляд Морики, обращенный в ее сторону, о многом поведал молодому сообразительному капитану,

— Мне не положено знать намерений Ретнора, — ответил Морик. — Я делаю то, что мне приказывают, и не сую свой нос куда не следует.

— Это не похоже на Морику, которого я знал и любил, — заметил Мэймун.

— Так и есть, — согласилась Беллани.

Но Морик только покачал головой:

— Мне известно, что Ретнор сильно сдал за последнее время, и потому предпочитаю ни во что не вмешиваться.

С палубы крикнули, что готовы отдать швартовы.

— Ты собирался вечером попасть в Корабль Ретнора, — напомнил Мэймун, направляясь к двери.

Морик задержался, чтобы на прощание обнять и поцеловать Беллани.

— Мэймун не даст тебя в обиду, — пообещал он и обернулся к капитану, а тот в знак согласия кивнул и приподнял свой бокал.

— А ты?! — воскликнула Беллани, — Почему бы тебе тоже не остаться на корабле?

— Потому что Мэймун не сможет обеспечить безопасность нам обоим, — ответил Морик. — Со мной все будет в порядке. Если в этой неразберихе я в чем-то и уверен, так это в том, что Корабль Ретнора переживет любую бурю, какой бы ни была судьба капитана Дюдермонта.

Он снова поцеловал свою возлюбленную, схватил плащ и спрыгнул с палубы «Тройной удачи». На деревянном настиле Морик дождался, пока опытный экипаж оттолкнул корабль от причала, чтобы развернуться в море, а потом под дождем побежал в город. Возвратившись во дворец Корабля Ретнора, Морик узнал, что Верховный Капитан тихо скончался во сне и теперь вся власть в руках Кенсидана Ворона.

Посетители, несмотря на дождь, длинной молчаливой вереницей проходили через приемную дворца Ретнора до бального зала, где в великолепном гробу лежал Верховный Капитан.

Пришли и четверо оставшихся капитанов. Сульджак появился первым, Курт явился последним, а Таэрл и Барам, как и следовало ожидать, зашли одновременно.

Кенсидан пригласил их всех в свою приемную и ему сразу доложили, что губернатор Лускана тоже пришел отдать долг уважения покойному капитану.

— Пригласи его, — приказал Кенсидан служанке.

— Он пришел не один, — сказала женщина.

— С Робийардом?

— И еще с несколькими членами экипажа «Морской феи», — добавила она.

Кенсидан, словно не придавая этому значения, отпустил служанку взмахом руки.

— Пока к нам не присоединился Дюдермонт, хочу сказать вам четверым, что Корабль Ретнора теперь в моих руках. Перед смертью отец передал мне власть вместе с благословением.

— Будешь менять название? Теперь он станет кораблем Ворона? — пошутил Барам, но после сердитого взгляда Кенсидана смущенно закашлялся.

— Если кто-то из вас мог подумать, что Корабль Ретнора станет уязвимым из-за смерти отца, ему лучше сразу изменить свое мнение, — предупредил Кенсидан.

Едва он успел выговорить последнее слово, как дверь распахнулась и вошел губернатор Лускана в сопровождении всегда бдительного и всегда очень опасного Робийарда. Остальные гости с «Морской феи» не вошли в комнату, но, видимо, остались где-то неподалеку.

— Ты пришел поприветствовать нового Верховного Капитана Лускана? — спросил его Курт, указав на Кенсидана.

— Я не знал, что этот пост передается по наследству, — сказал Дюдермонт.

— Передается, — коротко заверил его Кенсидан.

— Следовательно, после смерти капитана Дюдермонта я получу Лускан? — спросил Робийард и пожал плечами, встретив неодобрительный взгляд Дюдермонта.

— Я в этом сомневаюсь, — ответил ему Барам.

— Если вы называете себя верховными капитанами, пусть так и будет, — заговорил Дюдермонт. — Мне нет дела до того, как вы получили эти титулы. Я забочусь о Лускане и его жителях и жду того же от вас.

Пятеро мужчин, не привыкшие, чтобы к ним обращались в подобном тоне, мгновенно насторожились, а Барам и Таэрл заметно нахмурились.

— Я прошу о мире и спокойствии, чтобы город мог оправиться от нелегкой борьбы, — продолжил Дюдермонт.

— Борьбы, развязанной тобой, а кто тебя об этом просил? — огрызнулся Барам.

— Меня просили люди Лускана, — жестко ответил Дюдермонт. — И ваши люди в том числе — они ведь шли со мной и лордом Брамблеберри на штурм Главной Башни.

На это у Барамы не нашлось ответа.

Зато вмешался Сульджак.

— Да, ведь капитан Дюдермонт дает нам шанс превратить Лускан в пример для подражания всего Побережья Мечей, — заявил он, удивив своим энтузиазмом даже Дюдермонта.

Но не удивил Кенсидана, который сам попросил его это сказать, не удивил и Курта, едва заметно усмехнувшегося Кенсидану в ответ на глупую выходку Сульджака.

— Мои люди устали, и многие из них сильно пострадал, — продолжал Сульджак. — Битва далась им нелегко, как и всем нам, и теперь пришло время надеяться на лучшее и объединиться, чтобы построить светлое будущее. Знай, что Корабль Сульджака будет с тобой, губернатор, и мы не будем драться, если только не придется защищать свои жизни.

— Я очень признателен, — с поклоном ответил Дюдермонт, хотя выражение его лица свидетельствовало не только о благодарности, но и о сильных подозрениях, и это не укрылось от наблюдательного взгляда Кенсидана.

— Прошу меня простить, губернатор, но я сегодня хороню отца и не намерен обсуждать политические вопросы, — сказал Кенсидан, подходя к двери.

Дюдермонт еще раз поклонился и вместе с Робийардом вышел, присоединившись к поджидавшим их морякам с «Морской феи». Следом ушел Сульджак, потом, недовольно ворча, одновременно откланялись Таэрл и Барам.

— Эта смерть ничего не меняет, — заметил Курт, задержавшись у выхода. — Кроме того, что ты лишился ценного советчика.

Он многозначительно усмехнулся и тоже вышел из комнаты.

— Он мне очень не нравится, — произнес оставшийся за креслом Кенсидан дворф. Кенсидан пожал плечами.

— Возвращайся поскорее к Сульджаку, — приказал он. — Барам и Таэрл еще больше разозлились, когда он так открыто пообещал Дюдермонту свою поддержку.

— А как насчет Курта?

— Он не выступит против меня. Он видит, к чему идет дело, и хочет дойти до конца.

— Ты уверен?

— Настолько уверен, что снова приказываю тебе возвращаться к Сульджаку.

Дворф преувеличенно громко вздохнул и затопал двери.

— Что-то мне стало надоедать выполнять чужие приказы, — едва слышно проворчал дворф, пряча от Кенсидана усмешку.

Спустя несколько секунд, когда Кенсидан остался один, половина комнаты потемнела.

— Ты все слышал, — не столько спросил, сколько констатировал Кенсидан.

— Достаточно много, чтобы понять, какую шаткую позицию ты отводишь своему приятелю.

— Тебя это не устраивает?

— Это вселяет в нас уверенность, — произнес невидимый — всегда невидимый — обладатель голоса. — Конечно, это лучше, чем единственный союзник.

— Дворф сумеет его защитить, — ответил Кенсидан, дав понять, что Сульджак не более чем его помощник.

— В этом можешь не сомневаться, — заверил его голос. — Он успеет перебить половину лусканского гарнизона, прежде чем подпустит кого-то к Сульджаку.

— А если придет больше половины и Сульджак погибнет? — спросил Кенсидан.

— Значит, он умрет, но дело не в этом. Вопрос в том, что будет делать Кенсидан, лишившись своего союзника?

— У меня немало способов повлиять на сторонников Сульджака, — ответил глава Корабля Ретнора. — Ни один из них не станет связываться ни с Барамом, ни с Таэрлом, и я не позволю им простить этой парочке смерть Сульджака.

— Следовательно, война продолжится? Будь осторожен, ведь Курт понимает глубину твоих махинаций.

В этот момент в комнату вошел дворф и, заметив темноту, удивленно моргнул: он не ожидал визита своего настоящего хозяина.

Кенсидан, прежде чем ответить, оценил реакцию своего телохранителя.

— Худший враг Дюдермонта — это хаос. Мои солдаты не спешат с докладами на свои посты, и точно так же ведут себя многие и многие другие. Дюдермонт может произносить громкие речи и давать обещания, но он не в состоянии контролировать улицы. Он не может обеспечить жителям безопасность. Но я могу обеспечить своим людям спокойную жизнь, и Курт тоже, как и другие капитаны.

Дворф, подойдя ближе, громко рассмеялся, но, когда Кенсидан повернулся в его сторону, сразу же умолк.

— Видишь ли, — продолжил Кенсидан, — в людях неистребим дух соперничества. Лишь немногие из них способны испытывать удовлетворение, если у остальных поводов для радости больше.

— И как долго это будет продолжаться? — спросил голос из темноты.

Кенсидан пожал плечами:

— Это зависит от Дюдермонта.

— Он будет упрямяться до последнего.

— Ну и ладно, — беспечно бросил Кенсидан.

Дворф снова рассмеялся и прошел за кресло, чтобы подобрать оставленный там плащ.

— Я надеюсь, что ты оправдаешь свою репутацию, — сказал ему Кенсидан, когда дворф снова проходил мимо.

— Я уже давно ищу, кого бы поколотить, — заявил дворф. — Может, к первой схватке еще успею подобрать парочку рифм.

В темноте кто-то застонал, дворф рассмеялся еще громче и стремглав выскочил из комнаты.

Глава 25

Взгляд в прошлое

— Скоро свернем к Десяти Городам, — сообщил Реджису Дзирт однажды утром.

Они все еще бродили по тундре, хотя покинули стоянку клана Лося уже не меньше десяти дней назад. Оба друга сознавали, что в преддверии зимы им придется возвращаться в один из городов. Благоразумие подсказывало вернуться к людям, потому что зимы в Долине Ледяного Ветра представляли для них смертельную угрозу.

Но друзья все еще медлили, странствуя между Морем Плавучего Льда и предгорьями Хребта Мира. Они наткнулись на стоянки еще двух кланов и везде нашли если и не теплый, то самый сердечный прием. Но никто ничего не слышал о Вульфгаре, и кочевники давно считали его умершим.

— Его здесь нет, — после недолгой паузы произнес Реджис. — Он покинул долину и ушел на юг.

Дзирт кивнул, но так неуверенно, что жест согласия можно было принять за отрицание.

— Вульфгар был слишком огорчен своими открытиями, может даже обескуражен, и потому не стал заходить в Десять Городов, — упрямо настаивал Реджис. — Лишившись прошлого, он лишился и дома, а потому не смог здесь оставаться.

— И прошел мимо Лускана?

— Мы не знаем, появлялся он в Лускане или нет. Он мог там не останавливаться и сесть на какой-нибудь корабль и теперь плывет вдоль южного участка Побережья Мечей, где-нибудь в районе Мемнона или даже Калимпорта. Думаешь, он был бы рад, если бы узнал, что мы болтаемся здесь во время снежной бури и разыскиваем его следы?

Дзирт пожал плечами.

— Все может быть, — сказал он, но опять без всякой уверенности.

— Что бы ни произошло, мы не нашли ни единого признака того, что Вульфгар все еще в тундре — один или с кем-то еще, — настаивал Реджис. — Он ушел из Долины Ледяного Ветра. Обогнул Десять Городов еще прошлой весной и отправился на юг. А может, он вернулся в тот маленький городишко, Аукни кажется, к своей Кэлси! Да, это...

Дзирт поднял руку, чтобы остановить болтовню хафлинга. Он — они — не имел ни малейшего представления, что случилось с Вульфгаром и Кэлси, потому что много лет назад варвар увез ее из Серебряных Земель, а возвратился в Десять Городов уже без нее. Возможно, Реджис прав, но скорее, прав Берктгар, потому что он хорошо знал Долину Ледяного Ветра, знал о смятении в душе Вульфгара и правила не оценивал его шансы.

Немало людей отправлялись в тундру в одиночку, чтобы потом бесследно пропасть — в болоте, в снегу или в брюхе монстра... Вульфгар не первый и наверняка не последний.

— Сегодня же поворачиваем к Десяти Городам, — решил Дзирт.

Темный эльф посмотрел в низко нависшее серое небо и понял, что скоро опять пойдет снег, но на этот раз им грозит настоящая буря, которая может их убить.

Реджис хотел что-то возразить, но только молча вздохнул. Вульфгар для них потерян.

Два друга вскоре отправились в путь, и Реджис старался идти по следам Дзирта, хотя и не ощущал под ногами тропы, потому что дроу шел по заснеженной пустыне напрямик. Но даже при том, что он прекрасно знал Долину Ледяного Ветра, Дзирт несколько раз останавливался, чтобы осмотреться!

В середине дня пошел снег, сначала несильный потом все гуще и гуще, с северо-

востока задул сильный ветер. Путники плотнее закутались в плащи и шагали, наклоняясь вперед, навстречу ветру.

— Нам надо найти пещеру! — закричал Реджис, и его слова быстро унес завывающий ветер.

Дзирт обернулся и кивнул, но не успел он снова повернуть голову, как Реджис испуганно вскрикнул.

В мгновение ока Дзирт выхватил мечи и развернулся, а из снежной пелены вылетело огромное копьё воткнулось в снег в нескольких футах от его ног.

Он отшатнулся и хотел рассмотреть бросавшего, но не смог отвести взгляда от еще дрожавшего оружия.

К концу копья на кожаном ремешке была привязана голова великана.

Дзирт, беспрестанно оглядываясь и в любую секунду ожидая целого залпа таких же копий, шагнул вперед.

Ветер раскачивал мертвую голову взад и вперед, и на Дзирта смотрели пустые мертвые глаза. А на лбу виднелся какой-то странный шрам. Дзирт мечом отвел в сторону густую прядь волос и присмотрелся внимательнее.

— Вульфгар, — прошептал Реджис, и дроу оглянулся.

Хафлинг уставился на исполосованный лоб великана.

— Вульфгар? — переспросил Дзирт. — Это же вели...

— Рисунок, — подсказал Реджис, указав на шрам.

Дзирт присмотрелся и взволнованно втянул воздух. Этот шрам, его рисунок, был не слишком отчетливым, но Дзирт без труда узнал переплетающиеся символы трех дворфских богов. Точно такой же рисунок Бренор когда-то высек на молоте, называемом Клык Защитника! Вульфгар или кто-то другой, державший в руках Клык Защитника, отметил его ударом головы великана.

Дзирт выпрямился и осмотрелся по сторонам. В такую бурю тот, кто бросал копьё, должен был подойти достаточно близко, особенно если он не хотел поранить Дзирта или Реджиса.

— Вульфгар! — закричал он, и в ближайших скалах проснулось эхо, но тотчас смолкло, заглушенное снежным одеялом и воющим ветром.

— Это был он! — воскликнул Реджис и тоже стал звать потерянного друга.

Но ответом им было только эхо собственных голосов.

Реджис еще некоторое время продолжал кричать, пока улыбающийся Дзирт его не остановил.

— Что такое? — спросил хафлинг.

— Я знаю это место, я должен был подумать о нем раньше.

— Что за место?

— Пещера, неподалеку отсюда, — объяснил Дзирт. — В ней мы впервые сражались с Вульфгаром плечом к плечу.

— Против великанов, — догадался Реджис, оглядываясь на копьё.

— Против великанов, — подтвердил Дзирт.

— Похоже, что вы не всех их перебили.

— Пойдем, — поторопил его Дзирт.

Дроу подобрал свой мешок и вызвал Гвенвивар, чтобы она отыскала пещеру. Рычание пантеры указывало им направление, и, хотя до пещеры было недалеко, всего несколько сотен ярдов, Реджис и Дзирт не скоро добрались до глубокой и темной расщелины. Дзирт шагнул внутрь и долгое время стоял неподвижно, пока глаза не привыкли к темноте. За это время он восстановил в памяти давнишнюю битву, стараясь припомнить все изгибы и повороты тоннеля, ведущего в Логово Бигтрина.

Прежде чем отправиться дальше, он взял Реджиса за руку, потому что хафлинг видел в темноте гораздо хуже темного эльфа. На первом перекрестке Дзирт свернул влево, и оказалось, что не во всей пещере царит темнота.

Дзирт жестом приказал Гвенвивар идти первой, Реджиса оставил на месте, а сам вытащил свои мечи. Дзирт ступал осторожно и бесшумно, делая по одному короткому шажку. Идущая впереди Гвенвивар вышла к освещенной пещере, и горящий внутри костер так четко обрисовал ее силуэт, что он увидел, как поднялись прижатые уши и расслабились мышцы и пантера спокойно потрусила дальше.

Дзирт убрал оружие в ножны и ускорил шаг. У входа в освещенное помещение ему пришлось задержаться и несколько раз моргнуть, чтобы не щуриться от огня.

В первый момент он не смог узнать человека, сидящего на противоположной стороне от костра, он даже не был уверен, что это вообще человек, потому что под несколькими слоями шкур он мог быть настоящим великаном.

Но то же самое нередко говорили о Вульфгаре, сыне Беарнегара.

Дзирт шагнул вперед, но его с радостным криком «Вульфгар!» обогнал Реджис.

При виде бурной радости хафлинга под белокурой бородой гиганта появилась слабая улыбка.

— Мы думали, что ты мертв, — выпалил Реджис.

— Я и был мертв, — ответил Вульфгар. — Возможно, я и сейчас все еще мертв, но я уже на пути к жизни.

Он выпрямился, но не встал навстречу подошедшим Дзирту и Реджису, а только бросил у костра две шкуры и жестом пригласил друзей присесть. Реджис вопросительно посмотрел на Дзирта, но дроу, более знакомый с обычаями варваров, повиновался движению руки Вульфгара и опустился на шкуру.

— Я одержал победу над тремя временами года, — заговорил Вульфгар. — Но сейчас мне бросает вызов четвертый сезон, самый трудный и жестокий.

Реджис все время порывался задать интересующие его вопросы, но Дзирт поднял руку, призывая его молчать и следовать его примеру, ожидая продолжения рассказа Вульфгара.

— Кэлси осталась в Аукни со своей матерью, — начал Вульфгар свою историю. — Как и должно было быть.

— И с ее отцом, этим неразумным лордом? — спросил Дзирт.

— Похоже, его разум стремительно развивается рядом с этой прекрасной женщиной, — ответил Вульфгар.

— Тебе, должно быть, было больно с ней расставаться, — заметил Реджис, и Вульфгар едва заметно кивнул.

— Когда я вышел из Аукни к главной дороге, проходящей с севера на юг, я еще не знал, куда поверну. Боюсь, я подвел Бренора, а это серьезный проступок.

— Он справился, — заверил его Дзирт. — Он очень скучает по тебе, но в его королевстве воцарился мир.

— Мир с толпами орков у северного входа? — спросил Вульфгар, и Дзирт тоже кивнул. — Этот мир не продержится долго, и Бренору снова придется воевать, — предсказал Вульфгар.

— Вполне возможно, — ответил дроу. — Но он проявил терпение и настойчивость, и любые военные действия со стороны орков получают отпор Мифрил Халла и многочисленных союзников. Если бы Бренор продолжал войну против Обальда, ему бы пришлось сражаться в одиночестве, но теперь, если дело дойдет до обмена ударами...

— Пусть хранят его боги, и всех вас тоже, — сказал Вульфгар. — Но что привело вас сюда?

— Мы были в Мирабаре в качестве послов Бренора, — объяснил дроу.

— А раз уж оказались по соседству... — сострил Реджис, поскольку все знали, как далеко от Мирабара до Долины Ледяного Ветра.

— Всех интересует, как ты живешь, — признался Дзирт.

— Всех?

— Нас с Реджисом, Бренора и Кэтти-бри. — Дзирт помедлил, наблюдая за реакцией Вульфгара, но, к его облегчению, на лице друга не было и намека на боль. — С ней все в

порядке, — добавил он, и Вульфгар улыбнулся.

— Я в этом ничуть не сомневался.

— Скоро твой отец выберется навестить тебя, — уверенно заявил Реджис. — Передать ему, чтобы он отыскал эту пещеру?

Вульфгар улыбнулся в ответ.

— Передай, чтобы он искал знамя Лося, — ответил он.

— Они считают тебя мертвым, — напомнил хафлинг.

— Я и был мертвым. Но Темпос был добр ко мне и позволил возродиться в этом месте, в его доме.

Он помолчал, и хрустально-голубые глаза, так похожие на ясное осеннее небо Долины Ледяного Ветра, ярко вспыхнули. Реджис опять сделал попытку что-то спросить, но Дзирт его удержал.

— После своего возвращения я допустил немало ошибок, — грустно сказал варвар, спустя несколько мгновений. — Долина Ледяного Ветра ничего не прощает и редко дает второй шанс, чтобы их исправить. Я забыл, кто я, забыл свой народ и, что еще хуже, забыл свой дом.

Он умолк и долго-долго смотрел на пламя костра.

— Долина Ледяного Ветра бросила мне вызов, — негромко продолжил Вульфгар, как будто говоря с самим собой, а не с друзьями. — Темпос напомнил мне, кто я и что ценой неудачи могла быть — и будет — моя жизнь.

— Но до сих пор я одерживал победу, — произнес он и поднял голову. — Я пережил голодных медведей и охотников весной, бездонные болота летом и осенних хищников, стремившихся набить свои животы до наступления холодов. Я сделал эту пещеру своим домом и украсил ее кровью гоблинов и великанов, живших здесь до меня.

— Это мы видели, — вставил Реджис, но его улыбка осталась без ответа.

— Я одержу победу над зимой, и тогда мое испытание закончится, и я вернусь в клан Лося. Теперь я все помню. Я опять стал сыном Леденящей Долины, сыном Беарнегара.

— Они примут тебя, — заявил Дзирт.

Вульфгар опять надолго замолчал, затем задумчиво кивнул:

— Мой народ простит меня.

— И ты снова станешь вождем? — спросил Реджис.

Вульфгар покачал головой:

— Я возьму себе жену, и у нас будет много детей. Я буду охотиться на карибу, и истреблять гоблинов. Я буду жить так, как жил мой отец и отец моего отца, как будут жить мои дети и дети их детей. Знаешь, Дзирт, в такой жизни и заключается мир, утешение, радость и бесконечность.

— В твоем племени много красивых женщин, — произнес Дзирт, — Кто откажется стать женой Вульфгара, сына Беарнегара?

После такого неожиданного поворота Реджис изумленно посмотрел на дроу, но, переведя взгляд на Вульфгара, понял, что эта фраза была для варвара вполне уместной.

— Мне надо было жениться еще тогда, год назад, — ответил Вульфгар. — Там есть одна... — Он смущенно рассмеялся. — Но я был недостоин.

— Возможно, она еще свободна, — предположил Дзирт, и Вульфгар снова улыбнулся и кивнул.

— Но они же считают тебя мертвым! — выпалил Реджис, вызвав хмурый взгляд Дзирта.

— Я и был мертвым, — согласился Вульфгар. — После того как я ушел, я еще не возвращался по-настоящему. Берктгар знал об этом. Они все знали. Долина Ледяного Ветра такого не прощает.

— Ты должен отвоевать свое право вернуться к этой жизни, — сказал Дзирт.

— Я опять стал сыном Беарнегара.

— Из клана Лося — после этой зимы, — добавил Дзирт и понимающе улыбнулся.

— ты не забудешь своих друзей? — спросил Реджис, нарушив молчаливый разговор, завязавшийся между друу и варваром. — Ну как?! — настойчиво воскликнул он. — Найдется ли место в жизни сына Беарнегара для тех, кто его знал и любил? Ты забудешь своих друзей?

Горячность хафлинга растопила ледяную невозмутимость Вульфгара, и он широко улыбнулся.

— Как я могу? — спросил он. — Как может кто-то забыть Дзирта До'Урдена и короля дворфов из Мифрил Халла, который столько лет был мне отцом? Как я могу забыть женщину, научившую меня любви и относившуюся ко мне с такой сердечностью и честностью?

Дзирт слегка поморщился при напоминании об отношениях между Вульфгаром и Кэтти-бри, но в глазах варвара не было ни злости, ни сожаления. Лишь легкая ностальгия и мир — мир, которого Дзирт не видел в его взгляде уже много-много лет.

— И кто может забыть Реджиса из Одинокого Леса? — продолжал Вульфгар.

Хафлинг энергично кивнул.

— Я бы хотел, чтобы ты вернулся домой, — прошептал он.

— Я уже дома, — возразил Вульфгар.

Реджис тряхнул головой, желая возразить, но комок в горле не дал ему вымолвить ни слова.

— Придет время, и ты вступишь в борьбу за место вождя в своем племени, — сказал Дзирт. — Это закон Долины Ледяного Ветра.

— Я уже стар для этого, — ответил Вульфгар. — В клане много молодых и сильных мужчин.

— Сильнее, чем сын Беарнегара? — усомнился Дзирт. — Мне кажется, таких нет.

Вульфгар, признавая его правоту, молча кивнул.

— Однажды ты бросишь вызов вождю и снова вступишь во главе клана Лося, — предсказал Дзирт. — Берктгар будет верно служить тебе, как ты будешь верен ему до того дня, когда освоишься среди своего народа в этой долине. Он это знает.

Вульфгар пожал плечами.

— Мне еще предстоит побороть зиму, — сказал он. — Но я вернусь к ним весной, при первой встрече света и тьмы. И они примут меня, как пытались принять, когда я пришел. Что будет потом, я не знаю, но вы можете быть уверены: вы желанные гости для моего народа и мы всегда рады вашему приходу.

— Они сердечно встретили нас даже в твое отсутствие, — заверил его Дзирт.

Вульфгар опять уставился на пламя костра, погружившись в свои мысли. Потом поднялся, прошел вглубь пещеры и вернулся с увесистым куском мяса.

— Этой ночью я разделю с вами пищу, — сказал он. — И буду вас слушать. Долина Ледяного Ветра не станет на меня злиться, если я выслушаю рассказ о том, что оставил позади.

— Пища взамен рассказа, — подвел итог Реджис.

— Мы уйдем с первым проблеском рассвета, — сказал Дзирт, вызвав недоуменное выражение на лице Реджиса и благодарный кивок Вульфгара.

— Тогда расскажите мне о Мифрил Халле, — попросил Вульфгар. — О Бреноре и Кэтти-бри. И об Обальде — надеюсь, он уже мертв.

— Ничуть, — возразил Реджис.

Вульфгар рассмеялся, насадил мясо на вертел и стал его поджаривать.

Им потребовалось несколько часов, чтобы наверстать упущенное. Дзирт вел повествование об основных событиях, а Реджис расцвечивал его рассказ мелкими деталями. Они поведали Вульфгару о том, что Бренор подписывал договор в ущелье Гарумна почти против воли, заботясь только о спокойствии в своих землях и о только что родившемся королевстве Обальда Вульфгар, не скрывая недовольства, лишь качал головой. Потом они рассказали о новом увлечении Кэтти-бри, о ее наставнице леди Аластриэль и об успехах

Кэтти-бри в искусстве магии. Как ни странно, но варвар, казалось, очень обрадовался такому повороту событий, хотя и не удержался от замечания.

— Ей следовало бы нянчить твоих детей, — проворчал он.

После их настойчивых просьб Вульфгар все же рассказал о своих приключениях — о путешествии в Аукни вместе с Кэлси и о его решении оставить девочку на попечении матери, о его настойчивости и о чувстве облегчения, когда недалекий лорд в конце концов согласился ее принять.

— Ей там будет лучше, — сказал он. — В ней нет крови Долины Ледяного Ветра, и она бы плохо здесь приживалась.

Реджис и Дзирт, сознавая, какую сердечную боль испытывает их друг, обменялись понимающими взглядами.

Реджис рассказал о войне Дюдермонта в Лускане, о падении Главной Башни и о разрухе в Городе Парусов.

— Я боюсь, что он действовал слишком порывисто и прямолинейно, — заметил Дзирт.

— Но он пользуется огромной популярностью, — возразил Реджис.

Затем они немного поспорили о том, правильно ли поступил их друг. Дискуссия длилась недолго, потому что оба быстро поняли, насколько Вульфгар равнодушен к судьбе Лускана. Он сидел с отрешенным выражением лица, поглаживая густую и гладкую шерсть Гвенвивар, которая свернулась клубком у его ног.

И Дзирт снова обратился к событиям прошлых лет, к их битве против великанов и восхождению на Пирамиду Келвина. Друзья вспомнили о своих приключениях, о нелегких дорогах по суше и по морю, о бесчисленных битвах и бесчисленных радостных моментах. Они все еще продолжали беседовать, когда костер почти догорел, а Реджис уснул прямо на брошенной на каменный пол шкуре.

Когда он проснулся, Дзирт и Вульфгар уже завтракали.

— Ешь скорее, — сказал ему Дзирт. — Буря немного утихла, и нам пора в путь.

Реджис молча повиновался, и спустя некоторое время все трое стали прощаться у выхода из временного убежища Вульфгара.

Дзирт и Вульфгар, глядя друг другу в глаза, крепко пожали руки, а потом обнялись, подтвердив нерушимую связь и взаимное уважение. Разорвав объятие, Дзирт отвернулся к новому яркому дню, а Вульфгар хлопнул по спине пробежавшую мимо Гвенвивар.

— Вот, возьми, — произнес Реджис и протянул другу костяную статуэтку, над которой он трудился в последнее время.

Вульфгар осторожно принял вещицу, поднес к глазам и благодарно улыбнулся, узнав фигурки друзей Мифрил Халла: самого себя и Дзирта, Кэтти-бри и Бренора, Реджиса и Гвенвивар. Все они стояли рядом, плечом к плечу. Вульфгар удивился копии Клыка Защитника в своей уменьшенной во много раз руке, и боевому топору Бренора, и луку Кэтти-бри, который висел на плече Дзирта.

— Я буду хранить ее у сердца и в самом сердце до конца своих дней, — пообещал варвар.

Реджис смущенно пожал плечами:

— Если ты даже потеряешь эту вещицу, ты все равно сохранишь ее в душе и никогда с ней не расстанешься.

— Никогда, — согласился Вульфгар и, обняв хафлинга, приподнял его над землей.

— Ты отыщешь свой путь к Долине Ледяного Ветра, — прошептал он на ухо Реджису. — А я еще удивлю тебя на берегу Мер Дуалдона. Может быть, даже выберу момент и стану насаживать для тебя наживку на крючок.

В то утро солнце, хоть и затянутое пеленой, Дзирту и Реджису показалось чересчур ярким: отражаясь от свежавывающего снега, оно вызывало на их глазах слезы.

Часть 4

Принципы и прагматизм

Этих двух людей я очень люблю и искренне уважаю, но не перестаю удивляться тому, насколько различны пути Вульфгара и Дюдермонта. В самом деле, оба они — настоящие борцы, но выбрали себе абсолютно разных противников.

Мне кажется, что Дюдермонт выбрал свой путь вследствие крайнего разочарования. Большие двух десятилетий он курсировал вдоль Побережья Мечей, преследуя пиратов, и даже история эльфов не знает больших успехов на этом опасном поприще, чем успехи капитана Дюдермонта. «Морская фея», заходя в порт любого из крупных городов, особенно самого значительного — Глубоководья, удостаивалась наивысших почестей. Самые высокопоставленные лорды приглашали капитана Дюдермонта пообедать с ними, и, если бы он только захотел, он мог бы в любой момент и сам получить этот титул от благодарных аристократов за свою неустанную и эффективную деятельность.

И после всего этого, узнав о том, что Главная Башня оказывает пиратам поддержку и магией, и деньгами, капитан Дюдермонт осознал тщетность своей долголетней работы. Истребить пиратов оказалось невозможно. По крайней мере, у них постоянно появлялись все новые и новые последователи.

Таким образом, Дюдермонт столкнулся с неразрешимой задачей и должен был сделать выбор. И он не медлил и не колебался, а сел на свой корабль и направил его на борьбу с источником всех бед, на борьбу с главным противником.

Он оказался в жестоком и запутанном мире и начал борьбу за контроль над теми областями, которые, как ему казалось, никто не контролирует. С его отвагой и при наличии союзников он может добиться успеха, потому что лича Главной Башни — Арклема Грита — уже нет, а жители Лускана поддерживают Дюдермонта в его благородном деле.

А у Вульфгара совершенно другая дорога. Если Дюдермонт в поисках могущественных союзников и в преддверии громких побед обратился к окружающим, то Вульфгар замкнулся в себе и в своих мыслях вернулся к тому времени и к тому месту, где чувствовал себя уверенно. Выбранные им время и место сами по себе таили огромную опасность, но перед ним стояла ясная и/ель, а для победы не надо было истреблять полчища орков или прибегать к политическим интригам. В мире Вульфгара, в Долине Ледяного Ветра, нет места компромиссам. Или совершенство помыслов, тела и духа, или смерть. И даже при совершенном теле, даже при отсутствии ошибок, Долина Ледяного Ветра может одолеть любого человека. Я жил там, и мне известно, что означает смирение местных обитателей.

И все же я ничуть не сомневаюсь, что Вульфгар покорит зиму Долины Ледяного Ветра. Я не сомневаюсь, что по возвращении в клан его будут ожидать друзья и семья. Я не сомневаюсь, что в один из дней Вульфгар снова займет место вождя племени, а если в Долину вторгнется грозный противник, он первым бросится в бой, а идущие за ним соплеменники будут прославлять сына Беарнегара.

Легенда его жизни еще не слишком ясна, но она еще не дописана.

Итак, один из моих друзей сражается против лица и армии пиратов и магов, а второй борется со своими собственными демонами и черпает решимость в единоличной борьбе за существование. Именно в этом, как мне кажется, и заключается самое разительное отличие выбранных ими путей. Дюдермонт полностью соответствует своему времени и месту и с этого крепкого фундамента шагает к еще более грандиозным свершениям. Кроме того, он уверен в самом себе. Он знает, где искать утешения и радости, он знает своих: врагов, как внешних, так и внутренних. Он знает пределы своих возможностей и поэтому ищет союзников, которые помогли бы их преодолеть. По своему духу он тот, кем стремится стать Вульфгар, потому что, только познав и приняв самого себя, человек способен воздействовать на окружающий мир.

Я заглянул в глаза Вульфгара, в глаза сына Беарнегара, в глаза сына Долины Ледяного Ветра.

И я больше не боюсь за него — ни за его тело, ни за его душу.

И как ни странно, несмотря на то что Вульфгар стремится достичь душевного состояния Дюдермонта, судьба капитана внушает мне опасения. Он движется уверенно и отважно, но в Мензоберранзане есть пословица: «Noet z'hin lit'avinsin».

«Обреченный шагает шире всех».

— Дзирт До'Урден

Глава 26

Долгая зимняя ночь Лускана

Человек шел по маленькой улочке, беспокойно поглядывая то вправо, то влево. Он знал, что осторожность не помешает, потому что вскоре надеялся получить груз, который в эту жестокую зиму в Лускане ценился дороже многих сокровищ.

Он подошел к определенному участку ничем не примечательной стены и постучал условным кодом: три коротких удара, пауза, потом два коротких и один сильный.

Доски стены разошлись, открыв тщательно замаскированное окошко.

— Ну? — раздался изнутри ворчливый мужской голос. — Чего тебе?

— Семь, — ответил мужчина и протянул листок, отмеченный знаком Корабля Ретнора, добавив к нему семь маленьких клочков бумаги вроде тех, что используются за игорными столами в порту, заменяя золотые или серебряные монеты. На каждом клочке тоже имелся символ Корабля Ретнора.

— Семь, говоришь? — проворчал старик. — Но я тебя знаю, Фееркул Одуун, и знаю, что у тебя нет ни жены, ни детей, ни братьев, только одна сестра. А это значит, что вас двое, если я еще способен считать.

— Семь пайков, — настаивал Фееркул.

— А пять из них ты купил, украл или вытащил из кармана лича?

— Если бы и купил, что в этом такого? — огрызнулся Фееркул. — Я ничего не краду у своих собратьев по Кораблю Ретнора и не убиваю ради этих марок!

— Так ты признаешься, что купил их?

Фееркул покачал головой.

— Кенсидан не потерпит здесь никакого черного рынка. Это я говорю тебе ради твоего же собственного блага.

— Я предложил принести пять пайков для других, — объяснил Фееркул. — Два — для меня и моей сестры, а пять — для семьи Дарвуса, где не осталось ни одного мужчины, ни достаточно взрослых детей, чтобы доверить им доставку.

— А! И что же ты попросил у миссис Дарвус за свои услуги? — спросил старик.

Фееркул похотливо усмехнулся.

— Ну, если я тебя знаю — а я знаю тебя прекрасно, — ты этим не ограничился, — проворчал старик. — Конечно, часть платы ты получишь натурой, но и в карман тоже что-нибудь да перепадет. Сколько?

— Разве Кенсидан и это уже запретил?

— Нет.

— Тогда...

— Сколько? — не отступал старик. — Я знаю вдову Дарвуса и спрошу у нее, так что лучше не обманывай.

Фееркул оглянулся по сторонам и вздохнул.

— Четыре серебряные монеты, — признался он.

— Две мои, — заявил старик и схватил его за руку. А поскольку Фееркул не торопился расстаться с деньгами, старик нетерпеливо дернул его за пальцы. — Гони две монеты, или останешься голодным.

Ворча и ругаясь, Фееркул протянул ему две монетки. Старик скрылся в глубине склада, а Фееркул наблюдал за тем, как он складывает в один пакет семь маленьких мешочков. Потом старик снова подошел к окошку и протянул пакет.

Фееркул опять огляделся.

— За тобой кто-нибудь шел? — спросил старик.

Фееркул пожал плечами:

— Кругом полно любопытных глаз. Возможно, люди Барама или Таэрла, у них с едой еще хуже.

— Кенсидан расставил стражу по всему своему Кораблю, — заверил его старик. — Барам и Таэрл не осмелятся выступить против него, а Курту заплачено провизией. Так что за тобой, наверное, следили стражники. И можешь мне поверить, они не станут нянчиться с Фееркулом, если он решит ограбить кого-то, кто находится под защитой Кенсидана!

Фееркул забросил мешок на плечо.

— Это для вдовы Дарвуса, — повторил он и повернулся, чтобы уйти.

Не успел он сделать и шага, как окошко с треском захлопнулось, и за его спиной осталась такая же неприметная стена, как и раньше.

Фееркул постепенно выбросил из головы мысли о соглядатаях, которые, как он знал, следили за ним из каждого переулка и окошка и со многих крыш. Он думал о своей ноше и с удовольствием ощущал ее вес. Вдова Дарвуса пообещала ему еще немного специй, чтобы отбить странный вкус мяса, которым Кенсидан снабжал всех своих подопечных, а под его крыло в эту холодную и жестокую зиму собиралось все больше людей, и все они клялись в верности Кораблю Ретнора. Фееркул уже предвкушал отличный ужин из мяса со специями и каких-то незнакомых плотных грибов.

Он дал себе слово не слишком жадничать, не есть все сразу и выделить сестре, у которой под Главной Башней погибли муж и двое детей, больше, чем причитавшуюся ей седьмую часть всего запаса.

Выходя из переулка, он оглянулся и искренне прошептал слова благодарности Верховному Капитану Кенсидану.

В другой части Лускана, не слишком далеко от того района, по которому шел Фееркул, на перекрестке стояли несколько мужчин, собравшиеся погреться у разожженного костра. У одного из них от голода громко забурчало в животе, и сосед довольно больно стукнул его по плечу.

— Заставь его замолчать, — бросил он.

— И как я могу это сделать? — спросил тот, у кого живот издавал недовольное ворчание. — Крыса, которую я ел вчера, ничуть не наполнила желудок. Меня вырвало, и я выблевал на землю больше, чем съел.

— У нас у всех подвело животы, — заметил третий.

— Барам говорил, что сегодня ожидается груз продовольствия, — с надеждой вставил четвертый.

— Все равно на всех не хватит, — сказал первый, который пустил в ход кулак. — Никогда не хватает. Я никогда в своей жизни не был так голоден, даже в море, когда мы попали в мертвый штиль и проболтались несколько дней.

— Жаль, что мы не едим человеческое мясо, — невесело усмехнулся третий. — На острове Сабля полно жирных трупов.

— Жаль, что мы не служим Ретнору, — вдруг сказал первый, и все остальные тотчас удивленно посмотрели в его сторону.

За такие слова человека могли убить на месте.

— А говорят, что старик Ретнор помер, — заметил кто-то.

— Да, теперь ими управляет его сынок, этот хитрец, которого прозвали Вороном, — ответил первый. — Он всегда достает провиант. Никто не знает, как ему это удастся, но он неплохо кормит своих парней этой зимой. Я думаю, Бараму пора перестать с ним ссориться и тоже добыть для нас немного еды.

— А я думаю, что такие разговоры не доведут нас до добра, — произнес еще один человек таким тоном, что никто не решился с ним спорить.

Это резкое предупреждение, которое можно было принять и за угрозу, положило конец

дискуссии, и люди снова стали молча потирать руки над огнем, зато их животы громко жаловались, осуждая дурацкую сентиментальность.

На острове Сабля в тот вечер все шло прекрасно, и в баре собрались люди, не страдавшие от голода и достойно кормившие свои семьи благодаря щедрости сына Ретнора.

Арумн Гардпек со своего места за стойкой бара заметил пару новых лиц и припомнил, что они уже не раз появлялись в его заведении. Толкнув локтем своего приятеля и самого верного клиента по прозвищу Лягушачий Джози, он кивнул в сторону парочки, устроившейся в дальнем углу бара.

— Не нравятся они мне, — буркнул Джози, едва взглянув в их сторону. — Это наша таверна.

— Больше посетителей, больше монет, — напомнил Арумн.

— Больше неприятностей, ты хотел сказать, — поправил его Джози.

Словно в подтверждение его слов в таверну вошел дворф, телохранитель Кенсидана, и направился напрямик к стойке. Он заметил их настороженные взгляды и тоже обернулся на незнакомцев.

— С улицы Заходящего Солнца, — бросил дворф.

— Значит, это люди Таэрла, — сказал Джози.

— Или уже Кенсидана, а? — спросил Арумн и протянул дворфу его обычную кружку эля.

Дворф кивнул, не сводя глаз с незнакомцев, поднес кружку к губам и осушил ее одним глотком, пролив эль на черные косички бороды. Некоторое время он стоял, все так же пристально разглядывая двух людей в углу и прислушиваясь к разговору Арумна и Джози. Потом протянул руку за следующей порцией, и Арумн, неплохо питавшийся за счет щедрости Кенсидана, с готовностью выполнил его требование.

Спустя некоторое время двое незнакомцев ушли, и дворф, осушив последнюю кружку, последовал за ними на улицу. Двое мужчин не успели далеко уйти, потому что задержались у выхода, чтобы получить обратно сданное оружие. По приказу Кенсидана в заведении Арумна оружие не допускалось, но это правило не относилось к его личным служащим и, уж конечно, к телохранителю-дворфу, так что он вышел без промедления.

Дворф, следуя по пятам за незнакомцами, даже не пытался этого скрыть, и один из людей несколько раз недоуменно оглянулся. Телохранитель Кенсидана решил, что эти двое осмелятся напасть на него прямо на улице, на глазах у многочисленных прохожих, но вместо этого они, к его удивлению и радости, свернули в узкий темный переулок.

Он довольно усмехнулся и продолжил идти следом.

— Уже достаточно далеко, — раздался впереди него голос одного из людей. Дворф повернул голову в направлении звука и взгляделся в одинокий силуэт, застывший у кучи отбросов. — Мне не нравится эта черная борода, и еще больше не нравится, когда за мной следят.

— Ты, наверное, собираешься на меня пожаловаться стражникам Таэрла, — предположил дворф и заметил, как человек смущенно поежился, вспомнив, что находится на чужой территории.

— Я... Я по приглашению Ретнора, — пробормотал он.

— Я думаю, ты пришел поесть.

— Да, меня пригласили.

— Нет, приятель, — сказал дворф. — Приглашение Ретнора относится к тем, кто вступает в его команду, а не к тем, кто потом уходит и обо всем рассказывает другим верховным капитанам. Ты работаешь на Таэрла, и тебя это устраивает.

— Я собирался... — промямлил мужчина.

— Ба-ха-ха-ха, — насмешливо бросил дворф. — Ты был здесь уже пять раз, вместе со

своим дружкой, который спрятался. И все пять раз возвращался напрямик домой. Здесь немало таких, как ты, из Корабля Таэрла. Ты считаешь, мы все время будем тебя кормить?

— Я же п-плачу, — заикаясь, ответил он.

— За то, что не предназначено для продажи, — заметил дворф.

— Если мне продают, почему бы и не купить, — возразил человек, но дворф, скрестив на груди могучие руки, медленно покачал головой.

Слева от дворфа на крыше появился второй незнакомец; он спрыгнул сверху, держа перед собой кинжал, словно воображая себя летящим копьём. И неожиданно для себя обнаружил, что перед ним дворф — легкая добыча.

Точно так же решил и его компаньон, остававшийся на земле. Он даже издал победный крик, но внезапно оборвал его, когда дворф стремительно перешел к действиям. Дворф резко забросил руки за голову, сделал сальто назад и в то же время ловко схватил свое оружие — два усеянных шипами металлических шара на цепочках. Устойчиво приземлившись на носки, дворф нагнулся вперед, оттолкнулся и ринулся вперед.

Прыгнувший с крыши человек с поразительной ловкостью сумел изменить свою траекторию и довольно умело сделал кувырок в сторону. Он твердо встал на ноги и резко развернулся, взмахнув кинжалом, чтобы удержать дворфа на расстоянии. Удар кистеня задел его вытянутую руку, и хотя он не был достаточно силен, чтобы раздробить кости, с поверхности шара посыпались искры магического заряда. Кинжал моментально согнулся и отлетел в сторону вместе с тремя отрубленными пальцами.

Нападавший взвыл от боли, но выбросил вперед вторую руку, а раненую прижал к груди.

Однако дворф его опередил. Шар в правой руке, выбивший нож, отлетел в сторону, а левой рукой дворф крутанул над головой, и шар на цепочке поднялся, повторяя маневр первого кистеня. Он легко уклонился от неудачного удара, шагнул вперед и резко опустил левую руку. Шар просвистел у него над головой и, достигнув полной длины цепи, угодил противнику в колено.

Вслед за треском костей раздался мучительный вопль, нога подогнулась, и человек рухнул на землю.

Его приятель, ринувшись вперед с мечом и кинжалом, едва не споткнулся о ноги раненого, но сумел сохранить равновесие и замахнулся на нагнувшегося дворфа. Он яростно бросился в атаку, стремясь ошеломить противника энергичными выпадами.

И почти достиг своей цели, но лишь потому, что дворф не мог удержаться от смеха и даже не делал попыток обороняться.

Человек отчаянно пытался защитить своего раненого, жалобно стонавшего друга и в выпаде выставил перед собой меч.

Его клинок встретил лишь пустоту, поскольку дворф совершенно спокойно шагнул в сторону, уклоняясь от лезвия.

— Ты испытываешь мое терпение, — предостерег его дворф. — Мог бы и убежать, отделившись только парой ударов.

Человек был слишком напуган, чтобы понять, что ему предлагают сохранить жизнь, и продолжал

Когда усеянный шипами шар ударил его по ребрам, раздробив все кости, он понял свою ошибку. А когда второй шар коснулся черепа, человек утра-

Его напарник, увидев, что друг рухнул на землю, а его мозг забрызгал мостовую, взвыл еще

Он так и не переставал выть, пока дворф не схватил его за ворот рубахи и не приподнял, а потом с ужасающей силой швырнул о стену.

— Парень, ты будешь меня слушать? — спросил дворф, когда несчастный, наконец, умолк. — Сейчас же возвращайся на улицу Заходящего Солнца и скажи парням Таэрла, что им здесь нет места, — сказал дворф. — Если ты остаешься с Таэрлом, значит, ты не Ретнором, а если ты не с Ретнором, значит, иди и лови крыс, чтобы поесть.

Человек с трудом перевел дыхание.

— Ты слышишь меня? — спросил дворф и энергично встряхнул парня.

Хоть он и держал свою жертву только одной рукой, бедняга ничего не мог поделаться.

Он бессмысленно кивнул, и дворф бросил его на землю.

— Теперь уползай отсюда, парень. А если надумаешь приползти еще раз, не забудь принести присягу Кораблю Ретнора.

— Да, да, да, — залепетал тот, а дворф спокойно, словно ничего не произошло, повернулся и зашагал прочь по темному переулку, на ходу убирая свое страшное оружие в специальные чехлы, висевшие на спине.

— Ты слишком увлекся, — сказал дворфу Кенсидан немного погодя.

— Тогда увеличь мне плату.

Кенсидан сдержанно ухмыльнулся:

— Я же тебе говорил, чтобы ты никого не убивал.

— А я еще раз повторяю: если они пускают в ход сталь, я пускаю кровь, — ответил дворф.

Кенсидан, все еще усмехаясь, примирительно махнул рукой.

— Они впадают в отчаяние, — сказал дворф. — В большинстве домов Кораблей Таэрла и Барама все время не хватает еды.

— Хорошо. Интересно, как теперь они будут относиться к капитану Дюдермонту?

— Губернатору, ты хотел сказать.

Кенсидан закатил глаза.

— Твой приятель Сульджак живет немного лучше, чем эти двое, — продолжал дворф. — Если ему послать еще немного провианта в придачу к тому, что он получает от Дюдермонта, он мог бы выкарабкаться, как и вы с Куртом.

— Очень проникательное наблюдение, — саркастически заметил Кенсидан.

— Я играл в политику задолго до того, как отец твоего отца сделал свой первый вздох, — ответил дворф.

— Тогда ты должен понимать, что не в моих интересах продвигать Сульджака к новым вершинам и достижениям.

Дворф с любопытством взглянул на Кенсидана:

— Ты оставляешь его возле Дюдермонта в качестве своего агента.

Кенсидан кивнул.

— Но он все принимает близко к сердцу, — предупредил его дворф.

— Мой отец потратил годы, защищая Сульджака, чаще всего от него самого, — сказал Кенсидан. — Пора ему доказать, что наши усилия того стоили. Если он не сумеет понять, что от него требуется, он лишится нашей помощи.

— Ты мог бы ему и сказать.

— Ага, а заодно Таэрлу и Бараму. Нет, я не думаю, что это хорошая мысль.

— И как сильно ты намерен на них давить? — спросил дворф. — Дюдермонт еще пользуется немалым влиянием, и если эти двое к нему переметнутся...

— Барам всей душой ненавидит Дюдермонта, — опроверг Кенсидан опасения дворфа. — А я рассчитываю на твое суждение об уровне недовольства жителей. Нам надо переманить у них часть людей, но ровно столько, чтобы они знали свое место, когда начнут летать стрелы. Не в моих интересах ослаблять их силы до полного истощения или заставлять бросаться к Дюдермонту ради спасения своих жизней.

Дворф кивнул.

— И больше никаких убийств, — предупредил его Кенсидан. — Выгоняй нахлебников или указывай им путь к сытой жизни. Разбей пару носов. Но больше не убивай.

Дворф хлопнул себя ладонями по бедрам, выражая недовольство таким строгим

ограничением.

— На твою долю драк хватит, когда Дюдермонт сделает свой шаг, — пообещал Кенсидан.

— Одни обещания, и никаких сражений, — вздохнул дворф.

— Скоро наступит весна, — сказал Кенсидан. Мы продержали Лускан на плаву в эту зиму, но город на грани голода. И когда ранней весной в Лускан не придут корабли и караваны, жители разбегутся от своего доброго капит... губернатора. Его обещания будут такими же пустыми, как животы его подданных. Из спасителя он превратится в обманщика, в огонь, который не греет в канун долгой зимы.

Вот так проходила долгая зимняя ночь Лускана. Припасы поступали из Корабля Ретнора на Охранный остров к Курту, к Сульджаку и понемногу даже на северный берег реки, в новый губернаторский дворец Дюдермонта, перестроенный из гостиницы «Красный дракон». Те небольшие излишки, что оставались у Дюдермонта, распределялись между двумя оставшимися верховными капитанами и мирабарцами, служащими в лусканской гвардии. С течением времени Сульджак по наущению Кенсидана все больше и больше времени проводил с Дюдермонтом. Несколько кораблей, оставшихся на зиму в порту, получали продовольствие от Курта, поскольку Кенсидан уступил ему контроль над гаванью.

Самые холодные месяцы уже прошли, и зима не пощадила полуразрушенный город. Люди со слезящимися от слабости глазами и пустыми желудками наблюдали за прибавлением светлого времени, но были слишком голодны, чтобы надеяться на скорое избавление.

— Я не буду этого делать, — сказал Мэймун, и Курт удивленно моргнул.

— Десяток хорошо нагруженных и плохо охраняемых кораблей, — сказал Верховный Капитан. — Чего еще может желать пират?

— В них нуждается Лускан, — ответил Мэймун. — Твои люди пристойно пережили зиму, но за пределами острова...

— Твой экипаж не голодал.

Мэймун вздохнул. По правде говоря, Курт неплохо позаботился о мужчинах и женщинах, оставшихся на борту «Тройной удачи».

— Ты собираешься свергнуть власть Дюдермонта, — догадался сообразительный капитан. — Но лусканцы с надеждой смотрят на юг, ожидая продовольствия и зерна, чтобы засеять свои поля. В городе не хватает еды, чтобы поддерживать жизнь всех его обитателей, хотя их и так осталась только половина.

— Лускан не крестьянская ферма.

— Тогда что? — спросил Мэймун, уже зная ответ.

Курт и Кенсидан решили превратить город в свободный порт, торговый центр, где никто не задавал бы лишних вопросов, где пираты держали бы ответ только перед другими пиратами, где грабители могли бы сбывать добычу и прятать пленников в ожидании выкупа. Мэймун понимал, что этой зимой что-то произошло, что-то слегка изменилось. До прихода зимних штормов два капитана-заговорщика были более сдержанны в своих амбициях. По первоначальному плану Дюдермонт должен был править Лусканом, а они собирались найти к нему подход.

Теперь они захотели полностью прибрать город к рукам.

— Я не буду этого делать, — повторил молодой пират. — Я не могу так наказывать лусканцев ради чего бы то ни было.

Курт мрачно посмотрел на него, и на мгновение Мэймуну показалось, что к выходу ему придется пробиваться с боем.

— Ты слишком далеко зашел в своих предположениях и допущениях, — сказал Курт. — Дюдермонт получил Лускан, и нас это вполне устраивает.

Мэймун тотчас почувствовал ложь, но постарался не подавать виду.

— Продовольствие из Глубоководья все равно попадет в город, но придет оно не через губернаторский дворец, а через Охранный остров, — объяснил Курт. — А идущие по суше караваны принадлежат не Дюдермонту, а Кенсидану. Люди Лускана будут нам благодарны. И Дюдермонт будет благодарен, если мы не наделаем глупостей. Я думал, ты умнее.

На такой сценарий у Мэймуна не нашлось возражений. Он знал капитана Дюдермонта, как знал его каждый, кто когда-либо служил на «Морской фее», и Мэймун сомневался, что Дюдермонт настолько глуп, чтобы считать Курта и Кенсидана спасителями Лускана. В конце концов, кража ради награды была самой старой и самой простой из пиратских уловок.

— В качестве награды я предлагаю «Тройной удаче» возглавить операцию, — сказал Курт. — Это не приказ, а предложение.

— Тогда я вежливо отказываюсь.

Курт медленно кивнул, и рука Мэймуна в ожидании нападения уже потянулась к висевшему на поясе мечу.

Но никакого наказания не последовало, и вскоре молодой пират благополучно покинул Охранный остров и поспешил на свой корабль.

А в дальнем углу комнаты Курта возникла темнота, возвестившая о том, что Верховный Капитан уже не один.

— Он мог бы здорово помочь, — произнес Курт. — «Тройная удача» достаточно быстроходное судно, чтобы нарушить строй кораблей из Глубоководья.

— Мы уже позаботились о захвате этой флотилии, — заверил его голос из темноты. — За определенную плату, разумеется.

Курт глубоко вздохнул и провел рукой по худощавому лицу, прикидывая, какой должна быть плата за оказанную услугу. В этот момент Верховный Капитан был совершенно уверен в том, что Кенсидан наверняка захватит идущий по суше караван и что благодаря этим загадочным поставкам продовольствия он становится все сильнее и могущественнее.

— Надеюсь, у вас все получится, — согласился он.

Глава 27

Отступление цивилизации

— Всего пару недель, — жалобно произнес Реджис, когда они с Дзиртом ступили на тропу, ведущую к югу от Брин-Шандера.

— Эти бури могут возвращаться еще в течение двух месяцев, — напомнил Дзирт. — Ни один из нас не хочет провести эти месяцы в Десяти Городах.

С этими словами он искоса взглянул на своего приятеля и, как и ожидалось, заметил в больших глазах хафлинга тоскливый блеск. Они оба неплохо провели эту зиму, хотя ветер дул почти беспрестанно, а снегом завалило все улицы. Но в очагах таверн ярко горел огонь, а непрекращающиеся дружеские беседы заглушали завывание ветра.

Тем не менее, к концу зимы Дзиртом все более овладевало нетерпение. Встреча с Вульфгаром состоялась, и он с удовольствием рассчитывал когда-нибудь снова увидеть старого друга.

Он хотел вернуться домой. Его сердце истосковалось по Кэтти-бри, и, хотя ситуация казалась вполне спокойной, Дзирт не мог избавиться от страха за короля Бренора, живущего в непосредственной близости от двадцати тысяч орков.

Дроу сразу взял быстрый темп на неровной тропе, где за последние несколько дней грязь то замерзала, то снова оттаивала. Белые заплатки снега упрямо цеплялись за землю под каждой скалой и в каждой впадине. Для перехода через Хребет Мира было действительно рановато, но Дзирт понимал, что дальнейшее ожидание заставит их брести по еще более глубокой грязи.

За прошедшие месяцы Долина Ледяного Ветра снова овладела их чувствами, наполнила душу воспоминаниями, вызвала к жизни давние навыки и преподавала несколько

новых уроков. В этих знакомых местах они уже не могли заблудиться. И обитающим в тундре йети и гоблинам не удастся застать их врасплох.

Опасения Реджиса оправдались, и уже на следующее утро они обнаружили, что в воздухе мелькают снежинки, но Дзирт отказался искать пещеру.

— Буря вряд ли будет сильной, — не раз заверял он хафлинга, упрямо шагая вперед.

То ли ему подсказал инстинкт, то ли просто повезло, но его прогноз оказался верным.

В течение нескольких дней они поднимались по тропе на Хребет Мира, а как только достигли перевала, ветер совсем стих, и даже длинные тени высоких гор не могли скрыть признаков наступающей весны.

— Как ты думаешь, мы встретим лусканский караван? — не раз спрашивал Реджис, поскольку его поясная сумка раздулась от резных статуэток, и хафлингу не терпелось пожить в лусканскими товарами.

— Еще слишком рано, — вновь и вновь отвечал Дзирт.

Но с каждой милей, пройденной между скал, с каждым шагом, сопровождавшимся теплым дуновением весны, в его голосе все сильнее и сильнее звучала надежда. В конце концов, кроме свежих новостей и предметов роскоши, которыми мог снабдить их караван, раннее появление торговцев Лускана в Долине Ледяного Ветра могло развеять опасения Дзирта, не уверенного в победе Дюдермонта.

На южном склоне перевала тропа стала шире, и от нее стали отходить боковые ответвления.

— Эта ведет в Аукни, к Кэлси, — объяснил Реджису Дзирт, показав на уходящую к западу дорогу. — Два дня пути, — добавил он в ответ на вопросительный взгляд хафлинга. — Два дня туда и два дня обратно.

— Значит, идем прямо в Лускан. Что-нибудь продадим и купим провизии для путешествия на восток, — сказал Реджис. — А может, отыщем бывшего обитателя Главной Башни — или Робийарда? Да, Робийарда, и пусть он отправит нас домой в волшебной колеснице!

Дзирт посмеялся, не возражая против такого варианта.

— Мы придем в Мифрил Халл в назначенный срок, — пообещал он. — Если ты только будешь шагать шире своими короткими ножками.

Они уже спустились с предгорий и вскоре после ночлега, ярким весенним утром, поднялись на каменистое плато, откуда открывался вид на Лускан.

Зрелище их нисколько не обрадовало.

Густой низкий дым стелился над городом, и даже издали было видно, что некоторые кварталы так и лежат в развалинах. Значит, зима была не слишком благосклонна к городу Дюдермонта — если, конечно, Лускан все еще оставался в руках капитана.

Дзирт ускорил шаг и чуть не рысью стал спускаться по извилистой дороге, но Реджис и не подумал жаловаться. С северной стороны от города их путь лежал через многочисленные фермы, однако друзья не заметили никаких признаков активности, хотя здесь, к югу от Хребта Мира, было уже достаточно тепло для подготовки к раннему севу. Как только стало ясно, что в этот день им не добраться до города, Дзирт свернул с дороги и привел Реджиса на одну из таких ферм. Он громко постучал, и дверь открылась. Однако при виде черной кожи неожиданного гостя женщина от удивления вздрогнула и негромко вскрикнула.

— Дзирт До'Урден, к вашим услугам, — с вежливым поклоном представился дроу. — Мы возвращаемся из Десяти Городов, что в Долине Ледяного Ветра, чтобы навестить своего друга, капитана Дюдермонта.

Женщина заметно расслабилась, ведь в Лускане и его окрестностях Дзирт До'Урден был известен каждому еще до того, как он принял участие в разгроме Главной Башни.

— Если вы ищете ночлег, то можете воспользоваться амбаром, — сказала она.

— Амбар нам подойдет, — согласился Дзирт, — но свежие новости из Лускана уставшим путникам еще нужнее.

— Ба, да какие у нас новости? О вашем друге губернаторе?

Услышав, что Дюдермонта все еще называют губернатором, Дзирт не мог сдержать улыбки и утвердительно кивнул.

— Что вам сказать? вздохнула женщина. — Он получил свои аплодисменты. Да, у него хорошо подвешен язык. Ему бы зерно молоть языком...

— Но? — спросил Дзирт, уловив едкий сарказм в ее голосе.

— Но только вот зерна-то и нет. Нам даже нечем засеять поля.

Дзирт задумчиво посмотрел в сторону Лускана.

— Я уверен, капитан исправит это упущение так быстро, как только сможет, — произнес он.

— Который? — спросила женщина, и Дзирт понял, что бывшее звание Дюдермонта она отнесла на счет верховных капитанов Лускана.

Это странное недопонимание, тем не менее, вызывавшее в голосе женщины отзвук надежды, безошибочно подсказало Дзирту, и Реджису, что Дюдермонт еще не контролирует эту пятерку.

— Ну как, вы остаетесь? — спросила женщина, нарушив затянувшееся молчание.

— Да, в амбаре, — ответил Дзирт, постаравшись придать своему лицу самое приятное и добродушное выражение.

На следующее утро друзья покинули ферму еще до крика петухов и торопливо шагали по дороге к Лускану до самых Северных ворот — неохраняемых Северных городских ворот, к их немалому удивлению. Обитые железом створки не были заперты ни на замки, ни на засовы, и ни один голос не окрикнул путников, когда они беспрепятственно вошли в город.

— На остров Сабля или к «Красному дракону»? — спросил Реджис и свернул на Верхний мост, ведущий в северную часть города, где располагался импровизированный дворец Дюдермонта.

Но Дзирт покачал головой и прошел прямо по улице, так что Реджису пришлось последовать за ним.

— На рынок, — пояснил дроу. — Там сразу будет видно, как в Лускане прошла зима.

— Мне кажется, мы и так уже все увидели, — пробормотал Реджис.

Дзирт, поглядывая по сторонам, не мог с ним не согласиться. Город лежал в руинах, многие дома полностью развалились, многие выгорели дотла, а по грязным улицам сновали оборванные и голодные жители. На их потемневших от горя лицах застыла грустная смесь страданий и робкой надежды, говорящая о долгих месяцах нищеты.

— Так вы видели караван? — слышался не раз потом повторяемый вопрос, как только путники дошли до центральной части города.

— Лусканский караван в Десять Городов? — уточнил Реджис.

Человек посмотрел на него с таким горьким недоверием, что у хафлинга сжалось сердце.

— Из Глубоководья, — поправил его прохожий. — Оттуда идет караван, разве ты не знаешь? И еще идет целая флотилия с продовольствием, теплой одеждой, зерном для полей и кормами для скотины! Ты его не видел, мальчик?

— Мальчик? — недоуменно повторил Реджис.

Но человек продолжал свое бормотание, не останавливаясь ни на секунду и даже не слыша его.

— Вы видели караван? О, говорят, что он очень большой! Там хватит продовольствия, чтобы наполнять наши желудки все лето и всю следующую зиму. И все это собрали для нас друзья лорда Брамблеберри.

Проходящие мимо старика люди кивали и старались хоть немного подбодрить друг друга.

Пройдя три квартала, Дзирт решил, что с него хватит, хотя до рынка было еще довольно далеко. Он развернул Реджиса и направился к единственному действующему мосту через Мирар, самому близкому к гавани и бывшей гостинице «Красный дракон».

Во дворце Дюдермонта путники нашли самый теплый прием и радостные улыбки.

Стражники проводили их прямо в личные комнаты губернатора, где Дюдермонт и Робийард о чем-то говорили с угрюмым дворфом из Мирабара, которого Дзирт помнил еще по битве у Главной Башни.

— Если мы не вовремя... — начал извиняться Дзирт, но Дюдермонт не дал ему договорить и даже вскочил со своего места.

— Чепуха! Сегодня хороший день для Лускана, раз Дзирт и Реджис вернулись в город!

— А Лускану как раз не хватает хороших дней, — добавил дворф.

— А некоторые разговоры лучше прервать, чем продолжать, — пробормотал Робийард.

— Ага, — подхватил дворф, — некоторые разговоры длятся дольше, чем нужно для того, чтобы сказать все, что нужно.

— Красиво, но немного несвязно, — заметил Робийард.

— Ой, наверное, для протухших мозгов чародея это слишком сложно, — не остался в долгу дворф. — Хорошая встряска...

— Пылающий дворф... — добавил Робийард.

Дворф угрожающе заворчал, и Дюдермонту пришлось встать между двумя спорщиками.

— Передай своим товарищам, что их помощь в эту зиму была для нас очень кстати, — обратился он к дворфу. — А когда придет первый караван из Серебряных Земель, я смогу более полно выразить вам свою благодарность.

— Ладно, наши животы пока еще не бурчат от голода, — согласился дворф, бросил напоследок сердитый взгляд в сторону Робийарда, прикоснулся к широкополой шляпе в знак уважения к Дзирту и Реджису и вышел из комнаты.

— Как хорошо, что вы вернулись, — сказал Дюдермонт, пожимая руки обоим путникам. — Я думаю, зима в Долине Ледяного Ветра была не такой суровой, как та, что мы пережили в Лускане.

— В городе полная разруха, — заметил Дзирт.

— И голод, — добавил Реджис.

— Все жрецы Лускана непрерывно молятся своим богам о ниспослании нам еды и питья, — сказал Дюдермонт. — Но их усилий пока недостаточно. Даже мирабарцам пришлось потуже затянуть пояса и уменьшить рационы, хотя во всем Лускане только у них имелись достаточные запасы.

— Не только у них, — довольно резко поправил его Робийард.

Дюдермонт кивнул, признав его замечание.

— Похоже, кое-кто из верховных капитанов сохранил собственные каналы поставок. Не могу не похвалить Сульджака — он с нашей помощью помогает продовольствием даже тем горожанам, кто не служит в его Корабле.

— Он идиот, — вставил Робийард.

— Он показывает прекрасный пример остальным, — быстро возразил Дюдермонт. — Он ставит благополучие Лускана выше благополучия собственного Корабля, и только у него хватило ума понять, что судьба всего города определяет и судьбу их маленьких личных империй.

— Вы должны принять меры, и как можно скорее, — сказал Дзирт. — Иначе Лускан не выживет.

Дюдермонт согласно кивал на каждое его слово.

— Из Глубоководья вышла целая флотилия, и большой караван идет с юга по суше, оба везут зерно и продовольствие, а с ними придут и солдаты, чтобы восстановить в городе порядок. Лорды Глубоководья решили принять участие в деле, начатом погибшим Брамблеберри, чтобы его усилия не пропали даром.

— Они просто не хотят, чтобы один из их собратьев казался таким глупцом, как о нем говорят, — поправил его Робийард, и при этих словах даже Дзирт не мог удержаться от усмешки. — Ты бы не слишком рассчитывал, что эти караваны нам помогут, — предупредил чародей Дюдермонта. — Да, они везут продовольствие и зерно, но дюжина или две

наемников не решают дело. Эти лорды хотят казаться более благородными, чем есть на самом деле.

На этот раз Дюдермонт предпочел с ним не спорить.

— Как мне донесли разведчики, оба каравана должны появиться в городе дней через десять или двадцать. А я попросил нашего друга Аргитаса из Мирабара пока помочь с продовольствием. Мирабарцы согласились с нами поделиться в надежде на будущие поставки, хотя их склады почти опустели. Мирабар всю зиму оказывал нам поддержку, и я хотел бы попросить вас передать слова благодарности маркграфу Эластулу, когда вы будете возвращаться в Серебряные Земли.

Дзирт кивнул.

— Да у них просто не было выбора, — вставил Робийард. — Мы остались единственным островком здравомыслия во всем Лускане!

— Но караваны... — продолжал Дюдермонт.

— Только временная мера.

Дюдермонт покачал головой.

— Используя пример Сульджака, мы привлечем на свою сторону и остальных верховных капитанов, — сказал он. — Им придется прекратить свою дурацкую рознь и помочь горожанам, иначе люди восстанут против них, как они восстали против Арклема Грита.

— Люди на улицах близки к отчаянию, — сказал Реджис, и Дюдермонт снова кивнул.

— Сейчас очень трудное время, — вздохнул он. — Летом станет полегче, это позволит им отвлечься от своих страданий и искать долговременные способы оздоровления города. А эти шаги возможны только со мной, а не с верховными капитанами, разве что только эти старые морские волки не поумнеют и не поймут, что интересы города важнее их собственных, узких интересов.

— Не поймут, — заверил его Робийард. — И нам останется только подняться на борт «Морской феи» и возвратиться в Глубоководье.

— Я бы согласился всю зиму обходиться без еды, лишь бы услышать от Робийарда хоть одно слово одобрения, — с тяжелым вздохом признался Дюдермонт.

Чародей усмехнулся, забросил руку за спинку стула и отвернулся.

— Ну хватит о наших несчастьях, — сказал Дюдермонт. — Расскажите о вашем путешествии в Долину Ледяного Ветра. Вы встретились с Вульфгаром?

Улыбка Дзирта ответила ему прежде, чем дроу начал свой рассказ.

Глава 28

Давление

Небольшое количество воды, налитой в котелок, быстро забулькало и испарилось, оставив в воздухе соблазнительный аромат и возгласы предвкушения большинства из собравшихся грабителей. Темное мясо, двадцать фунтов блестящего жиром совершенства, местами подгорело при такой быстрой готовке, но никто из всей шайки грабителей не согласился бы ждать несколько часов, чтобы приготовить неожиданный пир надлежащим образом.

Как только повар объявил, что ужин готов, все набросились на еду, отрывая огромные куски и запихивая их в рот целиком, так что щеки раздувались, словно у грызунов, запасавших пищу на зиму. Время от времени кто-нибудь прекращал жевать ровно настолько, чтобы провозгласить тост в честь Корабля Ретнора, проявившего такую щедрость. Взамен этот благородный сын недавно умершего Верховного Капитана попросил всего-навсего устроить засаду на караван, а всю выручку от грабежа посулил отдать грабителям.

— Они дают нам пищу и берут пищу, — насмешливо заметил один из бродяг.

— Помогают и просят о помощи, — согласился второй, разглядывая небольшую бутылочку сильнодействующего яда.

Так они веселились и ели, смеялись и славили сына Корабля Ретнора.

На следующее утро со склона невысокого холма, густо поросшего лесом, они наблюдали за тем, как ожидаемый караван неторопливо движется по дороге, ведущей из южных краев. Двадцать тяжело груженных повозок сопровождал многочисленный от гордых воинов из Глубоководья и даже несколько чародеев.

— Помните, что у нас есть целая декада, — сказал своим приятелям Сотингал Магри, главарь банды. — Ударить и убежать, ударить и убежать — так мы будем изматывать их день за днем.

Остальные согласно закивали. Они не должны убивать охранников. Они не должны останавливать караван. Если даже более половины повозок и солдат доберутся до Лускана, Корабль Ретнора удовольствуется этим и щедро оплатит их старания.

В то утро на последние две повозки каравана, поражая и лошадей, и всадников, обрушился залп стрел из арбалетов. Выстрелы с большого расстояния и из легких арбалетов не могли представлять серьезной угрозы для закаленных путников, но малейшая царапина от отравленной стрелы разила наповал не только всадников, но и огромных тягловых лошадей.

Отряд верховых, пустившийся вдогонку за нападавшими, тоже поредел наполовину в результате второго, более прицельного залпа. Незначительные раны оказались смертельными. Сильные воины падали на землю и погружались в глубокий беспробудный сон.

Арбалетчики растаяли в лесу, не вступив в ближний бой, а с другой стороны дороги внезапно выскочила группа с зажигательными снарядами и осыпала огнем наиболее уязвимые повозки с запасами масла. Эти налетчики, сделав свое дело, тоже мгновенно скрылись между деревьями.

Охранники каравана, погнавшись за ними, мгновенно запутались в сетях и ловушках, и попали под удары бревен и коварно спрятанных колючек, которые тоже были смазаны смертоносным ядом.

К концу атаки две повозки вместе со всей кладью были полностью охвачены пламенем, а еще две так сильно пострадали, что путникам из Глубоководья пришлось разгрузить одну из них, чтобы починить вторую. Караван лишился нескольких лошадей, сгоревших при пожаре или пораженных отравленными стрелами. Трое охранников погибли в лесу.

— Они никак не смогут бороться с нами, — сказал Сотингал своим людям, когда они вечером шли вслед за караваном. — Дворф говорил правильно. Они считают, что к северу от Глубоководья все будут радостно встречать груженный зерном и продовольствием караван. Они готовились к атакам чудовищ. К нападениям шайки голодных грабителей. Но наших действий предусмотреть не могли. Мы сыты, нам не нужен их груз, мы не собираемся сражаться врукопашную, и нам обещана хорошая награда.

Главарь рассмеялся, а вслед за ним засмеялись и все остальные. Затем они стали придумывать новые трюки для злосчастного каравана.

На следующий вечер главарь опять поздравил своих собратьев, потому что огромный валун, сброшенный ими на дорогу, сломал два колеса еще у одной повозки, а мешки с зерном упали на землю и порвались, засыпав своим содержимым все вокруг.

Самое большое веселье ожидало разбойников три дня спустя, когда удачно пущенная горящая стрела подожгла пропитанные маслом опоры деревянного моста, а заодно и две повозки. В результате пять повозок оказалось на одной стороне речки, а с другого берега беспомощно смотрели им вслед полторы дюжины охранников.

Еще два дня путники из Глубоководья пытались укрепить мост, чтобы переправить оставшиеся повозки, а разбойники во главе с Сотингалом ни на минуту не оставляли людей в покое.

Главарь понимал, что терпение возчиков уже на пределе и не слишком удивился, а скорее обрадовался, когда они просто перенесли остатки поклажи через речку, нагрузили оставшиеся повозки и отправились на юг, обратно в Глубоководье.

Теперь Кенсидан будет доволен и хорошо заплатит.

— К ней вернулось сознание, — сообщил Арклему Гриту голос из темноты. — Ее надо успокаивать и напоминать о том, что ее жизнь продолжается, а вечность — достаточный срок, чтобы уничтожить свою противницу.

Лич очень хотел при помощи заклинания разогнать тьму и взглянуть на источник голоса, хотя бы для того, чтобы проверить свою догадку. Он обернулся к бедняжке Валиндре — впервые с тех пор, как он внедрил ее сознание в мертвое тело, женщина, казалось, успокоилась. Шок смерти и оживления был знаком Арклему Гриту. После обращения в лича ему и самому пришлось бороться с беспокойством и тревогами, так расстроившими сейчас Валиндру, хотя Грит долго готовился к этому ужасающему потрясению.

А для эльфийки эффект оказался значительно сильнее, тем более что ее происхождение давало надежду еще на несколько столетий жизни. Эльфы вообще редко задумывались о бессмертии, эта проблема больше тревожила недолго живущих людей. Вот потому неожиданная трансформация едва не сломала бедную душу Валинды и наверняка превратила бы ее в средоточие неутолимой и неугасимой ненависти, если бы не внезапное вмешательство голоса из темноты и его помощника.

— Он говорит, что потребуются невероятные усилия, чтобы поддерживать ее спокойствие, — произнес голос.

— И за такую же невероятную цену, — добавил Арклем Грит.

Из темноты донесся негромкий смех.

— Что ты собираешься делать, архимаг?

— В отношении чего?

— В отношении Лускана.

— Ты хотел сказать, того, что от него осталось, — равнодушно уточнил Арклем Грит, — Ты остался у городских стен, — заметил голос. — Твое сердце здесь,

— Это было самое выгодное расположение, самое подходящее для Гильдии Чародеев, — пояснил лич.

— Оно опять может им стать.

Арклем Грит, хоть и не хотел связываться с таинственным голосом, не мог удержаться, чтобы не наклониться вперед.

— Не таким, каким оно было прежде, но чем-то в этом роде, — сказал голос.

— Все, что для этого требуется, — это убить Дюдермонта. Вы этого от меня хотите?

— Мы не хотим ничего, разве что узнать твои планы.

— Это не так уж мало, — возразил Арклем Грит. — В некоторых кругах такую цену могли бы счесть весьма экстравагантной.

— В некоторых кругах Валиндра Тень лишилась бы рассудка.

На это Арклему Гриту нечего было ответить. Он опять взглянул на свою возлюбленную.

— Дюдермонта хорошо охраняют, — продолжал голос. — Пока он остается в Лускане, к нему не подобраться. Но город переживает тяжелые времена, как ты и рассчитывал, и будущее Дюдермонта как губернатора зависит от его способности накормить и успокоить людей. И он обратился за помощью к Глубоководью, откуда товары пересылаются как морем, так и по суше.

— Так ты просишь меня стать грабителем?

— Я уже говорил, что ни о чем не прошу тебя, только хочу знать, какие ты строишь планы, — возразил голос. — Я подумал, что такому, как ты, кому не нужен воздух, кому не страшен холод морской воды, может быть интересно, что твой ненавистный враг Дюдермонт с величайшим нетерпением ожидает прихода флотилии из Глубоководья. Морской караван уже движется вдоль побережья, но заманчивый груз так хорошо охраняется, что никто из пиратов и не помышляет им поживиться.

Арклем Грит молчал, обдумывая информацию. Затем он снова обернулся к Валиндре.

— Мой друг уже покинул ее мысли, — сказал голос, и Арклем Грит с радостью заметил, что восставшая из мертвых женщина больше не погружается в пучину отчаяния.

— Он показал ей ее новые возможности, — продолжил голос. — Позже он вернется, чтобы усилить восприятие, и поможет справиться с трудностями.

Арклем Грит повернулся к магической темноте.

— Я вам очень благодарен, — искренне произнес он.

— У тебя есть много времени, чтобы рассчитаться с нами, — произнес невидимка и исчез вместе с темнотой.

Арклем Грит подошел к своей возлюбленной, но Валиндра не ответила ему, и он просто сел рядом и обнял ее за плечи.

Однако его мысли уже унеслись в море.

— Зима выдалась очень трудной, — признался Дюермонт Реджису и Дзирту. — Слишком много погибших, слишком много обездоленных семей.

— И в это время находятся идиоты, которые дерутся между собой, — вмешался Робийард. — Им бы следовало заняться рыбалкой и охотой, сбором урожая и заготовкой припасов... а они? — Чародей поморщился и махнул рукой в сторону города. — Они борются друг с другом — верховные капитаны ведут себя вызывающе, отбившиеся от рук бродяги грабят и убивают...

Дзирт внимательно слушал мага, но в то же время не сводил глаз с Дюермонта, который смотрел в окно и болезненно морщился при каждом выпаде Робийарда. С его доводами невозможно было не согласиться, ведь дым поднимался почти из каждого городского квартала, а на улицах частенько лежали трупы. Но поза Дюермонта больше, чем его слова, показала Дзирту, насколько трудной стала для него эта зима. Груз ответственности согнул плечи капитана и, что еще хуже, разбивал его сердце.

— Зима закончилась, — произнес дроу. — Весна принесет новые надежды и новые возможности.

Дюермонт, наконец, оторвался от окна, и его лицо немного просветлело.

— Есть многообещающие признаки, — заговорил он, но Робийард опять покачал головой. — Нет, правда! Верховный Капитан Сульджак присутствовал на трибуне, когда меня провозгласили губернатором, и с тех пор он остается со мной. И Барам с Таэрлом, по видимому, склоняются к перемирию.

— Только потому, что они, не переставая, грызутся с Кораблем Ретнора, да и его нового хозяина, этого Кенсидана по прозвищу Ворон, побаиваются, — сказал Робийард. — И еще потому, что Корабль Ретнора благополучно пережил эту зиму, а люди Барама и Таэрла едят крыс, если только им не перепадает что-нибудь через нас.

— Какая разница, — отмахнулся Дюермонт, — Мирабарцы сильно пострадали во время взрыва Главной Башни и не участвовали в зарождении нового Лускана, но с наступлением весны я надеюсь убедить их взвесить открывающиеся возможности и забыть о пережитых трудностях. В наступающем торговом сезоне нам пригодится их поддержка. Я думаю, что маркграф Эластул позволит отпустить нам продовольствие в кредит.

Дзирт и Реджис беспокойно переглянулись: ни один из них ничуть не верил в добросердечие Эластула. В прошлом им не раз приходилось иметь с ним дело, и чаще всего они выходили из-за стола, расстроено качая головами.

— Дочь Эластула, Арабет, выжила в этой войне и может оказать нам помощь в налаживании отношений с Мирабаром, — добавил Дюермонт, заметив их хмурые взгляды.

Все дело упирается в провиант, — сказал Робийард. — В то, в чьих руках запасы продовольствия и кто готов ими поделиться, не важно, по какой цене. Ты говорил о Бараме и Таэрле, но они поддерживают с нами связь только из-за того, что мы располагаем темным

мясом и грибами.

— Интересный расклад, — заметил Дзирт.

— Нас снабжает Сульджак, — пояснил Робийард. — А он получает продовольствие от своего друга из Корабля Ретнора. Сульджак проявляет истинное благородство, тогда как этот молодой Верховный Капитан нас игнорирует, словно в городе нет никакого губернатора.

— Возможно, он еще не определился, как мирабарцы, — высказал предположение Реджис.

— О, он прекрасно сознает свое положение, — возразил Робийард таким мрачным тоном, что Кенсидан, услышав это замечание, мог бы счесть его за предостережение.

— Весна станет нашим союзником, — произнес Дюдермонт, и в этот момент дверь отворилась, и слуга доложил, что обед подан. — Караваны с товарами от благородных лордов Глубоководья будут приходить по морю и по суше. Торговля обеспечит мне реальную власть, горожане сплотятся вокруг губернатора, и мы приструним верховных капитанов, а не то я подниму весь город, и мы избавимся от них.

— Я надеюсь на второй вариант, — сказал Робийард, не вызвав у Дзирта и Реджиса ни малейшего удавления.

Все перешли в соседнюю столовую, и расселись за пышно накрытым столом, а слуги стали разносить равное блюдо этой неожиданно жестокой зимы.

— Ешьте на здоровье, и пусть Лускан больше никогда не испытывает голода! — провозгласил Дюдермонт, поднимая бокал с вином, и остальные поддержали его тост.

Дзирт взял вилку и нож, разрезал кусок мяса, лежащий на его тарелке, но, как только он поднес к губам первый ломтик, он ощутил нечто знакомое. Консистенция мяса, его запах, вкус...

Он посмотрел на соседнюю тарелку, поставленную в дополнение к главному блюду, и увидел светло-коричневые грибы с пурпурными пятнышками.

Он узнал эти грибы. И узнал это темно-красное мясо.

Дзирт, приоткрыв рот и вытаращив глаза, откинулся на спинку стула.

— Где вы все это взяли?

— Привез Сульджак, — ответил Дюдермонт.

— А у него откуда?

— От Кенсидана, вероятно, — сказал Робийард, и все с любопытством посмотрели на дроу.

— А тот, откуда получает провиант?

Робийард пожал плечами.

— Не знаю, — признался Дюдермонт.

Зато Дзирт, похоже, знал.

Если тело Валиндры Тени действительно было оживлено, в течение нескольких часов после ухода таинственного незнакомца из подземного дворца Арклема Грита это никак не проявлялось. Она не шевелилась, не стонала, не моргала мертвыми глазами, и любые попытки с ней заговорить заканчивались ничем.

— Это пройдет, — повторял про себя Арклем Грит, шагая по канализационной сети и собирая помощников для предстоящей операции.

Но он никак не мог выбросить из головы мысли о странных пришельцах. Как им удалось так легко пройти через его заградительные заклинания и охраняющие символы? Как вообще могли они узнать, что его странствующая в измерениях комната в данный момент находится в канализационной трубе? Каким видом магии они владеют? От одного из незнакомцев, который внедрялся в сознание Валиндры и успокаивал ее, он знал, что это псионики. Но неужели они так преуспели в этом странном виде искусства, что сумели нейтрализовать его магические преграды? По спине Арклема Грита пробежала невольная

дрожь — это случилось впервые за те долгие годы, что он был личем, но это случилось. Арклем Грит боялся своих незваных гостей, хотя испугать его было почти невозможно.

Этот страх, да еще ненависть к капитану Дюдермонту гнали его вперед по выбранному пути.

Арклем Грит собрал армию не нуждавшихся в воздухе, временно оживших мертвецов, вывел их в гавань, и отряд начал неутомимое продвижение на юг. В глубине вод лич обнаружил еще помощников — уродливых и страшных морских упырей, лацедонов, — и тоже призвал их к себе на службу. Живые мертвецы беспрекословно повиновались ему. Скелеты и зомби, вампиры и вурдалаки, упыри и оборотни — никто не мог устоять перед его могуществом.

Арклем Грит приказал всем следовать за ним, а сам неуклонно двигался к югу параллельно берегу, где, как он знал, пройдут корабли из Глубоководья. Его армия, пробираясь в толще вод, где не были заметны смены дня и ночи, не нуждалась в отдыхе. Лацедоны, обладавшие перепончатыми лапами, преодолевали сопротивление воды с грацией дельфинов и бесстрашием больших акул или китов. Арклем Грит вел своих спутников на большой глубине, подальше от поверхности, и они скользили над рифами и водорослями, и при их приближении даже огромные электрические утри предпочитали не высовываться из своих нор. Арклему Гриту стоило немалого труда двигаться с той же скоростью, что и морские упыри, и он приказал двоим из них тащить себя за собой. Время от времени могущественный маг открывал межпространственные переходы и вместе со своими «тягачами» уносился далеко вперед, чтобы заметить корабли задолго до приближения его армии нежитей.

Грит отлично знал океан, и когда заметил неизменных спутников любой флотилии — стаю лениво кружащихся акул-молотов, морских стервятников Побережья Мечей, — он понял, что суда недалеко.

Грит мог приказать своей армии обойти небольшую стаю хищников стороной, но длительная прогулка уже наскучила личу. Он выстроил морских упырей в одну линию лицом к противникам и дал старт забаве, выпустив в направлении акул яркую молнию. Морские стервятники вздрогнули и отпрянули от огненной стрелы, две оглушенные разрядом акулы замерли на месте, а кое-кто предпочел убраться подальше и исчез в темной глубине.

Подводные мертвецы, почуяв добычу, мгновенно ринулись мимо Грита вперед. Они накнулись на оглушенных хищников, но те быстро очнулись и вступили в бой. Мимо довольного зрелищем Грита проплыли откушенные руки и ноги упырей, потом один из них попал в челюсти акулы-молота и в одно мгновение был разорван на части.

Но никакие потери не могли остановить оживших мертвецов, они неотступно кружили вокруг морских хищников и длинными когтями рвали их жесткую шкуру, окрашивая воду алой кровью.

К сражению присоединилась и остальная часть стаи, когти и зубы разили без разбору и морских хищников, и морских упырей.

Арклем Грит наблюдал за спектаклем с безопасного расстояния, упиваясь кровавой битвой, первобытной яростью, агонией жизни и боли, смерти и магического бессмертия. Затем он подсчитал свои потери, прикинув количество оторванных конечностей и перекушенных пополам лацедонов, и, когда удовольствие от созерцания стало уравновешиваться практическими соображениями, положил конец забаве, распылив на поле боя отравленное облако.

Морским упырям яд, конечно же, ничем не грозил. Акулы либо успевали скрыться, либо погибали долгой и мучительной смертью.

Арклему Гриту потребовалось немало усилий, чтобы удержать лацедонов от преследования, выстроить их снова в линию и направить на прежний курс, но довольно скоро отряд двинулся дальше, словно ничего и не произошло.

Тем не менее, Грит знал, что упыри все еще остаются в состоянии крайнего

возбуждения.

Спустя некоторое время показались корабли торговой флотилии, и Арклем Грит со своей армией чувствовал себя во всеоружии для того, чтобы нанести сокрушительный удар.

На всех судах в темное время суток оставалась лишь половина парусов, и при слабом ветре корабли едва заметно двигались по спокойной глади моря. Арклем Грит перестал сдерживать морских упырей, и три десятка мертвецов, словно выпущенные из лука стрелы, понеслись к ближайшему кораблю. Один за другим они стали выпрыгивать из воды, и бывший архимаг живо представлял, как они перелетали через борт тяжело нагруженного судна и звучно шлепались на палубу, где еще мгновение назад зевали от скуки вахтенные матросы.

Лич жалел лишь о том, что под водой не слышно их предсмертных воплей.

Вскоре корабль неуклюже и без всякой надобности вильнул в сторону, и Арклем Грит понял, что его солдаты справились с экипажем.

Как он и ожидал, следом подошел второй корабль, и настало время для его личного участия. Обычно суда покидали порт, имея мощную защиту от магических нападений, которая опоясывала оба борта от носа до кормы.

Но эта защита, как правило, действовала только выше ватерлинии или чуть ниже ее.

Арклем Грит нацелился на днище корабля и выпустил залп мелких магических стрел. Вскоре вода вокруг его цели зашипела и забурилась от едкой кислоты, которую стрелы впрыскивали в старое дерево корпуса. К тому времени, когда архимаг подплыл к намеченной точке, он уже спокойно мог просунуть через зараженные доски обшивки свой кулак.

Небольшой огненный шар, сорвавшись с его пальцев, ударился в потолок трюма и взорвался снопами ярких искр.

И снова Арклем Грит мысленно представил себе, какая суматоха и беготня поднялись на палубе.

Через пару мгновений пламя охватило все судно, и отчаявшиеся моряки стали прыгать за борт, где их уже поджидали морские упыри, закончившие работу над первым судном. Солдаты Арклема Грита с завидным проворством подплывали к барахтающимся в воде людям, хватали их за лодыжки и утаскивали в морскую пучину.

Подожженный корабль, не сбавляя скорости, продолжал двигаться вперед, пока не добрался до первой цели. И тут Арклем Грит не выдержал. Он высунулся из воды и не мог удержаться от смеха, глядя, как ненасытное пламя пожирает уже два корабля.

Корабли флотилии подходили один за другим, и все больше перепуганных насмерть людей оказывались в воде, а ненасытные упыри тащили их на дно.

Ночная тишина отступила перед непрерывными воплями ужаса. Арклем Грит выбрал очередную цель и превратил ее в плавающий костер. Призывы сохранять спокойствие в ту ночь ни на кого не действовали. На некоторых кораблях матросы спускали паруса и старались держаться вместе, тогда как другие, поддавшись панике, пытались убежать — и вскоре расплачивались за фатальную ошибку.

Обогнать морских упырей они были не в силах.

Той ночью ожившие мертвецы наелись досыта.

Глава 29 Неверный выбор

— Этого мало, — пожаловался Кенсидану Сульджак после того, как разгрузили очередную партию продовольствия. — Там всего половина от последней партии.

— Две трети, — поправил его Кенсидан.

— Это значит, что у нас заканчивается провиант? — спросил Сульджак.

— Нет.

Равнодушно брошенный ответ долгое время висел в воздухе. Сульджак внимательно всматривался в лицо своего молодого друга, но Кенсидан не улыбался, не подмигивал и, как

обычно, хранил бесстрастное выражение лица.

— Продовольствие не заканчивается? — спросил Сульджак.

Кенсидан промолчал, даже не моргнув глазом.

— Тогда почему только две трети от прежней нормы?

— Тебе достаточно и этого, — отрезал Кенсидан. — Даже более чем достаточно, судя по той партии, что ты отослал в «Красный дракон». Надеюсь, Дюдермонт хорошо отплатил тебе за эту услугу.

Сульджак беспокойно облизнул губы:

— Это ради лучшего будущего.

— Чьего будущего? Твоего? Моего?

— Ради будущего Лускана, — ответил Сульджак.

— Какое это имеет значение? — спросил Кенсидан. — Ради будущего Лускана! А какого именно Лускана? Лускана Таэрла? Или Барама? Курта или Ретнора?

— Сейчас не время об этом думать, — не отступал Сульджак. — Мы все должны действовать заодно.

— Заодно с Дюдермонтом.

— Ну да. Ты же сам настаивал на том, чтобы я присутствовал на его инаугурации. Жаль, что тебя там не было. Ты бы понял. Людям все равно, какой Верховный Капитан ими управляет, им все равно, какая улица кому принадлежит. Они нуждаются в еде, и Дюдермонт старается им помочь.

— Потому что ты отдаешь мое продовольствие Дюдермонту.

— Я отдаю его Лускану. Мы должны действовать сообща.

— Когда мы позволили Дюдермонту разрушить Главную Башню, мы знали, что зима станет тяжелым испытанием, — сказал Кенсидан. — Ты ведь помнишь об этом, верно? Ты помнишь, с какой целью все это затевалось?

— Да, я все прекрасно помню, но ситуация изменилась. Город на грани отчаяния.

— Мы знали, что так и будет.

— Но не так страшно! — воскликнул Сульджак. — Младенцы гибнут от голода на руках у матерей... Я могу пустить ко дну корабль и спокойно смотреть, как тонет его экипаж, — ты прекрасно знаешь об этом, — но не могу смотреть, когда умирают дети!

Кенсидан поерзал в своем кресле и оперся подбородком на руку.

— Следовательно, спаситель Лускана — Дюдермонт? Ради этого ты стараешься?

— Он губернатор, и люди сплотились вокруг него.

— Да, но, мне кажется, только до тех пор, пока мы снабжаем его продовольствием, — сказал Кенсидан. — А я могу рассчитывать, что он поддержит Корабль Ретнора, когда на него ополчатся Барам и Таэрл? Могу я в своих делах рассчитывать на поддержку тех, кто сейчас клянется в верности Дюдермонту?

— Он их кормит.

— И я тоже! — крикнул Кенсидан, так что все стражники в комнате вздрогнули, не ожидая такого взрыва эмоций со стороны всегда сдержанного сына Ретнора. — Я поступаю так, как это выгодно мне. Как выгодно нам.

— Ты хочешь, чтобы я прекратил снабжать их едой.

— Блестящий вывод — если Главная Башня возродится, ты станешь ее первым служащим. Я хочу лишь одного: чтобы ты помнил, кто ты такой, кто мы и кто стал причиной всех этих несчастий.

Сульджак, не скрывая огорчения, медленно покачал головой.

— Погибло слишком много людей, — негромко произнес он, обращаясь скорее к самому себе, чем к Кенсидану. — Цена оказалась непомерно высокой. Лусканцы должны объединиться, иначе город не выживет.

Он поднял голову и взглянул в равнодушные глаза Ворона.

— Если у тебя не хватит на это смелости... — заговорил Кенсидан, но Сульджак поднял руку, не желая выслушивать очередную нотацию.

— Я просто дам им меньше еды, — сказал он.

Кенсидан хотел ответить какой-то резкостью, но передумал. Вместо этого он обернулся к одному из своих помощников.

— Погрузите на повозку оставшуюся треть предназначенного Сульджаку продовольствия, — приказал он.

— Ты хороший человек! — просиял Сульджак. — Лускан выстоит, и его жители переживут это тяжелое время.

— Я даю эту еду тебе, — язвительно произнес Кенсидан. — Тебе. Делай с этим грузом что хочешь, но не забывай о наших целях. Помни, зачем мы свели Дюдермонта с Брамблеберри, зачем позволили доброму капитану узнать о связях Главной Башни с пиратами, зачем предупредили Серебряные Земли о притязаниях Гильдии Чародеев. Все эти события планировались с определенной целью, и из всех верховных капитанов об этом знал только ты. Так что я выдаю тебе полную партию продовольствия, а ты поступай так, как сочтешь нужным.

Сульджак собрался ответить, но промолчал и снова уставился на Кенсидана. Однако лицо Ворона, как и всегда, оставалось абсолютно непроницаемым. Сульджак благодарно улыбнулся, кивнул и вышел из комнаты. Дворф, убедившись, что тот отошел достаточно далеко, прошептал Кенсидану:

— Он выбрал Дюдермонта.

— Неправильный выбор, — ответил Кенсидан.

Дворф кивнул и направился вслед за Сульджаком.

В самый разгар воплей и суматохи Сульджак, подойдя к окну, взгляделся в темную улицу. Дворф не отставал от него ни на шаг.

— Барам или Таэрл? — спросил Верховный Капитан Филлиса, одного из своих самых доверенных стражников, который с луком в руках притаился у второго окошка.

— Может, и оба, — ответил он.

— Их слишком много, — заметил еще один лучник.

— Значит, оба, — добавил третий.

Сульджак, стараясь справиться с потрясением, потер ладонями лицо. Незадолго перед этим в его дом была доставлена вторая партия груза от Корабля Ретнора, но вместе с тем пришло известие о том, что Таэрл и Барам очень недовольны таким распределением провианта.

Сульджак твердо решил отправить излишки продовольствия Дюдермонту.

Сражение на улице под окном почти утихло, а его участники разбежались по темным переулкам. Стражники Сульджака пустились вдогонку, и перед домом остались разграбленные и поломанные повозки.

— Почему они так поступают? — недоумевал Верховный Капитан.

— Возможно, им не нравится, что ты в милости у губернатора Дюдермонта, — сказал дворф. — Или они оба так сильно ненавидят Дюдермонта, капитана «Морской феи», что выражают свое негодование по поводу твоего выбора.

Сульджак махнул на него рукой. Он и сам знал все эти причины, но такое открытое выступление собратьев во времена тяжелых испытаний вызвало у него шок, несмотря на то, что нападение уже было отбито.

Звуки возобновившейся драки, донесшиеся из ближайшего переулка, вывели его из оцепенения. На улице показался один из нападавших. Он пятился назад, но все еще вглядывался в темноту переулка. Филлис поднял лук и прицелился.

— Человек Барама или Таэрла? — спросил Сульджак после того, как стражник выпустил стрелу.

Филлис не промахнулся. Человек вскрикнул и, шатаясь, скрылся в темноте. В то же

мгновение из переулка с криком выбежал еще один человек, истекавший кровью от дюжины ран.

— Это же М'Нак! — воскликнул Филлис, узнав одного из самых способных солдат Корабля.

— Скорей! Бегите к нему! — приказал Сульджак, и все воины, за исключением дворфа и Филлиса, выскочили из комнаты. — Убей любого, кто попытается его догнать, — сказал он Филлису.

Тот кивнул и снова поднял лук.

В комнате стало тихо, и Сульджак, подойдя к окну, открыл раму и стал вглядываться в темноту.

— Барам, Таэрл или оба сразу? — тихо произнес он, осматривая улицу в поисках хоть каких-нибудь улик.

На улице снова появился человек, раненный первой стрелой Филлиса. Вторая стрела пролетела мимо его головы, но достаточно близко, чтобы он оглянулся в поисках противников.

Сульджак узнал одного из уличных грабителей и от изумления открыл рот.

— Рет... — заговорил он, но обернулся, услышав тяжелый стук за спиной.

Филлис с раскрытым черепом рухнул на пол, а рядом лежал знакомый металлический шар, утыканный острыми шипами.

Повернувшись, он увидел, что дворф целится в него из лука Филлиса.

— Что?.. — успел крикнуть Сульджак, но дворф уже спустил тетиву, и стрела, попав Сульджаку в живот, оборвала его на полуслове.

Он пошатнулся, но устоял, а дворф спокойно вытащил вторую стрелу и выстрелил еще раз. Сульджак вскрикнул и упал, но еще попытался отползти в сторону.

— Почему? — сумел простонать он.

— Ты забыл, кто ты такой, — ответил дворф и выпустил третью стрелу, угодившую в плечо.

Сульджак продолжал ползти, крича от боли и задыхаясь.

Четвертая стрела вонзилась в спину повыше почек.

— Ты только продлеваешь свои страдания, откуда-то издалека донесся до него равнодушный голос дворфа.

Сульджак не ощутил удара следующей стрелы и еще одной, но каким-то образом понял, что уже не двигается. Он тщетно пытался закричать, но последняя надежда исчезла, когда он услышал голос дворфа:

— Убийца!

Он еще сумел повернуть голову и увидел, что дворф схватил Филлиса, поднял его одной рукой, а второй нанес три коротких колющих удара. Мертвое тело стражника он вышвырнул в окно, и оно тяжело стукнулось о мостовую. Следом полетел сломанный лук.

Последнее, что увидел Сульджак перед тем, как его окутала тьма, — это опустившегося рядом с ним дворфа.

— Убийца! — кричал он. — Он застрелил капитана! Этот пес Филлис застрелил нашего господина! Убийца!

Глава 30 Поединок Дюдермонта

Три копья, брошенные с огромной яростью и силой, почти одновременно вылетели из переулка. Защитники в отчаянии сдвинули щиты, чтобы если не отбить снаряды, то хотя бы уменьшить силу удара. Но копья до них не долетели. Из открытого окна появилась гибкая фигура, прокатилась по мостовой, и пара кривых мечей, сверкнув в воздухе, моментально изрубила копья на лету.

Защитники радостными криками приветствовали появление сильного союзника, а

копыеносцы разразились проклятиями, увидев угрозу в гневно сверкающих глазах и блестящих клинках темного эльфа.

— Вы что, с ума посходили?! — крикнул Дзирт, поворачивая голову то вправо, то влево, чтобы следить сразу за всеми участниками схватки.

— Спроси у них! — заорал один из копыеносцев. — У тех, кто убил Сульджака!

— Это у них надо спросить! — ответил предводитель защитников. — У тех, кто на нас напал!

— Убийцы! — вопили копыеносцы.

— Обманщики! — несло в ответ.

— Ваш город умирает! — крикнул Дзирт. — Ваш спор можно решить, но не раньше...

Ему пришлось замолчать, поскольку копыеносцы с криками «Убийцы!» выбежали из переулка и бросились в атаку. Защитники, продолжая обзывать противников лживыми ворами, не замедлили принять бой.

А Дзирт остался посредине.

Сульджак или Таэрл? Вопрос вертелся в голове Дзирта с тех пор, как необходимость выбора стала самым срочным делом. На чью сторону встать? Чьи доводы сильнее? Как можно судить, имея так мало информации? Все эти вопросы вновь пронесли в его мыслях за те несколько мгновений, пока противоборствующие стороны не сошлись в схватке, но единственным выводом стал тот факт, что он не мог принять решение.

Дзирт засунул мечи за пояс, пробежал до угла переулка и запрыгнул на стену, сбегав от греха подальше. Устроившись на чьем-то подоконнике, он лишь наблюдал и печально качал головой.

Людей Сульджака обуяла ярость. Те, кто не смог пробиться в первую линию, бросали в противников все, что попадалось под руку: копья, кинжалы, даже обломки дерева и камней, вырванных из стен стоявших поблизости зданий.

Сторонники Таэрла отвечали тем же, но были более организованны и тщательнее следили за обороной, проявляя некоторое терпение там, где их соперники руководствовались одной лишь яростью.

Дзирт не обладал хладнокровием, необходимым для того, чтобы судить или критиковать чью-то тактику, и даже не решался предугадать, кто из противников одержит победу. Но внутреннее чутье подсказывало ему единственно возможный результат: в проигрыше останется весь Лускан.

Интуиция и обостренные инстинкты сохранили ему жизнь, когда один из людей Таэрла, не имея возможности добраться до защитников Сульджака, поднял лук и пустил стрелу в его сторону. В последний момент дроу сумел отпрыгнуть, но стрела все же задела плечо и лишь затем отскочила от мифриловой рубашки. От резкого движения Дзирт свалился со стены.

Он мгновенно выхватил мечи и уже наметил путь вдоль дома к неудачливому лучнику, но жалость пересилила гнев.

Дзирт обратился к наследственной силе и решил создать вокруг парня с луком облако тьмы. Он понимал, что не может принимать участия в этой схватке и не в силах остановить людей, лишившихся остатков здравого смысла. Эта тяжелая мысль давила на плечи, пока дроу поднимался по стене до самой крыши, чтобы уйти подальше от этого перекрестка, оставляя за спиной вопли ярости и боли.

Но уже через две улицы те же самые звуки вновь встретили его: две толпы людей сошлись в неистовой драке на аллее, разделявшей Корабли Барама и Таэрла. Он пробрался мимо них по крышам и попытался определить принадлежность сражавшихся, но была ли это схватка между людьми Корабля Барама и Корабля Таэрла, или солдат Сульджака против Корабля Таэрла, или возникла какая-нибудь другая комбинация, Дзирт так и не понял.

А вдалеке, у восточной городской стены, к ночному небу взметнулось пламя пожара.

— Утроить охрану на материковом мосту! — приказал Верховный Капитан Курт одному из своих офицеров. — И организуй патрулирование по всей береговой линии вдоль и поперек.

— Есть, — ответил воин, встревоженный звуками битвы и запахом дыма, уже доносившимися с материка на Охранный остров.

Он позвал с собой двоих солдат и выбежал из комнаты.

— Мне сказали, что в драках участвуют в основном люди Сульджака и Таэрла, — доложил Курту сержант его гвардии.

— Команда Барама тоже не остается в стороне, — добавил другой.

— А я думаю, это дело сына Ретнора, — заметил еще один воин, подходя к Курту, который смотрел в окно на разгорающиеся в городе пожары.

Его замечание свидетельствовало о разногласиях между солдатами. С одной стороны, об участии Кенсидана в разгоравшейся междоусобице ходили многочисленные слухи, но и возможность самостоятельного выступления Барама и Таэрла против Сульджака, открыто вставшего на сторону Дюдермонта, тоже нельзя было сбрасывать со счетов.

Курт не обращал внимания на эти споры. Он прекрасно понимал, что происходит в Лускане, кто дергает за ниточки и провоцирует драки.

— Что останется от города, когда этот глупец Ворон уgomонится? — пробормотал он, ни к кому не обращаясь.

— Охранный остров, — ответил стоявший рядом с ним сержант, и после небольшой паузы Курт одобрительно кивнул.

Размышления Курта и пререкания солдат прервал пронзительный вопль, раздавшийся за дверьми кабинета. Курт резко обернулся, а вместе с ним и все, кто был в комнате, уставились на неожиданно вошедшего гостя.

— Ты жив! — вскрикнул один из солдат, и Курт не мог удержаться от усмешки, заметив иронию его слов.

Арклем Грит не был «жив» уже не одно десятилетие.

— Не беспокойтесь, — обратился лич ко всем присутствующим, подняв руки. — Я пришел к вам как друг.

— Но Главная Башня развалилась на куски! — воскликнул кто-то рядом с Куртом.

— Да, это было красивое зрелище, не правда ли? — усмехнулся Грит, показав пожелтевшие зубы. Улыбка быстро покинула его лицо, и архимаг повернулся к Курту. — Мне надо с тобой поговорить.

В то же мгновение на Арклема Грита нацелилось не менее десятка мечей.

— Я понимаю, что у тебя не оставалось другого выбора, кроме как открыть ворота на мост, — сказал Грит, но мечи не шелохнулись.

— Как ты смог уцелеть и зачем пришел сюда? — спросил Курт, стараясь изо всех сил, чтобы его голос не задрожал.

— Уж конечно, не воевать, — ответил лич. Он оглянулся на решительно настроенных солдат и продемонстрировал глубокий вздох, хотя воздух при этом не шелохнулся. — Если бы я хотел вам навредить, я бы поджег весь первый этаж этой башни, а потом осыпал вас залпом магических снарядов и перебил половину Корабля раньше, чем вы успели бы понять, что происходит, — сказал он. — Ну же, друг мой, ты должен понимать, что мне не обязательно оставаться с тобой наедине, чтобы тебя убить.

Курт долго вглядывался в лицо лича, потом отдал приказ:

— Оставьте нас вдвоем.

Воины недовольно заворчали, но в конце концов выполнили его распоряжение.

— Тебя прислал Кенсидан? — спросил Курт, как только они остались вдвоем.

— Кто? — рассмеялся Грит. — Нет. Я сомневаюсь, чтобы сыну Ретнора было известно, что я уцелел после катастрофы на острове Сабля. И не думаю, чтобы это известие его обрадовало.

Курт слегка наклонил голову набок, выдав свой интерес и некоторую растерянность.

— Нет, за событиями в Лускане стоят другие существа, — заявил Арклем Грит.

— Гильдия Чародеев, — высказал свое предположение Курт.

— Нет, и не они. Если не считать меня, разумеется. Потому что я скорее, чем ожидал, снова заинтересовался этим сборищем бродяг, которое мы называем городом. Нет, друг мой, я имею в виду голоса из темноты. Это из-за них я сегодня пришел к тебе.

Курт сердито сверкнул глазами.

— Боюсь, это плохо кончится для капитана Дюдермонта, — добавил Арклем Грит.

— И хорошо для Кенсидана и Корабля Ретнора.

— И для тебя тоже, — заверил его Грит.

— А для тебя? — спросил Курт.

— И я буду доволен, — сообщил лич. — По правде говоря, я и так доволен, не хватает одной малости.

— Трона Лускана? — предположил Курт.

В ответ опять раздался скрипучий смех Арклема Грита.

— Моя общественная деятельность в этом месте закончена, — признался он. — Я понял это даже раньше, чем корабли лорда Брамблеберри вошли в устье Мирар. Таков уж порядок вещей. Ожидаемый, понятный и, могу тебя заверить, тщательно спланированный. Вероятно, я бы смог справиться с лордом Брамблеберри, но тем самым навлек бы на себя гнев лордов Глубоководья и причинил бы больший ущерб Гильдии Чародеев, чем это небольшое отступление.

— Небольшое отступление? — возмущенно повторил Курт. — Ты же потерял Лускан!

Грит равнодушно пожал плечами, и Курт сердито скрипнул зубами.

— Лускан, — многозначительно повторил он.

— Это всего лишь один из ничем не примечательных городов, — сказал Грит.

— Не совсем так, — возразил Курт, сочтя эти слова очевидной ложью. — Это ось огромного колеса, центр тяжести для богатых регионов севера, востока и юга, да еще с наличием водных путей, чтобы добраться до их сокровищ.

— Расслабься, друг, — замахал на него руками Грит. — Я ничуть не преуменьшаю достоинств твоего любимого Лускана.

Курт замолчал, но по его лицу было ясно, что он не одобряет подобных высказываний.

— Я так сказал лишь потому, что наши потери здесь носят временный характер, — пояснил Арклем Грит. — И еще потому, что верю: город останется в руках разумных и компетентных людей, — добавил он, сопровождая свои пояснения обезоруживающе почтительным поклоном в сторону Курта.

— Так, значит, ты собираешься уехать? — спросил Курт, не вполне понимая, о чем пойдет речь.

Он с трудом мог поверить в то, что Арклем Грит — могущественный и очень опасный великий архимаг — собирается оставить город по доброй воле.

Лич пожал плечами, и в его легких послышалось бульканье накопившегося мускуса и морской воды.

— Возможно. Но, прежде чем уйти, я бы хотел отомстить некоторым чародеям-предателям. По крайней мере, двум из них.

— Арабет Раурим, — догадался Курт. — В этом конфликте она работает на обе стороны, перебегая от Дюдермонта к Кенсидану.

— Пока не погибла, — добавил лич. — На что я очень рассчитываю.

— А кто второй?

— Робийард с «Морской феи», — ответил Грит, презрительно фыркнув, насколько это мог сделать недышащий мертвец. — Я слишком долго терпел «праведное негодование» этого глупца.

— Ни та, ни другая смерть меня ничуть не огорчат, — кивнул Курт.

— Я хочу, чтобы ты помог мне в этом, — сказал Грит, отчего Курт изумленно поднял

бровь. — Город разваливается. Мечта Дюдермонта очень скоро превратится в ничто.

— Если только мы не получим продовольствие и...

— Улучшения не будет, — заявил лич. — По крайней мере, в скором будущем.

— Ты хорошо осведомлен, хоть и не показывался в Лускане несколько месяцев. И как мне кажется, абсолютно уверен в своих заявлениях.

— Голоса из темноты... — слегка улыбаясь, повторил Арклем Грит. — Позволь мне рассказать о наших внимательных, хотя и невидимых союзниках.

Курт кивнул, и Арклем Грит начал свой рассказ, подтверждая то, что Курт уже слышал от Морики Бродяги, говорившего по просьбе Кенсидана. Верховный Капитан считал за лучшее утаить свою осведомленность о непрощенных свидетелях от могущественного игрока в дележе Лускана, тем более от игрока с такой мрачной и непредсказуемой репутацией. Курт уже не в первый раз ставил под сомнение заверения Кенсидана о том, что он поможет пережить это трудное для Лускана время.

И вероятно, не в последний раз, решил он, пока Арклем Грит продолжал свое ужасающее повествование о морских упырях и убитых моряках.

— Надо принимать решительные меры, или мы потеряем Лускан, — объявил губернатор Дюдермонт Робийарду, Дзирту, Реджису и некоторым своим офицерам сразу после того, как дроу принес известие о повсеместных схватках на городских улицах.

— Они ничего не желают слушать, — сказал Дзирт.

— Глупцы, — пробормотал Робийард.

— Они ищут выход своему раздражению, — пояснил Дюдермонт. — Люди голодны, испуганы, расстроены. Потери не миновали ни одной семьи в городе.

— Не стоит слишком рассчитывать, что эти выступления спонтанны, — предостерег его Робийард. — Людей искусно направляют... и снабжают,

— Верховные капитаны, — продолжил Дюдермонт, и чародей пожал плечами, признав очевидность его слов.

— Это верно, — сказал губернатор. — Эти четыре глупца создали в городе свои личные империи и теперь угрожающе размахивают мечами.

Дзирт взглянул на обеденные тарелки, стоявшие на столе, и остатки темно-красного мяса. Он догадывался, что кроме междоусобицы верховных капитанов в городе происходит что-то еще. Но не стал говорить о своих опасениях, предпочитая скрывать догадку, как и за ужином накануне вечером. Он не имел ни малейшего представления о том, кто открыл канал снабжения красным мясом и грибами из Подземья, и с кем из верховных капитанов велась эта торговля. Но, исходя из своего жизненного опыта, он мог объяснить воцарившийся в Лускане хаос вмешательством представителей одной определенной расы.

— Мы должны действовать немедленно, — снова сказал Дюдермонт и повернулся к Робийарду. — Отправляйся к мирабарцам и попроси их обеспечить сохранность «Красного дракона».

— Мы переезжаем? — спросил Реджис.

— Надеюсь, на «Морскую фею», — добавил Робийард.

— Нам необходимо пересечь мост, — ответил Дюдермонт. — Теперь наше место в центре основного Лускана. Мирабарцы сумеют удержать северный берег. А наш долг — идти в самую гущу драк и заставить верховных капитанов убраться в их личные владения.

— Один из Кораблей остался без Верховного Капитана, — напомнил ему Дзирт. — Вот туда мы и отправимся, — решил Дюдермонт. — Во дворец Сульджака, который я объявлю временной резиденцией губернатора, и в тяжелое время испытаний мы объединимся с его обитателями.

— Пока остальные стервятники не растащили Корабль Сульджака по кусочкам? — спросил Реджис.

— Правильно.
— Лучше бы остановиться на «Морской фее», — настаивал Робийард.
— Довольно, Робийард, ты меня утомил.
— Лускан уже мертв, капитан, — добавил чародей. — Тебе просто не хватает смелости это признать.

— Мирабарцы, — резко напомнил ему Дюдермонт.

Робийард, больше не сказав ни слова, поклонился и вышел из комнаты, а вскоре и из «Красного дракона», чтобы призвать людей и дворфов на охрану бывшей гостиницы.

— Мы самым решительным образом должны заявить о своем присутствии, — продолжал Дюдермонт после ухода мага. — И мы будем защищать всех и каждого, кто в этом нуждается. Своей решимостью и мечами мы должны удержать возле себя лусканцев пока не прибудет продовольствие, и тогда мы потребуем клятвы в верности Лускану, а не какому-то одному Кораблю.

Всем было ясно, что губернатор на ходу принимает решения.

— Поднять всю городскую гвардию, — негромко произнес он, словно говорил с самим собой. — Мы продемонстрируем им нашу силу. Пришло время принимать решительные меры, надо сплотить горожан и принудить верховных капитанов действовать во имя общего блага.

Дюдермонт, глядя в глаза Дзирту, сделал паузу, всем своим видом показывая, что намерен принять вызов.

— Или они лишатся своего положения, — продолжил он. — Мы расформируем любой Корабль, если его предводитель откажется дать клятву верности губернатору.

— То есть тебе, — уточнил Реджис.

— Нет, губернатору и городу. Это гораздо важнее, чем любой человек, занимающий высокую должность.

— Смелое решение, — произнес Дзирт. — Лишить их высокого статуса?

— У них было достаточно времени за эту долгую зимнюю ночь, чтобы продемонстрировать Лускану свою значимость, — упрямо ответил Дюдермонт. — Ни один, кроме Сульджака, не воспользовался этим шансом.

На этой решительной ноте совещание было закончено.

— А он на нашей стороне, верно? — спросил бывший солдат Корабля Сульджака, только что присягнувший Дюдермонту, у своего напарника, когда они входили во дворец, чтобы присоединиться к его защитникам, и увидели, как Дзирт До'Урден расправляется с двумя бандитами Барама.

— Ага, и я только поэтому сказал «да» Дюдермонту, — ответил его товарищ.

Первый солдат жестом предложил приятелю полюбоваться работой дроу. Один из парней Барама широко размахнулся, видимо намереваясь подрубить Дзирту ноги, но дроу легко подпрыгнул и на лету нанес противнику удар ногой в лицо.

Второй бандит подскочил сбоку, нацелившись дроу в грудь, но мечи Дзирта легко отбили атаку. Один клинок отбросил меч противника в сторону, а второй скользнул прямо к его горлу и уперся кончиком в кожу. Дзирт тем временем отвел свободную руку в сторону, и как раз вовремя, чтобы скрестить меч с лезвием противника, намеревавшегося нанести удар снизу вверх. Легкий поворот кисти дроу послал клинок головореза далеко вверх, и неожиданно обезоруженный громила замер на месте, как и его напарник, ошущающий у своей шеи острие меча темного эльфа.

— Бой закончен, — объявил Дзирт, и ни один из двух солдат не нашелся что возразить.

Два человека помчались по переулку вслед за дроу и моментально остановились, стоило ему только оглянуться.

— Мы за Дюдермонта! — завопили они дуэтом.

— Мы только что присягнули, — пояснил второй.

— Этих двоих я только что взял в плен, — пояснил Дзирт, повернувшись к своим пленникам. — Вы дадите мне честное слово, что выйдете из борьбы, иначе я выпущу из вас всю кровь.

Солдаты Барама беспомощно переглянулись, а потом произнесли слова клятвы, как того требовал Дзирт и его мечи.

— Отведите их на первый этаж восточного крыла, — приказал Дзирт новоиспеченным рекрутам Дюдермонта. — И не вздумайте затевать драку.

— Но они же из Корабля Барама! — воскликнул один.

— Это они приходили, чтобы убить Сульджака, — добавил второй.

Дзирт одним взглядом заставил их умолкнуть.

— Они взяты в плен. Война для них закончена. А когда это безумие прекратится, они снова станут частью Лускана, города, в котором и так погибло слишком много людей.

— Да, да, мистер Реджис, сэр, — раздался чей-то голос, и все пятеро, включая Дзирта, обернулись.

В дальнем конце переулка появился Реджис, а за ним, с самым глупым видом, шагали два бандита люди Таэрла — и не сводили глаз с великолепного рубина, который хафлинг раскачивал, держа за конец цепочки.

— Больше никаких драк, — вторил второй загипнотизированный громила.

Реджис подошел прямо к Дзирту и тяжким вздохом выразил свое отношение к этой пустой затее.

— Мы победим, если сохраним дух и сердце Лускана, — объяснил Дзирт изрядно сконфуженным рекрутам. — И не стоит убивать всех, кто еще не примкнул к нашему общему делу.

Дзирт движением подбородка велел все еще державшему меч бандиту бросить оружие, но, не получив мгновенного ответа, легонько ткнул его острием меча в подбородок. Пленник тотчас бросил свой клинок на мостовую. Повернув мечи, дроу направил пленников к новым рекрутам.

— Отведите их в восточное крыло.

— Пленники, — кивнул один из рекрутов.

— Ага, — согласился второй, и они зашагали прочь, ведя пленных между собой и направляясь вслед за Реджисом и его добычей.

Несмотря на происходящее вокруг — а на улицах у нового дворца Дюдермонта не утихали бои, поскольку Барам и Таэрл открыто выступили против губернатора, — Дзирт не мог не посмеяться над эффективной тактикой Реджиса.

Но уже через пару мгновений усмешка испарилась с его лица, когда, добежав до конца переулка, он увидел, как не слишком милосердный Робийард одним движением руки окутал пламенем целый дом. Изнутри слышались вопли, и на улицу выскочил человек в горячей одежде.

И Дзирт, и Дюдермонт надеялись по возможности избегать кровопролития, но все понимали; что до окончания борьбы погибнет еще немало лусканцев.

Дроу потер ладонями уставшие глаза и печально вздохнул. Уже не в первый раз и наверняка не в последний он пожалел, что не может вернуть то время, когда они с Реджисом впервые появились в городе, до того, как Дюдермонт и Брамблеберри начали свой судьбоносный поход.

Глава 31

Пресловутая соломинка

Дюдермонт, Робийард, Дзирт, Реджис и многие другие, собравшиеся в кабинете губернатора, с изумлением уставились на искаженное ужасом лицо Вайлана Миканти, только что вошедшего в комнату.

— Пришла флотилия из Глубоководья, — произнес он.
— И?.. — нетерпеливо поторопил его Дюдермонт.
— Один корабль, — ответил Миканти.
— Один?! — воскликнул Дюдермонт.
— Сильно потрепанный, и почти половина экипажа погибла, — доложил Миканти. — Это все, что осталось от каравана. Некоторые суда повернули обратно, большая часть дрейфует в море, остальные потоплены.

Он умолк, но ни у кого в кабинете не нашлось сил, чтобы задать вопрос, высказать предположение или просто перевести дыхание.

— Говорят, на них напали морские упыри, — продолжил Миканти. — Лацедоны. Целые толпы. И какое-то еще, более могущественное существо, оно поджигало корабли прямо из глубины моря.

— Но корабли должны были быть защищены! — вспыхнул Робийард.

— Они и были защищены, — ответил Вайлан Миканти. — Но не со стороны днища. Сотни моряков погибли, а большая часть припасов затонула.

Дюдермонт упал на свой стул, и Дзирту показалось, что иначе он не удержался бы на ногах.

— Жителям Лускана это не понравится, — заметил Реджис.

— Продовольствие было нашей козырной картой, — согласился Дюдермонт.

— Может, мы сумеем объявить морских призраков общим врагом, — предложил Реджис. — Уговорить верховных капитанов отбить у них морские пути?

Робийард громко фыркнул.

— Это не самый плохой вариант! — протестующе воскликнул хафлинг.

— Да, возможно, это наш единственный выход, — согласился Дюдермонт, к великому удивлению самого Реджиса. — Мы должны прекратить эту войну, — продолжал губернатор, обращаясь в основном к Робийарду. — Объявить перемирие и плечом к плечу выступить против этих чудовищ. Мы могли бы дойти до самого Глубоководья и наполнить трюмы...

— Ты совсем потерял разум, — прервал его Робийард. — Ты считаешь, что верховные капитаны согласятся принять участие в экспедиции, которая только усилит твою власть?

— Но это и ради их собственного блага, — настаивал губернатор. — Чтобы спасти Лускан.

— Лускан уже погиб, — сказал Робийард.

Дзирт хотел бы возразить чародею, но не смог найти ни одного аргумента.

— Пошлите верховным капитанам приглашение для переговоров, — приказал Дюдермонт. — Они не могут не понять, что это единственно разумное решение.

— Они не поймут, — вздохнул Робийард.

— Мы должны хотя бы попробовать! — закричал Дюдермонт, и Робийард, снова насмешливо фыркнув, отвернулся.

Реджис с тревогой посмотрел на Дзирта, но дроу нечем было его успокоить. Весь предыдущий день они провели на улицах, сражаясь неподалеку от бывшего дворца Сульджака, и оба знали, что Лускан стоит на грани катастрофы, а может, уже за этой гранью. Единственной их надеждой был поток продовольствия из Глубоководья, а если его большая часть пропала...

— Мы должны попробовать, — повторил Дюдермонт уже более спокойным тоном.

Но в его голосе отчетливо прозвучали отчаяние и страх.

Барам и Таэрл отказались принять приглашение и прислали единственного представителя, уполномоченного передать их послание. Курт и Кенсидан вообще не ответили на призыв к переговорам.

Дюдермонт старался держаться, но каждый раз, когда он считал, что Дзирт и Робийард

не смотрят в его сторону, у капитана вырывался тяжелый вздох.

— Двадцать семь? — насмешливо переспросил Робийард. — Целый день сражений, дюжина погибших или тяжелораненых с нашей стороны, и в награду двадцать семь пленников, ни один из которых не торопится принести нам присягу?

— Но все они согласились не принимать участия в беспорядках, и если мы победим... — заговорил Дзирт.

— «Если»? — саркастично ухмыльнулся Робийард.

Дзирт откашлялся, оглянулся на Дюдермонта и продолжил:

— Когда мы победим, эти люди к нам присоединятся. Нельзя же сжигать Лускан дотла. В этом я совершенно уверен.

— Этого недостаточно, Дзирт, — сказал Робийард, и дроу оставалось только пожать плечами в ответ, поскольку ему нечем было возразить магу.

Они сумели удержать в своих руках дворец Сульджака, но враг был повсюду, и несколько прилегающих улиц уже оказались под контролем Барама или Таэрла. Они действительно потеряли двенадцать воинов, и кто знает, сколько еще людей погибло на улицах вокруг дворца.

Война на истощение не сулила победы Дюдермонту. В отличие от того дня, когда начался поход против Арклема Грита, за ним не стояли тысячи жителей. Поставки продовольствия могли бы возродить веру людей, но морская флотилия погибла в море, а о наземном караване до сих пор не было никаких известий.

В кабинет вошел Реджис и доложил о приходе посланника Барама и Таэрла. Дюдермонт, вскочив со стула, устремился в зал для аудиенций, нетерпеливо подталкивая перед собой хафлинга.

Его уже ожидал настоящий морской волк, облысевший до половины черепа и с белыми прядками по бокам головы. При появлении губернатора он отвлекся от ковыряния в носу.

— Не трать понапрасну время, — заявил он, сбросив что-то с пальцев на иол.

На губернатора он смотрел, словно огромный пес на загнанного в угол грызуна, — точно так же и сам капитан Дюдермонт смотрел с палубы «Морской феи» на трюмных крыс.

— Надо было Бараму и Таэрлу прийти лично, чтобы тебя не беспокоить, — произнес Дюдермонт, усаживаясь в кресло напротив. — Я дал честное слово, что здесь им не причинят никакого вреда.

Посланник ухмыльнулся:

— Не сомневаюсь, что такое же слово ты давал и Сульджаку.

— Ты хочешь сказать, что я повинен в его гибели? — спросил Дюдермонт.

Человек с самым равнодушным видом пожал плечами.

— Барам и Таэрл не такие глупцы, как Сульджак, — сказал он. — Чтобы верить людям вроде капитана Дюдермонта, им потребуется нечто большее, чем честное слово.

— Похоже, что они судят обо мне по себе. Я человек слова.

Дюдермонт сделал паузу, давая посланнику возможность представиться.

— Мое имя не имеет значения, и таким, как ты, я его не называю.

Робийард рассмеялся за спиной Дюдермонта:

— Я могу его узнать, капи... губернатор.

— Эй, тебя никто не спрашивал! — злобно огрызнулся посланник.

— О, зато я получил ответ, можешь в этом не сомневаться, — заверил его чародей. — Возможно, я даже высеку его в качестве эпитафии на твоей могиле, если только мы решим, что ты достоин могилы и эпитафии.

— Так вот как ты держишь свое слово, капитан?! — воскликнул морской волк, ощерив гнилые зубы, и Дюдермонт поднял руку, призывая Робийарда уговориться.

— Барам и Таэрл прислали тебя, чтобы ты выслушал мое предложение, — сказал Дюдермонт. — Так вот, передай им...

Неопрятный посланник захохотал и затряс головой:

— Они прислали меня со своим предложением. И только со своим предложением. —

Он пристально взглянул в лицо Дюдермонта. — Капитан, возвращайся на свою «Морскую фею» и убирайся отсюда. Это мы тебе позволяем, и это больше, чем ты заслуживаешь, глупец. Но знай, что мы отпускаем тебя только с тем условием, что ты больше никогда не потопишь ни одного корабля, идущего под флагом Лускана, и в этом ты должен дать свое честное слово.

Дюдермонт удивленно моргнул, потом угрожающе прищурил глаза.

— Вот что мы тебе предлагаем, — закончил морской волк.

— Я сожгу этот город дотла, — негромко прорычал Робийард, но потом покачал головой и добавил: — Принимай предложение, капитан, и пусть Лускан катится к Девяти Кругам.

За его спиной Дзирт и Реджис тревожно переглянулись, и каждый из них подумал, не пора ли Дюдермонту признать, что в Городе Парусов он потерпел неудачу. В конце концов, они весь предыдущий день провели на улицах и хорошо понимали, какая сила им противостоит.

В комнате надолго воцарилось молчание. Дюдермонт глубоко задумался, опершись на руку подбородком. Он не оглянулся на своих друзей, не обращал никакого внимания на посланника, нетерпеливо постукивающего ногой по полу.

Наконец губернатор Лускана выпрямился.

— Барам и Таэрл ошибаются, — сказал он.

— Только в том, что позволяют тебе уйти, — ответил пират.

— Иди и передай своим хозяевам, что Лускан не провалится в Девять Кругов, а вот они определенно туда попадут, — продолжал Дюдермонт. — Жители Лускана доверили мне вести их к лучшему будущему, и мы пойдем к своей цели.

— И где теперь все эти люди? — источая едкий сарказм, спросил пират. — Может, забрасывают стрелами твоих парней, пока мы здесь болтаем?

— Убирайся к своим хозяевам! — велел Дюдермонт. — И знай: если я еще раз увижу твою уродливую физиономию, я тебя убью.

Угроза, негромко произнесенная спокойным голосом, похоже, подействовала на посланника: он попятился на несколько шагов назад, потом развернулся и вышел из зала.

— Обеспечьте безопасный путь отсюда до порта, — отдал распоряжение Дюдермонт своим соратникам. — Если нам придется отступить, мы переберемся на «Морскую фею».

— Мы могли бы пройти туда совершенно свободно, — заметил Робийард, кивнув на дверь, за которой только что скрылся посланник.

— Если мы и уйдем, это будет только временное отступление, — пообещал Дюдермонт. — И горе тем кораблям, что выйдут в море под флагом Лускана. И горе верховным капитанам, когда мы вернемся, заручившись поддержкой лордов Глубоководья.

— Донесения с улиц совершенно недвусмысленные, — объявил Кенсидан. — Решающий момент настал, и медлить нельзя. Выиграет Дюдермонт или проиграет, все должно решиться сегодня.

— Он проиграет, — донесся голос из темноты. — Из Глубоководья не будет никакой помощи.

— Я не хочу его недооценивать, тем более его могущественных друзей, — сказал Ворон.

— Тогда не стоит недооценивать и его могущественных противников, — ответил голос. — Курт сумел разогнать флотилию, хотя ни один из кораблей Лускана к ней и близко не подходил.

При этих словах Кенсидан отвернулся от окна и уставился в облако тьмы.

— У Курта есть союзник, — пояснил голос. — Тот, которого Дюдермонт считает побежденным. Тот, кому не требуется воздух, разве что для произнесения сильнейших

двеомеров.

Ворон несколько мгновений обдумывал косвенную подсказку, потом широко открыл глаза, и те, кто его знал, сказали бы, что он в панике.

— Грит, — выдохнул он.

— Арклем Грит собственной персоной, — подтвердил голос. — Он хочет отомстить Дюдермонту.

Ворон забежал по комнате, пристально вглядываясь во все уголки.

— Арклем Грит тебе не враг, — заверил его голос из темноты. — Его дни правления Лусканом закончились. Он смирился с этим еще до того, как Дюдермонт подошел к Главной Башне.

— Но он сговорился с Куртом. Как бы ты ни был уверен в намерениях великого архимага, о Курте ты не можешь этого сказать!

— Лич не станет нам мешать, о чем бы ни просил его Верховный Капитан Курт, — уверенно заявил невидимый гость.

— Ты не можешь знать это наверняка!

Из темноты послышался негромкий смешок, положивший конец спору и вызвавший дрожь в спине Кенсидана. Этот смех напомнил ему о том, с кем он имеет дело и кому доверял — доверял! — в течение всех этих испытаний.

— Действуй решительно, — подбодрил его голос. — Ты верно заметил, что сегодняшние события определяют будущую судьбу Лускана. За твоей спиной нет ничего, кроме угла из крепких стен.

Глава 32 Тот, кого я убью

— Мы должны быть со своим капитаном! — крикнула женщина.

— Да, нельзя, чтобы он один сражался с этой толпой! — подхватил другой член встревоженного экипажа «Морской феи». — Против него восстало полгорода!

— Нам приказано охранять «Морскую фею», — постарался перекричать всех остальных Вайлан Миканти. — Капитан Дюдермонт заявил об этом недвусмысленно. Он приказал оставаться на «Морской фее» и обеспечить ее безопасность, именно это нам и надлежит делать — всем нам!

— Но его тем временем могут убить!

— С ним остаются Робийард и Дзирт До'Урден, — возразил Вайлан, и упоминание этих двух имен немного успокоило моряков. — Он вернется к нам, если в этом будет необходимость, и что мы ему ответим, если потеряем корабль, наш единственный шанс на спасение?

— А теперь всем разойтись по местам! — приказал Миканти. — И смотреть в оба в этих водах развелось слишком много пиратов.

— Но они все сражались на нашей стороне, — заметил кто-то из экипажа.

— Да, против Арклема Грига, — ответил Вайлан. — И те, кто сейчас вышел на улицы против капитана Дюдермонта, тоже шли вместе с ним к Главной Башне, Ситуация изменилась, так что будьте настороже!

Люди еще немного поворачали, но, будучи опытными и дисциплинированными моряками, быстро разошлись к наблюдательным постам и орудиям. Они даже нашли в себе силы оторваться от панорамы города, где отчетливо просматривались признаки новых схваток, и сосредоточиться на море, чтобы предотвратить любые возможные угрозы.

И как раз вовремя. Вайлан Миканти только закончил говорить, как с марсовой площадки раздался крик:

— Опасность с правого борта! У ватерлиний!

Миканти и еще несколько моряков бросились к поручням.

Так получилось, что первый лацедон, атаковавший «Морскую фею», выскочил над

поручнями как раз напротив Миканти, и тот встретил его могучим ударом сабли.

— Упыри! — закричал Вайлан. — Упыри на борту «Морской феи»!

Вода вокруг корабля охотника за пиратами забурлила от выскакивавших морских подручных Арклема Грита. Моряки, на ходу обнажая оружие, заметались по палубе, стараясь изрубить отвратительных монстров раньше, чем они сумеют коснуться настила. Они понимали, что стоит лацедону встать на ноги, ряды защитников корабля быстро поредеют. Вайлан Миканти всем подавал пример: он сбивал упырей на лету, рубил их на куски и перебегал с одного борта на другой, чтобы успеть отразить нападение каждого лацедона, вылетавшего над поручнями.

— Их слишком много! — раздался крик с кормы, и Вайлан, обернувшись, увидел, что упыри уже стоят у кормовой катапульты, а двое моряков, парализованные их ядом, лежат на палубе.

Он немедленно осмотрел гавань и стоящие на якорях корабли. Катапульта потеряна. «Морская фея» стала уязвимой для любого нападения.

Миканти окликнул еще двух моряков и рванулся, чтобы ликвидировать брешь, но, осознав ужасную опасность, остановился и позвал одну из женщин.

— Свяжись с Робийардом! — приказал он. — Расскажи ему о нашем положении.

— Мы справимся, — возразила ученица Робийарда, но Вайлан ее не слушал. — Скорее! Расскажи о нападении!

Чародейка неохотно кивнула, еще раз окинула взглядом поле боя и стала спускаться по трапу.

В трюме «Морской феи» Арклем Грит, сделавшись невидимым, с радостным предвкушением наблюдал за тем, как она берет в руки хрустальный шар.

— Те же силы, что напали на флотилию из Глубоководья, — заметил Дюдермонт, когда Робийард доложил ему о происшествии на «Морской фее». — Вероятно, они последовали за уцелевшим кораблем.

Чародей ненадолго задумался над его предположением, потом кивнул. Но, учитывая природу и координацию лацедонов, а также то обстоятельство, что в гавани Лускана подобные случаи были большой редкостью, он не мог отказаться от мысли о более зловещей причине.

— Отправляйся к ним и очисти «Морскую фею», — попросил Дюдермонт своего друга.

— Но у нас и здесь полно проблем, капитан, — возразил Робийард, хотя по его тону было понятно, что маг не станет упорствовать.

— Значит, поторопись, — ответил капитан. — Безопасность корабля для нас сейчас важнее всего прочего!

Робийард глянул на дверь, ведущую к главному входу дворца.

— Я пойду и, надеюсь, скоро вернусь, — сказал он. — Только при одном условии: ты отыщешь Дзирта До'Урдена и будешь держаться к нему поближе.

— Я много лет обходился без него и без тебя тоже, — усмехнувшись, заметил Дюдермонт.

— Верно, но твои старые руки уже не так ловко управляются с мечом, — без колебаний сказал капитану чародей.

Затем он подмигнул Дюдермонту, собрал свои вещи и поднял руки, чтобы прочитать заклинание для перемещения на палубу «Морской феи».

Верховный Капитан Барам оттолкнул наблюдателя и сам принял к окну, чтобы рассмотреть скопление народа на площади всего в трех кварталах от бывшего дворца

Сульджака.

Таэрл тоже подошел ближе и даже задержал дыхание. Они оба отчетливо видели, что на сцене появилась новая могучая сила. Корабль Ретнора готовился вступить в борьбу.

— За нас или за Дюдермонта? — спросил Таэрл.

Едва он договорил, как небольшая группа людей

Барама выбежала навстречу толпе из Корабля Ретнора. Таэрл резко выдохнул, а Барам боялся даже моргнуть.

Но возглавляющий отряд Ретнора дворф встретил людей словами, а не ударами кистей, и, когда две группы разошлись, уступив друг другу пол-улицы, два капитана поняли, что их надежды оправдались.

Корабль Ретнора выступил против Дюдермонта.

— Ох-ох-ох, — вздохнул Реджис, сидевший на невысокой крыше над аллеей, с которой Дзирт только что прогнал трех бандитов Таэрла.

Дзирт хотел было спросить, в чем дело, но, увидев выражение лица хафлинга, разбежался, подпрыгнул, ухватился руками за край крыши, закинул ноги и, перевернувшись, оказался рядом с другом. Едва он успел сесть, как сразу понял, что так расстроило Реджиса.

Воины Корабля Ретнора, словно муравьи, растекались сразу по нескольким улицам, с легкостью сметая защитников губернатора.

— И вон там тоже. — Реджис указал на северо-запад.

Дзирт проследил за его жестом, и у него сжалось сердце. Ворота Охранного острова снова распахнулись, и на мост вышли солдаты Верховного Капитана Курта. Глядя на действия людей Кенсидана, нетрудно было догадаться, к кому примкнул Курт.

— Все кончено, — произнес Дзирт.

— Лускан погиб, — согласился Реджис. — Надо поскорее вытащить отсюда капитана Дюдермонта.

Дзирт пронзительно свистнул, и через мгновение соседней крыши к ним прыгнула Гвенвивар.

— Отправляйся в порт, Гвен, — попросил ее Дзирт. — Найди для меня самый безопасный путь.

Пантера коротко рыкнула и унеслась прочь.

— Будем надеяться, что у Робийарда есть наготове заклинание для перемещения, — пояснил Дзирт Реджису. — Если же нет, то нас поведет Гвен.

Он спрыгнул вниз и помог спуститься медлительному Реджису. Оба друга побежали назад по той же дороге, которой пришли, придерживаясь кратчайшего маршрута к задней двери дворца.

Не успели они пройти и несколько шагов, как вдруг поняли, что дорогу им загородил дворф весьма странного вида.

— Вот я и встретил Дзирта-дроу, — распевал он. — Мы с ним устроим отличное шоу. Он будет прыгать, и жалить мечами, пока я не прибью его своими шарами.

Дзирт и Реджис, приоткрыв рты, следили за его приближением.

— Ба-ха-ха-ха! — заорал дворф.

— Какой странный коротышка, — заметил Реджис.

Робийард приземлился на палубе «Морской феи», уже держа в руке камень, распространявший вокруг чрезвычайно яркий и сильный свет, словно в его пальцах сиял кусочек солнца. Все лацедоны на палубе сразу стали съеживаться, их зеленовато-серая кожа под лучами солнцеподобного маячка мгновенно высыхала и покрывалась морщинами.

— Убивайте их, пока они не очнулись! — закричал Вайлан Миканти, заметив, что многие моряки остолбенели при виде неожиданно появившегося чародея и его могущественного талисмана.

— Выкидывайте их за борт! — подхватил кто-то и вонзил абордажный крюк в ближайшего упыря, пытавшегося загородиться лапами от грозного луча магического камня.

Закаленные моряки, получив существенную поддержку, быстро переломили ход битвы, и многие лацедоны полетели обратно в море, некоторые, спасаясь от жгучего света, прыгали за борт сами, а еще больше монстров были уничтожены ударами мечей и дубинок.

Робийард разыскал Миканти и вручил ему камень.

— Очисти корабль, — попросил он самого опытного моряка. — И приготовьтесь к выходу в открытое море. А я возвращаюсь за Дюдермонтом.

Он начал читать заклинание для перемещения обратно во дворец, но чуть не упал, когда корпус корабля содрогнулся от мощного удара, Из-под палубного настила вырвались языки пламени, и Робийард понял, что в трюме «Морской феи» взорвался огненный шар.

Не говоря Миканти ни слова, чародей бросился к трюмному люку и откинул крышку. Едва он бегом спустился, как в глаза бросилось тело его помощницы, лежавшее рядом с обгоревшим столом, на котором еще стоял хрустальный шар. Робийард торопливо окинул взглядом трюм и замер на месте, увидев, что на стопке мешков из-под зерна удобно устроился Арклем Грит.

— Только не говори, что ты не ожидал меня увидеть, — заговорил лич. — Ты слишком умен, чтобы счесть меня погибшим после взрыва башни.

Робийард попытался что-то ответить, но рот внезапно так сильно пересох, что он лишь молча покачал головой.

Капитан Дюдермонт очень неохотно покинул зал для аудиенций и направился к кухне и запасному выходу, где, как он знал, должен был находиться Дзирт. Впервые за долгое время мысли капитана снова обратились к морю, к «Морской фее» и оставшемуся на борту экипажу. Он представления не имел, что именно спровоцировало нападение лацедонов, но такое несвоевременное и пагубное вмешательство наверняка не могло быть простой случайностью.

Крик из коридора слева заставил его вернуться на несколько шагов назад.

— Захватчики во дворце! — испуганно воскликнул кто-то.

Дюдермонт выхватил меч и шагнул влево по коридору, но тотчас остановился. Он дал обещание Робийарду, и совсем не ради собственной безопасности. Пока есть хоть малейшая надежда выиграть битву, ему нельзя ввязываться в уличную драку.

Где-то наверху, в одной из многочисленных комнат дворца, разбилось окно, потом второе.

Капитан резко развернулся и, бормоча себе под нос проклятия, поспешил к кухне.

Сбоку, из темного угла, кто-то выскочил ему навстречу, и капитан заметил нападавшего только боковым зрением. Он с кошачьей ловкостью развернулся, и меч, описав плавную дугу, без труда отбил брошенное копьё. Резкий рывок руки назад изменил направление клинка, и лезвие прошло по груди противника, оставив широкий кровавый след. Человек, захлебываясь от боли, снова рухнул в темный угол.

Дюдермонт прибавил шагу. Он должен быстрее отыскать Дзирта и Реджиса и вместе с ними пробивать путь к спасению для тех, кто еще оставался ему верен.

В кухне послышался какой-то шум, и Дюдермонт распахнул дверь ударом ноги, держа меч наготове.

Но он опоздал: повар уже сползал на пол по стене смертельно раненный в грудь. Дюдермонт повернул голову, отыскивая взглядом убийцу, и не смог скрыть удивления при виде ослепительно пестро одетого человека с окровавленным мечом в руке. На нем была

рубашка в красную и белую полосу, подпоясанная ярко-зеленым кушаком, отделявшим ее от еще более ярких штанов небесно-голубого цвета. На голове возвышалась огромная широкополая шляпа с перьями, и Дюдермонт мог только догадываться, какая под ней скрывалась шевелюра, поскольку борода у этого человека была размером почти с голову, черная и жесткая, так что отдельные пряди торчали во все стороны.

— Теперь нам известен каждый твой шаг, капитан Дюдермонт, — насмешливо произнес пират, показав желтые зубы.

— Аргус Ретх, — откликнулся Дюдермонт. — Похоже, что слухи о твоём дурном вкусе ничуть не Преувеличены.

Пират хрипло рассмеялся.

— Я заплатил за это немало золотых монет, — похвалился он, и вытер окровавленный клинок о свои штаны.

Лезвие стало чистым, но на явно заговоренной ткани не осталось ни пятнышка крови.

Дюдермонт хотел отпустить лицемерный комплимент по поводу роскошного одеяния и очевидных преимуществ непачкающейся ткани, но передумал. Нет смысла торговаться с пиратом, да капитан к этому и не стремился, тем более что у ног Ретха лежал заколотый человек, который был ему верен.

В ответ капитан поднял свой меч.

— Здесь нет команды, исполняющей твои приказы, капитан, — сказал Ретх, тоже подняв меч, и вытащил длинный кинжал. — Но ведь ты лучше всех управляешь кораблем, не так ли? Посмотрим, как ты сумеешь управиться с мечом!

С этими словами пират ринулся вперед, выставив перед собой меч, а когда капитан отбил его, яростно замахнулся кинжалом.

Дюдермонт отклонился от кинжала назад и быстро поднял меч перед собой и даже сумел сделать выпад, хотя и не достигший Ретха, но все же заставивший его прервать атаку и даже отступить на шаг назад. Тогда пират широко расставил ноги, пригнулся и развел руки, выставив оба клинка вперед. И начал медленно двигаться по кругу.

Дюдермонт поворачивался вместе с ним, сосредоточенно ожидая любого признака очередной яростной атаки, а заодно осматривая помещение. Он заметил стоящий в центре стол с громоздившимися на нем кастрюлями и горшками, а также узкие шкафы, занимавшие одну из боковых стен.

Ретх дернул щекой, и Дюдермонт это заметил, а потому ничуть не удивился, когда пират сделал выпад, намереваясь проколоть его насквозь.

Капитан «Морской феи» легко уклонился от удара, скользнув за кухонный стол, и лезвие кинжала прошло мимо.

— Стой на месте и дерись, поганый пес! — протестующе зарычал Ретх и двинулся вокруг стола.

Дюдермонт ухмыльнулся ему в лицо, провоцируя следующий выпад. Капитан продолжал двигаться вдоль стола, пока не добрался до стены, заставленной шкафчиками.

Ретх, размахивая оружием и рыча, не отставал ни на шаг.

Дюдермонт остановился и подпустил его ближе, но лишь настолько, чтобы ухватиться за край шкафа и толкнуть его вперед, так что он грохнулся прямо перед пиратом. Ретх перепрыгнул через него, но при этом задел второй шкаф, и тот тоже упал. Потом третий и четвертый. А Дюдермонт благополучно отступил еще на несколько шагов.

— Я знал, что ты трус! — завопил Ретх, брызжа слюной.

Дюдермонт, воспользовавшись моментом, пока пират перешагивал через последний шкаф, ударом меча сбросил со стола горшки и кастрюли, так что все жидкости и мука полетели в Аргуса Ретха. Пират замахал руками, тщетно пытаясь заслониться, но очень быстро его лицо стало белым от муки с подтеками соуса на левой щеке, а борода в этом мучном шторме изменила цвет.

Пират отплевывался и чихал, но упрямо рвался вперед, а Дюдермонт тем временем протянул руку к следующему шкафу, но не стал его опрокидывать. Вместо этого он шагнул

вперед, двумя ловкими ударами парировал выпады кинжала и меча, а потом кулаком нанес сильный удар по лицу противника.

У Ретха треснул нос, и кровь, смешиваясь с мукой, потекла на бороду.

Дюдермонт притворился, что снова отступает, но на самом деле только повел плечами и немного отклонился назад, приподнимая меч.

Разъяренный Ретх с криком «Будь ты проклят, мошенник!» ринулся вперед, намереваясь проткнуть Дюдермонта длинным кинжалом.

По крайней мере, он намеревался это сделать, но вдруг понял, что кинжал опять прошел мимо, а слова застряли в горле, когда меч капитана вонзился в шею под челюстью и с такой силой прошел через рот в мозг, что пробил кость и приподнял шляпу.

Кинжал все же задел плечо Дюдермонта, но в этом ударе не было силы, поскольку Аргус Ретх уже был мертв.

Глаза Ретха еще несколько долгих мгновений были широко открыты, и на его лице сохранялось изумленно-гневное выражение, а потом пират упал лицом вниз у ног капитана.

— Жаль, что нет времени продолжить наш поединок, Аргус Ретх, — произнес капитан, глядя на труп. — Но у меня слишком много важных дел, чтобы вести честную игру с такими, как ты.

— Хорошо, что ты стоишь, но лучше дерись, иначе никуда не дойдешь, — заорал дворф и, видимо довольный собой, добавил неизменный рев: — Ба-ха-ха-ха!

— Ой, убей его поскорее, — попросил Реджис Дзирта.

— Добрый дворф, борьба уже закончена! — крикнул Дзирт.

— Я так не думаю, — ответил дворф.

— Я иду к своему капитану, чтобы проводить его в порт, — объяснил Дзирт. — В Лускане нет места для Дюдермонта, и так решили сами горожане. Поэтому мы уходим. Нет смысла продолжать это безумие.

— Не-а, — мотнул головой дворф. — Я хотел испробовать свои кистени на таких, как ты, Дзирт До'Урден. С тех самых пор, как впервые услышал твое имя, эльф. А я слышал его уже много раз.

Дворф снял со спины шары с шипами и распустил цепочки.

В руках Дзирта возникли мечи, словно они были там уже давно.

— Ба-ха-ха-ха! — выразил свое одобрение дворф. — Да ты и вправду такой быстрый, как о тебе говорят!

— И даже быстрее, — заверил его Дзирт. — Я еще раз предлагаю тебе уйти. Я не хочу с тобой драться.

— Нет, я не откажусь от такой удачи! — заорал дворф и, не переставая хохотать, ринулся в атаку.

Глава 33

Закат Лускана

Арабет Раурим вызвали в зал аудиенций «Десяти дубов», и когда она увидела слегка наклонившегося вперед Ворона, его намерения не оставляли никаких сомнений.

— На чьей ты стороне? — спросил он.

Арабет постаралась вести себя так же решительно и агрессивно, но чуть-чуть дрогнула, когда этот странно пугающий молодой человек подошел вплотную.

— Ты угрожаешь мне, сверхмагу Главной Башни Гильдии Чародеев?

— На чьей?

— Мой ранг заслуживает уважения! — напомнила Арабет, но ее голос едва не сорвался, когда Ворон вытащил длинный кривой кинжал. — Назад, я тебя предупреждаю...

Она сама отступила на несколько шагов и подняла руки, читая заклинание. Кенсидан тоже остановился, но не спешил прервать ее занятие. Арабет запустила в него мощной молнией, от которой он должен был выпрыгнуть из своих сапог, несмотря на тугую шнуровку, пролететь через всю комнату и врезаться в противоположную стену. От такого разряда в его теле должна была образоваться дымящаяся дыра, а волосы подняться дыбом.

Но ничего не произошло.

Молния сорвалась с пальцев Арабет, а потом... остановилась.

Лицо Арабет исказила гримаса изумления и ужаса, она негромко вскрикнула и неуверенно шагнула вправо, к двери.

В этот момент Кенсидан, переполненный магической энергией, понял, что не зря так долго доверял голосам из темноты. Он стремительно шагнул и коснулся плеча Арабет, готовый выскочить за дверь. Одного прикосновения хватило для того, чтобы выпустить всю энергию ее молнии. Энергию перехваченную и контролируемую.

Женщина отлетела в сторону, но не слишком далеко, поскольку перед приходом в эту комнату активировала защитный барьер, поглотивший часть заряда. Кроме того, у двери внезапно возникло темное облако, загородившее путь к бегству. Арабет взвизгнула, но все же отпрянула в сторону. Кенсидан, стоя за ее спиной, рассмеялся.

Из темноты показались три фигуры.

Кенсидан, усмехаясь, продолжал наблюдать за Арабет. Ее глаза широко распахнулись, чародейка закричала, снова покачнулась и, наконец, рухнула на пол лицом вниз.

Один из темных эльфов протянул к ней руки, и по мере того, как поток мысленной энергии проникал в ее мозг, путая мысли и ощущения, вопли женщины превращались в бессвязное журчание. Не переставая жалобно бормотать, она перевернулась на бок, а потом свернулась калачиком, словно испуганный ребенок.

— Что ты собираешься делать? — спросил старший из дроу, на голове которого красовалась гигантская шляпа с перьями и блестящим позументом. — Или ты в этот день предоставишь другим вести сражения?

Кенсидан кивнул, подтверждая его слова.

— Я должен внести свой вклад в великое дело, — сказал он.

— Хорошо сказано, — одобрительно кивнул дроу.

— Дюдермонт принадлежит мне, — заявил Верховный Капитан.

— Это могущественный противник, — заметил дроу. — И мы бы предпочли, чтобы он просто убрался отсюда.

От Кенсидана не укрылся недоверчивый, почти скептический взгляд, брошенный псиоником в сторону своего предводителя. Если Дюдермонт останется на свободе, он не откажется от борьбы и наверняка вернется, заручившись поддержкой могущественных союзников.

— Посмотрим, — пообещал Кенсидан и оглянулся на Арабет. — Не убивайте ее. Она будет верным... и приятным союзником.

Дроу в высокой шляпе в знак согласия прикоснулся пальцами к полям, и Кенсидан благодарно кивнул. Затем он поднял над головой полы своего плаща, а когда они упали, Кенсидан исчез, и на его месте появилась птица — большой черный ворон. Он вылетел в открытое окно и направился по хорошо знакомому маршруту к дворцу Сульджака.

— Он будет замечательным помощником, — сказал Киммуриэль Джарлаксу, вновь возглавившему Бреган Д'эрт. — До тех пор, конечно, пока мы ему не доверяем.

С губ Джарлаксы сорвался печальный ностальгический вздох:

— Совсем как дома.

Схватка между Дзиртом и странным дворфом началась с такой стремительностью и жестокостью, что все намерения помочь другу испарились из головы хафлинга раньше, чем

он успел достать из-за спины свою такую маленькую и никчемную — в свете завязавшейся борьбы титанов — палицу.

Сверкающие мечи и шары с шипами с ошеломляющей скоростью заметались в воздухе, но бойцы скорее оценивали силы друг друга, не пытаясь до поры до времени наносить смертельные удары. Что больше всего поразило Реджиса, так это тактика дворфа. Хафлинг много раз видел, как сражается дроу, но даже представить себе не мог, чтобы это невысокое, почти квадратное существо на толстых ногах, с неуклюжим на вид оружием, могло сравниться в ловкости с Дзиртом.

Но это было именно так. Оружие дворфа встречало каждый выпад Дзирта, и темный эльф отводил клинки, не желая подвергать тонкие лезвия опасности при столкновении с массивными шипастыми шарами.

Один шар вылетел далеко в сторону, и дворф не стал его подтягивать, а отпустил еще больше, чтобы ударить в стену одного из зданий, выходящую на аллею. Удар металла о дерево показал, что орудие заключало в себе не только физическую мощь, но и немалую долю магии. При столкновении из стены вылетел огромный кусок, и образовался широкий проем.

Дзирт лишь слегка поморщился от этого зрелища и, решив воспользоваться предоставленным шансом, рванулся вперед, используя всю силу своих магических браслетов.

Но даже такая незначительная задержка сыграла свою роль — дроу на мгновение отвлекся. Реджис заметил это и затаил дыхание. Дворф уже нагнул голову и развернулся, возвращая шар, но левую руку он вытянул до предела, и второй шар со свистом рассек воздух.

Если бы противником Дзирта был не дворф, а более высокий человек, дроу наверняка лишился бы левой ноги, но кистень пролетал низко, и Дзирт, моментально остановившись, подпрыгнул и сделал сальто назад.

Шар с шипами, не встретив никакого препятствия, пролетел по дуге, а дроу легко приземлился на обе ноги на три шага дальше от дворфа.

И снова: будь перед ним менее крепкий противник, Дзирт получил бы в этом случае огромное преимущество, поскольку тяжелый шар едва не выбил дворфа из равновесия, почти лишив его возможности защищаться. Но дворф обладал колоссальной силой, он яростно зарычал и выпрямился, потом отскочил на пару шагов, перекатился по земле и, вскакивая на ноги, уже снова был готов к бою.

Больше того, дворф еще не успел до конца подняться, а его руки уже работали, заставляя шары качаться в определенном ритме. Кистени вращались на своих цепях, готовые нанести или отразить удар.

— Как же ты с ним справишься? — неуверенно произнес Реджис, даже не надеясь, что Дзирт его услышит.

Но дроу все слышал, поскольку успел пожать плечами, перед тем как снова броситься в бой. На этот раз они начали ходить кругами, и Дзирт оказался спиной к пробитой кистенем стене, а дворф — напротив него.

В этом положении темный эльф оказался напротив Реджиса, и выражение его лица предупредило хафлинга об опасности. Дзирт внезапно отвел взгляд от своего противника и, широко раскрыв глаза, посмотрел куда-то поверх головы Реджиса.

Хафлинг инстинктивно поднял палицу и резко развернулся.

Его удар успел отбить меч, нацеленный в спину. Реджис испуганно вскрикнул и тотчас понял, что кончик меча все-таки задел его руку. Он прижался спиной к стене и отчаянно принялся искать взглядом Дзирта, как вдруг понял, что изо всех сил пытается крикнуть «нет!», будто весь мир вокруг него перевернулся.

Потому что Дзирт рванулся к нему, и так быстро, что сумел бы безнаказанно убежать от любого другого противника.

Но не от дворфа. Реджис мог только с ужасом наблюдать за тем, как примитивное

орудие, которое только что пробило стену дома, разворачивается и летит вслед за его другом.

Дзирт почувствовал его приближение, или же он ожидал удара в спину, и потому пригнулся к земле и кувыркнулся вперед.

Но он не сумел уйти от кистеня, и кувырок получился намного быстрее, чем рассчитывал дроу.

К счастью, удар был не смертельным, и Дзирт, перевернувшись через голову, бросился на обидчика Реджиса, который сразу же попытался убежать, чтобы не испытывать судьбу.

Он еще не успел повернуться, как засверкали мечи Дзирта. Оружие нападавшего моментально было выбито из рук, а сам он рухнул на землю с трижды пробитой клинками грудью.

Еще мгновение он изумленно смотрел на Дзирта и Реджиса, а затем закрыл глаза.

Дзирт тотчас развернулся, ожидая преследования, но дворф остался на своем месте и лениво раскачивал шары.

— Беги к Дюдермонту, — прошептал Дзирт Реджису.

При этом он сунул один из своих мечей под мышку, а руку протянул навстречу хафлингу. Как только Реджис встал на его ладонь, Дзирт подбросил его. Хафлинг сумел ухватиться за край крыши, и Дзирт помог ему подтянуться наверх.

Дроу дождался, пока Реджис скроется из виду, и уже приготовил мечи, но дворф так и не приблизился.

— Я мог бы тебя убить, темнокожий! — крикнул дворф. — Да, я мог бы пустить в тебя свой волшебный шар, еще пока ты кувыркался! Ха! Ты летел бы по улице до самой гавани! Ба-ха-ха-ха!

Реджис сверху взглянул на Дзирта и с ужасом понял, что его друг не может опровергнуть слова дворфа.

— И потом, я тоже мог тебя убить, — продолжал дворф. — Ты быстро избавился от этого глупца, но не смог бы избавиться от угрозы сзади!

И снова дроу не стал ему возражать.

— Но ты этого не сделал, — сказал он и медленно двинулся к своему противнику. — Ты не активировал магию своего кистеня и не стал меня преследовать. Ты похваляешься тем, что дважды мог меня одолеть, но дважды не воспользовался своими шансами.

— Ба! Это было бы нечестно! — закричал дворф. — Какой в этом интерес?

— Значит, тебе известно, что такое честь, — заметил Дзирт.

— Кроме нее, у меня ничего не осталось, эльф.

— Тогда зачем растрачивать ее? — спросил Дзирт. — Ты прекрасный боец. Присоединяйся ко мне и капитану Дюдермонту, обрати свои способности...

— Что? — прервал его дворф. — На добрые дела? Здесь и не пахнет добром, эльф. Только не в этой драке. Есть только те, кто сражается за власть, да наемные убийцы, как ты и я, которые помогают той или иной стороне, хотя все стремятся к одной цели — забраться на самый верх.

— Нет, — возразил Дзирт. — Есть нечто большее.

— Ба-ха-ха-ха! — заревел дворф. — Да ты еще молод, как я погляжу!

— Я могу обещать тебе амнистию, начиная с этого момента, — заверил его Дзирт. — Тебе простят все прошлые преступления или, по крайней мере... не будут о них спрашивать.

— Ба-ха-ха-ха! — опять проревел дворф. — Если бы ты знал хоть о половине, ты бы не спешил привлекать Атрогейта на свою сторону! — А затем он снова рванул в атаку с криком: — Получай!

Дзирт задержался лишь для того, чтобы оглянуться на Реджиса и бросить ему: «Уходи!»

Хафлинг не успел пройти и пары осторожных шажков по крыше, как услышал, что битва возобновилась с прежней яростью.

— Кричи громче, — скомандовал Ворон, провернув кинжал в животе женщины, и несчастная тотчас выполнила его приказ.

Спустя мгновение Кенсидан, посмеиваясь над собственной выдумкой, оттолкнул раненую женщину в сторону, и тут дверь распахнулась и вбежал капитан Дюдермонт, привлеченный воплями несчастной.

— Благородство тебя подвело, — сказал Кенсидан. — А ведь путь к отступлению уже был свободен. Наверное, я должен тебе салютовать, но что-то не хочется.

Взгляд Дюдермонта переместился с раненой женщины на сына Ретнора, который удобно прислонился к подоконнику.

— Ты все хорошо рассмотрел, капитан? — спросил Кенсидан. — Падение Города Парусов... Это было великолепное зрелище, не находишь?

— Зачем ты это сделал? — спросил Дюдермонт, медленно и осторожно проходя вперед.

— Я?! — воскликнул Кенсидан. — Против Главной Башни вышел отнюдь не Корабль Ретнора.

— Та война закончилась, и мы победили.

— Та война и эта — одно и то же, глупец, — заявил Кенсидан. — Обезглавив Лускан, ты положил начало беспощадной борьбе за власть.

— Мы могли бы объединить силы и править по справедливости.

— Справедливость для бедняков... Ах да, звучит прекрасно, но это с точки зрения риторики. — Кенсидан не скрывал насмешки. Он оттолкнулся от подоконника и вдобавок к кинжалу вытащил длинный меч. — Неужели до охотника за пиратами еще не дошло, что не все жители Лускана заслуживают справедливости? Или то, что в этом городе слишком много тех, кто вряд ли добьется процветания при таком идиллическом порядке?

— Вот для этого мне и нужны были верховные капитаны, недоумок, — выплевывая каждое слово, ответил Дюдермонт.

— Капитан, неужели ты настолько наивен, что считаешь, будто мы добровольно поделимся властью?

— А ты, Кенсидан, сын Ретнора, неужели настолько циничен, что не видишь преимуществ общественного блага?

— Я живу среди пиратов и думаю как пират! — огрызнулся Кенсидан.

— У вас был выбор. Вы могли все изменить.

— И у тебя был выбор. Ты мог продолжать заниматься своим делом. Ты мог оставить Лускан в покое, и еще совсем недавно ты мог спокойно отправиться восвояси. Ты обвиняешь меня в гордыне и жадности за то, что я не пошел за тобой. Но на самом деле это тебя ослепила гордыня, и ты не захотел увидеть истинного положения вещей в этом городе, который ты пожелал перестроить по своему желанию, и твоя гордыня удерживает тебя здесь. Как ни печально, но здесь ты и погибнешь, а Лускан окажется намного дальше от твоих надежд и мечтаний, чем прежде.

Раненая женщина на полу застонала.

— Позволь мне вынести ее отсюда, — попросил Дюдермонт.

— Конечно, — пожал плечами Кенсидан. — Только для этого тебе сначала придется меня убить.

Дюдермонт больше не колебался. Подняв свой великолепный меч, он бросился на сына Ретнора.

Кенсидан попытался парировать выпад кинжалом, с тем, чтобы замахнуться мечом для смертельного удара, но Дюдермонт был для него слишком быстрым и опытным противником. Сын Ретнора едва сумел отвести кинжалом меч, но его собственный клинок ушел в сторону, даже не задев противника.

Капитан быстро отскочил, занес руку для колющего удара, а потом провел целую

серию яростных выпадов и снова выставил перед собой меч.

— О, да ты сильный фехтовальщик! — крикнул Кенсидан.

Дюдермонт не стал отвечать на его комплимент, а провел еще один выпад и резко поднял меч для удара сверху вниз.

В последний момент Кенсидан все же сумел блокировать его горизонтально поставленным мечом, а потом обернулся, опасаясь упереться в стену. Удар сверху заставил его покачнуться.

Дюдермонт, не встретив достойного сопротивления, продолжал проводить атаку за атакой. В глубине души он удивлялся, почему юный глупец решил с ним биться. Или в своем самодовольстве он вообразил себя отличным фехтовальщиком? А может, он только притворяется неловким бойцом, чтобы сбить противника с толку?

Эти мысли насторожили капитана, и, несмотря на продолжающиеся атаки, он взвешивал каждое движение, чтобы в любой момент перейти к обороне.

Но контратаки так и не последовало, хотя он и усилил натиск.

Капитан удержался от усмешки, но вывод был ясен: Кенсидан ему не противник.

Женщина на полу снова застонала, что вызвало новый приступ ярости у Дюдермонта, и он решил, что эта победа станет первым шагом по пути мести, которую он обязательно продолжит по возвращении в Город Парусов.

И он предпринял решительную атаку. Прыгнув вперед, Дюдермонт отбросил своим клинком меч Кенсидана в сторону и повернул руку, чтобы избежать удара кинжалом.

Кенсидан высоко подпрыгнул, но капитан был уверен, что достанет его, как только тот коснется пола.

Вот только Кенсидан так и не спустился.

Сильное замешательство охватило Дюдермонта, когда наверху послышалось хлопанье крыльев и одно из них ударило черными перьями по его голове, да так сильно, что капитан качнулся в сторону. Он обернулся и взмахнул мечом, чтобы отогнать птицу, но на Ворона Кенсидана это не подействовало.

Он слетел на пол, подпрыгнув на трехпалых лапах, — огромный, в рост человека, Ворон. Птичьи глаза пристально следили за Дюдермонтом, и голова поворачивалась справа налево, охватывая сцену с разных углов.

— А ты заслужил свое прозвище, — сумел произнести Дюдермонт, отчаянно стараясь правильно выговаривать все слова, чтобы не подать виду, насколько его выбило из колеи неожиданное превращение человека в это поразительное существо.

Ворон двинулся вперед, и Дюдермонт встал в оборонительную позицию. Когтистые лапы постукивали по полу, и широко разведенные крылья угрожающе надвигались на Дюдермонта с обеих сторон. Отступая, он взмахнул мечом и даже сумел срезать несколько черных перьев.

Но Ворон, пронзительно крича, продолжал наступать и, отведя крылья, бросил вперед торс и лапы. Дюдермонт не опускал меч, все еще пытаясь отогнать страшную тварь. Вдруг ему навстречу устремились шесть широко расставленных острых когтей.

Капитан сумел поранить одну лапу, но Ворон быстро отдернул ее, зато вторая, преодолев защиту Дюдермонта, вцепилась когтями в плечо.

Ворон шумно взмахнул крыльями, повернулся и резко опустил лапу, разодрав бок Дюдермонта от правого плеча до самого бедра.

Капитан «Морской феи» взмахнул мечом, намереваясь отсечь когти, но Ворон был слишком проворен и вовремя отдернул лапу. Огромная птица надвигалась и вдруг клюнула Дюдермонта в правое плечо, так что он полетел на Пол, а державшая меч рука разом онемела.

Еще один взмах крыльями, и прыжок перенес Ворона через упавшего человека. Дюдермонт попытался перекатиться по полу, но удар клювом по голове словно пригвоздил его к месту.

Из рассеченной брови над левым глазом брызнула кровь. Более того, мутная жидкость

заслонила от него мир, и он лишился сознания.

Реджис сосредоточился на своей задаче и упрямо пробирался вперед. Встав на четвереньки, используя каждую неровность, он осторожно, но целеустремленно карабкался вверх по крутому склону крыши.

— Я должен добраться до Дюдермонта, — твердил он себе, напрягая все мышцы и ускоряя движения, если был уверен в надежности опоры.

Наконец он добрался до самого верха, и только собрался поднять голову, как уперся в какую-то преграду. Высокие черные сапоги закрыли все поле зрения.

Реджис стал медленно поднимать взгляд от сапог к прекрасно сшитым брюкам из отличной ткани, потом к затейливой пряжке ремня, потом к облегающему серому жилету, к белой рубашке и лицу, увидеть которое он никак не ожидал.

— Ты?! — в ужасе вскрикнул он и, заметив нацеленный в его сторону маленький лук, в отчаянии закрыл лицо руками,

Хафлинг был так потрясен, что потерял равновесие, но даже падение не уберегло его от попадания в шею тонкой стрелы. Реджис кубарем катился по крыше, а вокруг него сгущалась темнота, лишая силы его руки и ноги, лишая света, лишая даже голоса, так что он не смог закричать.

Дворф возобновил атаки, и его движения ничуть не замедлились. Мало того, Дзирт быстро заметил, что его враг даже не запыхался. При помощи волшебных браслетов на ногах, увеличивающих его скорость, Дзирт бросался то вправо, то влево, то вокруг дворфа, заставляя его все время поворачиваться.

Дроу провел молниеносную серию выпадов и обманных движений, вынуждая противника реагировать на каждый его прыжок.

Поединок все продолжался и продолжался, мечи сверкали перед глазами, усеянные шипами шары в такт им металась в воздухе и время от времени контратаковали, угрожая смертельными ударами. И Дзирт продолжал наращивать скорость, перебегая слева в центр, справа назад и обратно, принуждая дворфа все время корректировать балансировку тяжелых орудий.

Но Атрогейт с легкостью противостоял его уловкам, его дыхание оставалось ровным, и каждый лязг металла по металлу, когда сталкивалось их оружие, напоминал Дзирту о сверхъестественной мощи противника.

Атрогейт и в самом деле обладал всеми необходимыми качествами: скоростью, ловкостью, силой и умением. Это был самый лучший боец из всех, с кем когда-либо приходилось сражаться Дзирту, и его умение владеть оружием не уступало искусству дроу. Один из его шаров все время был покрыт какой-то взрывчатой жидкостью, а второй источал коричневые капли. При первом же столкновении Ледяной Смерти с кистенем Дзирт готов был поклясться, что ощутил страх клинка. Когда он отпрыгнул назад, чтобы изменить угол атаки, дроу взглянул на лезвие и заметил на блестящем металле коричневые пятна. Это была ржавчина, и Дзирт понял, что лишь магическая сила Ледяной Смерти спасла лезвие от разрушения прямо в его руке.

А Атрогейт все так же завывал «ба-ха-ха-ха!» и неудержимо рвался вперед.

Казалось, что неудержимо, потому что он никогда не забывал о защите.

Дворф был хорошим бойцом. Очень хорошим.

Но и Дзирт До'Урден тоже.

Темный эльф снизил скорость своих атак, предоставив Атрогейту возможность перехватить инициативу, и вот уже дворф, а не дроу решил воспользоваться своим

преимуществом.

— Ба-ха-ха-ха! — взревел Атрогейт и раскрутил шары, один сверху, другой чуть ниже, так что они были едва видны в воздухе. Казалось, они вот-вот заденут стоящего в защитной стойке дроу.

Дзирт пристально следил за врагом, и его мысль опережала противника на три шага вперед. Он бросился влево, заставляя Атрогейта приготовиться к отражению атаки, воспользовался его реакцией, резко развел мечи в стороны, но по крутой дуге, так что они не только мгновенно вернулись в прежнее положение, но и продолжили движение к плечу низкорослого противника.

Атрогейт — Дзирт в этом не сомневался — был к этому готов. Дворф подтянул шар левой рукой и направил его к правому плечу, чтобы отразить удар.

Но атака была задумана не в этом месте, и Ледяная Смерть стремительно нырнула вниз, уколов Атрогейта в бок. Дворф вскрикнул и отскочил назад, уступив Дзирту три полных шага. Он снова расхохотался, но тотчас поморщился и поднес руку к ребрам. Когда он поднял ладонь, обоим стало ясно, что Дзирт первым пролил кровь.

— Отличная работа! — закричал Атрогейт, но едва успел договорить, поскольку Дзирт, яростно работая мечами, ринулся вперед.

Дзирт держал мечи один над другим, постоянно угрожая ударами сверху вниз и прямыми уколами, и двигался так быстро, что один кистень никак не мог защитить дворфа от обоих клинков, так что Атрогейту приходилось держать оружие под очень неудобным углом, прямо перед своим лицом.

Гримаса дворфа подсказала Дзирту, что его укол в бок возымел большие последствия, чем хотел показать Атрогейт, и что держать руку постоянно вверх ему очень неудобно.

Дроу продолжал непрерывные атаки и укреплял свое преимущество, оттесняя Атрогейта назад, но оба они прекрасно понимали, что один прорыв Дзирта может только уравнять их шансы, а один прорыв дворфа быстро закончит бой.

Но дворф уже не смеялся.

Дзирт наступал все решительнее, он яростно рычал при каждом выпаде и оттеснял дворфа по той самой аллее, по которой пришел сюда, подальше от дворца.

Внезапно боковым зрением он уловил движение справа — маленькая фигурка скатилась с крыши. Без крика, без стога Реджис упал на землю и остался лежать неподвижно.

Атрогейт воспользовался его замешательством. Он резко подтянул один шар, а потом послал его навстречу мечу Дзирта, ударив с такой силой — вдобавок к магическому взрыву, — что дроу пришлось не только стремительно отскочить назад, но и пробежаться по стене, просто чтобы сохранить клинок.

Дзирт взглянул в сторону Реджиса — хафлинг неловко скорчился в идущей вдоль аллеи канаве. Ни криков, ни конвульсий, ни стонов...

Он явно уже не чувствовал боли, и Дзирту показалось, что его дух уже покинул разбитое тело.

А Дзирт даже не мог к нему подойти. Дзирт, который решил вернуться в Лускан, чтобы поддержать Дюдермонта, мог лишь беспомощно смотреть на своего друга.

Говорят, что в море по поведению крыс можно судить о грозящей опасности, и если это верно, то схватка между Робийардом и Арклемом Гритом в трюме «Морской феи» могла сравниться с попаданием шлюпки на спину морского дракона.

Сражавшиеся маги прибегли ко всем видам заклинаний, между ними возникали огонь и лед, метались магические заряды всевозможных цветов и форм. Робийард старался тщательнее нацеливать свои заклинания на Арклема Грита, зато лич после разгрома его обители в Главной Башне был полон ненависти и к самой «Морской фее», и к ее экипажу.

Робийард метал тяжелые магические снаряды и кислотные стрелы, а Грит отвечал разветвленными молниями и огненными шарами, наполняя весь трюм жаркими языками пламени.

Работа Робийарда по защите корпуса при помощи заклинаний, оберегов и разных магических снадобий была выполнена столь же блестяще, сколь и работа любого мага или даже целой команды магов, призванных обеспечить безопасность корабля, но он понимал, что каждый взрыв, устроенный Арклемом Гритом, постепенно истощает запас прочности.

После взрыва очередного огненного шара маленькие язычки пламени, возникающие на деревянной обшивке, горели все дольше. Каждое попадание молнии хоть чуть-чуть, но увеличивало щели между досками, и в них просачивалось все больше воды.

Очень скоро два противоборствующих мага оказались словно в центре бушующего шторма: вода в трюме уже доходила до лодыжек, а «Морская фея» отчаянно вздрагивала от все новых и новых ударов.

Робийард понимал, что ему необходимо выманить Арклема Грита с корабля. Любой ценой он должен перенести этот поединок, чем бы он ни закончился, в какое-то другое место. Он начал читать очень сильное заклинание, а закончив его, бросился на Грита, полагая, что они оба перенесутся на Астральный Уровень, где и закончат этот безумный бой.

Но ничего не произошло, поскольку архимаг заранее установил барьер между измерениями.

Когда Робийард понял, что не летит в другое измерение, как он надеялся, он покачнулся. Едва восстановив равновесие, он невольно вскинул руки, увидев вызванный Гритом кулак, грозивший ему титаническим ударом.

Кулак не смог преодолеть установленную мощную защиту Робийарда, зато отбросил его на другой конец трюма. Чародей сильно ударился о стену, но не почувствовал боли, а легко приземлился на ноги и начал создавать очередную молнию.

Арклем Грит тоже уже читал заклинание и закончил его раньше Робийарда, создав массивную каменную стену, перегородившую трюм.

Молния Робийарда ударила в стену с такой силой, что отколола несколько глыб, но она отразилась и полетела ему в лицо, снова отбросив к стене.

И его защита на этом истощилась. Робийард ощутил боль и услышал шипение собственной молнии. Сердце сильно забилося, а волосы на голове встали дыбом. Кроме того, он понял, что из-за веса созданной Гритом стены «Морская фея» сильно накренилась, а по испуганным крикам сверху догадался, что несколько членов экипажа упали за борт.

Из дальнего конца трюма, позади стены, раздалось довольное хихиканье Арклема Грита, и Робийарду стало ясно, что худшее еще впереди. Архимаг установил стену, выровнял ее относительно бортов, но не закрепил, а вес стены оказался далеко от центра корабля. Когда «Морская фея» накренилась, стена начала съезжать.

Чародей «Морской феи» понял, что не может ее остановить, и тогда всю свою ярость он сосредоточил на ненавистном противнике. Стена опрокинулась, открыв пространство между магами, и Робийард послал мощный разрушительный снаряд.

Арклем Грит так пристально наблюдал за каменной стеной, скользившей к деревянной обшивке и грозившей сокрушить деревянные доски, что не заметил летящего снаряда. Ударная волна отбросила его назад, стукнула о стену, и в этот момент корпус не выдержал, и в пробоину хлынули воды лусканской гавани.

Робийард, преодолевая напор воды, бросился к Арклему Гриту. Между пальцами в воде затрещали магические разряды.

Архимаг тоже не собирался выпускать противника и вцепился в него мертвой хваткой.

Так они держали друг друга, вода затапливала трюм, корабль кренился все сильнее. Через пальцы Робийарда на Арклема Грита одно за другим посыпались заклинания, ослаблявшие защиту лича, но, когда они закончились, как закончились и силы Робийарда, архимаг держал его все так же крепко.

Мертвецу не нужен был воздух для дыхания, а вот Робийард не мог без него обойтись.

Корабль так сильно наклонился, что их обоих вынесло через пробоину в обшивке, и вокруг закружились обломки дерева, мусор и водоросли лусканской гавани.

Робийард почувствовал, как от сильного давления зазвенело в ушах, и понял, что легкие долго не выдержат. Но он не сдавался, решив продолжать бой до конца, чего бы ему это ни стоило. Вид тонущей «Морской феи», его любимого корабля, придавал сил, и он подавил желание вырваться из рук Арклема Грита, а вместо этого попытался продолжить обстрел лича магическими разрядами, хотя в воде каждый такой удар отзывался болью и в его теле.

Казалось, прочитана не одна дюжина заклинаний. Казалось, что легкие вот-вот взорвутся. И еще казалось, что Арклем Грит насмехается над ним.

Но архимаг неожиданно отпустил его, и когда Робийард удивленно взглянул в его лицо, он увидел лицо мертвого человека, а не ожившего лича.

Робийард отпрянул в сторону и оттолкнулся от дна, не желая умирать в руках ненавистного Арклема Грита. Он инстинктивно потянулся к поверхности и увидел, как посветлела наверху вода.

Но он знал, что не успеет подняться.

— «Морская фея»!

Изумленные и испуганные возгласы раздались сразу на многих судах, стоявших на якоре в гавани Лускана. Представшее перед их глазами зрелище казалось невероятным как друзьям, так и врагам капитана Дюдермонта.

Морские волны подхватили корабль и бросили его на прибрежные скалы, так что над темной водой остались только часть кормы и три хорошо различимые мачты.

Такого никто не мог себе даже представить. Крушение «Морской феи» и друзьям, и врагам казалось столь же драматичным событием, как и взрыв Главной Башни, повлекший за собой невообразимые перемены в умах и настроениях людей.

— «Морская фея»! — кричали люди и возбужденно размахивали руками.

Морик Бродяга и Беллани бросились к ограждению «Тройной удачи», чтобы яснее рассмотреть подробности.

— Что мы можем сделать? — нетерпеливо спросил Морик. — Где Мэймун?

Как и все остальные члены экипажа, он прекрасно знал ответ: капитан «Тройной удачи» сошел на берег меньше часа назад.

Кое-кто из моряков бросился к спасательным канатам, кто-то предложил поднять якорь и пойти на помощь тонущим собратьям. Беллани тоже уже собралась прыгнуть в спасательную шлюпку, но Морик, схватив ее за плечо, развернул лицом к себе.

— Сделай так, чтобы я мог летать, — попросил он ее, и Беллани ответила изумленным взглядом. — Дай мне способность летать! — закричал он. — Ты ведь уже делала это раньше!

— Летать?

— Скорее!

Беллани, несмотря на окружавший их хаос, потеряла ладони друг о друга и попыталась, сосредоточившись, вспомнить слова заклинания. Затем она протянула руку и коснулась плеча своего возлюбленного; Морик тотчас вскочил на перила и спрыгнул за борт.

Но он не упал в воду, а полетел над гаванью. Он непрерывно вертел головой, стараясь определить, где его помощь нужнее всего, а потом, опасаясь, что часть экипажа оказалась запертой внутри тонущего корабля, снизился к самой кромке воды.

Вот тогда он и заметил недалеко от поверхности воды быстро погружавшуюся фигуру. Морик приказал себе остановиться, сложил перед собой руки, погрузился в море и крепко ухватил за ворот одеяния чародея.

— Какой блестящий план, — издевательским тоном сказал Кенсидан.

Дюдермонт снова попытался откатиться, и Ворон клюнул его в лоб, опрокинув на спину.

Внезапно дверь в комнату распахнулась.

— Нет! — раздался знакомый им обоим голос. — Оставь его в покое!

— Ты с ума сошел, молодой пират? — каркнул Ворон, оборачиваясь к Мэймуну.

Затем он хлопнул крыльями, не давая Дюдермунту подняться.

Мэймун, не тратя времени на разговоры, поднял сверкающий меч и устремился в атаку. Кенсидан, стараясь не подпустить его к себе, забил крыльями, но ярость Мэймуна не знала границ, и он в полной мере воспользовался преимуществом внезапности. Черные крылья едва не сбили его с ног, но меч Мэймуна упрямо стремился к намеченной цели.

Спустя всего несколько мгновений Мэймун приставил к груди Кенсидана кончик клинка, а когда Ворон попытался клювом отодвинуть оружие, молодой пират просунул лезвие ему в рот.

В такой безвыходной ситуации Кенсидан предпочел прекратить сопротивление.

Разъяренный и запыхавшийся Мэймун замер, чтобы восстановить дыхание.

— Я подарю тебе жизнь, — наконец сказал он, слегка отодвинув меч. — Ты получаешь власть над городом — здесь никто не будет тебе помехой. Но я уйду и заберу с собой капитана Дюдермонта.

Кенсидан скосил глаза на истерзанного и окровавленного Дюдермонта и попытался хихикнуть, но Мэймун лишил его этой возможности, едва шевельнув мечом.

— Ты обеспечишь нам доступ к нашим кораблям и беспрепятственный выход из лусканской гавани.

— Глупец, он уже мертв — или вот-вот умрет! — возразил Ворон, не слишком отчетливо произнося слова из-за холодной стали во рту.

У Мэймуна едва не подогнулись колени. Его мысли мгновенно унеслись в те времена, когда он впервые встретился с капитаном. Тогда он тайно пробрался на «Морскую фею», спасаясь от преследующего его демона. Дюдермонт позволил ему остаться. Команда «Морской феи» простила ему этот проступок, когда он рассказал о своих злоключениях, хотя моряки понимали, что, оставляя Мэймуна, они сами становятся целью могущественного демона и его подручных.

Капитан Дюдермонт ни мгновения не сомневался, когда спасал Мэймуна, а потом принял его под свое крыло и обучил всему, что сам знал о море.

И Мэймун предал его. Хоть он и не мог предусмотреть столь трагической развязки, молодой пират смотрел правде в глаза. Кенсидан заплатил ему, чтобы Мэймун доставил Арабет к «Причуде Квелча». Мэймун сыграл свою роль в падении Лускана и теперь признавал свою вину в том, что капитан Дюдермонт сейчас беспомощно лежал у ног своего врага.

Он резко обернулся к Кенсидану и сильнее надавил на рукоятку меча.

— Ворон, ты дашь мне слово, что я смогу уйти вместе с капитаном Дюдермунтом и «Морской феей».

Черные птичьи глаза вспыхнули ненавистью.

— Ты сознаешь, с кем говоришь, пират? — спросил он решительным и твердым тоном, насколько это позволяло сделать лезвие меча меж зубов. — Лускан теперь принадлежит мне. Я король пиратов.

— А если ты не дашь мне обещания, ты станешь мертвым королем пиратов! — заверил его Мэймун.

Но он едва успел договорить, как Ворон исчез, а на его месте осталась лишь обычная птица. Она легко упорхнула из-под меча качнувшегося Мэймуна, хлопнула крыльями и опустилась на подоконник в противоположном углу комнаты.

Мэймун разочарованно стиснул рукоять меча и повернулся к Ворону, ожидая, что тот

не замедлит ему отомстить.

— Я даю тебе свое слово, — неожиданно заявил Кенсидан.

— Но я ничего не могу предложить тебе взамен, — заметил Мэймун.

Ворон пожал плечами; каким бы несвойственным для птиц ни было это движение, оно совершенно отчетливо передавало его отношение.

— Я кое-что должен Мэймуну, капитану «Тройной удачи», — сказал Кенсидан. — Так что мы просто забудем об этом инциденте, и все.

Мэймун удивленно уставился на птицу.

— И я надеюсь снова увидеть твои паруса в моей гавани, — добавил Кенсидан, уже вылетая из раскрытого окна.

Еще несколько мгновений Мэймун неподвижно смотрел ему вслед, а потом бросился к Дюдермонту и опустил рядом с ним на колени.

После того как Дзирт увидел падение Реджиса, он атаковал очень осторожно, а защищался почти рассеянно. Темный эльф никак не мог сосредоточиться и отвлечься от мысли о лежащем в канаве друге и не мог найти сил, чтобы в полной мере сопротивляться великолепному воину-дворфу.

Но и Атрогейт, возможно считая его поведение хитрой уловкой, в первые моменты возобновленной схватки не слишком нажимал и не спешил воспользоваться представившимся преимуществом.

И это была его ошибка.

Потому что Дзирт, как с ним бывало и раньше, превозмог свои печаль и боль и трансформировал свои чувства в поток направленной ярости. Его мечи замелькали с прежней молниеносной быстротой, и сила ударов значительно возросла. Как и до падения Реджиса, он стал теснить Атрогейта, вынуждая его вертеться во все стороны.

Но дворф уже не успевал за ним и после каждого выпада, после каждого маневра хоть немного, но отступал.

Случись кому-нибудь увидеть их поединок, любой знаток боевого искусства получил бы истинное наслаждение. Противники стремительно кружили друг вокруг друга, а мечи и шары с шипами непрерывно со свистом рассекали воздух. Атрогейт снова ударил в стену, и шипы металлического шара разнесли доски в мелкие щепки. Потом, когда Дзирт отпрыгивал назад, кистень угодил в мостовую около его ног и поднял целое облако пыли и мелких осколков.

В этот момент Дзирт нанес свой второй удар. Сверкающий едва не коснулся щеки дворфа и срезал прядь его огромной бороды.

— Ты поплатишься за это, эльф! — взревел дворф и ринулся вперед.

В стороне послышался стон Реджиса.

Хафлинг жив.

И он нуждается в помощи.

Дзирт развернулся на месте и помчался по аллее, и дворф не отставал от него ни на шаг. Дроу запрыгнул на стену. При этом он отвел назад плечи и прочно поставил ногу, словно намеревался пробежаться вдоль аллеи. Или, как казалось опытному в боях Атрогейту, сделать сальто назад и броситься на противника сверху.

Дворф мгновенно остановился и развернулся.

— Ба-ха! Я знаю этот прием!

Но дроу не стал подпрыгивать вверх и не очутился перед ним. Он только сделал вид, что опирается на стену, и даже не пытался заскочить наверх.

— Я знаю, что он тебе известен! — ответил Дзирт.

За спиной дворфа, словно в предвкушении победы Дзирта, грозно зарычала пантера.

И победа действительно была близка, Дзирт лишь молился, чтобы его помощь Реджису

не оказалась слишком запоздалой. Ледяная Смерть с размаху опустилась на беззащитную голову дворфа, и этот удар должен был расколоть череп Атрогейта на две половины. Но в тот момент, когда клинок коснулся головы дворфа, Дзирт не ощутил никакого удовлетворения, вместо этого он почувствовал, как его покидают жизненные силы.

А дворф как будто и не заметил удара: под мечом не брызнула кровь, и лезвие не отлетело от головы.

Дзирт вспомнил, что уже испытывал это странное ощущение, и в тот раз его удар обошелся без последствий для противника.

И все же он не сразу понял, что происходит, и не смог вовремя определить источник воздействия.

Атрогейт развернулся, и шары стремительно сверкнули. Один из них лишь слегка задел меч Дзирта, но и этого легкого прикосновения оказалось достаточно, чтобы вызвать сильнейший выброс энергии. Дзирта с такой силой бросило о стену, что мечи выпали из рук.

Атрогейт, бешено раскручивая шары, быстро приближался.

Дзирт был беззащитен. Уголком глаза он увидел, как над ним поднимается шар с шипами, облитый взрывчатой жидкостью.

Шар стремительно понесся ему навстречу, и больше Дзирт ничего не успел увидеть.

Эп илог.

Не умирай! Не покидай меня! — кричал Мэймун, приподнимая голову Дюдермонта. — Проклятие! Ты не можешь меня бросить!

Дюдермонт приоткрыл глаза — вернее, один глаз, поскольку второй был залит запекшейся кровью.

— Я проиграл, — сказал он.

Мэймун, молча, обнял его и потрянул головой.

— Я был... глупцом, — бессильно прошептал Дюдермонт.

— Нет! — воскликнул Мэймун. — Нет. Ты пытался. Ты старался для блага людей.

И в тот момент с молодым капитаном Мэймуном произошло что-то странное — то ли он прозрел, то ли на него снизошло откровение. Он говорил с Дюдермонтом, стараясь утешить разбитого и подавленного человека, но эти слова затрагивали и душу самого Мэймуна.

Ведь Дюдермонт и в самом деле пытался улучшить жизнь людей, он бросился на защиту тех, кто долгие годы так или иначе страдал под гнетом власти Арклема Грита и пяти верховных капитанов, думавших только о своей наживе. Он пытался избавить город от Карнавала Воров, освободить от пиратов и искоренить беззаконие, оставлявшее на улицах свой кровавый след.

В этот мучительный и горький момент обвинения в том, что Дюдермонт и сам стремился к власти, что он ничем не лучше других тиранов, показались ему пустым звуком. Мэймун лишился былой самоуверенности, словно все аксиомы, на которых строилась его взрослая жизнь, оказались не такими уж твердыми и ясными, а приверженность Дюдермонта закону была не такой плохой чертой, как ему казалось раньше.

— Ты пытался, капитан, — произнес Мэймун. — Иногда это все, что может сделать каждый из нас.

Рыдания помешали ему закончить фразу, потому что капитан Дюдермонт уже ничего не слышал. Человек, который много лет заменял ему отца, был мертв.

Мэймун, всхлипывая, бережно погладил окровавленное лицо капитана. Он опять вспомнил их первую встречу и давние прекрасные годы, проведенные на борту «Морской феи».

Наконец он осторожно обхватил тело Дюдермонта за плечи, поднял на руки и поднялся.

Мэймун вышел из дворца Сульджака на улицы Лускана, странным образом притихшие, как только по городу разнеслись слухи о гибели капитана.

С гордо поднятой головой, не глядя по сторонам, Мэймун прошел до самого порта и, не

выпуская тело Дюдермонта из рук, терпеливо ждал, пока к берегу подойдет шлюпка с «Тройной удачи», чтобы забрать его на борт.

— Эх, что за удар ты схлопотал! И если у тебя башка болит, как у меня, то худшей боли ты не знал! Ба-ха-ха-ха!

Как ни старался Дзирт скрыться от непонятного ритма болтовни дворфа, этот голос вытащил его из сплошной темноты. Он с трудом открыл глаза и обнаружил, что сидит в отлично обставленной комнате В столовой «Красного дракона», где он не раз обедал и беседовал с капитаном Дюдермонтом.

И дворф Атрогейт, его противник, тоже был здесь, и он спокойно развалился на стуле напротив, а грозное оружие покоилось в чехлах за спиной.

Дзирт никак не мог ничего понять, но потом вспомнил про Реджиса. Он резко выпрямился, окидывая комнату взглядом, и руки сами собой потянулись к рукояткам мечей.

Оружия при нем не было. Дзирт не знал, что и подумать.

Но его замешательство еще больше усилилось, когда в комнату вошли Джарлакс Бэнр и Киммуриэль Облодра.

Хотя, припомнив обстоятельства своего поражения в поединке с Атрогейтом, Дзирт начал понимать, что произошло, тем более что такое же ощущение — псионическую блокировку, когда вся энергия вытягивается из тела, — он уже испытывал в бою против Артемиса Энтрери, где свидетелями были те же двое темных эльфов.

Дзирт помрачнел и откинулся на спинку стула.

— Я мог бы и догадаться, что это ваша работа, — проворчал он.

— Ты про падение Лускана? — уточнил Джарлакс. — Друг мой, ты преувеличиваешь степень нашего участия — или нашей вины. Я не причастен к тому, что происходит вокруг.

Дзирт окинул наемника скептическим взглядом.

— Твои сомнения причиняют мне боль! — воскликнул Джарлакс, сопровождая свои слова тяжелым вздохом.

Но он быстро успокоился, взял стул и подошел к Дзирту. Развернув стул, он уселся верхом, оперся о спинку локтями и заглянул в глаза Дзирта.

— Мы этого не делали, — настаивал он.

— А мой поединок с дворфом?

— В этом случае мы не могли не вмешаться, — признал наемник-дроу. — Я не мог рисковать таким ценным имуществом, как он.

— Да, конечно, ты наверняка одержал бы победу, — добавил он, воспользовавшись тайным наречием дроу.

— Я имею в виду все это, — продолжил Джарлакс, не медля ни секунды. — Это дело не наших рук, а последствие амбиций некоторых людей.

— Верховных капитанов, — предположил Дзирт, хотя еще не до конца поверил Джарлаксу.

— И Дюдермонта, — добавил дроу. — Если бы он не уступил собственным дурацким желаниям...

— Где он? — моментально насторожился Дзирт.

Лицо Джарлакса помрачнело, и Дзирт затаил дыхание.

— Увы, он погиб, — ответил Джарлакс. — И «Морская фея» выброшена на скалы, но большая часть экипажа покинула город на другом корабле.

Дзирт старался сдержаться, но печальное известие о смерти Дюдермонта легло на его плечи колоссальной тяжестью. Он много лет знал этого человека, считал его своим другом, хорошим капитаном и способным лидером.

— И это тоже не моя работа, — заверил его Джарлакс, заставив Дзирта поднять глаза. — Даю тебе слово, в этой смерти не повинен никто из моей команды.

— Ты просто наблюдал со стороны, — обвиняющим тоном произнес Дзирт, и Джарлакс уклончиво пожал плечами.

— Мы собирались... нет, мы намерены способствовать воцарению хаоса, — сказал Джарлакс. — Я не стану отрицать, что хочу извлечь выгоду из сложившейся ситуации и пытался бы это сделать в случае победы Дюдермонта.

— Он отверг бы все твои предложения, — резко бросил Дзирт, и Джарлакс снова пожал плечами.

— Вероятно, — согласился он. — Тогда, наверное, и к лучшему, что он проиграл. Я не определяю исход борьбы, но обязательно постараюсь воспользоваться любым шансом.

Дзирт ничего не ответил.

— Но у меня имеются и положительные качества, — заметил Джарлакс. — В конце концов, ты еще жив.

— Я бы выиграл этот поединок, если бы вы не вмешивались, — напомнил ему Дзирт.

— Этот, возможно, а как насчет сотни других?

Дзирт снова замолчал и сердито смотрел на своего собеседника, пока дверь в комнату не отворилась и на пороге не появился Реджис — весь побитый, но живой и, казалось, благополучно выдержавший тяжелые потрясения.

Робийард стоял у поручней «Тройной удачи» и смотрел на далекие силуэты зданий Лускана.

— Это Морик Бродяга вытащил тебя из морской глубины, — сказал подошедший к нему Мэймун.

— Тогда передай ему, что я не стану его убивать, — ответил Робийард. — Пока.

Мэймун усмехнулся неиссякаемому сарказму сурового мага, хотя и не сумев скрыть своей печали.

— Как ты думаешь, «Морскую фею» еще удастся восстановить? — спросил он.

— Какое мне до этого дело?

Откровенный ответ вызвал замешательство у Мэймуна, но он понимал, что эти слова скорее всего выражали печаль и гнев Робийарда, а не его равнодушие.

— Ладно, если только вам это удастся, я надеюсь, что ты и экипаж посвятите все свои силы отмщению Лускану и будете слишком заняты, чтобы преследовать таких, как я, — заметил молодой пират.

Робийард наконец повернулся к нему и криво усмехнулся.

— Стоит ли сражаться с кучей протухшей рыбы, — сказал он.

Потом они посмотрели друг другу в глаза, разделяя общую печаль.

— Мне тоже его не хватает, — произнес Мэймун.

— Я знаю, мой мальчик, — ответил Робийард.

Мэймун положил ему руку на плечо, а потом отошел, оставив Робийарда наедине с его горем. Чародей гарантировал ему и «Тройной удаче» безопасный переход мимо Глубоководья, и пират не сомневался в его обещании.

Чему он в этот момент не верил, так это собственным чувствам. Смерть Дюдермонта вызвала глубокий отклик в душе Мэймуна, заставила его задуматься, и впервые в жизни он стал сомневаться, так ли прост окружающий мир, каким он виделся в его идеалистических представлениях.

— Лучшего исхода мы и не могли желать, — убеждал Кенсидан собравшихся в «Десяти дубах» верховных капитанов.

Барам и Таэрл с сомнением переглянулись, но Курт, соглашаясь с мнением Ворона,

молча кивнул.

На улицах Лускана впервые после вторжения Дюдермонта и лорда Брамблеберри царило спокойствие. Верховные капитаны удалились в свои вотчины, и неопределенность оставалась лишь в Корабле погибшего Сульджака.

— Город принадлежит нам, — продолжил Кенсидан.

— Да, только половина жителей погибла, и многие просто разбежались, — напомнил Барам.

— Это неудачники и смутьяны, — сказал Кенсидан. — Тех, что остались, мы будем контролировать. Здесь не останется никого, кто не сражался бы для нас, не торговал для нас или как-то иначе не работал бы для нас. Этот город не предназначен для создания семейств. Нет, друзья мои, отныне Лускан будет свободным портом. Настоящим свободным портом. Единственным во всем мире.

— А сможем ли мы уцелеть без городской структуры? — спросил Курт. — И какие нам могут грозить противники?

— Глубоководье? Мирабар? — подхватил Таэрл.

Кенсидан ухмыльнулся:

— Они не станут нам угрожать. Я уже поговорил с дворами и людьми из Мирабара, которые остались здесь в качестве наемников. Я объяснил им преимущества нового устройства города, когда через Лускан без всяких ограничений и вопросов польются потоки самых экзотических товаров. Они заверили меня, что маркграф Эластул пойдет нам навстречу, как уже сделала его дочь Арабет. А от других королевств Серебряных Земель нас отгораживает Мирабар. — Затем он хитро посмотрел на Курта и добавил: — Если уж на то пошло, они тоже поспешат воспользоваться шансом разбогатеть на торговле. — Курт в ответ довольно усмехнулся. — А у Глубоководья нет особых причин на нас нападать. Чего они этим добьются? С какой целью?

— Отомстить за Брамблеберри и Дюдермонта, — ответил Барам.

— Богатые лорды, которые в торговле с нами богатеют еще больше, не станут из-за этого развязывать войну, — сказал Кенсидан. — Все кончено. Арклем Грит и Гильдия Чародеев проиграли. Лорд Брамблеберри и капитан Дюдермонт тоже проиграли. Кое-кто мог бы сказать, что в проигрыше остался и Лускан, и, помня о старом устройстве Города Парусов, я не могу с этим не согласиться.

— Зато новый Лускан, друзья мои и товарищи, всецело принадлежит нам. — Спокойная уверенность Кенсидана, его абсолютное хладнокровие усиливали впечатление от сделанных заявлений. — Непосвященные завистники обвинят нас в беззаконии из-за того, что мы ничуть не беспокоимся об устройстве властных структур. Те, кто нас хорошо знает, позавидуют нашим способностям, потому что мы вчетвером будем получать невообразимые прибыли.

Курт встал и пристально взглянул на Кенсидана. Но только на одно мгновение. Потом его морщины разгладились ради широчайшей улыбки, и Курт поднял бокал с ромом.

— За Город Парусов! — провозгласил он.

Три остальных капитана без колебаний присоединились к его тосту.

А внизу, под Городом Парусов, в глубокой задумчивости сидела, не мигая, Валиндра Тень. Она знала о гибели Арклема Грита, Валиндра не могла этого не почувствовать, потому что в момент кончины ее пронзила боль как от удара настоящим кинжалом. Они — два оживленных лича — были крепко связаны между собой, и Валиндра, как дитя своего недышащего господина, не могла не знать о его кончине.

Наконец она повернула голову, и это было ее первое движение за много-много дней. Там, в глубине полки, в центре древнего черепа разливался свет, и он не был простым отражением магических светильников, расставленных по углам комнаты.

Нет, это сияние исходило от драгоценного камня, от могущественного талисмана. Там заключалась искра жизни, луч оживления Арклема Грита.

Валиндре пришлось сделать колоссальное усилие, так что ее кожа и кости затрещали, но она встала и на негнущихся ногах подошла к черепу. С трудом подняв руку, она опрокинула его и достала амулет. Потом поднесла к глазам и стала напряженно вглядываться, словно надеясь разглядеть внутри камня миниатюрный силуэт архимага.

Но в самом центре камня горела лишь яркая волшебная искра.

Валиндра знала, что это такое. В её руке был дух, источник жизненной энергии Арклема Грита.

Восстановить его и снова превратить в лича или уничтожить, окончательно и бесповоротно?

Валиндра улыбнулась и на несколько мгновений забыла о своем несчастье, увлекшись новыми возможностями.

Он обещал ей бессмертие и, что более важно, обещал ей власть.

Возможно, это все, что ей осталось.

Она смотрела на талисман, на драгоценную тюрьму своего беспомощного повелителя и наслаждалась ощущением власти.

— Здесь все, — заверил его Джарлакс, и Дзирт взглянул на своего соплеменника — впервые с тех пор, как забросил за спину свой походный мешок.

— Если бы я и хотел что-нибудь оставить себе, так это твою кошку, — добавил Джарлакс, поглядывая на Гвенвивар, спокойно вылизывавшую лапу. — Надеюсь, когда-нибудь ты поймешь, что я тебе не враг.

Реджис презрительно фыркнул, несмотря на то, что его лицо покрывали повязки и кровоподтеки.

— Ладно, я же не думал, что ты скатишься с крыши, — заметил Джарлакс. — Но мы должны были тебя усыпить, ради твоего же блага.

— Вы отдали мне не все мои вещи, — огрызнулся Реджис.

Джарлакс, признав его правоту, пожал плечами и вздохнул.

— Почти все, — ответил он. — Достаточно, чтобы ты простил мне мой маленький промах. Кроме того, я возместил потерю драгоценными камнями, которые стоят гораздо дороже, чем твоя безделушка на общественном рынке.

Реджис не мог ничего возразить на это.

— Идите домой, — посоветовал им Джарлакс. — Возвращайтесь к королю Бренору и своим любимым друзьям. Здесь вы больше ничего не можете сделать.

— Лускан мертв, — сказал Дзирт.

— В твоём понятии — да, — согласился Джарлакс. — И не подлежит восстановлению.

Несколько мгновений Дзирт, вспоминая все, что произошло, смотрел на Город Парусов. Потом он повернулся, обнял хафлинга за плечи и, не оглядываясь, зашагал по дороге.

— Может, мы попробуем спасти Длинную Седловину? — предложил Реджис, и Дзирт, рассмеявшись, одобрительно похлопал его по спине.

Джарлакс смотрел им вслед, пока друзья не скрылись за горизонтом. Потом запустил руку в сумку на поясе и достал пропавшую вещь Реджиса: маленькую резную статуэтку из кости, изображавшую Дзирта и его пантеру.

Джарлакс добродушно улыбнулся и, глядя на восток, махнул Дзирту До'Урдену своей шляпой.